

АЛЕКСАНДР БЛОК

Стихотворения. Поэмы. Пьесы

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Александр Александрович
Блок

Стихотворения. Поэмы
Пьесы

Серия основана издательством
ЭКМО в 2002 году

Москва

2008

Книга печатается по следующим изданиям:

Блок А. Собрание сочинений.
В 20 т. Т. 1–3, 5. — М.: Наука, 1997–1999;
Блок А. Собрание сочинений.
В 6 т. Т. 4, 6. — М.: Правда, 1971.

В книге сохранены особенности
авторского стиля и орфографии

Вступительная статья *С. Небольсина*

Разработка серийного оформления
художника *А. Бондаренко*

В оформлении суперобложки
использованы фрагменты
картин *М. Врубеля* и *К. Сомова*

Блок А. А.
Б 70 Стихотворения. Поэмы. Пьесы / Вступ. ст. С. Небольси-
на. — М.: Эксмо, 2008. — 896 с. — (Библиотека Всемирной
Литературы).

ISBN 978-5-699-25446-0

На поэтическом небосклоне России Александр Александрович Блок (1880–1921) воспринимается как крупнейший русский поэт XX века. «Блоку — верьте, это настоящий, волею Божией поэт и человек бесстрашной искренности», — писал о нем М. Горький. Огромная сила дарования Блока, лиризм и проникновенность его поэзии, раздумья о судьбе России трагично и неразрывно слились с его личной судьбой — короткой, драматической, яркой.

В книгу вошли три книги стихотворений, собранных самим поэтом, поэмы, пьесы, а также критические статьи и публицистика.

УДК 82-1
ББК 84(2Рос-Рус)-1

ISBN 978-5-699-25446-0

© Вступительная статья. С. Небольсин, 2008
© ООО «Издательство «Эксмо», 2008

С. Небольсин
Трагический тенор эпохи

7

КНИГА ПЕРВАЯ
(1898–1904)

Ante Lucem (1898–1900)	35
Стихи о Прекрасной Даме (1901–1902)	73
Распутья (1902–1904)	171

КНИГА ВТОРАЯ
(1904–1908)

Пузыри земли (1904–1905)	231
Ночная фиалка. Сон (1906)	247
Разные стихотворения (1904–1908)	259
Город (1904–1908)	333
Снежная маска (1907)	381
Фаина (1906–1908)	411
Вольные мысли (1907)	445

КНИГА ТРЕТЬЯ
(1907–1916)

Страшный мир (1909–1916)	461
Возмездие (1908–1913)	503
Ямбы (1907–1914)	519

Итальянские стихи (1909)	529
Разные стихотворения (1908–1916)	549
Арфы и скрипки (1908–1916)	575
Кармен (1914)	619
Соловьиный сад (1915)	629
Родина (1907–1916)	637
О чем поет ветер (1913)	663

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ (1917–1921),
НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ В ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНИЙ

671

ПЬЕСЫ

Балаганчик	745
Незнакомка	760
Роза и крест	789

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

Народ и интеллигенция	865
О назначении поэта	876
«Без божества, без вдохновенья»	885

ТРАГИЧЕСКИЙ ТЕНОР ЭПОХИ

Сюжет, обозначенный нашим заглавием, учредила Анна Андреевна Ахматова:

Тебе усмехнётся презрительно Блок,
Трагический тенор эпохи.

Сюжет напряженный — уже потому, что все знают: не за каждым поэтеcса признала бы право на подобную улыбку. (Многие иные женщины жаждали любого взгляда, любого слова и любой улыбки Блока.) Известна и напряженность эпохи: между 1905-м и 1917-м. Не много ли для одной гражданской биографии? Не трагично ли, с какой стороны ни взглянуть? Блок это в своей биографии — и гражданской, и частной — вдумчиво соизмерял. Он вроде бы нередко и сознательно жил вне брэнного, вне дольного: ненавижу всяческие «голосования»; никогда не вступлю ни в какую «партию» и т.п.; «ненависть к интеллигенции и прочему, одиночество»; только бы видеть сны, «только бы писать своё». И он же заметил, составляя трехтомник «Стихотворений» в 1918 году (что лежит в основе и нашего нынешнего издания): **пусть будет так, как сложилось — три книжки одинаковой величины; одно хуже, другое лучше; но какое освобождение и какая полнота жизни (насколько доступна она была): путь среди революций...**

И кому только он не мог, либо на таком именно пути, либо, порою, из своего розового терема, презрительно усмехнуться. Одно не до конца ясно: почему именно тенор, если эпоха была на стороне взрывов и землетрясений, если эпоха сама это жадно воспроизводила, приветствуя бряцанье кимвалов и гром барабанов.

* * *

Мы ту эпоху воочию не наблюдали. Эпоха после 1921 года — до шестидесятых годов того же века, — она уже и сама на Блока не хотела особенно часто оглядываться. Но пятидесятилетнюю, и буквально-таки массовую, память по блоковской кончине (1971), ту память, что собрала толпы людей в тогда ещё только-только расчищавшемся от завалов разрухи и забвения «подмосковном сельце Шахматове» (его когда-то купил дед поэта по матери, питерский профессор Бекетов), — вот эту яркую одержимость случившегося мы вполне можем засвидетельствовать.

Взойдите те, кто юн,
На блоковский валун,
И каждым вздохом кожи
Почувствуйте, как дрожь
Охватывает рожь,
И станьте частью дрожи... —

взывал высокий человек в клетчатой пестрой кепке; может, горланил как-то «по-маяковски», и, может быть, только ненадолго заехав в Россию — из Сантьяго де Чили или из города желтого дьявола, но читал великолепно. Читал стихи — весь прямо-таки сам «аржаной» и сильно окая, — Владимир Солоухин в смокинге и при бабочке: что-то своё про избяную Русь, про белогвардейских героев Перекопа и что-то собственно из Блока. Кажется, «Незнакомку»:

В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне...

Снова выходил на дощатый помост Евгений Александрович Евтушенко, он брал слово и от имени Блока же, но как бы и от себя:

Когда под забором в крапиве
Несчастные кости сгниют,
Какой-нибудь поздний историк
Напишет внушительный труд...

Зарыться бы в свежем бурьяне,
Забиться бы сном навсегда.
**Молчите, проклятые книги, —
Я вас не писал никогда!**

И — свидетельствую: сотни людей на поляне перед шахматовским валуном действительно становились частью какой-то дрожи или просто цепенели.

* * *

Ещё позже был памятный 1980 год, осень; строгое столетие со дня рождения. В телефильме «Подвиг души» — не ложно «цветном», а по-блоковски черно-белом — сдержанный голос за кадром читает стихи-сны; они восходят всё к тому же Шахматову, где юноша-поэт был на пороге двадцатого века влюблён.

Приближается звук. И, покорна щемящему звуку,
Молодеет душа.
И во сне прижимаю к губам твою прежнюю руку,
Не дыша.
Снится — снова я мальчик, и снова любовник,
И овраг, и бурьян,
И в бурьяне — колючий шиповник,
И вечерний туман.
Сквозь цветы, и листья, и колючие ветки, я знаю,
Старый дом глянет в сердце мое,
Глянет небо опять, розовея от края до края,
И окошко твое.
Этот голос — он твой, и его непонятному звуку
Жизнь и горе отдам,
Хоть во сне твою прежнюю милую руку
Прижимая к губам.

Тонко сказано о руке — милой, но *прежней*, не нынешней; а ведь любимой и женской? Точно — и о душе, «покорной щемящему звуку». Когда сейчас вместо русски-щемящего радеют о «пронзительном», — это что-то не то.

На секунду чувствуешь, что хочется идти не за сюжетом с «годами рожденья и смерти и ворохом скверных цитат». (Поэт считал, что это всё надо отдать судящим об искусстве «педантам» и «доцентам».) Ведь тут звучат, и как-то плывут и парят, дивные стихи, — и душа медлит, отрешаясь от «сюжета» в раздумьи над прекрасным. Какое ей дело, что милая рука, допустим, отдала себя другому «опрометчиво». Да если и отдала — важна же не «датировка» и не то, кому и что именно было такого-то числа отдано?

Но стихи эти — именно Блока: пускай и с редкостной у него мерой середины, покоя и сдержанности. Даже его плавное — и, как многие думают, пушкинское — «О доблести, о подвигах, о славе...» было резче и жестче: **«твое лицо в его простой оправе своей рукой убрал я со стола»**. (У Пушкина ведь решение совсем другое — «как дай вам бог любимой быть другим».) Правда, неясный издали голос и милая рука — «прежняя» — это, наоборот, скорее того, как обычно у Блока являлась «Она»: то недоступная и блистательно-царственная «Она» благочестивой первой книги «Стихотворений»; то неземная, но уже не совсем недоступная, гостя ресторана из второго тома —

и веют древними поверьями
ее упругие шелка —

а то, ещё позже, и пылкая Кармен, или же по-карменовски гулящая, сочная и роковая Катя в «Двенадцати». (Расстреляна бывшим любовником за «гулянье» с царским солдатом и чуть ли не за нарушение комендантского часа.) Но как по испуганно страстным стихам можно Блока узнать сразу, так и в целомудренном сене видит милую руку именно Блок, а не кто-то другой.

И как-то странно, что все такие стихи оставлены поэтом в плотненьких, почти конторских тетрадях, внесены туда писарски чётким почерком.

В любом случае это его артистичный выбор — выбор чудесного звука, звона, гула, иной раз даже рёва-грохота, чтобы не опасливо или уютно остаться дома, а тронуться в путь: **«и верь душе, и верь звенящей, и верь натянутой струне»**. Это и туман его, блоковский («наша русская дорога, наши русские туманы, наши шелесты в овсе...»). И таково же замечательное — оно у Блока постоянно — обращение душой в юношество и детство. А за туманом — заря, «розовея от края до края»: она и была, и погасла, и явится снова; и убеждение, что рано или поздно надо будет не просто умереть — **надо будет отдать жизнь**, с её очарованьем, с её драгоценным горем.

Так что получается, будто у поэта откуда-то из сердцевины — всегда некое тройное видение: взгляд сразу и назад, и вперед, и в свои сны. Да и само «Приближается звук...» (1912) — это как раз середина, если говорить о прожитых Блоком в литературе годах. Это как раз за девять лет до первой публикации (1903) и девять же лет — до оды «Пушкинскому дому» и до будущих статей «О назначении поэта» и «Без божества, без вдохновенья», до методичного

разрезанья ножницами и сжигания «никому не нужных» записных книжек, до недописанных предсмертных строк «Возмездия».

Всё сбывалось в его судьбе с очевидной знаменательностью: и вечное возвращение к «Ней» (ибо «люблю тебя, Ангел-хранитель во мгле...»), и замороженные шаги навстречу звуку, навстречу движущемуся гулу, какому-то обещанному гулом будущему свету (думал он в августе 1917 года и вскоре после). И уже в самые последние дни — да, поворот именно к «Возмездию», где возникает снова юный герой: это уже не Блок, ибо с равнодушными роковыми стихиями тут борется его наследник; это и не наследник его по крови (такого ни судьба, ни семья ему не дала. Хотя есть, впрочем, и иные мнения), и не ученик по искусству (Блок и тут оказался неповторим). Наследник вымышлен. Но так или иначе, а «может быть», задумывается поэт, юношу будущего ждет лучшее, чем то, что видели, блоковским же словом,

мы, дети страшных лет России.

Жизнь отдана; а у гробового входа — новая младая жизнь. Кто-то назвал Блока незавершенным поэтом. Но Блок успел сказать — как до того же семнадцатого года, так и позже — все, что ему надо было сказать вовремя. Не все услышали — дело другое; и, надеясь опять же на лучшее, Блок незадолго до своего ухода или почти уже

уходя в ночную тьму —

произнес: **«пусть найдутся только руки, которые сумеют наилучшим образом передать продукты моего труда тем, кому они нужны»¹**.

* * *

Не знаю, каждый ли согласится: точное русское слово о **щемящем** звуке — оно гораздо музыкальней, чем ныне модная «пронзительность». У Блока, в его «щемящем», — что-то душевно родное и что-то выстраданное, и, главное, — **выстраданное высоко**, а не просто, или — по-футуристски — «немножко нервно». Не надо быть проповедником страдания как зла, чтобы, подобно ссыльному каторжному Достоевскому, признаться: **для сотворения прекрас-**

¹ Блок А. Собр. соч. в 8-ми т. Т. 6. Л., 1962. С. 7.

ного — страдать надо! страдать! Классик-романист знал и боль-мучение (ложь на этот счет — цинизм); но есть у него зрелость опыта. Страдание этим его опытом — признано. Однако, конечно, страдание зрелое — именно такое качество страдания у не бывавшего ни в каких каторгах Блока и есть, и оно глубже и теплей, чем нечто выспренное и отвлеченное в его же ранних стихах:

Душа молчит. В холодном небе
Все те же звезды ей горят.
Кругом о злате иль о хлебе
Народы шумные кричат.
Она молчит — и внемлет крикам.
И зрит далекие миры...

Душа здесь действительно молчит, пускай и внемлет. Духом, или хотя бы слабым дуновением духа из далеких миров, ее — душу — в судьбе поэта затронуло раньше, чем «чьими-то там заботами о хлебе», которые, как казалось Блоку-студьозусу, якобы поплы и недостойны. «Так он писал темно и вяло», можно было бы иногда сказать о начинающем поэте. И не только о нем: помнится, двух пылких юношей-символистов с их многолетней выпрренной и чуть ли не многотомной перепиской о том, что есть Вечная Женственность, кто-то остроумно назвал, по А.К. Толстому, как раз «студьозусы Вагнер и Кох». Да они такими и были; один таким и остался, умственно и личностно даже не закончив курса, хотя и создал питательный для комментаторов доцентского пошиба интеллектуальный роман «Петербург»¹.

Вспоминается, из той же эпохи, еще и чеховский Тузенбах в «Трех сестрах»: **я из немцев, я никогда нигде не работал — а на нас ведь на всех надвигается великая освежающая гроза — она уже близко — и она сдует с нас равнодушие, лень, непривычку к труду...** Освежающая? (Такое было сказано вблизи черной Цусимы и кровавого 9 января.) Ну, это еще как рассудить. Да и убит оказался Тузенбах, всеобщей грозы не дождавшись, совершенно равнодушною и прозаичною чьей-то рукой, даже рукой полупьяной. Так ли получилось в судьбе Блока? Он скончался в августе 1921-го: гроз прошло, по меньшей мере, три: 1905, 1914, 1917. Образ из классики, однако, всё равно полезен; полезно и всегда мыслить чужими образами, если они полноценны. Да и не прямое ли дело «доцента», если не сказать даже каждого достойного литературо-

¹ Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919. М., 2001.

веда, уметь всякий раз вовремя собраться с чужими мыслями? Кое-что от Чехова перешло и в блоковский мир.

А именно: первая же революция (1905 год), что бы она там ни освежила в обществе-стране — вспомним одну только Думу с её «конституцией куцей», — **на смерть убила в поэте неземного мечтателя с «душою прямо геттингенской»**. И сохранившейся у него с юности тягой в «иное» и далекое через десять лет управляют уже совсем другие размеры.

Да. Так диктует вдохновенье:
Моя свободная мечта
Все льнет туда, где униженье,
Где грязь, и мрак, и нищета.
Туда, туда, смиренной, ниже, —
Оттуда зримей мир иной...
**Ты видел ли детей в Париже,
Иль нищих на мосту зимой?**
На непроглядный ужас жизни
Открой скорей, открой глаза,
Пока великая гроза
Все не смела в твоей отчизне...

Дай гневу правому созреть. Приготовляй к работе руки... И так, действительно ли свободная мечта или диктат неотвратимого? Это вопрос, на который Блок отвечал: **«все лучшее, что я написал, создано мною независимо; то есть зависел я только от несчастного»**¹. А все сметающая гроза — 1917 — уже приближалась.

* * *

Найти «все лучшее» нельзя, не делая отбора. Если Блок делал отбор, от него едва ли должны устраняться и мы. Но как Блок относился даже к самому лучшему? Как он относился к уже, казалось бы, им самим же и отобранному? Он и к нему бывал почти жесток, допуская, что время сделает отбор не просто иной — время сделает отбор даже более строгий, чем учиненный над самим собою суд взыскательного художника.

Вот еще одно, о чем Блок предлагает не раз вспоминать. «На днях я подумал, что стихи писать мне не нужно, я **слишком умею**

¹ Ср.: Блок А. Собр. соч.: в 6-ти т. Т. 6. М., 1971. С. 89.

это делать», — замечает он в 1916 году¹: замечает, наедине с собою совсем не позируя. Ведь не похвастался же он, что умеет писать *слишком хорошо*; он сказал просто «слишком умею» (блоковская строгость к себе); и решительное *не нужно* у него родилось из сначала несколько инертного «всё ненужное» — это последнее Блок, сперва написав именно так, зачеркнул и заменил: характернейше-блоковская твердость в колебаниях. Казалось бы, Блоку ли было так колебаться? Ведь к этому времени были написаны и «Незнакомка» (1906), и «Итальянские стихи» (1909–1910), и «Кармен» (1913–1914), и «Соловьинный сад» (1915). Неужели это предел возможного, его же не преидеши? Многие думали так и ждали от Блока «еще такого же»: с Коломбинами, с «красным розаном на полу», с «Севильями» и «венецьянскими прохладами» и т.п.

Или, если тогда Европу чуть не два года — а мы в 1916-м — потрясает бойня, то «арфы и скрипки» и на самом деле должны поосторониться? Или их надо послушаться и отдаться их зову улететь отсюда «куда-то»?

И скрипки спели: улетим?..

Нет, Блок пишет стихи как раз и об этой войне; и что бы он ни писал, он, как выразился Маяковский, все равно **пишет войною**. Вполне согласно с его собственным словом:

И вечный бой! Покой нам только снится —

он пишет всегда и всё какую-то **вечною войною**. Таково у него и состязание-сосуществование мужчины и женщины:

Перед этой **враждующей встречей**
Никогда я не брошу щита —

(*никогда не откроешь ты плечи... но над нами — хмельная мечта*). Такова и возвращающаяся всё на круги своя история:

Чертя за кругом плавный круг,
Над сонным лугом коршун кружит
И смотрит на пустынный луг.
В избушке мать над сыном тужит.

.....

¹ Уточнено по автографу. Ср.: Блок А. Записные книжки. М., 1965. С. 393. Полное научное издание дневников и записных книжек еще только предстоит (см. *Невольник С. Запрещенный и искаженный Александр Блок // Наш современник. 1991. № 11*).

Идут века, шумит война,
Встаёт мятеж, горят деревни,
А ты всё та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней.
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?

Это как раз и есть 1916 год. И как не задуматься: в такие дни и на **таком** уровне — ибо разве не отечество вы спасаете художественным словом? — и вдруг человек решил замолкнуть. А он — решил, и объяснил решение: «Нужно ещё измениться (или — *чтобы вокруг изменилось*), чтобы вновь получить возможность преодолеть матерьял», завершает он свою дневниковую тираду о том, что стихов больше не надо.

Вспомним теперь, что вдруг если не то все-таки оказалось создано поэтом уже после постановления замкнуть себе уста; после полувоенного призыва куда-то в Полесье, на оборонные работы, после сначала вдохновившей, а потом и удручившей своей казенщиной службы при Временном правительстве — для расследования «противозаконной по должности» деятельности царских сановников, после разгона демократического Учредительного собрания. И нельзя не предположить: искус и изготовка молчанием были не просто честны: они были, очевидно, и нужны.

* * *

С перерывом в почти два года, — то есть уже когда все «вокруг изменилось» весьма и весьма, прогремели блоковские «Двенадцать» — с ошеломительно неожиданным, как и полагается в искусстве, финалом

в белом венчике из роз,

с неожиданной отдачей на суд как раз самого дорогого:

Пальнем-ка пулей
В святую Русь, —

с неожиданной для многих, в стенаниях забубенного Петрухи, «родинкой пунцовой возле правого плеча» и с красным флагом в руках «Исуса Христа».

И идут без имени святого
Все двенадцать — вдале.
Ко всему готовы. Ничего не жаль.

Тревожный вопрос: неужели не жаль-таки **ничего**? А самого по себе святого имени? Тоже неожиданно; народ ведь свят. И все это неожиданное не то чтобы было — но оно казалось, казалось Блоку закономерным. Закономерно испытание неслучайным, раз от него зависишь и ему обязан; закономерна нерушимость высшего —

и за выюгой невидим,
и от пули невредим —

(а кто в 1917 году собрался именно это повредить — или устранить после евангельской Голгофы как бы вторично?); закономерно и то — пусть здесь и «слабость художника», — что он как эпик рисовал чужие («грубые») страсти, улицы, а как лирик отдал на растерзание страсти свои: свои, тонко-грешные страсти человека-артиста.

Да, родинка у плеча падшей и убиенной Катерины в «Двенадцати», удачно опознанная Буниным как декадентское эстетство, — это не вполне Петрухина мука и не вполне Петрухин вкус — особенно с его же простодушным красноречием «при народе»: «Катька», «Катька с Ванькой», Катька в кабаке —

Ах ты Катя, моя Катя,
Толстоморденькая...

Но не вкус ли это Петрухиного пятидесятилетнего разоблачителя? Ибо разве не Бунин вскоре внедрил в рассказ о юношеских опытах студента на старой дореволюционной Пресне разглядывание вместе с читателем чьего-то «нежного, в пупырышках, девического сосца»? (Вспоминается — конечно, с безмерным уже падением вниз — и один нынешний телефильм-детектив: в нём предметом всероссийского внимания и следственного разбирательства стало всё то же родимое пятнышко на груди злодейски убитой девы; по нему «опознают личность».) О нет: что у Блока хотя бы и «ошибочно» — оно все же не безвкусица любого рода. В судьбе сермяжно-простонародных героев «Двенадцати» — пусть мало, пусть не по-шолоховски поэту известных — Блок проверяет, а не «показывает» себя, и уж никак не морочит «аудиторию» и не заигрывает перед её «вкусами» для утверждения безусловной или для проталкивания ложной идеи. Он знал, что от него отшатнут-

ся, что пулю как в «избяное», так в «надвьюжное» в белом венчике из роз наверняка припишут ему самому. Вы утверждали, что оно «невредимо» — но Россию стубили как раз такие, как вы, Александр Блок...¹ Однако будущее — «пусть найдутся только руки...» — ему было важнее, чем любые поношения сегодня.

Поэт уже совершенно нашего времени Евгений Евтушенко удачно очертил блоковскую способность смотреть и видеть: «Поэт — политик поневоле. Он тот, кто руку подал боли, он тот, кто понял голос голи, вложив его в свои уста, и там, где огонь гудит, развихрясь, где стольким видится Антихрист, он видит все-таки Христа». Это написал человек, лично к христианской вере никакого отношения не имеющий. Его словам хотя бы поэтому и стоит довериться. «Когда я напишу «Двенадцать», не подавайте мне руки!» — заметил Евгений Александрович, чувствуя и нравственную высоту лучшего у Блока, и некоторую и межумочность, и низменность его критиков.

Если вам тоже не подают руки, это совсем не обязательно значит, будто и вы «тоже» написали «Двенадцать» или нечто подобное. Это не значит, что вы даже превзошли блоковские «На поле Куликовом», «Двенадцать» и «Возмездие» своей грандиозной поэмой о чем бы то ни было: о «Братской ГЭС» или о «Казанском университете» — с комсомольским воспеванием социал-демократической России и здравицей

за будущих Ульяновых её!

То есть ясно: сравнить себя с Блоком ещё не значит сравняться с ним. Но все-таки: Блоку после «Двенадцати» многие «люди культуры» ведь действительно не подавали руки. О, блоковское одиночество в кругу ранее близких было испытанием по весьма, весьма серьёзному поводу. И это было испытанием не меньшим, чем «труд упорный» за пайки, в новых чисто советских учреждениях — лекции, заседания, издания, переводы, редактур, — чему немало сил отдал в последние годы человек, дело которого было издавна так просто: писать прекрасные стихи. А оно, как мы помнили, не сводилось к простому умению. Конечно, умение ценил и Блок. Недаром свою почти предсмертную речь

¹ Блоковскому образу «кондовой, избяной, толстозадой» страны предшествует одна из «Русских сказок» А.М. Горького (лето 1917 г.), где Русь изображена как толстая и неумная баба Матрена. У Горького этот образ содержит полемику с гютчевским «умом Россию не понять». — См.: Горький А.М. Полн. собр. соч. в 25-ти т. М.: Наука, 1971. Т. 12. С. 234.

«О назначении поэта», направленную против «общественной бюрократии» (против сей злобной, невидимой и только от этого уже будто бы и не существующей цензуры мнений и нравов), направленную и против надлитературного наркоматовского чиновничества, — эту речь он закончил словами об очень важном в писании стихов как-то прагматично-позитивистски: все-таки «**надо уметь это делать**». Однако и чисто ремесленные стороны «умения» блестяще разоблачены им же в статье «Без божества, без вдохновенья». Кто когда-то казнил за гладкий профессионализм самого себя, тот имел право судить и других. Блоковский приговор-суд акмеистам-делателям до сих пор выдерживает любое обжалование.

Все это — послеоктябрьский Блок: и страдалец-«мастер», и непреклонный судья голого или сухого мастерства.

* * *

Путь поэтических мечтаний и даже блужданий Блока: через темноту и через **необходимый** (думалось ему) «болотистый лес» — всегда как-то сразу к двум точкам: и к зрелости, и, для проверки, к юности тоже, ибо оттуда, казалось, свет ему был виднее всего.

Поиски света не нужны там, где он изначально дается даром (или Богом); не нужны такие поиски и тем, кто света никогда из виду и не терял. И в самом Блоке, как он точно подсказал, дитя добра и света надо искать — за «угрюмством» и иногда леденящим холодом. Учитывая, что возможна чрезмерная замороженность публики и науки наличием у художника «исканий», пожалеем иных поэтов и поэтесс. Ведь у многих из них, кроме «вечных исканий», ничего более весомого и нет. Художественный поиск писателя N... Художественные искания писательницы NN... Блок — определеннее и честнее. Искание для него — отказ от заблуждений, блужданий и даже иной раз блуда, а не воспроизводство их в гордой свободе «вечно искать» и «не подлежать никакому суду».

Живя в больном, лихорадочном мире — как самому не пребывать в лихорадке? — спрашивал он. — **Но и в конвульсиях надо знать: лихорадка — это болезнь, и болезнь должна пройти.**

Блок не хвастался духовным здоровьем:

И была роковая отрада

В попираньи заветных святынь;

И было все равно, какие

Ласкать плеча, лобзать уста —

полное ли это духовное здоровье (да даже и физическое)? Между тем немалое число людей шло тогда вслед не за блоковской здравостью, а за блоковскими обольстительными недугами.

Вот казачий офицер Листницкий в «Тихом Доне». На кратком отдыхе от боев с красной нечистью, на интимной прогулке с вдовой своего фронтового соратника Горчаковой («тургеневская женщина» — рекомендовал ее когда-то сам муж своему другу), этот родовитый и интеллигентный белоказак вкрадчиво читает даме стихи:

И, странной близостью закованный,

Смотрю за темную вуаль,

И вижу берег очарованный

И очарованную даль...

Любопытно: он читает ей не про «утро туманное, утро седое», не про «обильные, страстные речи», а ту же блоковскую «Незнакомку». И «тургеневская женщина» млеет и сдается.

Их пути потом, естественно, разошлись. Вдова Горчакова, теперь жена уже Листницкому, где-то на юге, при отступлении белых, изменила ему; она не поняла героя, и тот застрелился.

Такой конец был предписан другой, не блоковской, России, после 1917 года уже решительно непонятной и враждебной поэту. Мстительная к добру, она подчас мстила лично и прицельно именно Блоку. Он же писал тогда «Интеллигенцию и революцию», он с презрением и даже ужасом говорил о новых русских денди, опять стоящих и выше политики, и выше, как они думали, даже просто морали. Он маялся под игом своих новых притеснителей-столоначальников: **Марксистские генералы и генеральши Строганов, Лаврушкина, Опсоватская и их подголосок, женщина тяжелого поведения Бубарева, опять, как это было в 1915 году, учат меня издавать классиков и даже себя самого. Они вламываются в мою собственную высшую математику поэтической грамотности и правдивости. Им, грамотным лишь с 1861 года, не нравится моя буква «О» в слове «желтый». О, академики из секретарей, редакторы-доценты...** Хотя «крушение гуманизма» в пользу ярости масс, мораль также отмечающих, он вполне одобрял. Задаешься вопросом: а не будь расплывчатого несколько, в силу иностранности, слова «гуманизм» — тогда что бы

сказал Блок о крушении **человечности**? Нет, поэт, конечно, говорил о другом — об искусстве самодовлеющих и самодовольных «личностей» и «индивидов», чему пришел, как ему казалось, конец. За что тут Блоку пенять? И все же надо честно согласиться: какие-то шаги к своему крушению Россия господ-офицеров и даже патриотов — Голицыных, Оболенских и Листницких — не без изящества сделала с блоковским же словом «тонкого индивида» на устах.

Возможны обстоятельства, которые и аристократическую истому заставят казаться верхом подлинности. Скажем, в сравнении с вульгарностью и ложью имитаций под аристократизм. Но какая разница даже между той, вроде бы подлинной, томностью Блока-«декадента» — и простым, мужественным лицом поэта на фотографиях его военных (1916-1917) или октябрьских лет!

* * *

Много сил тратилось издавна на то, чтобы памятный рассказ о встрече двух современников — рассказ из поэмы Маяковского «Хорошо!» — непременно «оспорить»:

Кругом тонула Россия Блока.
Незнакомки, дымки севера
Шли на дно, как идут обломки
И жестянки консервов...

Говорили, например, что эта ночная встреча в послеоктябрьском Петрограде была «совсем не такой», что сложилась «совсем не так» судьба блоковской, а именно сожженной, «библиотеки в усадьбе» и т.д. и т.п. Но в рассказе Маяковского, главаря горланов, все равно есть правда, которую невозможно опровергнуть. Такой гибели, включая мученический конец шахматовской библиотеки, Блок сказал именно «хорошо»; он ее — трудно найти лучшее слово — решительно приветствовал, хотя об этом же по ночам и плакал.

С болью же он говорил своё «хорошо» потому, что к гибнущему готов был принадлежать и сам. В блоковской «Незнакомке» обычный любитель стихов и завсегдатай ресторана («я знаю: истина в вине»), конечно, не мог расслышать одного, чисто блоковского: истина не есть просто «вино» — истина есть «вина», и пото-

му, если быть честным, это еще и готовность к самонаказанию и самопожертвованию¹.

1917 год, август. «Едва моя невеста стала моей женой, лиловые миры первой революции захватили нас и вовлекли в водоворот. Я первый, как **давно тайно хотевший гибели**, вовлекся в серый пурпур, серебряные звезды, перламутры и аметисты метели... За миновавшей вьюгой открылась железная пустота дня, продолжавшего, однако, грозить новой вьюгой, таить в себе обещания ее. Теперь — опять налетевший шквал (цвета и запаха еще определить не могу)². Можно не воспринимать историю на ее цвет и запах, как стихию и зланный мир кулис одновременно. Но заметно: для Блока вместе переживать бурю — это и значило по-настоящему любить; «грозить» — значило поэтому «обещать»; буря — это гибель, но поскольку есть любовь — то есть и надежда. И чтобы не оболгать погибшего поэта и его, что называется, «музыку революции», решимся добавить еще кое-что. Тайно и давно желаемая гибель — даже и она сама по себе для него надежда, потому что «за грехи своя» Блок погибнуть именно хотел: он считал себя вполне заслужившим гибель, хотя одновременно стоящим — тою же душою или лучшим ее составом — и выше таких заслуг.

Пушай я умру под забором, как пёс...
Я верю: то бог меня снегом занес,
То буря меня целовала!

Пес, буря, снег и бог из 1908 года («Поэты») приходят в 1918-й. Гибнет еще не сам Блок; но хорей, знакомый по пушкинским «Бесам», он в концовке «Двенадцати» говорит о важном. «**У меня непроизвольно появляются хорей** (значит, может быть, погибнуть)», — вдруг признался он, говоря это как раз теми же хорейми, в одной из своих творческих тайн как раз в эпоху Октября³. Спрашивается, зачем же пренебрегать тем, что Блок сам подтвердил откровенно? И ведь подтвердил не «прессе», а опять дневнику?

У него и дневнику порой можно твердо верить, как надо верить стихам, если они — настоящие. «Ахматова пишет как бы перед мужчиной, а нужно — как бы перед богом», — заметил он⁴. Да,

1 О разграничении и слиянии смыслов «вино — вина» в «Незнакомке» см.: Русская литература и ее зарубежные критики. М.: Художественная литература. 1974. С. 328.

2 Блок А. Собр. соч. в 8-ми т. Т. 7. С. 300-301.

3 Там же. Т. 7. С. 428-429 (запись за 4 марта 1919 г.).

4 Суждение Блока об Ахматовой передала Е.Ю. Кузьмина-Караваева, будущая «мать Мария» в своих воспоминаниях середины 30-х гг. (см.: Александр Блок в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература. 1980. Т. 2. С. 66).

любое «как бы» уже безусловно. Да, выше «как бы» Блок отнюдь не всегда и сам поднимался. Да, человеком совсем без «как бы» он не был. И все же его достоверность незаурядна. В достоверной готовности погибнуть от бури, которая хотя бы без «Девы» и без «любви», хотя бы одной только властной карающей силой, а все-таки даст душе глоток «счастья», — в этом незаурядное благородство Блока. Много ли кто из сильно бедокуривших до Октября — в своем «уют», в гордыне, в «службе святыням», в «презрении к ним, пошлым» и прочее, — много ли кто признался даже себе самому, что он и сам кару заслужил, и немалую? Блок же не солгал, когда писал «как бы для бога» хорей, гибельно оттеняющие финал «Двенадцати». (Вы помните по школе, что такое хорей.)

Какое отношение к честным мукам Блока имеют юродствующие заверения, что любознательные русские селяне шахматовскую библиотеку барина в 1918 году просто «взяли почитать»? Что вот только «почитают и вернут»? Заверять в этом — все равно что юродствовать наоборот, то есть уже «антисоветски»: например, осквернять личную смертную муку Есенина либо Маяковского выкладками о том, что их наверняка убили злодеи-чекисты.

* * *

Сугубо «сурьезному идейно», советскому времени была известна склонность не задерживаться на разговорах насчет блоковского «тайного **желания гибели**», насчет «возможной скорой **гибели**», насчет **снежно-гибельного** дыхания хорев «Двенадцати». Зачем, мол, преувеличивать? А с другой стороны, зачем, мол, также ещё и преуменьшать? (Своего рода снова педагогическая диалектика. А то вдруг люди подумают, что относиться к происходящему так всегда и надо — то есть относиться обреченно-пораженчески. Допущение странное: ведь если нам не придется заново пережить случившегося когда-то, то и бояться поражения нечего. Например, вы же не видели **торговцев в храме, бесчинствующих детей в Париже или нищих на мосту зимой?** И такого вам увидеть никогда не придется?) Ведь наступила эпоха устойчивого развития? Но все-таки умом пережить — полезно, даже если бы мы сами такого и не видели, так не думали и «ничего такого» вразрез с правдой не делали. Допустим, вы бы не стали стреляться ни с кем, попав в положение Пушкина. Но вы же не будете отрицать, что Пушкин стрелялся, что он стрелялся, защищая достоинство жены, и даже

Родиной, что он погиб совсем безвинно? И что сама его гибель благородно достойна? Нет, вы не Пушкин; но мыслить по-пушкински и вам не излишне. А что до Блока, то он и сам про себя считал: согласно предписаниям с высоких скрижалей, любое невыносимое истязание будет поделом и ему.

* * *

Из этого блоковского взгляда сделаем же хоть скупологические выводы: за вами есть прегрешения, хотя бы и весьма мелкие? Вы в глубине души считаете хотя бы некоторые эти свои грехи артистичными? Тогда вы думаете о себе почти по-блоковски.

Так жили поэты. Читатель и друг!
Ты думаешь, может быть хуже
Твоих ежедневных бессильных потуг,
Твоей обывательской лужи?

Но не успокаивайте себя чересчур: если вы ввиду артистичности своих грехов и пороков полагаете, что ни на каком «том свете» вам «никакого там возмездия» не будет, то вы мыслите вразрез с Блоком.

Блок был на стороне силы, способной судить его самого. Музыка, которую сквозь всю бурю (или сквозь всю ту более раннюю суету) слышал и которую запечатлевал, как слышал, Блок, — такая. И она, конечно, покрупнее и позвучней, чем любой будто бы непритязательный и будто бы ужасно стговорчивый с людьми — о цене ли речь, — но на деле претендующий порою очень, очень на многое «надежды маленький оркестрик». (Он, кстати, самым метким образом определен в «Вишневом саде»¹. Но что там сад; вам сыграют и на продаже мнимо родного Арбата. Вот только были бы, знаете, «друг другу комплименты», удостоверяющие, что вы интеллигентны и изящны.)

«Как хорошо, что мы не услышим больше *никогда* этих оркестров», — сказал как-то Блок в гражданскую войну, проходя вместе с Корнеем Ивановичем Чуковским мимо заключенного ресторана с разбитыми стеклами: на нем чудом уцелело старое объявление «ежедневно играет румынский оркестр».

1 Чехов пишет о подобном оркестрике во втором и третьем действиях «Вишневого сада».

Усадьбы безнадежно канули в прошлое, а рестораны в 1921 году, доконавшем таки шахматовско-петербургского мечтателя, который охотно принял и терпел военный нищенский коммунизм, расфуфыренно возвращались. Горьким смехом моим посмеюся, бросил бы, по Гоголю, и Блок (но не успел и в том же году умер: «тут ему Бог позавидовал, жизнь оборвалася»); горьким смехом смеялся примерно над тем же и Булгаков (его прочесть должным образом не успевали или не хотели). Заклеймив Христа — повторимся, такого нежного, такого революционно-коммунистического и в таком чистейшем

венчике из роз, —

все эти мелодии, тревоги и ужасы «Двенадцати» глушила и теснила эпоха оркестриков: эпоха Массолитов, эпоха крайне веселых «ребят», двенадцати артистично воруемых стульев и — как кто-то метко выразился об этом — **смеха неозабоченных людей.**

Вы любите Блока? Вы сами мечтаете о той единственной, гражданской? Можно смотреть на нее и по Шолохову (Блок, тот находил в ней только резню и скуку). Но если вы любите именно Блока, то поверьте хоть ему, что никаких «оркестриков» ни классикой, ни даже несчастными «социаль-демократами» — задумано не было. Более того, классике «оркестрики» и их звуки были *ненавистны* — даже классике декаданса:

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух...

Какой ведь право, хоть и декадентский, хоть и наобум пальцем в небо, всё-таки пушкинизм («я не люблю весны... вонь, грязь, весной я болен... суровою зимой я более доволен...»). И Блок, быть может, и не замечая своей верности Пушкину, продолжает:

Над озером гремят ключины
И раздается женский визг...

Ресторанчики, оркестрики, русский женский визг. Не смей, красавица, при мне! Это хуже, чем мастеровитый визг цыганщины («В ресторане») — цыганщина изначально визглива, она взвизгивающе-натурная и натуральная:

А монисто брэнчало, цыганка плясала
И визжала заре о любви... —

это лучше, чем и мужской песенный визг, уже вполне знакомый человечеству в позднем двадцатом и раннем двадцать первом веке. Но лучше Блока (1906) об этом до сих пор никто не сказал.

* * *

Части современных литературоведов свойственно болезненное убеждение, что «все сопоставимо со всем» и что все «сопоставимое» с Пушкиным является у любого писателя наилучшим. Едва ли тем не менее наилучшее в послеоктябрьском Блоке — его «Скифы», хотя бы их кто-то и сопоставлял с пушкинским «Клеветникам России». Конечно, Блок и здесь «революционен»; но манифест его как-то воспаленно высок по тону, а главное, поэт словно забыл про разумное пушкинское наставление: «**мы не скифы**». Утверждая, в отповеди вечно неприязненному к России Западу, обратное (да, мы скифы и азиаты!), Блок едва ли оправданно следует логике «назло тятке уши отморожу»¹. Может быть, неполный пушкинизм налицо и в другом блоковском обращении с отповедью и даже с угрозой — в обращении к неприятной особе противоположного пола, хотя бы и визгливой:

Подойди. Подползи. Я ударю —
И, как кошка, оцеришься ты.

Однако... Однако сама по себе область вдохновений нашего поэта — Блок и женщина, блоковское чутье на женщину, блоковская любовь-ненависть к женщине, блоковская очарованность женщиной и обольщение женщины, и даже властно-жадная блоковская охота на женщину... о, эта область науки и искусства страсти нежной — она есть область высшего блоковского дара. И тут Блок-мастер выше Онегина, хотя и идет за ним.

Ты подойдешь. Сожмешь мне крепко руку.
Ты скажешь: «Брось! Ты возбуждаешь смех...»
Но я пойму — по голосу, по звуку,
Что ты меня боишься больше всех.

¹ См. о блоковско-пушкинской теме «скифства»: Небольсин С. Пушкин и европейская традиция. М., 1999. С. 85–143.

Это раннее, очень раннее, и это — тончайшее чутьё. А вот зреле «В ресторане» — где «я послал тебе черную розу в бокале золотого, как небо, Аи»:

Наклонясь к кавалеру, намеренно резко
Ты сказала: «И этот влюблен»...

Но на самом деле — *но была ты со мной всем презрением юным, чуть дрожащим та-та-та руки. И сквозь стекла зеркал ты мне кольца бросала и, бросая, кричала: «Лови!»*. Не искусство ли это соблазна, не художество ли? Да и обыденно-дневниковые записки изобилуют у Блока похожей поэзией, пускай и в прозе.

1909, 25 января.

Кто я — она не знает. Когда я говорил ей о страсти и смерти, она сначала громко хохотала, а потом глубоко задумалась. Женским умом и чувством, в сущности, она уже поверила всему, поверит и остальному, если бы я захотел. Моя система — превращения плоских профессионалок на три часа в женщин страстных и нежных — опять торжествует...

Не то же ли самое 13 июня 1917, в самом преддверии катастрофических бурь гражданского порядка:

Увядаящая брюнетка в трамвае. Мы изучали друг друга. Под конец по лицу ее пробежало то самое, чего я ждал и что я часто вызывал у женщин: воспоминание, бремя томлений, приближение страсти, связанность (обручальное кольцо). Она очень устала от этого душевного движения. Я распахнул перед ней дверь, и она побежала в серую ночь. Вероятно, она долго не оглянется.

Опять набегает запредельная страсть, ужас желания жить. У нее очень много видевшие руки: она показала и ладонь, но я, впивая форму и цвет, не успел прочесть этой страницы. Её продолговатые ногти зелены без маникюра. Загар, смуглота, желающие руки. В бровях, надломленных, — невозможность.

То есть Блок зовёт её: «улетим» — а женщина бескрыла, хотя и жаждет. Это вроде бы далеко по времени от нежного «Мой любимый, мой князь, мой жених», где Блок тоже говорит о самом себе, но устами «светлой невесты»:

Ты сомнешь меня в полном цвету
Белогрудым усталым конем —

однако женщина вообще, или женщина декаданса в её отношении к Блоку, здесь везде, конечно, постигнута как-то одинаково. Ну, конечно, постигнута не пушкинская Татьяна, не неприступная вдова Одинцова из Тургенева; и даже не Мапа с Ириной из чеховских «Трех сестер». Но скажите, читательница-женщина: разве вы не постигнуты в этих стихах? Постигнуты не хуже, чем у Бодлера в его «К прохожей», с поэзией невозможности:

O toi, que j'eusse aimer!
O toi, qui le savais! —

о ты, которую я мог бы полюбить! о ты, кто это знала! Этому Блок близок, и он артистически совершенен как в дневнике, так и в бытовых поведках. Волей-неволей подумаешь: так проникновенно понимать женщину — кто он, сам Блок? И кажется, что в подобных сценах и зарисовках артист совсем невольно проговаривается и о чем-то весьма пикантном: оно было ему свойственно — в какой-то декадентской потенции — оно было ему как-то и в мужских стихах стилистически несомненно присуще; и оно не многими оказалось разгадано и лишь некоторыми было обозначено как догадка.

Мы не придаем абсолютного значения случаю. Например, в таком же трамвае или где-то ещё на питерской улице докучливый и отвратительный случайный встречный мешанско-розановского склада задал однажды Блоку вопрос: а вы кто — вы **мушцина** или переодетая женщина? (Так — **мушцина** — записано у Блока.) Поэт назвал эту встречу **гадкой**. Ладно; но не проницательнейший ли Иннокентий Анненский сказал о сомовском — и именно о декадентски окрасившем лицо поэта — портрете Блока примерно то же:

Под беломраморным обличьем андрогина
Он стал бы радостью, но чьих-то новых грёз.
Стихи его горят — на солнце георгина, —
Горят, но пламенем невыстраданных слез.

И не Блока разве описал Алексей Толстой в «Хождении по мукам» как подозрительно-нежного, подозрительно-сладостного, белогрудого и хищного декадента-поэта-лирика под именем Бессонов?

Нет никаких оснований соглашаться с тем, что есть только домысел психологического свойства, что есть только субъективная разгадка усложнённости блоковской палитры, а вовсе не какой-то

«диагноз». И совсем нельзя согласиться с Анненским насчет якобы *невыстраданных* у Блока слез. Можно, далее, возводить к чисто бытовому случаю и ахматовский образ трагического тенора. (Ведь первым это слово употребил сам поэт. Когда Анна Андреевна сказала ему как-то за кулисами, что боится читать свои стихи после него, Блок заметил: «А.А., мы же не тенора». Если поэтесса ответила много позже именно на это — ответ колок. Но Революция как Дева, за которой поэт всё следует и следует как за смело оголенной, с выпелом свободы на картине Делакруа («Деве-революции», 1906); но Русь как «жена моя» («На поле Куликовом», 1908) — вечно влекущая, вечно оставляемая, вечно сама ускользающая; но Христос «Двенадцати», в котором Блок нарисовал, по Пришвину, отчасти самого себя и которого сам же назвал потом ненавистным «женственным призраком»?..

Что-то... оперное; и если Ахматова оценивает всё это — оценка не колка, а точна.

* * *

Мы начали свой рассказ с того, как сдержанный голос за кадром телевизионного фильма читал шахматовские стихи-сны. Это был не голос самого поэта, а только стилистически удачное, с должным вкусом исполнение.

Голос Блока-чтеца сохранился, на каких-то допотопных валиках начала двадцатых годов: он был более глухой и тихий. Поэт в юности увлекался любительской сценой, вместе с Любовью Менделеевой, его музой и будущей женой, играл в домашних спектаклях — например, они были Гамлет и Офелия, — но при выступлениях со своими стихами не сотрясал публику, как это умели делать Маяковский и Есенин, а подавал даже «страстное» отрешенно-спокойно и даже несколько монотонно. Он овладевал слушателями просто за счёт сугубой сосредоточенности и какой-то «внутренности» своей декламации. (Если не сказать снова, что и стихи Блока сами по себе были настолько певучи и изумительны, настолько щемящи — и уж ладно, сдадимся, даже настолько *произвольны*, хотя и совершенно не визгливы, — что для власти над людьми не требовали никакой особой актерствующей инструментки. Покорял и блоковский облик безупречного джентльмена — и даже денди, но без пошлого внешнего артистизма и манерничанья, в духе какого-нибудь «Игорь-Северянина» в клетчатой кеп-

ке.) Что-то весьма личное и совершенно своё было и в аккуратном почерке Блока; мы читали в подлиннике его дневники и письма, видели тетради его стихов в питерском «Пушкинском Доме». Походя, в связи с этой каллиграфией и прочим подобным, вспоминается замечание одного из блоковских знакомых, Княжнина-Ивойлова: поэт сам хорошо знал, где в нём кончается русский и начинается пунктуальный немец... Сохранились и детские опусы Блока, в домашних рукописных «изданиях». Они тоже — то русские, то романтично германские; но в целом очень светлы и простодушны, трагизмов и надломов будущего певца-страдальца в них не ощущаешь. Или ощущаешь?

Не знаю, не знаю. То, что взрослый Блок написал «для маленьких» — например, его

Ветхая избушка
Вся в снегу стоит.
Бабушка-старушка
Из окна глядит —

взято прямо из собственного блоковского светлого детства. *Завтра выльют чай, глянут из окна, а уж дом растаял, на дворе весна...* Это почти как у Ивана Сурикова: «Вот моя деревня, вот мой дом родной...», хотя деревню Блок знал, по шахматовскому Подмосквовью, только в качестве сугубо летнего дачника. (Просто деревенскую, глухую и свежую Русь он увидел разве что в Полесье — состоя при инженерной оборонческой дружине. Есть у него в дневнике об этом чудесная запись-воспоминание¹.) В ранней же романтической юности он, бывало, и рыцарствовал — рыцарствовал «в нордическом духе», тоже как-то нащупывая или проявляя в себе иную, и особую, часть самого же себя. Приведем одну его

1 Запись за 6 сентября 1917 г.: «По вечерам иногда (как сегодня) на меня находят эти грубые, сильные, тяжелые и здоровые воспоминания о дружине — об этих русских людях, о лошадях, попойках, песнях, рабочих, пышной осени, жестокой зиме, балалайках, гитарах, сестрах, граммофонах, обжорстве, гатях, выпке, полянах за фольварком Лопатино, белом пароходе, который хрустальным утром ползет среди рощи, дубах, соснах, ольхах, Пинске вдали, наших позиций (нами вырытых), ветре, колбасе, висящей на ясном закате, буре поднимающейся в душе страсти (вдруг), томлении тоски и скуки, деревьях, соломённых шестах, столовой Земсоюза, Бобрике, князе, Погосте, даях, скачках через канавы, колокольнях, канонаде, грязном бараке, избе Лемешевских, саперах, больших и малых траверсах, девках, спирте, бобах с капустой, узкоколейке, мостах — все, все. Хорошо!» (Блок. А. Собр. соч. в 6-ти т. М., 1971. С. 317; предлагаемое некоторыми текстологами прочтение «бабы с капустой», вместо «бобы с капустой» — недостоверно).

композицию — из рукописного журнальчика «Вестник» (Блоку пятнадцать лет, это август 1895 года).

Ни одно собрание сочинений поэта этих его строк ещё не включало. А хоть как-то, но к позднему Блоку и они выводятся.

«Великолепно Адриатическое море, в своей величественной тишине, когда его волны омывают берег. На берегу вышашается красивый город Венеция. Вот плывет большая триэра: весла поднимаются медленно, плеск воды едва слышен. Пурпуровый флаг неподвижно висит на мачте. Подул ветер; посинело море и покрылось белой пеной; и из этой белой пены выплывает морская царица. Она махнула рукой, и ураган налетел. Триэра покачнулась; большая волна погребла под собой триэру.

Улыбнулась морская царица и опустилась на дно: человек не победит моря.

.....
Прошли века: все так же величественно Эгейское море. Греческая Византия превратилась в Турецкий Константинополь. Вдоль Золотого Рога плывут галеры. Их крутые бока смело режут воду. На мачтах блестят полумесяцы.

Море потемнело, и налетел ветер. Из воды показалась морская царица. Она махнула рукой, и ураган засвистел в снастях галер. Улыбнулась морская царица и спустилась на дно: человек не победит моря.

.....
По Северному морю неслись льдины и сталкивались с грохотом. Море кипело. Высокие волны ходили по нему. И вот вдали показалась черная точка. Она приближается. Это корабль: он борется с бурей. Его стройный корпус дрожит от напора волн.

Морская царица выплывает; стая буревестников кружится над пеной. С севера мчится туча с вихрем и ураганом. Вот она налетела; волны бросают корабль; он то летит вверх, то скрывается в пучине.

.....
Буря стихла. Туча пролетела, но не сломила корабль. Сияющее солнце озаряет его палубу, и он мчится навстречу новым бурям, весь покрытый блестящими брызгами. А море катит темные волны и колышет морскую царицу, и солнце играет на ее золотой короне...

Морская царица наклонила голову и грустно задумалась...»¹.

Вы заметили: такая нордика — а у Блока помянуто именно Северное море — это некий варяжский героизм; это, говоря несколько по-доцентски, становление темы «человек и стихия», пусть ещё наивно-декламаторское: будет буря, мы поспорим, и поборемся мы с ней — как это было ещё у Языкова в «Нелюдимо наше море», у Языкова как студента остзейского Дерптского университета.

Совсем иные тона — в более ранней и уж совершенно детской и простодушно русской сказочке мальчика Блока — ещё даже, кажется, и не школьника:

«Ночь была темная и война была большая. Много ружей сабель штыков рапир сикир пистолетов револьверов и барабанов просовывались через тьму. На конце поля битвы стояла избушка...»

И сразу же после — жутко «смешной» конец, а именно: **«...Вдруг огромная бомба разорвала избушку»**². Вот и вся история.

Впрочем, история чего? Какой страны? Это вам не «снежный дом растаял». Так что насчет смешного — еще как сказать; особенно зная Блока позднего, с его ужасами жизни и великими грозами его собственного, его пережитого вместе с историей опыта. Особенно — добавим, зная весь опыт России блоковского и послеблоковского времени.

Невиданные перемены, неслыханные мятежи; и вечный бой. И снова вслед за Блоком повторяешь: *идут века, шумит война, встает мятеж, горят деревни, а ты все та же, моя страна, в красе заплаканной и древней...*

Доколе матери тужить?

Если бы этот вопрос от читателя двадцать первого столетия обратиться к самому Блоку, он бы, наверное, напрочь отводя все педагогично-менторские оговорки, спокойно произнес: не ждите от меня политически корректного суждения. Я ведь никогда не вступал и не вступлю ни в какую партию, никогда не погрязну в Маркизовой луже политики. Я и в «Двенадцати»-то ничего не «воспевал»; «волею судьбы — не своею слабой силой — я художник,

1 Впервые опубликовано Натальей Дардыкиной в 1973 г. (газета «Московский комсомолец» за 6 июля).

2 См.: Blok A. Selected poems. Oxford, 1972. С. 58, 190.

то есть свидетель». И на вопрос «доколе» он бы, наверное, ответил: так моей стране написано на роду, так будет всегда. Поэтому смиришь, гордый человек, повторил бы он классически русские, пушкинско-достоевские вроде бы слова — без фальцета Достоевского, но при этом как раз и не без рыцарственной гордости, и, может быть, даже не без некоторой презрительности.

Однако тогда вы скажете: но ведь это же противоречит блоковскому ожиданию будущего юноши-триумфатора? Блоковскому чаянию добра и света?

В какой-то мере да: в той мере, что не собственно классическое искусство всегда полно неизбежных противоречий. Непонимание этого тоже заслуживало у Блока презрительной усмешки. А также и в той мере, в какой **по-настоящему серьезные вопросы всегда высоко-неразрешимы**; ну, хотя бы в земном плане. Разрешите хотя бы вопрос «он и она»...

Чувствуя всё это чисто артистически, Блок всегда и стремился куда-то воздушно — может быть, несколько оперно — «улететь», и звал с собою.

Итак: если это опера и тенор — то где же та полнота жизни и то освобождение, о которых мы говорили в начале? Как раз в искусстве и тайне страдания, общественности и любви, как их понимал Блок.

С. Небольсин

КНИГА ПЕРВАЯ

(1898-1904)

ANTE LUCEM

(1898-1900)

С.-Петербург - с. Шахматово

* * *

Пусть светит месяц — ночь темна.
Пусть жизнь приносит людям счастье, —
В моей душе любви весна
Не сменит бурного ненастья.
Ночь распростерлась надо мной
И отвечает мертвым взглядом
На тусклый взор души больной,
Облитой острым, сладким ядом.
И тщетно, страсти затая,
В холодной мгле передрагоценной
Среди толпы блуждаю я
С одной лишь думою заветной:
Пусть светит месяц — ночь темна.
Пусть жизнь приносит людям счастье, —
В моей душе любви весна
Не сменит бурного ненастья.

Январь 1898. С.-Петербург

* * *

Н. Гуму

Ты много жил, я больше пел...
Ты испытал и жизнь и горе,

Ко мне незримый дух слетел,
Открывший полных звуков море...

Твоя душа уже в цепях;
Ее коснулись вихрь и бури,
Моя — вольна: так тонкий прах
По ветру носится в лазури.

Мой друг, я чувствую давно,
Что скоро жизнь меня коснется...
Но сердце в землю снесено
И никогда не встрепенется!

Когда устанем на пути,
И нас покроет смрад туманный,
Ты отдохнуть ко мне приди,
А я — к тебе, мой друг желанный!

Весна 1898

* * *

Полный месяц встал над лугом
Неизменным дивным кругом,
Светит и молчит.
Бледный, бледный луг цветущий,
Мрак ночной, по нем ползущий,
Отдыхает, спит.
Жутко выйти на дорогу:
Непонятная тревога
Под луной царит.
Хоть и знаешь — утром рано
Солнце выйдет из тумана,
Поле озарит,
И тогда пройдешь тропинкой,
Где под каждою былинкой
Жизнь кипит.

Июля 1898. С. Шахматово

Моей матери

Друг, посмотри, как в равнине небесной
Дымные тучки плывут под луной,
Видишь, прорезал эфир бестелесный
Свет ее бледный, бездушный, пустой?

Полно смотреть в это звездное море,
Полно стремиться к холодной луне!
Мало ли счастья в житейском просторе?
Мало ли жару в сердечном огне?

Месяц холодный тебе не ответит
Звезд отдаленных достигнуть нет сил...
Холод могильный везде тебя встретит
В дальней стране безотрадных светил...

Июль 1898

* * *

Она молода и прекрасна была
И чистой мадонной осталась,
Как зеркало речки спокойной, светла.
Как сердце мое разрывалось!..

Она беззаботна, как синяя даль,
Как лебедь уснувший, казалась;
Кто знает, быть может, была и печаль...
Как сердце мое разрывалось!..

Когда же мне пела она про любовь,
То песня в душе отзывалась,
Но страсти не ведала пылкая кровь...
Как сердце мое разрывалось!..

27 июля 1898

* * *

*Там один и был цветок,
Ароматный, несравненный...*
Жуковский

Я стремлюсь к роскошной воле,
Мчусь к прекрасной стороне,
Где в широком чистом поле
Хорошо, как в чудном сне.
Там цветут и клевер пышный,
И невинный василек,
Вечно шелест легкий слышно:
Колос клонит... Путь далек!
Есть одно лишь в океане,
Клонит лишь одно траву...
Ты не видишь там, в тумане,
Я увидел — и сорву!

7 августа 1898

* * *

Усталый от дневных блужданий,
Уйду порой от суеты
Вспомнить язвы тех страданий,
Встревожить прежние мечты...

Когда б я мог дохнуть ей в душу
Весенним счастьем в зимний день!
О нет, зачем, зачем разрушу
Ее младенческую лень?

Довольно мне нестись душою
К ее небесным высотам,
Где счастье брезжит нам порою,
Но предназначено не нам.

30 октября 1898

* * *

Есть в дикой роще, у оврага,
Зеленый холм. Там вечно тень.
Вокруг — ручья живая влага
Журчаньем нагоняет лень.
Цветы и травы покрывают
Зеленый холм, и никогда
Сюда лучи не проникают,
Лишь тихо катится вода.
Любовники, таясь, не станут
Заглядывать в прохладный мрак.
Сказать, зачем цветы не вянут,
Зачем источник не иссяк? —
Там, там, глубоко, под корнями
Лежат страдания мои,
Питая вечными слезами,
Офелия, цветы твои!

3 ноября 1898

* * *

Мне снилось, что ты умерла.
Гейне

Мне снилась смерть любимого созданья:
Высоко, весь в цветах, угрюмый гроб стоял,
Толпа теснилась вокруг, и речи состраданья
Мне каждый так участливо шептал.
А я смотрел вокруг без думы, без участия,
Встречая свысока желавших мне помочь;
Я чувствовал вверху незыблемое счастье,
Вокруг себя — безжалостную ночь.
Я всех благодарил за слово утешенья
И руки жал, и пела мысль в крови:
«Блаженный, вечный дух унес твоё мученье!
Блажен утративший создание любви!»

10 ноября 1898

* * *

К.М.С.

Луна проснулась. Город шумный
Гремит вдали и льет огни,
Здесь всё так тихо, там безумно,
Там всё звенит, — а мы одни...
Но если б пламень этой встречи
Был пламень вечный и святой,
Не так лились бы наши речи,
Не так звучал бы голос твой!
Ужель живут еще страданья,
И счастье может унести?
*В час равнодушного свиданья
Мы вспомним грустное прости...¹*

14 декабря 1898

* * *

Мне снилась снова ты, в цветах, на шумной сцене,
Безумная, как страсть, спокойная, как сон,
А я, повергнутый, склонял свои колени
И думал: «Счастье там, я снова покорен!»
Но ты, Офелия, смотрела на Гамлета
Без счастья, без любви, богиня красоты,
А розы сыпались на бедного поэта
И с розами лились, лились его мечты...
Ты умерла, вся в розовом сиянии,
С цветами на груди, с цветами на кудрях,
А я стоял в твоём благоухании,
С цветами на груди, на голове, в руках...

23 декабря 1898

¹ Стихи Полонского. (Прим. Блока.)

* * *

Окрай небес — звезда омега,
Весь в искрах Сириус цветной.
Над головой — немая Вега
Из царства сумрака и снега
Оледенела над землей.

Так ты, холодная богиня,
Над вечно пламенной душой
Царишь и властвуешь поныне,
Как та холодная святыня
Над вечно пламенной звездой!

27 января 1899

* * *

Милый друг! Ты юною душою
Так чиста!
Спи пока! Душа моя с тобою,
Красота!
Ты проснешься, будет ночь и вьюга
Холодна.
Ты тогда с душой надежной друга
Не одна.
Пусть вокруг зима и ветер воет —
Я с тобой!
Друг тебя от зимних бурь укроет
Всей душой!

8 февраля 1899

Песня Офелии

Разлучаясь с девою милой,
Друг, ты клялся мне любить!

Уезжая в край постылый,
Клятву данную хранить!..

Там, за Данией счастливой,
Берега твои во мгле...
Вал сердитый, говорливый
Моет слезы на скале...

Милый воин не вернется,
Весь одетый в серебро...
В гробе тяжело всколыхнется
Бант и черное перо...

8 февраля 1899

* * *

*К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы.*

Лермонтов

Когда толпа вокруг кумирам рукоплещет,
Свергает одного, другого создает,
И для меня, слепого, где-то блещет
Святой огонь и младости восход!
К нему стремлюсь болезненной душою,
Стремлюсь и рвусь, насколько хватит сил.
Но, видно, я тяжелою тоскою
Корабль надежды потопил!
Затянут в бездну гибели сердечной,
Я — равнодушный серый нелюдим...
Толпа кричит — я хладен бесконечно,
Толпа зовет — я нем и недвижим.

23 февраля 1899

Гамаюн, птица вещая

(Картина В. Васнецова)

На глазах бесконечных вод,
Закатом в пурпур облеченных,
Она вещает и поет,
Не в силах крыл поднять смятенных.
Вещает иго злых татар,
Вещает казней ряд кровавых,
И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых...
Предвечным ужасом объят,
Прекрасный лик горит любовью,
Но вещей правдою звучат
Уста, запекшиеся кровью!..

23 февраля 1899

* * *

Я шел к блаженству. Путь блестел
Росы вечерней красным светом,
А в сердце, замирая, пел
Далекий голос песнь рассвета.
Рассвета песнь, когда заря
Стремилась гаснуть, звезды рдели,
И неба вышние моря
Вечерним пурпуром горели!..
Душа горела, голос пел,
В вечерний час звуча рассветом.
Я шел к блаженству. Путь блестел
Росы вечерней красным светом.

18 мая 1899

* * *

Сама судьба мне завещала
С благоговением святым
Светить в преддверьи Идеала
Туманным факелом моим.
И только вечер — до Благого
Стремлюсь моим земным умом,
И полный страха неземного
Горю Поэзии огнем.

26 мая 1899

* * *

Я стар душой. Какой-то жребий черный —
Мой долгий путь.
Тяжелый сон, проклятый и упорный, —
Мне душит грудь.
Так мало лет, так много дум ужасных!
Тяжел недуг..
Спаси меня от призраков неясных,
Безвестный друг!
Мне друг один — в сыром ночном тумане
Дорога вдаль.
Там нет жилья — как в темном океане —
Одна печаль.
Я стар душой. Какой-то жребий черный —
Мой долгий путь.
Тяжелый сон — проклятый и упорный —
Мне душит грудь.

<6 июля 1899>

* * *

Не проливай горючих слез
Над кратковременной могилой.

Пройдут часы видений, грез,
Вернусь опять в объятия милой.
Не сожалей! Твоим страстям
Готов любовью я ответить,
Но я нашел чистейший храм,
Какого в жизни мне не встретить.
Не призывай! Мирская власть
Не в силах дух сковать поэта.
Во мне — неведомая страсть
Живым огнем небес согрета.
Тебя покину. Скоро вновь
Вернусь к тебе еще блаженней
И обновлю мою любовь
Любовью ярче и нетленней.

8 июля 1899

* * *

Зачем, зачем во мрак небытия
Меня влекут судьбы удары?
Ужели всё, и даже жизнь моя —
Одни мгновенья долгой кары?
Я жить хочу, хоть здесь и счастья нет,
И нечем сердцу веселиться,
Но всё вперед влечет какой-то свет,
И будто им могу светиться!
Пусть призрак он, желанный свет вдали!
Пускай надежды все напрасны!
Но там, — далёко суетной земли,
Его лучи горят прекрасно!

29 июля 1899

* * *

Дышит утро в окошко твое,
Вдохновенное сердце мое,

Пролетают забытые сны,
Воскресают виденья весны,
И на розовом облаке грез
В вышине чью-то душу пронес
Молодой, народившийся бог..
Покидай же тлетворный чертог,
Улетай в бесконечную высь,
За крылатым виденьем гонись.
Утро знает стремленье твое,
Вдохновенное сердце мое!

5 августа 1899

* * *

К. М. С.

Помнишь ли город тревожный,
Синюю дымку вдали?
Этой дорогою ложной
Молча с тобою мы шли..
Шли мы — луна поднималась
Выше из темных оград,
Ложной дорога казалась —
Я не вернулся назад.
Наша любовь обманулась,
Или стезя увлекла —
Только во мне шевельнулась
Синяя города мгла..
Помнишь ли город тревожный.
Синюю дымку вдали?
Этой дорогою ложной
Мы безрассудно пошли...

23 августа 1899

* * *

Город спит, окутан мглою,
Чуть мерцают фонари..
Там, далеко за Невой,
Вижу отблески зари.

В этом дальнем отраженьи,
В этих отблесках огня
Притаилось пробужденье
Дней тоскливых для меня.

23 августа 1899

Неведомому Богу

Не ты ли душу оживишь?
Не ты ли ей откроешь тайны?
Не ты ли песни окрылишь,
Что так безумны, так случайны...

О, верь! Я жизнь тебе отдам,
Когда несчастному поэту
Откроешь двери в новый храм,
Укажешь путь из мрака к свету!..

Не ты ли в дальнюю страну,
В страну неведомую ныне,
Введешь меня — я вдаль взгляну
И вскрикну: «Бог! Конец пустыне!»

22 сентября 1899

* * *

Не легли еще тени вечерние,
А луна уж блестит на воде.

Всё туманнее, всё суевернее
На душе и на сердце — везде...
Суеверье рождает желания,
И в туманном и чистом везде
Чует сердце блаженство свидания,
Бледный месяц блестит на воде...
Кто-то шепчет, поет и любит, —
Я дыханье мое затаил, —
В этом блеске великое чутся,
Но великое я пережил...
И теперь лишь, как тени вечерние
Начинают ложиться смелей,
Возникают на миг суевернее
Вдохновенья обманутых дней...

5 октября 1899

Servus — Reginae¹

Не призывай. И без призыва
Приду во храм.
Склонюсь главою молчаливо
К твоим ногам.

И буду слушать приказанья
И робко ждать.
Ловить мгновенные свиданья
И вновь желать.

Твоих страстей повержен силой,
Под игом слаб.
Порой — слуга; порою — милый;
И вечно — раб.

14 октября 1899

1 Раб — Царице (лат.).

Моей матери

Спустилась мгла, туманами чревата.
Ночь зимняя тускла и сердцу не чужда.
Объемлет сирый дух бессилие труда,
Тоскующий покой, какая-то утрата.

Как уследишь ты, чем душа больна,
И, милый друг, чем уврачуешь раны?
Ни ты, ни я сквозь зимние туманы
Не можем зреть, зачем тоска сильна.

И нашим ли умам поверить, что когда-то
За чей-то грех на нас наложен гнет?
И сам покой тосклив, и нас к земле гнетет
Бессильный труд, безвестная утрата?

22 ноября 1899

* * *

Пока спокойною стопою
Иду, и мыслю, и пою,
Смеюсь над жалкою толпою
И вздохов ей не отдаю.
Пока душа еще согрета,
И рок велит в себе беречь
И дар незаблемый поэта,
И сцены выпретенную речь...

28 ноября 1899

Dolor ante Lucem¹

Каждый вечер, лишь только погаснет заря,
Я прощаюсь, желанием смерти горя,

1 Предрассветная тоска (лат.).

И опять, на рассвете холодного дня,
Жизнь охватит меня и измучит меня!

Я прощаюсь и с добрым, прощаюсь и с злым,
И надежда и ужас разлуки с земным,
А наутро встречаюсь с землею опять,
Чтобы зло проклинать, о добре тосковать!..

Боже, Боже, исполненный власти и сил,
Неужели же всем Ты так жить положил,
Чтобы смертный, исполненный утренних грез,
О Тебе тосковать без отдыха нес?..

3 декабря 1899

* * *

Медлительной чредой нисходит день осенний,
Медлительно кружится желтый лист,
И день прозрачно свеж, и воздух дивно чист —
Душа не избежит невидимого тленья.

Так, каждый день старается она,
И каждый год, как желтый лист кружится,
Всё кажется, и помнится, и мнится,
Что осень прошлых лет была не так грустна.

5 января 1900

* * *

Ярким солнцем, синей далью
В летний полдень любоваться —
Непонятною печалью
Дали солнечной терзаться...

Кто поймет, измерит оком,
Что за этой синей далью?

Лишь мечтанье о далеком
С непонятною печалью...

17 февраля 1900

* * *

Восходишь ты, что строгий день
Перед задумчивой природой.
В твоих чертах ложится тень
Лесной неволи и свободы.

Твой день и ясен и велик,
И озарен каким-то светом,
Но в этом свете каждый миг
Идут виденья — без ответа.

Никто не тронет твой покой
И не нарушит строгой тени.
И ты сольешься со звездой
В пути к обители видений.

25 февраля 1900

* * *

Лениво и тяжело плывут облака
По синему зною небес.
Дорога моя тяжела, далека,
В недвижимом томлении лес.

Мой конь утомился, храпит подо мной,
Когда-то родимый приют?..
А там, далеко, из-за чащи лесной
Какую-то песню поют.

И кажется: если бы голос молчал,
Мне было бы трудно дышать,

И конь бы, храпя, на дороге упал,
И я бы не мог доскакать!

Лениво и тяжело плывут облака,
И лес истомленный вокруг.
Дорога моя тяжела, далека,
Но песня — мой спутник и друг.

27 февраля 1900

* * *

Шли мы стезею лазурною,
Только расстались давно...
В ночь непроглядную, бурную
Вдруг распахнулось окно...
Ты ли, виденье неясное?
Сердце остыло едва...
Чую дыхание страстное,
Прежние слышу слова.
Ветер уносит стенания,
Слезы мешает с дождем...
Хочешь обнять на прощание?
Прошлое вспомнить вдвоем?
Мимо, виденье лазурное!
Сердце сжимает тоской
В ночь непроглядную, бурную
Ветер, да образ былой!

28 февраля 1900

* * *

Разверзлось утреннее око,
Сиянье льется без конца.
Мой дух летит туда, к Востоку,
Навстречу помыслам Творца.

Когда я день молитвой встречу
На светлой утренней черте, —
Новорожденному навстречу
Пойду в духовной чистоте.
И после странствия земного
В лучах вечернего огня
Душе легко вернуться снова
К молитве завтрашнего дня.

14 марта 1900

* * *

Я шел во тьме дождливой ночи
И в старом доме, у окна,
Узнал задумчивые очи
Моей тоски. — В слезах, одна
Она смотрела в даль сырую.
Я любовался без конца,
Как будто молодость былую
Узнал в чертах ее лица.
Она взглянула. Сердце сжало...
Огонь погас — и рассвело
Сырое утро застучалось
В ее забытое стекло.

15 марта 1900

* * *

Сегодня в ночь одной тропею
Тенями грустными прошли
Определенные судьбою
Для разных полюсов земли.

И разошлись в часы рассвета,
И каждый молча сохранял

Другому чуждого завета
Отвека розный идеал...

В тених сплетенные случайно
С листьями чуждые листы —
Все за лучом стремятся тайно
Принять привычные черты.

19 марта 1900

* * *

Поэт в изгнаныи и в сомненьи
На перепутьи двух дорог.
Ночные гаснут впечатленья,
Восход и бледен и далек.

Всё нет в прошедшем указанья,
Чего желать, куда идти?
И он в сомненьи и в изгнаныи
Остановился на пути.

Но уж в очах горят надежды,
Едва доступные уму,
Что день проснется, вскроет вежды,
И даль привидится ему.

31 марта 1900

* * *

Хоть всё по-прежнему *певец*
Далеких жизни песен странных
Несет лирический венец
В стихах безвестных и туманных, —
Но к цели близится *поэт*,
Стремится, истиной влекомый,

И вдруг провидит новый свет
За далью, прежде незнакомой...

5 апреля 1900

* * *

Теряет берег очертанья.
Плыви, челнок!
Плыви вперед без содроганья —
Мой сон глубок.
Его покоя не нарушит
Громада волн,
Когда со стоном вниз обрушит
На утлый челн.
В тумане чистом и глубоком,
Челнок, плыви.
Всё о бессмертья в сне далеком
Мечты мои.

1 мая 1900

* * *

Звезда полночная скатилась
И не оставила следа...
Окно бесшумно растворилось...
Прости, крылатая мечта!
Ты здесь еще, но ты растаешь.
К моим сомненьям на пути,
Пока ты ночь в себя вдыхаешь,
Я буду всё твердить: прости...
Я буду верить: не растает
До утра нежный облик твой:
То некий Ангел расстиляет
Ночные перлы предо мной.

16 мая 1900

* * *

Прошедших дней немеркнущим сияньем
Душа, как прежде, вся озарена.
Но осень ранняя, задумчиво грустна,
Овеяла меня тоскующим дыханьем.
Близка разлука. Ночь темна.
А все звучит вдали, как в те молодые дни:
Мои грехи в твоих святых молитвах,
Офелия, о нимфа, помяни.
И полнится душа тревожно и напрасно
Воспоминая дальным и прекрасным.

28 мая 1900

* * *

Не призывай и не сули
Душе былого вдохновенья.
Я — одинокий сын земли,
Ты — лучезарное виденье.

Земля пустынна, ночь бледна,
Недвижно лунное сиянье,
В звездах — немая тишина —
Обитель страха и молчанья.

Я знаю твой победный лик,
Призывный голос слышу ясно,
Душе понятен твой язык,
Но ты зовешь меня напрасно.

Земля пустынна, ночь бледна,
Не жди былого обаянья,
В моей душе отражена
Обитель страха и молчанья.

1 июня 1900

* * *

В часы вечернего тумана
Слетает в вихре и огне
Крылатый ангел от страниц Корана
На душу мертвенную мне.

Ум полон томного бессилья,
Душа летит, летит..
Вокруг шумят бесчисленные крылья,
И песня тайная звенит.

3 июня 1900

* * *

На небе зарево. Глухая ночь мертва.
Толпится вокруг меня лесных деревьев громада,
Но явственно доносится молва
Далекого, неведомого града.

Ты различишь домов тяжелый ряд,
И башни, и зубцы бойниц его суровых,
И темные сады за камнями оград,
И стены гордые твердынь многовековых.

Так явственно из глубины веков
Пытливый ум готовит к возрождению
Забывтый гул погибших городов
И бытия возвратное движенье.

10 июня 1900

* * *

Не доверяй своих дорог
Толпе ласкателей несметной:

Они сломают твой чертог,
Погасят жертвенник заветный.

Все, духом сильные, — одни
Толпы нестройной убегают,
Одни на холмах жгут огни,
Завесы мрака разрывают.

25 июля 1900

* * *

Увижу я, как будет погибать
Вселенная, моя отчизна.
Я буду одиноко ликовать
Над бытия ужасной тризной.

Пусть одинок, но радостен мой век,
В уничтожение влюбленный.
Да, я, как ни один великий человек,
Свидетель гибели вселенной.

26 июля 1900

* * *

Погибло всё. Палящее светило
По-прежнему вершит годов круговорот.
Под холмами тоскливая могила
О прежнем бытии прекрасном вопиет.
И черной ночью белый призрак ждет
Других теней безмолвно и уныло.

Ты обретешь, белеющая тень,
Толпы других, утративших былое.
Минует ночь, проснется долгий день —
Опять взойдет в своем палящем зное

Светило дня, светило огневое
И будет жечь тоскующую сень.

2 июля 1900

* * *

То отголосок юных дней
В душе проснулся, замирая,
И в блеске утренних лучей,
Казалось, ночь была немая.

То сон предутренный сошел,
И дух, на грани пробужденья,
Воспрянул, вскрикнул и обрел
Давно мелькнувшее виденье.

То был безжалостный порыв
Бессмертных мыслей вне сомнений.
И он умчался, пробудив
Толпы забытых откровений.

То бесконечность пронесла
Над падшим духом ураганы.
То Вечно-Юная прошла
В неозаренные туманы

29 июля 1900

* * *

Последний пурпур догорал,
Последний ветер вздохнул глубоко,
Разверзлись тучи, месяц встал,
Звучала песня издалёка.

Все упования юных лет
Восстали ярче и чудесней,

Но скорбью полнилась в ответ
Душа, истерзанная песней.

То старый бог блеснул вдали,
И над зловещею зарницей
Взлетели к югу журавли
Протяжно плачущей станицей.

4 августа 1900

* * *

Не утоленная кровавыми струями,
Безмолвствует земля.
Иду вперед поспешными шагами,
Ищу от жертв свободные поля.

Но, как в темнице узник заключенный,
Ищу напрасно: кровь и мрак!
Лишь там, в черте зари окровавленной —
Таинственный, еще невнятный знак.

14 августа 1900

”Аурафа дбуцата”¹

Я видел мрак дневной и свет ночной.
Я видел ужас вечного сомненья.
И Господа с растерзанной душой
В дыму безверья и смятенья.

То был рассвет великого рожденья,
Когда миров нечисленный хаос
Исчезнул в бесконечности мученья. —
И всё таинственно роптало и неслось.

1 Неписанные догматы (греч.).

Тяжелый огонь окутал мирозданье,
И гром остановил стремящие создания.
Немая грань внедрилась до конца.

Из мрака вышел разум мудреца,
И в горней высоте — без страха и усилья —
Мерцающих идей ему разыграли крылья.

22 августа 1900

* * *

Твой образ чудится невольно
Среди знакомых пошлых лиц.
Порой легко, порою больно
Перед Тобой не падать ниц.

В моем забвеньи без печали
Я не могу забыть порой,
Как неутешно тосковали
Мои созвездья над Тобой.

Ты не жила в моем волненьи,
Но в том родном для нас краю
И в одиноком поклоненьи
Познал я истинность Твою.

22 сентября 1900

* * *

Ночь грозой бушевала, и молний огни
Озаряли гряду отдаленных холмов;
Только утром я поднял безжизненный труп
И зарыл под холмами, у края земли.

День прошел молчалив и таинственно свеж.
Ввечеру подошла непроглядная тьма,

И у края земли, над холмами вдали
Я услышал безжизненный голос тоски.

Я пытался разбить заколдованный круг,
Перейти за черту оглушающей тьмы,
Но наутро я сам задохнулся вдали,
Беспокойно простертый у края земли.

24 сентября 1900

* * *

Курятся алтари, дымят паникадила
Детей земли.
Богиня жизни, тайное светило —
Вдали.
Поют торжественно; победно славословят
Немую твердь.
И дланями пустынный воздух ловят,
Приемля смерть.
Неуловимая, она не между нами
И вне земли.
А мы, зовущие победными словами, —
В пыли.

29 сентября 1900

* * *

Ты была у окна,
И чиста и нежна,
Ты царила над шумной толпой.
Я стоял позабыт
И толпою сокрыт
В поклоненьи любви пред тобой.

Мне казалось тогда,
Что теперь и всегда

Ты без мысли смотрела вперед.
А внизу у окна,
Как морская волна,
Пред тобой кольхался народ.

Поклоненьем горда,
Ты казалась всегда
Одинокой и властной мечтой.
И никто не слышал,
Как твой голос звучал, —
Ты в молчаньи владела толпой.

Я стоял позабыт
И толпою сокрыт,
Ты без мысли смотрела вперед,
И чиста и нежна;
А внизу, у окна,
Вкруг меня волновался народ.

12 октября 1900

* * *

Поклонник эллинов — я лиру забывал,
Когда мой путь ты словом преграждала.
Я пред тобой о счастье вздыхал,
И ты презрительно молчала.

И я горел душой, а ты была темна.
И я, в страданьи безответном,
Я мнил: когда-нибудь единая струна
На зов откликнется приветно.

Но ты в молчании прошла передо мной,
И, как тогда, одним напомнимьем
Ты рвешь теперь и мучаешь порой
Мои эллинские призванья.

12 октября 1900

* * *

Я знаю, смерть близка. И ты
Уже меня не презришь ныне.
Ты снизойдешь из чистоты
К моей тоскующей кончине.

Но мне любовь твоя темна,
Твои признанья необычны.
Найдешь ли в сердце имена
Словам и ласкам непривычным?

Что, если ты найдешь слова,
И буду в позднем умиленьи
Я, умирающий едва,
Взывать о новом воскресеньи?

15 октября 1900

* * *

Пора вернуться к прежней битве,
Воскресни дух, а плоть усни!
Сменим стояньем на молитве
Все эти счастливые дни!

Но сохраним в душе глубоко
Все эти радостные дни:
И ласки девы черноокой,
И ramпы светлые огни!

22 октября 1900

* * *

Отрекись от любимых творений,
От людей и общений в миру,

Отрекись от мирских вожделений,
Думай день и молись ввечеру.

Если дух твой горит беспокойно,
Отгоняй вдохновения прочь.
Лишь единая мудрость достойна
Перейти в неизбежную ночь.

На земле не узнаешь награды.
Духом ясный пред божьим лицом,
Догорай, покидая лампаду,
Одиноким и верным огнем.

1 ноября 1900

* * *

Измучен бурей вдохновенья,
Весь опален земным огнем,
С холодной жаждой искупленья
Стучался я в господний дом.
Язычник стал христианином
И, весь израненный, спешил
Повергнуть ниц перед единым
Остаток оскудевших сил.
Стучусь в преддверьи идеала,
Ответа нет... а там, вдали,
Манит, мелькает покрывало
Едва покинутой земли...
Господь не внял моей молитве,
Но чую — силы страстных дней
Дохнули раненому в битве,
Вновь разлились в душе моей.
Мне непонятно счастье рая,
Грядущий мрак, могильный мир.
Назад! Язычница младая
Зовет на дружественный пир!

8 ноября 1900

* * *

В те целомудренные годы
Я понял тайный жизни смысл,
Поклонник твой, дитя свободы,
Как ты, далекий строгих числ.

Иль эти годы миновали,
Что я, свободу разлюбя,
Смотрю в грядущие печали
И числю, числю без тебя?

Что ж! Пусть прошедшему забвенья
Не в настоящем жизни смысл!
Я не достигну примиренья,
Ты не поймешь проклятых числ!

15 ноября 1900

* * *

Мой монастырь, где я томлюсь безбожно, —
Под зноем разума расплавленный гранит.
Мне душно. Мне темно под этим зноем ложным.
Я ухожу в другой палящий скит...

Там будет зной, но зной земли всегдашний.
Кровавый шар расплавит мозг дотла,
И я сойду с ума спокойней и бесстрашней,
Чем здесь, где плоть и кровь изнемогла.

Где новый скит? Где монастырь мой новый?
Не в небесах, где гробовая тьма,
А на земле — и пошлый и здоровый,
Где всё найду, когда сойду с ума!..

17 ноября 1900

* * *

О.М. Соловьевой

Ищу спасенья.
Мои огни горят на высях гор —
Всю область ночи озарили.
Но ярче всех — во мне духовный взор
И Ты вдали... Но Ты ли?
Ищу спасенья.

Торжественно звучит на небе звездный хор.
Меня кланут людские поколения.
Я для Тебя в горах зажег костер,
Но Ты — виденье.
Ищу спасенья.

Устал звучать, смолкает звездный хор.
Уходит ночь. Бежит сомненье.
Там сходишь Ты с далеких светлых гор.
Я ждал Тебя. Я дух к Тебе простер.
В Тебе — спасенье!

25 ноября 1900

* * *

Медленно, тяжело и верно
В черную ночь уходя,
Полный надежды безмерной,
Слово молитвы твердя,
Знаю — молитва поможет
Ясной надежде всегда,
Тяжкая верность заложит
Медленный камень труда.
Медленно, тяжело и верно
Мерю ночные пути:

Полному веры безмерной
К утру возможно дойти.

5 декабря 1900

* * *

Завтра с первым лучом
Восходящего в небе светила
Встанет в сердце моем
Необъятная сила.

Дух всколеблет эфир
И вселенной немое забвенье,
Придвигается мир
Моего обновленья.
Воскурю я кадило,
Опояшусь мечом

Завтра с первым лучом
Восходящего в небе светила.

6 декабря 1900

* * *

В полночь глухую рожденная
Спутником бледным земли,
В ткани земли облеченная,
Ты серебрилась вдали.

Шел я на север безлиственный,
Шел я в морозной пыли,
Слышал твой голос таинственный,
Ты серебрилась вдали.

В полночь глухую рожденная,
Ты серебрилась вдали.
Стала душа угнетенная
Тканью морозной земли.

Элины, боги бессонные,
Встаньте в морозной пыли
Солнцем своим опьяненные,
Солнце разлейте вдали!

Элины, элины сонные,
Солнце разлейте вдали!
Стала душа пораженная
Комом холодной земли!

24 декабря 1900

* * *

К.М.С.

Ты не обманешь, призрак бледный,
Давно испытанных страстей.
Твой вид нестройный, образ бедный
Не поразит души моей.
Я знаю дальнее былое,
Но в близком будущем не жду
Волнений страсти. Молодое —
Оно прошло — я не найду
В твоём усталом, но зовущем,
Ненужном призраке — огня.
Ты только замыслом гнетущим
Еще измучаешь меня.

25 декабря 1900

31 декабря 1900 года

И ты, мой юный, мой печальный,
Уходишь прочь!
Привет тебе, привет прощальный
Шлю в эту ночь.

А я всё тот же гость усталый
Земли чужой,
Бреду, как путник запоздалый,
За красотой.
Она и блещет и смеется,
А мне — одно:
Боюсь, что в кубке расплеснется
Мое вино.
А между тем — кругом молчанье,
Мой кубок пуст.
И смерти раннее призванье
Не сходит с уст.
И ты, мой юный, вечной тайной
Отходишь прочь.
Я за тобою, гость случайный,
Как прежде — в ночь.

<31 декабря 1900 — 1 января 1901>

СТИХИ
О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ
(1901—1902)

Вступление

*Отдых напрасен. Дорога крута.
Вечер прекрасен. Стучу в ворота.*

*Дольнему стучу чужда и строга,
Ты рассыпаешь кругом жемчуга.*

*Терем высок, и заря замерла.
Красная тайна у входа легла.*

*Кто поджигал на заре терема,
Что воздвигала Царевна Сама?*

*Каждый конек на узорной резьбе
Красное пламя бросает к тебе.*

*Купол стремится в лазурную высь.
Синие окна румянцем зажглись.*

*Все колокольные звоны гудят.
Залит весной беззакатный наряд.*

*Ты ли меня на закатах ждала?
Терем зажгла? Ворота отперла?*

28 декабря 1903

СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ

I

С.-Петербург. Весна 1901 года

* * *

Я вышел. Медленно сходили
На землю сумерки зимы.
Минувших дней младые были
Пришли доверчиво из тьмы...

Пришли и встали за плечами,
И пели с ветром о весне...
И тихими я шел шагами,
Провидя вечность в глубине...

О, лучших дней живые были!
Под вашу песнь из глубины
На землю сумерки сходили
И вечности вставали сны!..

25 января 1901, С.-Петербург

* * *

Ветер принес издалёка
Песни весенней намеков,
Где-то светло и глубоко
Неба открылся клочок.

В этой бездонной лазури,
В сумерках близкой весны
Плакали зимние бури,
Реяли звездные сны.

Робко, темно и глубоко
Плакали струны мои.
Ветер принес издалёка
Звучные песни твои.

29 января 1901

* * *

Тихо вечерние тени
В синих ложатся снегах.
Сонмы нестройных видений
Твой потревожили прах.
Спишь ты за дальней равниной,
Спишь в снеговой пелене...
Песни твоей лебединой
Звуки почудились мне.
Голос, зовущий тревожно,
Эхо в холодных снегах...
Разве воскреснуть возможно?
Разве бывшее — не прах?
Нет, из господнего дома
Полный бессмертия дух
Вышел родной и знакомой
Песней тревожить мой слух.
Сонмы могильных видений,
Звуки живых голосов...
Тихо вечерние тени
Синих коснулись снегов.

2 февраля 1901

* * *

Душа молчит. В холодном небе
Всё те же звезды ей горят.
Кругом о злате иль о хлебе
Народы шумные кричат...
Она молчит — и внемлет крикам,
И зрит далекие миры,
Но в одиночестве двуликом
Готовит чудные дары,

Дары своим богам готовит
И, умощенная, в тиши,
Неустающим слухом ловит
Далекий зов другой души...
Так — белых птиц над океаном
Неразлученные сердца
Звучат призывом за туманом,
Понятным им лишь до конца.

3 февраля 1901

* * *

Ныне, полный блаженства,
Перед Божьим Чертогом
Жду прекрасного Ангела
С благовестным мечом.

Ныне сжался, о Боже,
Над блаженным рабом!
Вышли Ангела, Боже,
С нежно-белым крылом!

Боже! Боже!
О, поверь моей молитве,
В ней душа моя горит!

Извлеки из жалкой битвы
Истомленного раба!

15 февраля 1901

* * *

Я понял смысл твоих стремлений —
Тебе я заслоняю путь.
Огонь нездешних вожелений
Вздывает девственную грудь.
Моей ли жалкой, слабой речи
Бороться с пламенем твоим
На рубеже безвестной встречи
С началом близким и чужим!
Я понял всё, и отхожу я.
Благословен грядущий день.
Ты, в алом сумраке ликуя,
Ночную миновала тень.
Но риза девственная зрима,
Мой день с тобою проведен...
Пусть душа неисцелима —
Благословен прошедший сон.

26 февраля 1901

* * *

Ты отходишь в сумрак алый,
В бесконечные круги.
Я посыпал отзвук малый,
Отдаленные шаги.

Близко ты или далеке
Затерялась в вышине?
Ждать иль нет внезапной встречи
В этой звучной тишине?

В тишине звучат сильнее
Отдаленные шаги,
Ты ль смыкаешь, пламеня,
Бесконечные круги?

6 марта 1901

* * *

Сбылось пророчество мое:
Перед грядущею могилой
Еще однажды тайной силой
Зажглось святилище Твое.

И весь исполнен торжества,
Я упоен великой тайной
И твердо знаю — не случайно
Сбывались вещие слова.

7 марта 1901

Моей матери

Чем больней душе мятежной,
Тем ясней миры.
Бог лазурный, чистый, нежный
Шлет свои дары.

Шлет невзгоды и печали,
Нежностью объят.
Но чрез них в иные дали
Проникает взгляд.

И больней душе мятежной,
Но ясней миры.
Это Бог лазурный, нежный,
Шлет свои дары.

8 марта 1901

* * *

Я недаром боялся открыть
В непогодную полночь окно.
Как и встарь, привелось отравить,
Что надеждою было полно.

Буду прежнею думой болеть
В непогодной полуночной мгле,
Но молитвенным миром гореть
И таиться на этой земле.

В непрестанной молитве моей,
Под враждующей силой твоей,
Я хранилище мысли моей
Утаю от людей и зверей.

1 апреля 1901

* * *

О.М. Соловьевой

Ночью сумрачной и дикой —
Сын бездонной глубины —
Бродит призрак бледноликий
На полях моей страны,
И поля во мгле великой
Чужды, хладны и темны.

Лишь порой, заслышав Бога,
Дочь блаженной стороны
Из родимого чертога
Гонит призрачные сны,
И в полях мелькает много
Чистых девственниц весны.

23 апреля 1901

* * *

В день холодный, в день осенний
Я вернусь туда опять
Вспомнить этот вздох весенний,
Прошлый образ увидеть.

Я приду — и не заплачу,
Вспоминая, не сгорю.
Встречу песней наудачу
Новой осени зарю.

Злые времени законы
Усыпили скорбный дух.
Прошлый вой, бывшие стоны
Не услышишь — я потух.

Самый огонь — слепые очи
Не сожжет мечтой былой.
Самый день — темнее ночи
Усыпленному душой.

27 апреля 1901. Поле за Старой Деревней

* * *

Так — разошлись в часы рассвета.

А.Б.

Всё отлетают сны земные,
Всё ближе чуждые страны.
Страны холодные, немые,
И без любви, и без весны.

Там — далеко, открыв зеницы,
Виденья близких и родных
Проходят в новые темницы
И равнодушно смотрят в них.

Там — мать сына не узнает,
Потухнут страстные сердца...
Там безнадежно угасает
Мое скитанье — без конца...

И вдруг, в преддверьи заточенья,
Послешу дальние шаги...
Ты — одиноко — в отдаленьи,
Сомкнешь последние круги...

4 мая 1901

* * *

Всё бытие и сущее согласно
В великой, непрестанной тишине.
Смотри туда участно, безучастно, —
Мне всё равно — вселенная во мне.
Я чувствую, и верую, и знаю,
Сочувствием провидца не прельстишь.
Я сам в себе с избытком заключаю
Все те огни, какими ты горишь.
Но больше нет ни слабости, ни силы,
Прошедшее, грядущее — во мне.
Всё бытие и сущее застыло
В великой, неизменной тишине.
Я здесь в конце, исполненный прозренья,
Я перешел граничную черту.
Я только жду условного виденья,
Чтоб отлететь в иную пустоту.

17 мая 1901

* * *

Кто-то шепчет и смеется
Сквозь лазоревый туман.

Только мне в тиши взгрустнется
Снова смех из милых стран!

Снова шопот — и в шептаныи
Чья-то ласка, как во сне,
В чьем-то женственном дыханьи,
Видно, вечно радость мне!

Пошепчи, посмейся, милый,
Милый образ, нежный сон;
Ты нездешней, видно, силой
Наделен и окрылен.

20 мая 1901

* * *

Белой ночью месяц красный
Выплывает в синеве.
Бродит призрачно-прекрасный,
Отражается в Неве.

Мне провидится и снится
Исполненье тайных дум.
В вас ли доброе таится,
Красный месяц, тихий шум?

22 мая 1901

СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ

II

С. Шахматово. Лето и осень 1901 года

* * *

Небесное умом не измеримо,
Лазурное сокрыто от умов.
Лишь изредка приносят серафимы
Священный сон избранникам миров.

И мнилась мне Российская Венера,
Тяжелую туникой повита,
Бесстрастна в чистоте, нерадостна без меры,
В чертах лица — спокойная мечта.

Она сошла на землю не впервые,
Но вокруг нее толпятся в первый раз
Богатыри не те, и витязи иные...
И странен блеск ее глубоких глаз...

29 мая 1901. С. Шахматово

* * *

Они звучат, они ликуют,
Не уставая никогда,
Они победу торжествуют,
Они блаженны навсегда.

Кто уследит в окрестном звоне,
Кто ощутит хоть краткий миг
Мой бесконечный в тайном лоне,
Мой гармонический язык?
Пусть всем чужда моя свобода,
Пусть всем я чужд в саду моем —
Звенит и буйствует природа
Я — соучастник ей во всем!

30 мая 1901

* * *

Одинокый, к тебе прихожу,
Околдован огнями любви.
Ты гадаешь. — Меня не зови. —
Я и сам уж давно ворожу.

От тяжелого бремени лет
Я спасался одной ворожкой,
И опять ворожу над тобой,
Но неясен и смутен ответ.

Ворожкой полоненные дни
Я лелею года, — не зови...
Только скоро ль погаснут огни
Заколдованной темной любви?

1 июня 1901. С. Шахматово

* * *

*И тяжкий сон житейского сознания
Ты отряхнешь, тоскуя и любя.*

Вл. Соловьев

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо —
Всё в облике одном предчувствую Тебя.

Весь горизонт в огне — и ясен нестерпимо,
И молча жду, — *тоскуя и любя.*

Весь горизонт в огне, и близко появленье,
Но страшно мне: изменишь облик Ты,

И дерзкое возбудишь подозренье,
Сменив в конце привычные черты.

О, как паду — и горестно и низко,
Не одолев смертельные мечты!

Как ясен горизонт! И лучезарность близко.
Но страшно мне: изменишь облик Ты.

4 июня 1901. С. Шахматово

* * *

И поздно, и темно. Покину без желаний
Бунтующий весельем Божий Дом.
Окончу светлый путь, не буду ждать свиданий,
Как шел туда, — и выйду, незнаком.

Последний вздох, и тайный, и бездонный,
Слова последние, последний ясный взгляд —
И кружный мрак, мечтою озаренный,
А светлых лет — не возвратит назад.

Еще в иную тьму, уже без старой силы
Безгласно отхожу, покинув ясный брег,
И не видать его — быть может, до могилы,
А может быть, не встретиться вовек.

6 июня 1901

* * *

И я, неверный, тосковал,
И в поэтическом стремленья
И я без нужды покидал
Свои родимые селенья.

Но внятен сердцу был язык,
Неслышный уху — в отдаленьи,
И в запоздалом умиленьи
Я возвратился — и постиг.

9 июня 1901

* * *

*...и поздно желать,
Всё минуло: и счастье и горе.*
Вл. Соловьев

Не сердись и прости. Ты цветешь одиноко,
Да и мне не вернуть
Этих снов золотых, этой веры глубокой...
Безнадежен мой путь.

Мыслью сонной цветя, ты блаженствуешь много,
Ты лазурью сильна.
Мне — другая и жизнь, и другая дорога,
И душе — не до сна.

Верь — несчастней моих молодых поклопений
Нет в обширной стране,
Где дышал и любил твой таинственный гений,
Безучастный ко мне.

10 июня 1901

* * *

Молитву тайную твори —
Уже приблизились лучи
Последней для тебя зари, —
Готовься, мысли и молчи.
Готовый, мыслящий, немой,
Взгляни наверх в последний раз:
Не хочет Бог, чтоб ты угас,
Не встретив здесь Любви былой.
Как в первый, так в последний раз
Проникнешь ты в Ее чертог,
Постигнешь ты — так хочет Бог —
Ее необычайный глаз.

10 июня 1901

* * *

За туманом, за лесами
Загорится — пропадет,
Еду влажными полями —
Снова издали мелькнет.

Так блудящими огнями
Поздней ночью, за рекой,
Над печальными лугами
Мы встречаемся с Тобой.

Но и ночью нет ответа,
Ты уйдешь в речной камыш,
Унося источник света,
Снова издали манишь.

14 июня 1901

* * *

В бездействии младом, в передрагветной лени
Душа парила в высь, и там Звезду нашла.
Туманен вечер был, ложились мягко тени.
Вечерняя Звезда, безмолвствуя, ждала.

Невозмутимая, на темные ступени
Вступила Ты, и, Тихая, всплыла.
И шаткою мечтой в передрагветной лени
На звездные пути Себя перенесла.

И протекала ночь туманом сновидений.
И юность робкая с мечтами без числа.
И близится рассвет. И убегают тени.
И, Ясная, Ты с солнцем потекла.

19 июля 1901

* * *

Какому Богу служишь ты?
Родны ль тебе в твоём паренье
Передрагветное волнение,
Передзакатные мечты?
Иль ты, сливаясь со звездой,
Сама богиня — и с богами
Гордишься равной красотой, —
И равнодушными очами
Глядишь с нездешней высоты
На пламенеющие тени
Земных молитв и поклонений
Тебе, — царица чистоты?

20 июля 1901

* * *

Сегодня шла Ты одиноко,
Я не видал Твоих чудес.
Там, над горой Твоей высокой,
Зубчатый простирается лес.

И этот лес, сомкнутый тесно,
И эти горные пути
Мешали слиться с неизвестным,
Твоей лазурью процвести.

22 июля 1901

* * *

С. Соловьеву

Она росла за дальними горами.
Пустынный дол — ей родина была.
Никто из вас горящими глазами
Ее не зрел — она одна росла.
И только лик бессмертного светила —
Что день — смотрел на девственный расцвет,
И, влажный знак, она к нему всходила,
Она в себе хранила тайный след.
И в смерть ушла, желая и тоскуя.
Никто из вас не видел здешний прах...
Вдруг расцвела, в лазури торжествуя,
В иной дали и в неземных горах.
И ныне вся овеяна снегами.
Кто белый храм, безумцы, посетил?
Она цвела за дальними горами,
Она течет в ряду иных светил.

26 июля 1901

* * *

Я помню час глухой, бессонной ночи,
Прошли года, а память всё сильна.
Царила тьма, но не смежились очи,
И мыслил ум, и сердцу — не до сна.

Вдруг издали донесся в заточенье
Из тишины грядущих полуснов
Неясный звук невнятного моленья,
Неведомый, бескрылый, страшный зов.

То был ли стон души безбожно дикой,
И уж тогда не встретились сердца?
Ты мне знаком, наперсник мой двуликий,
Мой милый друг, враждебный до конца.

27 июня 1901. С. Боблово

* * *

Тебя в страны чужие звали,
Ты собиралась в дальний путь.
Мы безнадежно провожали,
И многим привелось вздохнуть.

Зима подкралась незаметно,
И с первым снегом со двора
Ты унесла весь пыл заветный,
Которым жили мы вчера.

Прощай, мы смотрим на дорогу,
А вьюга заматает след.
Мы возвратимся понемногу
К безбожной лени прежних лет,

И над мистической загадкой
Уже не будем колдовать,

И поздней ночью, встав украдкой,
При бледном месяце мечтать.

28 июня 1901

* * *

Внемля зову жизни смутной,
Тайно плещущей во мне,
Мысли ложной и минутной
Не отдамся и во сне.
Жду волны — волны попутной
К лучезарной глубине.

Чуть слежу, склонив колени,
Взором кроток, сердцем тих,
Уплывающие тени
Суетливых дел мирских
Средь видений, сновидений,
Голосов миров иных.

3 июля 1901

* * *

Прозрачные, неведомые тени
К Тебе плывут, и с ними Ты плывешь,
В объятия лазурных сновидений,
Невнятных нам, — Себя Ты отдаешь.

Перед Тобой синеют без границы
Моря, поля, и горы, и леса,
Перекликаются в свободной выси птицы,
Встает туман, алеют небеса.

А здесь, внизу, в пыли, в уничиженьи,
Узрев на миг бессмертные черты,

Безвестный раб, исполнен вдохновенья,
Тебя поет. Его не знаешь Ты,

Не отличишь его в толпе народной,
Не наградишь улыбкою его,
Когда вослед взирает, несвободный,
Вкусив на миг бессмертья Твоего.

3 июля 1901

* * *

Я жду призыва, ищу ответа,
Немеет небо, земля в молчаньи,
За желтой нивой — далёко где-то —
На миг проснулось мое воззванье.

Из отголосков далекой речи,
С ночного неба, с полей дремотных,
Всё мнятся тайны грядущей встречи,
Свиданий ясных, но мимолетных.

Я жду — и трепет объемлет новый.
Всё ярче небо, молчанье глуше...
Ночную тайну разрушит слово...
Помилуй, Боже, ночные души!

На миг проснулось за нивой, где-то,
Далеким эхом мое воззванье.
Всё жду призыва, ищу ответа,
Но странно длится земли молчанье.

7 июля 1901

* * *

Не ты ль в моих мечтах, певучая, прошла
Над берегом Невы и за чертой столицы?

Не ты ли тайный страх сердечный совлекла
С отвагою мужей и с нежностью девицы?

Ты песнью без конца растаяла в снегах
И раннюю весну созвучно повторила.
Ты шла звездой мне, но шла в дневных лучах
И камни площадей и улиц освятила.

Тебя пою, о, да! Но просиял твой свет
И вдруг исчез — в далекие туманы.
Я направляю взор в таинственные страны, —

Тебя не вижу я, и долго Бога нет.
Но верю, ты взойдешь, и вспыхнет сумрак алый,
Смыкая тайный круг, в движеньи запоздалый.

8 июля 1901

* * *

За городом в полях весною воздух дышит.
Иду и трепещу в предвестии огня.
Там, знаю, впереди — морскую зыбь колышет
Дыханье сумрака — и мучает меня.

Я помню: далеко шумит, шумит столица.
Там, в сумерках весны, неугомонный зной.
О, скудные сердца! Как безнадежны лица!
Не знавшие весны тоскуют над собой.

А здесь, как память лет невинных и великих,
Из сумрака зари — неведомые лики
Вещают жизни строй и вечности огни...

Забудем дольний шум. Явись ко мне без гнева,
Закатная, Таинственная Дева,
И завтра и вчера огнем соедини.

12 июля 1901

* * *

С. Саловьеву

Входите все. Во внутренних покоях
Завета нет, хоть тайна здесь лежит.
Старинных книг на древних аналоях
Смущает вас оцепеневший вид.

Здесь в них жива святая тайна Бога,
И этим древностям истленья нет.
Вы, гордые, что создали так много,
Внушитель ваш и зодчий — здешний свет.

Напрасно вы исторгнули безбожно
Крикливые хуленья на Творца.
Вы все, рабы свободы невозможной,
Смутитесь здесь пред тайной без конца.

14 июля 1901

* * *

Ты прошла голубыми путями,
За тобою клубится туман.
Вечереющий сумрак над нами
Обратился в желанный обман.
Над твоей голубою дорогой
Протянулась зловещая мгла.
Но с глубокою верою в Бога
Мне и темная церковь светла.

16 июля 1901

* * *

Не жди последнего ответа,
Его в сей жизни не найти.

Но ясно чует слух поэта
Далекий гул в своем пути.

Он приклонил с вниманьем ухо,
Он жадно внемлет, чутко ждет,
И донеслось уже до слуха:
Цветет, блаженствует, растет...

Всё ближе — чаянье сильнее,
Но, ах! — волненья не снести...
И вещей падает, немея,
Заслыша близкий гул в пути.

Кругом — семья в чаду молений,
И над кладбищем — мерный звон.
Им не постигнуть сновидений,
Которых не дождался он!..

19 июля 1901

* * *

Не пой ты мне и сладостно, и нежно:
Утратил я давно с юдолюю связь.
Моря души — просторны и безбрежны,
Погибнет песнь, в безбрежность удалясь.

Одни слова без песен сердцу ясны.
Лишь правдой их над сердцем процветешь.
А песни звук — докучливый и страстный —
Таит в себе невидимую ложь.

Мой юный пыл тобою же осмеян,
Покинут мной — туманы позади.
Объемли сны, какими я овееян,
Пойми сама, что будет впереди.

25 июля 1901

* * *

Не жаль мне дней ни радостных, ни знойных,
Ни лета зрелого, ни молодой весны.
Они прошли — светло и беспокойно,
И вновь придут — они землей даны.

Мне жаль, что день *великий* скоро минет,
Умрет едва рожденное дитя.
О, жаль мне, друг, — грядущий пыл остынет,
В прошедший мрак и в холод уходя!

Нет, хоть в конце тревожного скитанья
Найду пути и не вздохну о дне!
Не омрачить заветного свиданья
Тому, кто здесь вздыхает обо мне.

27 июля 1901

* * *

Признак истинного чуда
В час полночной темноты —
Мглистый мрак и камней гряда,
В них горишь алмазом ты.

А сама — за мглой речною
Направляешь горный бег
Ты, лазурью золотою
Просиявшая навек

29 июля 1901. Фабрика.

* * *

Ты далека, как прежде, так и ныне,
Мне не найти родные берега.

Моя печаль чужда твоей святине,
И радостью душа не дорога.

Суровый хлад — твоя святая сила:
Безбожный жар нейдет святым местам.
Пускай любви — забвенье и могила,
Ты над могилой — лучезарный храм.

11 августа 1901. С. Дедово

* * *

Стою на царственном пути.
Глухая ночь, кругом огни, —
Неясно теплятся они,
А к утру надо всё найти.

Ступлю вперед — навстречу мрак,
Ступлю назад — слепая мгла.
А там — одна черта светла,
И на черте — условный знак.

Но труден путь — шумит вода,
Чернеет лес, молчат поля...
Обетованная земля —
Недостижимая звезда...

Звезда — условный знак в пути,
Но смутно теплятся огни,
А за чертой — иные дни,
И к утру, к утру — всё найти!

15 августа 1901

* * *

*Дождешься ль вечерней порой
Опять и желанья, и лодки,
Весла, и огня за рекой?*

Фет

Сумерки, сумерки вешние,
Хладные волны у ног,
В сердце — надежды нездешние,
Волны бегут на песок.

Отзвуки, песня далекая,
Но различить — не могу.
Плачет душа одинокая
Там, на другом берегу.

Тайна ль моя совершается,
Ты ли зовешь вдалеке?
Лодка ныряет, качается,
Что-то бежит по реке.

В сердце — надежды нездешние,
Кто-то навстречу — бегу...
Отблески, сумерки вешние,
Клики на том берегу.

16 августа 1901

* * *

Ты горюшь над высокой горою,
Недоступна в Своем терему.
Я примчуся вечерней порою,
В упоеньи мечту обниму.

Ты, заслышав меня издалёка,
Свой костер разведешь ввечеру,

Стану, верный велениям Рока,
Постигать огневую игру.

И когда среди мрака снопами
Искры станут кружиться в дыму,
Я умчусь с огневыми кругами
И настигну Тебя в терему.

18 августа 1901

* * *

Видно, дни золотые пришли.
Все деревья стоят, как в сияньи.
Ночью холодом веет с земли;
Утром белая церковь вдали
И близка и ясна очертаньем.

Всё поют и поют вдалеке,
Кто поет — не пойму; а казалось,
Будто к вечеру там, на реке —
В камышах ли, в сухой осоке, —
И знакомая песнь раздавалась.

Только я не хочу узнавать.
Да и песням знакомым не верю.
Всё равно — мне певца не понять...

От себя ли скрывать
Роковую потерю?

24 августа 1901

* * *

Кругом далекая равнина,
Да толпы обгорелых пней.
Внизу — родимая долина,
И тучи стелятся над ней.

Ничто не манит за собою,
Как будто даль сама близка.
Здесь между небом и землею
Живет угрюмая тоска.

Она и днем и ночью роет
В полях песчаные бугры.
Порою жалобно завоет
И вновь умолкнет — до поры.

И всё, что будет, всё, что было,
Холодный и бездушный прах,
Как эти камни над могилой
Любви, затерянной в полях.

25 августа 1901. Д. Ивлево

* * *

Я всё гадаю над тобою,
Но, истомленный ворожкой,
Смотрю в глаза твои порою
И вижу пламень роковой.

Или великое свершилось,
И ты хранишь завет времен
И, озаренная, укрылась
От дуновения племен?

Но я, покорствуя заране,
Знай, сохраню святой завет.
Не оставляй меня в тумане
Твоих первоначальных лет.

Лежит заклятье между нами,
Но, в постоянстве недвижим,
Скрываю родственное пламя
Под бедным обликом своим.

27 августа 1901

* * *

Нет конца лесным тропинкам.
Только встретить до звезды
Чуть заметные следы...
Внемлет слух лесным блинкам.

Всюду ясная молва
Об утраченных и близких...
По верхушкам елок низких
Перелетные слова...

Не замечу ль по блинкам
Потаенного следа...
Вот она — зажглась звезда!
Нет конца лесным тропинкам.

2 сентября 1901. Церковный лес

СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ

III

С.-Петербург. Осень и зима 1901 года

* * *

Смотри — я отступаю в тень,
А ты по-прежнему в сомненьи
И всё боишься встретить день,
Не чую ночи приближенья.

Не жди ты вдохновенных слов —
Я, запоздалый на границе,
Спокойно жду последних снов,
Забывших здесь, в земной темнице.

Могу ли я хранить мечты
И верить в здешние виденья,
Когда единственная ты
Не веришь смертным песнопеньям?

Но предо мной кружится мгла,
Не чую мимолетней боли,
И ты безоблачно светла,
Но лишь в бессмертья, — не в юдоли.

20 сентября 1901

* * *

Пройдет зима — увидишь ты
Мои равнины и болота
И скажешь: «Сколько красоты!
Какая мертвая дремота!»

Но помни, юная, в тиши
Моих равнин хранил я думы
И тщетно ждал твоей души,
Больной, мятежный и угрюмый.

Я в этом сумраке гадал,
Взирал в лицо я смерти холодной
И бесконечно долго ждал,
В туманы всматриваясь жадно.

Но мимо проходила ты, —
Среди болот хранил я думы,
И этой мертвой красоты
В душе остался след угрюмый.

21 сентября 1901

* * *

Встану я в утро туманное,
Солнце ударит в лицо.
Ты ли, подруга желанная,
Всходишь ко мне на крыльцо?

Настежь ворота тяжелые!
Ветром пахнуло в окно!
Песни такие веселые
Не раздавались давно!

С ними и в утро туманное
Солнце и ветер в лицо!

С ними подруга желанная
Всходит ко мне на крыльцо!

3 октября 1901

* * *

Ранний час. В пути незрима
Разгорается мечта.
Плещут крылья серафима,
Высь прозрачна, даль чиста.

Из лазурного чертога
Время тайне снизойти.
Белый, белый Ангел Бога
Сеет розы на пути.

Жду в пленительном волненьи —
Тайна плачущей жены
Разомкнет золотые звенья,
Вскроет крылий белизны.

4 октября 1901

* * *

Ты уходишь от земной юдоли,
Сердца лучшего любовь тебе несут.
Страшных снов не жди от новой воли,
Хоры ангелов, не смертных припадут.

Припадут и снимут власяницы —
Символ здешних непомерных бед.
Я, в тоске, покину на границе
Твой нездешний, твой небесный след.

Покидай бессилье мирозданья,
Твой покой теперь ненарушим.

Предо мною — грань богопознания,
Неизбежный сумрак, черный дым.

6 октября 1901

* * *

Снова ближе вечерние тени,
Ясный день догорает вдали.
Снова сонмы нездешних видений
Всколыхнулись — плывут — подошли.

Что же ты на великую встречу
Не вскрываешь свои глубины?
Или чуешь иного предтечу
Несомненной и близкой весны?

Чуть во мраке светильник завижу
Поднимусь и, не глядя, лечу.
Ты ж и в сумраке, милая, ближе
К неподвижному жизни ключу.

14 октября 1901

* * *

Я бремя похитил, как тать,
Несчастье разбил я на части,
Но, Боже! Как тяжко внимать
Чужой нарастающей страсти!

Волна, забегая вперед,
У ног разобьется нещадно
И жадно меня обдаст,
Бессильного, пеною холодной.

Не знаю, за дальней чертой
Живет ли лазурное счастье.

Теперь я внимаю чужой
И всё нарастающей страсти.

14 октября 1901

* * *

Хранила я среди младых созвучий
Задумчивый и нежный образ дня.
Вот дунул вихрь, поднялся прах летучий,
И солнца нет, и сумрак вокруг меня.

Но в келье — май, и я живу, незрима,
Одна, в цветах, и жду другой весны.
Идите прочь — я чую серафима,
Мне чужды здесь земные ваши сны.

Идите прочь, скитальцы, дети, боги!
Я расцвету еще в последний день,
Мои мечты — священные чертоги,
Моя любовь — немеющая тень.

17 октября 1901

* * *

Медленно в двери церковные
Шла я, душой несвободная,
Слышались песни любовные,
Толпы молились народные.

Или в минуту безверия
Он мне послал облегчение?
Часто в церковные двери я
Ныне вхожу без сомнения.

Падают розы вечерние,
Падают тихо, медлительно.

108

Я же молюсь суевернее,
Плачу и каюсь мучительно.

17 октября 1901

* * *

Люблю я тонкий прах надежды,
Ты замедляешь быстрый шаг.
Но через сомкнутые вежды
Горят слова: «Не друг, а враг».

Лишь отпылать — и правда ближе.
Или — забвенные мечты
Проходят медленно — и ниже
Пылаю я, и выше — ты.

Тогда, в спасительном забвеньи,
Улыбка бродит по лицу.
Назавтра — в новом угнетеньи
Тоска по брачному венцу.

2 ноября 1901

* * *

Скрипнула дверь. Задрожала рука.
Вышла я в улицы сонные.
Там, в поднебесьи, идут облака
Через туман озаренные.

С ними — знакомое, слышу, вослед...
Нынче ли сердце пробудится?
Новой ли, прошлой ли жизни ответ,
Вместе ли оба почувдятся?

Если бы злое несли облака,
Сердце мое не дрожало бы...

109

Скрипнула дверь. Задрожала рука.
Слезы. И песни. И жалобы.

3 ноября 1901

* * *

Зарево белое, желтое, красное,
Крики и звон вдалеке.
Ты не обманешь, тревога напрасная,
Вижу огни на реке.

Заревом ярким и поздними криками
Ты не разрушишь мечты.
Смотрится призрак очами великими
Из-за людской суеты.

Смертью твоею натешу лишь взоры я,
Жги же свои корабли!
Вот они — тихие, светлые, скорые —
Мчатся ко мне издали.

6 ноября 1901

* * *

Восходя на первые ступени,
Я смотрел на линии земли.
Меркли дни — порывы испуганий
Гасли, гасли в розовой дали.
Но томим еще желаньем горя,
Плакал дух, — а в звездной глубине
Расступалось огненное море,
Чей-то сон шептался обо мне...

8 ноября 1901

* * *

Один порыв — безвластный и плакучий,
Одна мечта — чрезмерностью слаба, —
И снова он — до боли жгучий,
Бессильный сон раба.

Но ты вкуси волшебство бед вседневных
И сон другой — проклятый сон веков.
В горниле старостей душевных
Цветет восторг богов.

17 ноября 1901

* * *

Я ли пишу, или ты из могилы
Выслала юность свою, —
Прежними розами призрак мне милый
Я, как тогда, обовью.

Если умру — перелетные птицы
Призрак развеют, шутя.
Скажешь и ты, разбирая страницы:
«Божье то было дитя».

21 ноября 1901

* * *

Жду я холодного дня,
Сумерек серых я жду.
Замерло сердце, звеня:
Ты говорила: «Приду, —

Жди на распутьи — вдали
Людных и ярких дорог,

Чтобы с величием земли
Ты разлучиться не мог.

Тихо приду и замру,
Как твое сердце, звеня,
Двери тебе отопру
В сумерках зимнего дня».

21 ноября 1901

* * *

Ты страстно ждешь. Тебя зовут,
Но голоса мне незнакомы.
Очаг остыл, тебе уют —
Родная степь. Лишь в ней ты — дома.

Там — вечеряющая даль,
Туманы, призраки, виденья,
Мне — беспокойство и печаль,
Тебе — покой и примиренье.

О, жалок я перед тобой!
Всё обнимаю, всем владею,
Хочу владеть тобой одной,
Но не могу и не умею!

22 ноября 1901

* * *

Будет день — и свершится великое,
Чую в будущем подвиг души.

Ты — другая, немая, безлика,
Притаилась, колдуешь в тиши.

112

Но во что обратишься — не ведаю,
И не знаешь ты, буду ли твой,

А уж Там веселятся победою
Над единой и страшной душой.

28 ноября 1901

* * *

Я долго ждал — ты вышла поздно,
Но в ожиданьи ожил дух,
Ложился сумрак, но бесслезно
Я напрягал и взор и слух.

Когда же первый вспыхнул пламень
И слово к небу понеслось, —
Разбился лед, последний камень
Упал, — и сердце занялось.

Ты в белой вьюге, в снежном стоне
Опять волшебницей всплыла,
И в вечном свете, в вечном звоне
Церквей смешались купола.

27 ноября 1901

* * *

Ночью вьюга снежная
Заметала след.
Розовое, нежное
Утро будит свет.

Встали зори красные,
Озаряя снег.

113

Яркое и страстное
Всколыхнуло брег.

Вслед за льдиной синею
В полдень я всплыву.
Деву в снежном инее
Встречу наяву.

5 декабря 1901

* * *

Темно в комнатах и душно —
Выйди ночью — ночью звездной,
Полюбуйся равнодушно,
Как сердца горят над бездной.

Их костры далёко зримы,
Озаря мрак окрестный.
Их мечты неутолимы,
Непомерны, неизвестны...

О, зачем в ночном сиянии
Не взлетят они над бездной,
Никогда своих желаний
Не сольют в стране надзвездной?

11 декабря 1901

* * *

*Все двери заперты, и отданы ключи
Горемущиком твоей безжалостной царице.*

Петрарка

Мне битва сердце веселит,
Я чую свежесть ратной неги,

Но жаром вражеских ланит
Повержен в запоздалом беге.

А всё милее новый плен.
Смотрю я в сумрак непробудный,
Но в долгий холод здешних стен
Порою страж нисходит чудный.

Он окрылит и унесет,
И озарит, и отуманит,
И сладко речь его течет,
Но каждым звуком — сердце ранит.

В нем — тайна юности лежит,
И медленным и сладким ядом
Он тихо узника поит,
Заворожив бездонным взглядом.

15 декабря 1901

* * *

Неотвязный стоит на дороге,
Белый — смотрит в морозную ночь.
Я — навстречу в глубокой тревоге,
Он, шатаясь, сторонится прочь.

Не осилить морозного чуда...
Рядом с ним вырастает вдали,
Там, где камней вздымается гряда,
Голубая царица земли.

И царица — в мольбе и тревоге,
Обрученная с холодом зим...
Он — без жизни стоит на дороге,
Я — навстречу, бессмертьем томим.

Но напрасны бессмертные силы —
И царице свободы не жаль...

Торжествуя победу могилы,
Белый — смотрит в морозную даль.

16 декабря 1901

* * *

Молчи, как встарь, скрывая свет, —
Я ранних тайн не жду.
На мой вопрос — один ответ:
Ищи свою звезду.

Не жду я ранних тайн, поверь,
Они не мне взойдут.
Передо мной закрыта дверь
В таинственный приют.

Передо мной — суровый жар
Душевных слез и бед,
И на душе моей пожар —
Один, один ответ.

Молчи, как встарь, — я услужу
Восход моей звезды,
Но сердцу, сердцу укажу
Я поздних тайн следы.

Но первых тайн твоей весны
Другим приснится свет.
Сольются наши две волны
В горниле поздних бед.

18 декабря 1901

* * *

Вечереющий сумрак, поверь,
Мне напомнил неясный ответ.

116

Жду — внезапно отворится дверь,
Набежит исчезающий свет.
Словно бледные в прошлом мечты,
Мне лица сохранились черты
И отрывки неведомых слов,
Словно отклики прежних миров,
Где жила ты и, бледная, шла,
Под ресницами сумрак тая,
За тобою — живая ладья,
Словно белая лебедь, плыла,
За ладьей — огневые струи —
Беспокойные песни мои...
Им внимала задумчиво ты,
И лица сохранились черты,
И запомнилась бледная высь,
Где последние сны пронеслись.
В этой выси живу я, поверь,
Смутной памятью сумрачных лет,
Смутно помню — отворится дверь,
Набежит исчезающий свет.

20 декабря 1901

* * *

Сумрак дня несет печаль.
Тусклых улиц очерк сонный,
Город, смутно озаренный,
Смотрит в розовую даль.

Видит с пасмурной земли
Безнадежный глаз столицы:
Поднял мрак свои зеницы,
Реют Ангелы вдали.

Близок пламенный рассвет,
Мертвецу заглянет в очи

117

Утро после долгой ночи...
Но бежит мелькнувший свет,

И испуганные лики
Скрыли Ангелы в крылах:
Видят — мертвый и безликий
Вырастает в их лучах.

24 декабря 1901

* * *

Старый год уносит сны
Безмятежного расцвета.
На заре другой весны
Нет желанного ответа.

Новый год пришел в ночи
И раскинул покрывало.
Чьи-то крадутся лучи,
Что-то в сердце зазвучало.

Старый год уходит прочь.
Я невнятною мольбою,
Злая дева, за тобою
Вышлю северную ночь.

Отуманю страстью сны
Безмятежного расцвета.
Первый день твоей весны
Будет пламенное лето...

25 декабря 1901

Двойнику

Ты совершил над нею подвиг трудный,
Но, бедный друг! о, различил ли ты

Ее наряд, и праздничный и чудный,
И странные весенние цветы?..

Я ждал тебя. А тень твоя мелькала
Вдали, в полях, где проходил и я,
Где и она когда-то отдыхала,
Где ты вздыхал о тайнах бытия...

И знал ли ты, что я восторжествую?
Исчезнешь ты, свершив, но не любя?
Что я мечту безумно-молодую
Найду в цветах кровавых без тебя?

Мне ни тебя, ни дел твоих не надо,
Ты мне смешон, ты жалок мне, старик!
Твой подвиг — мой, — и мне твоя награда:
Безумный смех и сумасшедший крик!

27 декабря 1901

* * *

Мы, два старца, бредем одинокие,
Сырая простерлась мгла.
Перед нами — окна далекие,
Голубая даль светла.

Но откуда в сумрак таинственный
Смотрит, смотрит свет голубой?
Мы дрожим мечтою единственной,
О, невнятное! пред тобой.

О, откуда, откуда мглистые
Заалели тучи, горя,
И нити бегут золотистые,
И сумрак румянит заря?..

Мы, два старца, в сумрак таинственный
Бредем, — а в окнах свет.

И дрожим мечтою единственной,
Искушенные мудростью бед.

29 декабря 1901

Ночь на Новый год

Лежат холодные туманы,
Горят багровые костры.
Душа морозная Светланы
В мечтах таинственной игры.

Скрипнет снег — сердца займутся —
Снова тихая луна.
За воротами смеются,
Дальше — улица темна.
Дай взгляну на праздник смеха,
Вниз сойду, покрыв лицо!
Ленты красные — помеха,
Милый глянет на крыльцо...
Но туман не шелохнется,
Жду полуночной поры.
Кто-то шепчет и смеется,
И горят, горят костры...
Скрипнет снег — в морозной дали
Тихий, крадущийся свет.
Чьи-то санки пробежали...
«Ваше имя?» Смех в ответ.
Вот поднялся вихорь снежный,
Побелело всё крыльцо...
И смеющийся, и нежный
Закрывает мне лицо...

Лежат холодные туманы,
Бледнея, крадется луна.
Душа задумчивой Светланы
Мечтой чудесной смущена...

31 декабря 1901

СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ

IV

С.-Петербург. Зима и весна 1902 года

* * *

Я шел — и вслед за мною шли
Какие-то неистовые люди.
Их волосы вставали под луной,
И в ужасе, с растерзанной душой
Зубами скрежетали, били в груди,
И разносился скрежет их вдали.

Я шел — и вслед за мной влеклись
Усталые, задумчивые люди.
Они забыли ужас роковой.
Вдыхали тихо аромат ночной
Их впалые, измученные груди,
И руки их безжизненно сплелись.

Передо мною шел огнистый столп.
И я считал шаги несметных толп.
И скрежет их, и шорох их ленивый
Я созерцал, безбрежный и счастливый.

1 января 1902

* * *

С. Соловьеву

Бегут неверные дневные тени.
Высок и внятн колокольный зов.
Озарены церковные ступени,
Их камень жив — и ждет твоих шагов.

Ты здесь пройдешь, холодный камень тронешь,
Одетый страшной святостью веков,
И, может быть, цветок весны уронишь
Здесь, в этой мгле, у строгих образов.

Растут невнятно розовые тени,
Высок и внятн колокольный зов,
Ложится мгла на старые ступени...
Я озарен — я жду твоих шагов.

4 января 1902

* * *

Сгушался мрак церковного порога
В дни свадеб, в дни рождений, похорон;
А там — вилась широкая дорога.
И путник шел, закатом озарен.

Там не было конца свободной дали,
Но здесь, в тени, не виделось ни зги;
И каждый раз прохожего встречали
Из сумрака ответные шаги.

Церковный свод давал размерным звоном
Всем путникам напутственный ответ;
И в глубине, над сумрачным амвоном,
Остерегающий струился свет.

И, проходя в смеющиеся дали,
Здесь путник ждал, задумчив и смущен,
Чтоб меркнул свет, чтоб звуки замирали...
И дале шел, закатом озарен.

4 января 1902

* * *

Высоко с темнотой сливается стена,
Там — светлое окно и светлое молчанье.
Ни звука у дверей, и лестница темна,
И бродит по углам знакомое дрожанье.

В дверях дрожащий свет и сумерки вокруг.
И суeta и шум на улице безмерней.
Молчу и жду тебя, мой бедный, поздний друг,
Последняя мечта моей души вечерней.

11 января 1902

* * *

Там, в полусумраке собора,
В лампадном свете образа.
Живая ночь заглянет скоро
В твои бессонные глаза.

В речах о мудрости небесной
Земные чуются струи.
Там, в сводах — сумрак неизвестный,
Здесь — холод каменной скамьи.

Глубокий жар случайной встречи
Дохнул с церковной высоты
На эти дремлющие свечи,
На образа и на цветы.

И вдохновительно молчанье,
И скрыты помыслы твои,
И смутно чувствуется познание
И дрожь голубки и змеи.

14 января 1902

* * *

Мы преклонились у завета,
Молчаньем храма смущены.
В лучах божественного света
Улыбка вспомнилась Жены.

Единодушны и безмолвны,
В одних лучах, в одних стенах,
Постигли солнечные волны
Вверху — на темных куполах.

И с этой ветхой позолоты,
Из этой страшной глубины
На праздник мой спустился Кто-то
С улыбкой ласковой Жены.

18 января 1902. Исаакиевский собор

* * *

Я укрыт до времени в приделе,
Но растут великие крыла.
Час придет — исчезнет мысль о теле,
Станет высь прозрачна и светла.

Так светла, как в день веселой встречи,
Так прозрачна, как твоя мечта.
Ты услышишь сладостные речи,
Новой силой расцветут уста.

Мы с тобой подняться не успели, —
Загорелся мой тяжелый щит.
Пусть же ныне в роковом приделе,
Одинокий, в сердце догорит.

Новый щит я подниму для встречи,
Вознесу живое сердце вновь.
Ты услышишь сладостные речи,
Ты ответишь на мою любовь.

Час придет — в холодные метели
Даль весны заглянет, весела.
Я укрыт до времени в приделе,
Но растут всемогущие крыла.

29 января 1902

* * *

И нам недолго любоваться
На эти здешние пиры:
Пред нами тайны обнажатся,
Возблещут дальние миры.

Январь 1902

* * *

Уходит день. В пыли дорожной
Горят последние лучи.
Их красный отблеск непреложно
Слился с огнем моей свечи.

И ночь моя другой навстречу
Плывет, медлительно ясна.
Пусть красный отблеск не замечу —
Придет навверное она.

И всё, что было невозможно
В тревоге дня, иль поутру,
Свершится здесь, в пыли дорожной,
В лучах закатных, ввечеру.

1 февраля 1902

* * *

Сны раздумий небывалых
Стерегут мой день.
Вот видений запоздалых
Пламенная тень.

Все лучи моей свободы
Заалели там.
Здесь снега и непогоды
Окружили храм.

Все виденья так мгновенны —
Буду ль верить им?
Но Владычицей вселенной,
Красотой неизреченной
Я, случайный, бедный, тленный,
Может быть, любим.

Дни свиданий, дни раздумий
Стерегут в тиши...
Ждать ли пламенных безумий
Молодой души?

Иль, застывши в снежном храме,
Не открыв лица,
Встретить брачными дарами
Вестников конца?

3 февраля 1902

* * *

На весенний праздник света
Я зову родную тень.
Приходи, не жди рассвета,
Приноси с собою день!

Новый день — не тот, что бьется
С ветром в окна по весне!
Пусть без умолку смеется
Небывалый день в окне!

Мы тогда откроем двери,
И заплачем, и вздохнем,
Наши зимние потери
С легким сердцем понесем.

3 февраля 1902

* * *

Ты была светла до странности
И улыбкой — не проста.
Я в лучах твоей туманности
Понял юного Христа.
Проглянул сквозь тучи прежние
Яркий отблеск неземной.
Нас колышет безмятежнее
Изумрудною волной.
Я твоей любовной ласкою
Озарен — и вижу сны.
Но, поверь, считаю сказкою
Небывалый знак весны.

8 февраля 1902

* * *

Не поймут бескорбные люди
Этих масок, смехов в окне.
Ищу на распутьи безлюдий.
Веселий — не надо мне!

О, странно сладки напевы...
Они кажутся так ясны!
А здесь уже бледные девы
Уготовали путь весны.

Они знают, что мне неведомо,
Но поет теперь лишь одна...
Я за нею — горящим следом —
Всю ночь, всю ночь — у окна!

10 февраля 1902

* * *

Для солнца возврата нет.
«Снегурочка» Островского

Сны безотчетны, яркие краски,
Я не жалею бледных звезд.
Смотри, как солнечные ласки
В лазури нежат строгий крест.

Так — этим ласкам близ заката
Он отдается, как и мы,
Затем, что Солнцу нет возврата
Из надвигающейся тьмы.

Оно зайдет, и, замирая,
Утихнем мы, погаснет крест, —
И вновь очнемся, отступая
В спокойный холод бледных звезд.

12 февраля 1902

* * *

Мы живем в старинной келье
У разлива вод.
Здесь весной кипит веселье,
И река поет.

Но в предвестие веселий,
В день весенних бурь
К нам прольется в двери келий
Светлая лазурь.

И, полны заветной дрожью
Долгожданных лет,
Мы помчимся к бездорожью
В несказанный свет.

18 февраля 1902

* * *

И Дух и Невеста говорят: прииди.
Апокалипсис

Верю в Солнце Завета,
Вижу зори вдали.
Жду вселенского света
От весенней земли.

Всё дышавшее ложью
Отшатнулось, дрожа.
Предо мной — к бездорожью
Золотая межа.

Заповеданных лилий
Прохожу я леса.
Полны ангельских крылий
Надо мной небеса.

Непостижного света
Задрожали струи.
Верю в Солнце Завета,
Вижу очи Твои.

22 февраля 1902

* * *

Кто-то с Богом шепчется
У святой иконы.
Тайна жизни теплится,
Благовестны звоны.
Непорочность просится
В двери Духа Божья.
Сердце переносится
В дали бездорожья.
Здесь — смиренномудрия
Я кладу обеты.
В ризах целомудрия,
О, святая! где ты?
Испытаний силою
Истомленный — жду я
Ласковую, милую,
Вечно молодую.

27 февраля 1902

* * *

Мы всё простим — и не нарушим
Покоя девственниц весны,
Огонь божественный потушим,
Прогоним ласковые сны.

Нет меры нашему познанию,
Вещественный не вечен храм.

Когда мы воздвигали зданье,
Его паденье снилось нам.

И каждый раз, входя под своды,
Молясь и плача, знали мы:
Здесь пронесутся непогоды,
Снега улягутся зимы.

Февраль 1902

* * *

Ты — Божий день. Мои мечты —
Орлы, кричащие в лазури.
Под гневом светлой красоты
Они всечасно в вихре бури.

Стрела пронзает их сердца,
Они летят в паденьи диком...
Но и в паденьи — нет конца
Хвалам, и клёкоту, и крикам!

Февраля 1902

* * *

Целый день передо мною,
Молодая, золотая,
Ярким солнцем залитая,
Шла Ты яркою стезею.

Так, сливаясь с милой, дальней,
Проводил я день весенний
И вечерней светлой тени
Шел навстречу, беспечальный.

Дней блаженных сновиденье —
Шла Ты чистою стезею.

О, взойди же предо мною
Не в одном воображеньи!

Февраль 1902

* * *

Там сумерки невнятно трепетали,
Таинственно сменяя день пустой.
Кто, проходя, души моей скрижали
Заполонил упорною мечтой?

Кто, проходя, тревожно кинул взоры
На этот смутно отходящий день?
Там, в глубинах, — мечты и мысли скоры,
Здесь, на земле, — как сон, и свет и тень.

Но я пойму и всё мечтой объемлю,
Отброшу сны, увижу наяву,
Кто тронул здесь одну со мною землю,
За ним в вечерний сумрак уплыву.

Февраль 1902

* * *

Мы странствовали с Ним по городам.
Из окон люди сонные смотрели.
Я шел вперед; а позади — Он Сам,
Всепроникающий и близкий к цели.

Боялся я моих невольных сил,
Он направлял мой шаг замороженный.
Порой прохожий близко проходил
И тайно вздрагивал, смущенный...

Нас видели по черным городам,
И, сонные, доверчиво смотрели:

Я шел вперед; но позади — Он Сам,
Подобный мне. Но — близкий к цели.

Февраль 1902

* * *

Гадай и жди. Среди полночи
В твоём окошке, милый друг,
Зажгутся дерзостные очи,
Послышится условный стук.

И мимо, задувая свечи,
Как некий Дух, закрыв лицо,
С надеждой невозможной встречи
Пройдет на милое крыльцо.

15 марта 1902

* * *

Жизнь медленная шла, как старая гадалка,
Таинственно шепча забытые слова.
Вздыхал о чём-то я, чего-то было жалко,
Какою-то мечтой горела голова.

Остановясь на перекрестке, в поле,
Я наблюдал зубчатые леса.
Но даже здесь, под игом чуждой воли,
Казалось, тяжести были небеса.

И вспомнил я сокрытые причины
Плененья дум, плененья юных сил.
А там, вдали — зубчатые вершины
День отходящий томно золотил...

Весна, весна! Скажи, чего мне жалко?
Какой мечтой пылает голова?

Таинственно, как старая гадалка,
Мне шепчет жизнь забытые слова.

16 марта 1902

* * *

Мой вечер близок и безволен.
Чуть вечереют небеса, —
Несутся звуки с колоколен,
Крылатых слышу голоса.

Ты — ласковым и тонким жалом
Мои пыгаешь глубины,
Слежу прозрением усталым
За вестью чуждой мне весны.

Меж нас — случайное волнение.
Случайно сладостный обман —
Меня обрек на поклоненье,
Тебя призвал из белых стран.

И в бесконечном отдалении
Замрут печально голоса,
Когда окутанные тенью
Мои погаснут небеса.

27 марта 1902

* * *

На темном пороге тайком
Святые шепчу имена.
Я знаю: мы в храме вдвоем,
Ты думаешь: здесь ты одна...

Я слушаю вздохи твои
В каком-то несбыточном сне...

Слова о какой-то любви...
И, Боже! мечты обо мне...

Но снова кругом тишина,
И плачущий голос затих...
И снова шепчу имена
Безумно забытых святых.

Всё призрак — всё горе — всё ложь!
Дрожу, и молюсь, и шепчу...
О, если крылами взмахнешь,
С тобой навсегда улечу!..

Март 1902

* * *

Я медленно сходил с ума
У двери той, которой жажду.
Весенний день сменяла тьма
И только разжигала жажду.

Я плакал, страстью утомясь,
И стоны заглушал угрюмо.
Уже двоилась, шевелясь,
Безумная, больная дума.

И проникала в тишину
Моей души, уже безумной,
И залила мою весну
Волною черной и бесшумной.

Весенний день сменяла тьма,
Хладело сердце над могилой.
Я медленно сходил с ума,
Я думал холодно о милой.

Март 1902

* * *

Весна в реке ломает льдины
И милых мертвых мне не жаль:
Преодолев мои вершины,
Забыл я зимние теснины
И вижу голубую даль.

Что сожалеть в дыму пожара,
Что сокрушаться у креста,
Когда всечасно жду удара
Или божественного дара
Из Моисеева куста!

Март 1902

* * *

Кто плачет здесь? На мирные ступени
Всходите все — в открытые врата.
Там — в глубине — Мария ждет молений,
Обновлена рождением Христа.

Скрепи свой дух надеждой высшей доли,
Войди и ты, печальная жена.
Твой милый пал, но весть в кровавом поле,
Весть о Любви — по-прежнему ясна.

Здесь места нет победе жалких тлений,
Здесь всё — Любовь. В открытые врата
Входите все. Мария ждет молений,
Обновлена рождением Христа.

Март 1902

* * *

Утомленный, я терял надежды,
Подходила темная тоска.
Забелели чистые одежды,
Задрожала тихая рука.

«Ты ли здесь? Долина потонула
В безысходном, в непробудном сне...
Ты сошла, коснулась и вздохнула, —
День свободы завтра мне?»

«Я сошла, с тобой до утра буду,
На рассвете твой покину сон,
Без следа исчезну, всё забуду, —
Ты проснешься, вновь освобожден».

1 апреля 1902

* * *

Странных и новых ищущих на страницах
Старых испытанных книг,
Грежу о белых исчезнувших птицах,
Чую оторванный миг.

Жизнью шумящей нестройно взволнован,
Шопотом, криком смущен,
Белой мечтой неподвижно прикован
К берегу поздних времен.

Белая Ты, в глубинах несмутима,
В жизни — строга и гневна.
Тайно тревожна и тайно любима,
Дева, Заря, Купина.

Блещут ланиты у дев златокудых,
Зори не вечны, как сны.

Терны венчают смиренных и мудрых
Белым огнем Купины.

4 апреля 1902

* * *

Днем вершу я дела суеты,
Зажигаю огни ввечеру.
Безысходно туманная — ты
Предо мной затеваешь игру.

Я люблю эту ложь, этот блеск,
Твой манящий девичий наряд.
Вечный гомон и уличный треск,
Фонарей убегающий ряд.

Я люблю, и люблюсь, и жду
Переливчатых красок и слов.
Подойду и опять отойду
В глубины протекающих снов.

Как ты лжива и как ты бела!
Мне же по сердцу белая ложь...
Завершая дневные дела,
Знаю — вечером снова придешь.

5 апреля 1902

* * *

Люблю высокие соборы,
Душой смиряясь, посещать,
Входить на сумрачные хоры,
В толпе поющих исчезать.
Боюсь души моей двуликой
И осторожно хороню
Свой образ дьявольский и дикий

В сию священную броню.
В своей молитве суеверной
Ищу защиты у Христа.
Но из-под маски лицемерной
Смеются лживые уста.
И тихо, с измененным ликом,
В мерцаньи мертвенном свечей,
Бужу я память о Двуликом
В сердцах молящихся людей.
Вот — содрогнулись, смолкли хоры,
В смятеньи бросились бежать.
Люблю высокие соборы,
Душой смиряясь, посещать.

8 апреля 1902

* * *

Я знаю день моих проклятий,
Бегу в мой довременный скит,
Я вырываюсь из объятий,
Но он — распутье сторожит.

Его докучливые крики,
То близко, то издалека, —
И страх, и стыд, и ужас дикий,
И обнаженная тоска.

И на распутьи — пленник жалкий —
Я спотыкаюсь, я кричу..
Он манит белою русалкой,
Он теплит издали свечу..

И, весь измучен, в исступленьи,
Я к миру возвращаюсь вновь —
На безысходное мученье,
На безысходную любовь.

13 апреля 1902

* * *

Мы отошли и стали у кормила,
Где мимо шли сребристые струи.
И наблюдали вздутое ветрило,
И вечер дня, и линии твои.

Теряясь в мгле, ты ветром управляла,
Бесстрашная, на водной быстрине.
Ты, как заря, невнятно догорала
В его душе — и пела обо мне.

И каждый звук — короткий и протяжный
Я измерял, блаженный, у руля.
А он смотрел, задумчивый и важный,
Как вдалеке туманилась земля...

13 апреля 1902

* * *

Я — тварь дрожащая. Лучами
Озарены, коснеют сны.
Перед Твоими глубинами
Мои ничтожны глубины.
Не знаешь Ты, какие цели
Таишь в глубинах Роз Твоих,
Какие Ангелы слетели,
Кто у преддверия затих...
В Тебе таятся в ожиданьи
Великий свет и злая тьма —
Разгадка всякого познания
И бред великого ума.

26 апреля 1902

* * *

Слышу колокол. В поле весна.
Ты открыла веселые окна.
День смеялся и гас. Ты следила одна
Облаков розоватых волокна.

Смех прошел по лицу, но замолк и исчез.
Что же мимо прошло и смутило?
Ухожу в розовеющий лес
Ты забудешь меня, как простила.

Апрель 1902

* * *

Там — в улице стоял какой-то дом,
И лестница крутая в тьму водила.
Там открывалась дверь, звеня стеклом,
Свет выбегал, — и снова тьма бродила.

Там в сумерках белел дверной навес
Под вывеской «Цветы», прикреплен болтом.
Там гул шагов терялся и исчез
На лестнице — при свете лампы желтом.

Там наверху окно смотрело вниз,
Завешанное неподвижной шторой,
И, словно лоб наморщенный, карниз
Гримасу придавал стене — и взоры...

Там, в сумерках, дрожал в окошках свет,
И было пенье, музыка и танцы.
А с улицы — ни слов, ни звуков нет, —
И только стекло выступали глянца.

По лестнице над сумрачным двором
Мелькала тень, и лампа чуть светила.

Вдруг открывалась дверь, звеня стеклом,
Свет выбегал, и снова тьма бродила.

1 мая 1902

* * *

Я и мир — снега, ручьи,
Солнце, песни, звезды, птицы,
Смутных мыслей вереницы —
Все подвластны, все Твои!

Нам не страшен вечный плен,
Незаметна узость стен,
И от грани и до грани
Нам довольно содроганий,
Нам довольно перемен!

Возлюбить, возненавидеть
Мирозданья скрытый смысл,
Чет и нечет мертвых числ,
И вверху — Тебя увидеть!

10 мая 1902

* * *

Мы встречались с тобой на закате.
Ты веслом рассекала залив.
Я любил твое белое платье,
Утонченность мечты разлюбив.

Были странны безмолвные встречи.
Впереди — на песчаной косе
Загорались вечерние свечи.
Кто-то думал о бледной красе.

Приближений, сближений, сгораний —
Не приемлет лазурная тишь...

Мы встречались в вечернем тумане,
Где у берега рябь и камыш.

Ни тоски, ни любви, ни обиды,
Всё померкло, прошло, отошло...
Белый стан, голоса панихиды
И твое золотое весло.

13 мая 1902

* * *

Тебя скрывали туманы,
И самый голос был слаб.
Я помню эти обманы,
Я помню, покорный раб.

Тебя венчала корона
Еще рассветных причуд.
Я помню ступени трона
И первый твой строгий суд.

Какие бледные платья!
Какая странная тишь!
И лилий полны объятья,
И ты без мысли глядишь.

Кто знает, где это было?
Куда упала Звезда?
Какие слова говорила,
Говорила ли ты тогда?

Но разве мог не узнать я
Белый речной цветок,
И эти бледные платья,
И странный, белый намек?

Май 1902

* * *

Когда святого забвения
Кругом недвижная тишь, —
Ты смотришь в тихом томлении,
Речной раздвинув камыш.

Я эти травы зеленые
Люблю и в сонные дни.
Не в них ли мои потасненные,
Мои золотые огни?

Ты смотришь тихая, строгая,
В глаза прошедшей мечте.
Избрал иную дорогу я, —
Иду, — и песни не те...

Вот скоро вечер придвинется,
И ночь — навстречу судьбе:
Тогда мой путь опрокинется,
И я возвращусь к Тебе.

Май 1902

* * *

Ты не ушла. Но, может быть,
В своем непостижимом строе
Могла исчерпать и избыть
Всё мной любимое, земное...

И нет разлуки тяжелей:
Тебе, как роза, безответной,
Пою я, серый соловей,
В моей темнице многоцветной!

28 мая 1902

СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ

V

С. Шахматово. Лето 1902 года

* * *

Брожу в стенах монастыря,
Безрадостный и темный инок.
Чуть брежжит бледная заря, —
Слежу мелькания снежинок.

Ах, ночь длинна, заря бледна
На нашем севере угрюмом.
У занесенного окна
Упорным предаюся думам.

Один и тот же снег — белей
Нетронутой и вечной ризы.
И вечно бледный воск свечей,
И убеленные карнизы.

Мне странен холод здешних стен
И непонятна жизни бедность.
Меня пугает сонный плен
И братий мертвенная бедность.

Заря бледна и ночь долга,
Как ряд заутрень и обеден.
Ах, сам я бледен, как снега,
В упорной думе сердцем беден...

11 июня 1902. С. Шахматово

* * *

На ржавых петлях открываю ставни,
Вдыхаю сладко первые струи.
С горы спустился весь туман недавний
И, белый, обнял пажити мои.

Там рассвело, но солнце не всходило
Я ожиданье чувствую вокруг.
Спи без тревог. Тебя не разбудила
Моя мечта, мой безмятежный друг.

Я бодрствую, задумчивый мечтатель:
У изголовья, в тайной ворожке,
Твои черты, философ и ваятель,
Изображу и передам тебе.

Когда-нибудь в минуту восхищенья
С ним заодно и на закате дня,
Даря ему свое изображение,
Ты скажешь вскользь: «Как он любил меня!»

Июнь 1902

* * *

Золотокудрый Ангел дня
В ночную фею обратится,
Но и она уйдет, звеня,
Как мимолетный сон приснится.

Предел наш — синяя лазурь
И лоно матери земное.
В них тишина — предвестье бурь,
И бури — вестницы покоя.

Пока ты жив, — один закон
Младенцу, мудрецу и деве.

Зачем же, смертный, ты смущен
Преступным сном о Божьем гнев?

Лето 1902

* * *

Пробивалась певучим потоком,
Уходила в немую лазурь,
Исчезала в просторе глубоком
Отдаленным мечтанием бурь.
Мы, забыты в стране одичалой,
Жили бедные, чуждые слез,
Трепетали, молились на скалы,
Не видали сгорающих роз.
Вдруг примчалась на север угрюмый,
В небывалой предстала красе,
Назвала себя смертною думой,
Солнце, месяц и звезды в косе.
Отошли облака и тревоги,
Всё житейское — в сладостной мгле,
Побежали святые дороги,
Словно небо вернулось к земле.
И на нашей земле одичалой
Мы постигли сгорания роз.
Злые думы и гордые скалы —
Всё растаяло в пламени слез.

1 июля 1902

На смерть деда
(1 июля 1902 г.)

Мы вместе ждали смерти или сна.
Томительные проходили миги.
Вдруг ветерком пахнуло от окна,
Зашевелился лист Священной Книги.

Там старец шел — уже, как лунь, седой —
Походкой бодрою, с веселыми глазами,
Смеялся нам, и всё манил рукой,
И уходил знакомыми шагами.

И вдруг мы все, кто был — и стар и млад, —
Узнали в нем того, кто перед нами,
И, обернувшись с трепетом назад,
Застали прах с закрытыми глазами...

Но было сладко душу уследить
И в отходящей увидеть веселье.
Пришел наш час — запомнить и любить,
И праздновать иное новоселье.

С. Шахматово

* * *

Не бойся умереть в пути.
Не бойся ни вражды, ни дружбы.
Внимай словам церковной службы,
Чтоб грани страха перейти.

Она сама к тебе сойдет.
Уже не будешь в рабстве тленном
Манить смеющийся восход
В обличьи бедном и смиренном.

Она и ты — один закон,
Одно веленье Высшей Воли.
Ты не навеки обречен
Отчаянной и смертной боли.

5 июля 1902

* * *

*Имеющий невесту есть жених;
а друг жениха,
стоящий и внимающий ему,
радостью радуется,
слыша голос жениха.*

От Иоанна, III, 29

Я, отрок, зажигаю свечи,
Огонь кафельный берегу.
Она без мысли и без речи
На том смеется берегу.

Люблю вечернее моленье
У белой церкви над рекой,
Передзакатное селенье
И сумрак мутно-голубой.

Покорный ласковому взгляду,
Любуюсь тайной красоты,
И за церковную ограду
Бросаю белые цветы.

Падет туманная завеса.
Жених сойдет из алтаря.
И от вершин зубчатых леса
Забрежжит брачная заря.

7 июля 1902

* * *

Говорили короткие речи,
К ночи ждали странных вестей.
Никто не вышел навстречу.
Я стоял один у дверей.

Подходили многие к дому,
Крича и плача навзрыд.
Все были мне незнакомы,
И меня не трогал их вид.

Все ждали какой-то вести.
Из отрывков слов я узнал
Сумасшедший бред о невесте,
О том, что кто-то бежал.

И, всходя на холмик за садом,
Все смотрели в синюю даль.
И каждый притворным взглядом
Показать старался печаль.

Я один не ушел от двери
И не смел войти и спросить.
Было сладко знать о потере,
Но смешно о ней говорить.

Так стоял один — без тревоги.
Смотрел на горы вдали.
А там — на крутой дороге —
Уж клубилось в красной пыли.

15 июля 1902

* * *

Сбежал с горы и замер в чаще.
Кругом мелькают фонари...
Как бьется сердце — злей и чаще!
Меня проищут до зари.

Огонь болотный им неведом.
Мои глаза — глаза совы.
Пускай бегут за мною следом
Среди запутанной травы.

Мое болото их затянет,
Сомкнется мутное кольцо,
И, опрокинувшись, заглянет
Мой белый призрак им в лицо.

21 июля 1902

* * *

Я и молод, и свеж, и влюблен,
Я в тревоге, в тоске, и в мольбе,
Зеленею, таинственный клен,
Неизменно склоненный к тебе.
Теплый ветер пройдет по листьям —
Задрожат от молитвы стволы,
На лице, обращенном к звездам,
Ароматные слезы хвалы.
Ты придешь под широкий шатер
В эти бледные сонные дни
Заглядеться на милый убор,
Размечтаться в зеленой тени.
Ты одна, влюблена и со мной,
Нашепчу я таинственный сон.
И до ночи — с тоскою, с тобой,
Я с тобой, зеленеющий клен.

31 июля 1902

* * *

Ужасен холод вечеров,
Их ветер, бьющийся в тревоге,
Несуществующих шагов
Тревожный шорох на дороге.

Холодная черта зари —
Как память близкою недуга

И верный знак, что мы внутри
Неразмыкаемого круга.

Июль 1902

* * *

За темной далью городской
Терялся белый лед.
Я подружился с темнотой,
Замедлил быстрый ход.

Ревело с черной высоты
И приносило снег.
Навстречу мне из темноты
Поднялся человек.

Лицо скрывая от меня,
Он быстро шел вперед
Туда, где не было огня
И где кончался лед.

Он обернулся — встретил я
Один горящий глаз.
Потом сомкнулась полынья —
Его огонь погас.

Слилось морозное кольцо
В спокойный струйный бег.
Зарделось нежное лицо,
Вздыхнул холодный снег.

И я не знал, когда и где
Явился и исчез —
Как опрокинулся в воде
Лазурный сон небес.

4 августа 1902

* * *

Свет в окошке шатался,
В полумраке — один —
У подъезда шептался
С темнотой арлекин.

Был окутанный мглою
Бело-красный наряд.
Наверху — за стеною
Шутовской маскарад.

Там лицо укрывали
В разноцветную ложь.
Но в руке узнавали
Неизбежную дрожь.

«Он» — мечом деревянным
Начертал письмена.
Восхищенная странным,
Потуплялась «она».

Восхищенью не веря,
С темнотою — один —
У задумчивой двери
Хохотал арлекин.

6 августа 1902

* * *

Пытался сердцем отдохнуть я —
Ужель не сбросить этих снов?
Но кто-то ждал на перепутьи
Моих последних страшных слов...

Он ждет еще. Редуют тени,
Яснее, ближе сон конца.

Он спрятал голову в колени
И не покажет мне лица.

Но в день последний, в час бездонный,
Нарушив всяческий закон,
Он встанет, призрак беззаконный,
Зеркальной гладью отражен.

И в этот час, в пустые сени
Войдет подобие лица,
И будет в зеркале без тени
Изображенье пришлеца.

27 августа 1902

* * *

Золотистой долиной
Ты уходишь, нем и дик.
Тает в небе журавлиный
Удаляющийся крик.

Замер, кажется, в зените
Грустный голос, долгий звук.
Бесконечно тянет нити
Торжествующий паук.

Сквозь прозрачные волокна
Солнце, света не тая,
Праздно бьет в слепые окна
Опустелого жилья.

За нарядные одежды
Осень солнцу отдала
Улетевшие надежды
Вдохновенного тепла.

29 августа 1902

* * *

Без Меня б твои сны улетали
В безжеланно-туманную высь,
Ты вспомни вечерние дали,
В тихий терем, дитя, постучись.

Я живу над зубчатой землею,
Вечерею в Моем терему.
Приходи, Я тебя успокою,
Милый, милый, тебя обниму.

Отошла Я в снега без возврата,
Но, холодные вихри крутя,
На черте огневого заката
Начертала Я Имя, дитя...

Август 1902

* * *

Тебя я встречу где-то в мире,
За далью каменных дорог.
На страшном, на последнем пире
Для нас готовит встречу Бог.

Август 1902

СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ

VI

С.-Петербург. Осень – 7 ноября 1902 года

* * *

Я вышел в ночь — узнать, понять
Далекий шорох, близкий ропот,
Несуществующих принять,
Поверить в мнимый конский топот.

Дорога, под луной бела,
Казалось, наполнилась шагами.
Там только чья-то тень брела
И опустилась за холмами.

И слушал я — и услышал:
Среди дрожащих лунных пятен
Далеко, звонко конь скакал,
И легкий посвист был понятен.

Но здесь, и дальше — ровный звук,
И сердце медленно боролось,
О, как понять, откуда стук,
Откуда будет слышен голос?

И вот, слышнее звон копыт,
И белый конь ко мне несется...
И стало ясно, кто молчит
И на пустом седле смеется.

Я вышел в ночь — узнать, понять
Далекий шорох, близкий ропот,
Несуществующих принять,
Поверить в мнимый конский топот.

6 сентября 1902. С.-Петербург

* * *

Безрадостные всходят семена.
Холодный ветер бьется в голых прутьях.
В моей душе открылись письма.
Я их таю — в селеньях, на распутьях...
И крадусь я, как тень, у лунных стен.
Меняются, темнеют, гложут стены.
Мне сладостно от всяких перемен,
Мне каждый день рождает перемены.
О, как я жив, как бьет ключами кровь!
Я здесь родной с подземными ключами!
Мгновенья тайн! Ты, вечная любовь!
Я понял вас! Я с вами! Я за вами!
Растет, растет великая стена.
Холодный ветер бьется в голых прутьях.
Я вас открыл, святые письма.
Я вас храню с улыбкой на распутьях.

6 сентября 1902

* * *

В городе колокол бился,
Поздние славя мечты.
Я отошел и молился
Там, где провиделась Ты.

Слушая зов иноверца,
Поздними днями дыша,

Билось по-прежнему сердце,
Не изменялась душа.

Всё отошло, изменило,
Шепчет про душу мою...
Ты лишь Одна сохранила
Древнюю Тайну Свою.

15 сентября 1902

* * *

Я просыпался и всходил
К окну на темные ступени.
Морозный месяц серебрил
Мои затихнувшие сени.

Давно уж не было вестей,
Но город приносил мне звуки,
И каждый день я ждал гостей
И слушал шорохи и стуки.

И в полночь вздрагивал не раз,
И, пробуждаемый шагами,
Всходил к окну — и видел газ,
Мерцавший в улицах цепями.

Сегодня жду моих гостей
И дрогну, и сжимаю руки.
Давно мне не было вестей,
Но были шорохи и стуки.

18 сентября 1902

Экклесиаст

Благословляя свет и тень
И веселясь игрою лирной,

Смотри туда — в хаос безмирный,
Куда склоняется твой день.

Цела серебряная цепь,
Твои наполнены кувшины,
Миндаль цветет на дне долины,
И влажным зноем дышит степь.

Идешь ты к дому на горах,
Полдненным солнцем залитая,
Идешь — повязка золотая
В смолистых тонет волосах.

Зачахли каперса цветы,
И вот — кузнечик тяжелеет,
И на дороге ужас веет,
И помрачились высоты.

Молоть устали жернова.
Бегут испуганные стражи,
И всех объемлет призрак вражий,
И долу гнутся деревья.

Всё диким страхом смятено.
Стопились в кучу люди, звери.
И тщетно замыкают двери
Досель смотревшие в окно.

24 сентября 1902

* * *

Она стройна и высока,
Всегда надменна и сурова.
Я каждый день издалека
Следил за ней, на всё готовый.

Я знал часы, когда сойдет
Она — и с нею отблеск шаткий.

И, как злодей, за поворот
Бежал за ней, играя в прятки.

Мелькали желтые огни
И электрические свечи.
И он встречал ее в тени,
А я следил и пел их встречи.

Когда, внезапно смущены,
Они предчувствовали что-то,
Меня скрывали в глубины
Слепые темные ворота.

И я, невидимый для всех,
Следил мужчины профиль грубый,
Ее серебристо-черный мех
И что-то шепчущие губы.

27 сентября 1902

* * *

Был вечер поздний и багровый,
Звезда-предвестница взошла.
Над бездной плакал голос новый —
Младенца Дева родила.

На голос тонкий и протяжный,
Как долгий визг веретена,
Пошли в смятеньи старец важный,
И царь, и отрок, и жена.

И было знаменье и чудо:
В невозмутимой тишине
Среди толпы возник Иуда
В холодной маске, на коне.

Владыки, полные заботы,
Послали весть во все концы,

И на губах Искарюта
Улыбку видели гонцы.

Апрель – сентябрь 1902

Старик

А.С.Ф.

Под старость лет, забыв святое,
Сухим вниманьем я живу.
Когда-то — там — нас было двое,
Но то во сне — не наяву.

Смотрю на бледный цвет осенний,
О чем-то память шепчет мне...
Но разве можно верить тени,
Мелькнувшей в юношеском сне?

Всё это было или мнилось?
В часы забвенья старых ран
Мне иногда подолгу снилась
Мечта, ушедшая в туман.

Но глупым сказкам я не верю,
Больной, под иглом седины.
Пускай другой отыщет двери,
Какие мне не суждены.

29 сентября 1902

* * *

При жолтом свете веселились,
Всю ночь у стен сжимался круг,
Ряды танцующих двоились,
И мнился неотступный друг.

Желанье поднимало груди,
На лицах отражался зной.
Я проходил с мечтой о чуде,
Томимый похотью чужой...

Казалось, там, за дымкой пыли,
В толпе скрываясь, кто-то жил,
И очи странные следили,
И голос пел и говорил...

Сентябрь 1902

* * *

О легендах, о сказках, о тайнах.
Был один Всепобедный Христос.
На пустынях, на думках случайных
Начертался и вихри пронес.

Мы терзались, стирались веками,
Закаляли железом сердца,
Утомленные, вновь вспоминали
Непостижную тайну Отца.

И пред Ним распростертые долу
Замираем на тонкой черте:
Не понять Золотого Глагола
Изнуренной железом мечте.

Сентябрь 1902

* * *

Он входил, простой и скудный,
Не дыша, молчал и гас.
Неотступный, изумрудный
На него смеялся глаз.

Или тайно изумленный
На него смотрел в тиши.
Он молчал, замороженный
Сладкой близостью души.

Но всегда, считая миги,
Знал — изменится она.
На страницах тайной книги
Видел те же письма.

Странен был простой и скудный
Молчаливый нелюдим.
И внимательный, и чудный
Тайный глаз следил за ним.

Сентябрь 1902

* * *

Явился он на стройном бале
В блестяще сомкнутом кругу.
Огни зловещие мигали,
И взор описывал дугу.

Всю ночь кружились в шумном танце,
Всю ночь у стен сжимался круг.
И на заре — в оконном глянце
Беспумный появился друг.

Он встал и поднял взор свиный,
И смотрит — пристальный — один,
Куда за бледной Коломбиной
Бежал звенящий Арлекин.

А там — в углу — под образами.
В толпе, мягущейся пестро,
Вращая детскими глазами,
Дрожит обманутый Пьеро.

7 октября 1902

* * *

Свобода смотрит в синеву.
Окно открыто. Воздух резок.
За желто-красную листву
Уходит месяца отрезок.

Он будет ночью — светлый серп,
Сверкающий на жатве ночи.
Его закат, его ущерб
В последний раз ласкает очи.

Как и тогда, звенит окно.
Но голос мой, как воздух свежий,
Пропел давно, замолк давно
Под тростником у побережий,

Как бледен месяц в синеве,
Как золотится тонкий волос...
Как там качается в листве
Забывтый, блеклый, мертвый колос...

10 октября 1902

* * *

Ушел он, скрылся в ночи,
Никто не знает куда.
На столе остались ключи,
В столе — указанье следа.

И кто же думал тогда,
Что он не придет домой?
Стихала ночная езда —
Он был обручен с Женой.

На белом холодном снегу
Он сердце свое убил.

А думал, что с Ней в лугу
Средь белых лилий ходил.

Вот брезжит утренний свет,
Но дома его всё нет.
Невеста напрасно ждет,
Он был, но он не придет.

12 октября 1902

Religio¹

1

Любил я нежные слова.
Искал таинственных соцветий.
И, прозревающий едва,
Еще шумел, как в играх дети.

Но, выходя под утро в луг,
Твердя невнятные напевы,
Я знал Тебя, мой вечный друг,
Тебя, Хранительница-Дева.

Я знал, задумчивый поэт,
Что ни один не ведал гений
Такой свободы, как обет
Моих невольничьих Служений.

2

Безмолвный призрак в терему,
Я — черный раб проклятой крови.
Я соблюдаю полутьму
В Ее нетронutom алькове.

¹ Богослужение (лат.).

Я стерегу Ее ключи
И с Ней присутствую, незримый.
Когда скрещаются мечи
За красоту Недостижимой.

Мой голос глух, мой волос сед.
Черты до ужаса недвижны.
Со мной всю жизнь — один Завет:
Завет служенья Непостижной.

18 октября 1902

* * *

Вхожу я в темные храмы,
Совершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцаньи красных лампад.

В тени у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей.
А в лицо мне глядит, озаренный,
Только образ, лишь сон о Ней.

О, я привык к этим ризам
Величавой Вечной Жены!
Высоко бегут по карнизам
Улыбки, сказки и сны.

О, Святая, как ласковы свечи,
Как отрадны Твои черты!
Мне не слышны ни вздохи, ни речи,
Но я верю: Милая — Ты.

25 октября 1902

* * *

Ты свята, но я Тебе не верю,
И давно всё знаю наперед:
Будет день, и распахнутся двери,
Вереница белая пройдет.

Будут страшны, будут несказанны
Неземные маски лиц...
Буду я взывать к Тебе: Осанна!
Сумасшедший, распростертый ниц.

И тогда, поднявшись выше тлена,
Ты откроешь Лучезарный Лик.
И, свободный от земного плена,
Я пролью всю жизнь в последний крик.

29 октября 1902

* * *

Будет день, словно миг веселья.
Мы забудем все имена.
Ты сама придешь в мою келью
И разбудишь меня от сна.

По лицу, объятому дрожью,
Угадаешь думы мои.
Но всё прежнее станет ложью,
Чуть займутся Лучи Твои.

Как тогда, с безгласной улыбкой
Ты прочтешь на моем челе
О любви неверной и зыбкой,
О любви, что цвела на земле.

Но тогда — величавей и краше,
Без сомнений и дум приму.

И до дна исчерпаю чашу,
Сопричастный Дню Твоему.

31 октября 1902

* * *

Его встречали повсюду
На улицах в сонные дни.
Он шел и нес свое чудо,
Спотыкаясь в морозной тени.

Входил в свою тихую келью,
Зажигал последний свет,
Ставил лампаду веселью
И пышный лилий букет.

Ему дивились со смехом,
Говорили, что он чудак.
Он думал о шубке с мехом
И опять скрывался во мрак.

Однажды его проводили,
Он весел и счастлив был,
А утром в гроб уложили,
И священник тихо служил.

Октябрь 1902

* * *

Разгораются тайные знаки
На глухой, непробудной стене.
Золотые и красные маки
Надо мной тяготекот во сне.

Укрываюсь в ночные пещеры
И не помню суровых чудес.

На заре — голубые химеры
Смотрят в зеркале ярких небес.

Убегаю в прошедшие миги,
Закрываю от страха глаза,
На листах холодеющей книги —
Золотая девичья коса.

Надо мной небосвод уже низок,
Черный сон тяготее в груди.
Мой конец предначертанный близок,
И война, и пожар — впереди.

Октябрь 1902

* * *

Мне страшно с Тобой встречаться.
Страшнее Тебя не встречать.
Я стал всему удивляться,
На всем уловил печать.

По улице ходят тени,
Не пойму — живут, или спят..
Прильнув к церковной ступени,
Боюсь оглянуться назад.

Кладут мне на плечи руки,
Но я не помню имен.
В ушах раздаются звуки
Недавних больших похорон.

А хмурое небо низко —
Покрыло и самый храм.
Я знаю — Ты здесь, Ты близко.
Тебя здесь нет. Ты — там.

5 ноября 1902

* * *

Дома растут, как желанья,
Но взгляни внезапно назад:
Там, где было белое зданье,
Увидишь ты черный смрад.

Так все вещи меняют место,
Неприметно уходят в высь.
Ты, Орфей, потерял невесту, —
Кто шепнул тебе — «Оглянись...»?

Я закрою голову белым,
Закричу и кинусь в поток.
И всплывет, качнется над телом
Благовонный, речной цветок.

5 ноября 1902

РАСПУТЬЯ

(1902-1904)

*С.-Петербург - Bad Nauheim -
с. Шахматово*

* * *

Я их хранил в приделе Иоанна,
Недвижный страж, – хранил огонь лампад.

И вот – Она, и к Ней – моя Осанна –
Венец трудов – превыше всех наград.

Я скрыл лицо, и проходили годы.
Я пребывал в Служеньи много лет.

И вот зажглись лучом вечерним своды,
Она дала мне Царственный Ответ.

Я здесь один хранил и теплил свечи.
Один – пророк – дрожал в дыму кадил.

И в Оный День – один участник встречи –
Я этих встреч ни с кем не разделил.

8 ноября 1902

* * *

Стою у власти, душой одинок,
Владыка земной красоты.

Ты, полный страсти ночной цветок,
Полюбила мои черты.

Склоняясь низко к моей груди,
Ты печальна, мой вешний цвет.
Здесь сердце близко, но там впереди
Разгадки для жизни нет.

И, многовластный, число, как встарь,
Ворожу и гадаю вновь,
Как с жизнью страстной я, мудрый царь,
Сочетаю Тебя, Любовь?

14 ноября 1902

* * *

Небыточное грезится опять.

Фет

Еще бледные зори на небе,
Далеко запевают петух.
На полях в созревающем хлебе
Червячок засветил и потух.

Потемнели ольховые ветки,
За рекой огонек замигал.
Сквозь туман чародейный и редкий
Невидимкой табун проскакал.

Я печальными еду полями,
Повторяю печальный напев.
Невозможные сны за плечами
Исчезают, душой овладев.

Я шепчу и слагаю созвучья —
Небывалое в думах моих.

И качаются серые сучья,
Словно руки и лица у них.

17 ноября 1902

* * *

Я надел разноцветные перья,
Закалил мои крылья — и жду.
Надо мной, подо мной — недоверье,
Расплывается сумрак — я жду.

Вот сидят, погружаясь в дремоту,
Птицы, спутники прежних годов.
Всё забыли, не верят полету
И не видят, на что я готов.

Эти бедные, сонные птицы —
Не взлетят они стаей с утра,
Не заметят мерцанья денницы,
Не поймут восклицанья: Пора!

Но сверкнут мои белые крылья,
И сомкнутся, сожмутся они,
Удрученные снами бессилья,
Засыпая на долгие дни.

21 ноября 1902

Песня Офелии

Он вчера нашептал мне много,
Нашептал мне страшное, страшное...
Он ушел печальной дорогой,
А я забыла вчерашнее —
забыла вчерашнее.

Вчера это было — давно ли?
Отчего он такой молчаливый?
Я не нашла моих лилий в поле,
Я не искала плакучей ивы —
плакучей ивы.

Ах, давно ли! Со мною, со мною
Говорили — и меня целовали...
И не помню, не помню — скрою,
О чем берега шептали —
берега шептали.

Я видела в каждой былинке
Дорогое лицо его страшное...
Он ушел по той же тропинке,
Куда уходило вчерашнее —
уходило вчерашнее.

Я одна приютилась в поле,
И не стало больше печали.
Вчера это было — давно ли?
Со мной говорили, и меня целовали —
меня целовали.

23 ноября 1902

* * *

Я, изнуренный и премудрый,
Восстав от тягостного сна,
Перед Тобою, Златокудрой,
Склоняю долу знамена.

Конец всеведущей гордыне. —
Прошедший сумрак разлюбя,
Навеки преданный Святыне,
Во всем слушаюсь Тебя.

Зима пройдет — в певучей вьюге
Уже звенит издалика.
Сомкнулись царственные дуги,
Душа блаженна, Ты близка.

30 ноября 1902

Голос

Жарки зимние туманы —
Свод небесный весь в крови.
Я иду в иные страны
Тайнодейственной любви.

Ты — во сне. Моих объятий
Не дарю тебе в ночи.
Я — царица звездных ратей,
Не тебе — мои лучи.

Ты обманут неизвестным:
За священные мечты
Невозможно бестелесным
Открывать свои черты.

Углубись еще бесстрастней
В сумрак духа своего:
Ты поймешь, что я прекрасней
Привиденья твоего.

3 декабря 1902

* * *

Я буду факел мой блюсти
У входа в душный сад.
Ты будешь цвет и лист плести
Высоко вдоль оград.

Цветок-звезда в слезах росы
Сбежит ко мне с высот.
Я буду страж его красы —
Безмолвный звездочет.

Но в страстный час стена низка,
Запретный цвет любим.
По следу первого цветка
Откроешь путь другим.

Ручей цветистый потечет —
И нет числа звездам.
И я забуду строгий счет
Влекущимся цветам.

4 декабря 1902

* * *

Мы всюду. Мы нигде. Идем,
И зимний ветер нам навстречу.
В церквах и в сумерки, и днем
Поет и задувает свечи.

И часто кажется — вдали,
У темных стен, у поворота,
Где мы пропели и прошли,
Еще поет и ходит Кто-то.

На ветер зимний я гляжу:
Боюсь понять и углубиться.
Бледнею. Жду. Но не скажу,
Кому пора пошевелиться.

Я знаю всё. Но мы — вдвоем.
Теперь не может быть и речи,
Что не одни мы здесь идем,
Что Кто-то задувает свечи.

5 декабря 1902

* * *

Андрею Белому

Я смотрел на слепое людское строение.
Под крышей медленно зажигалось окно.
Кто-то сверху услышал приближение
И думал о том, что было давно.

Занавески шевелились и падали.
Поднимались от невидимой руки.
На лестнице тени прядали.
И осторожные начинались звонки.

Еще никто не вошел на лестницу,
А уж слышали счет ступень.
И везде проснулись, кричали, ожидая вестницу,
И седые головы наклонялись в тень.

Думали: за утром наступит день.

Выше всех кричащих и всклокоченных
Под крышей медленно загоралось окно.
Там кто-то на счетах позолоченных
Сосчитал, что никому не дано.

И понял, что будет темно.

5 декабря 1902

* * *

Царица смотрела заставки —
Буквы из красной позолоты.
Зажигала красные лампадки,
Молилась богородице кроткой.

Протекали над книгой Глубинной
Синие ночи царицы.

А к Царевне с вышки голубиной
Прилетали белые птицы.

Рассыпала Царевна зерна,
И плескались белые перья.
Голуби ворковали покорно
В терему — под узорчатой дверью.

Царевна румяней царицы —
Царицы, ищущей смысла.
В книге на каждой странице
Золотые да красные числа.

Отворилось облако высоко,
И упала Голубиная книга.
А к Царевне из лазурного ока
Прилетела воркующая птица.

Царевне так томно и сладко, —
Царевна-Невеста — что лампадка.
У царицы синие загадки —
Золотые да красные заставки.

Поклонись, царица. Царевне,
Царевне золотокудрой:
От твоей глубинности древней —
Голубиной кротости мудрой.

Ты сильна, царица, глубинностью,
В твоей книге раззолочены страницы.
А Невеста одной невинностью
Твои числа замолит, царица.

14 декабря 1902

* * *

Вот она — в налетевшей волне
Распылалась последнею мезью,

В камышах пробежала на дне
Догорающей красною вестью.

Но напрасен манящий наряд;
Полубуйся на светлые латы:
На корме неподвижно стоят
Обращенные грудью к закату.

Ты не видишь спокойных твердынь,
Нам не страшны твои непогоды.
Догорающий факел закинь
В безмятежные, синие воды.

24 декабря 1902

* * *

Все кричали у круглых столов,
Беспокойно меняя место.
Было тускло от винных паров.
Вдруг кто-то вошел — и сквозь гул голосов
Сказал: «Вот моя невеста».

Никто не слышал ничего.
Все визжали неистово, как звери.
А один, сам не зная отчего, —
Качался и хохотал, указывая на него
И на девушку, вошедшую в двери.

Она уронила платок,
И все они, в злобном усилии,
Как будто поняв зловеший намек,
Разорвали с визгом каждый клочок
И окрасили кровью и пылью.

Когда все опять подошли к столу,
Притихли и сели на место,
Он указал им на девушку в углу

И звонко сказал, пронизывая мглу
«Господа! Вот моя невеста».

И вдруг тот, кто качался и хохотал,
Бессмысленно протягивая руки,
Прижался к столу, задрожал, —
И те, кто прежде безумно кричал,
Услышали плачущие звуки.

25 декабря 1902

* * *

Покраснели и гаснут ступени.
Ты сказала сама: «Приду».
У входа в сумрак молений
Я открыл мое сердце. — Жду.

Что скажу я тебе — не знаю.
Может быть, от счастья умру.
Но, огнем вечерним сгорая,
Привлеку и тебя к костру.

Расцветает красное пламя.
Неожиданно сны сбьлись.
Ты идешь. Над храмом, над нами —
Беззакатная глубь и высь.

25 декабря 1902

* * *

Я искал голубую дорогу
И кричал, оглушенный людьми,
Подходя к золотому порогу,
Затихал пред Твоими дверьми.

Проходила Ты в дальние залы,
Величава, тиха и строга.
Я носил за Тобой покрывало
И смотрел на Твои жемчуга.

Декабрь 1902

* * *

Мы отошли — и тяжело поднимали
Веселый флаг в ночные небеса,
Пока внизу боролись и кричали
Нестройные людские голоса.

И вот — заря последнего сознания, —
Они кричат в неслыханной борьбе,
Шатается испытанное зданье,
Но обо мне — воздушный сон в Тебе.

Декабрь 1902

* * *

Она ждала и билась в смертной муке.
Уже маня, как зов издалека,
Туманные протягивались руки,
И к ним влеклась неверная рука.

И вдруг дохнул весенний ветер сонный,
Задул свечу, настала тишина,
И голос важный, голос благосклонный
Запел сверху, как тонкая струна.

Декабрь 1902

* * *

Запевающий сон, зацветающий цвет,
Исчезающий день, погасающий свет.

Открывая окно, увидел я сирень.
Это было весной — в улетающий день.

Раздышались цветы — и на темный карниз
Передвинулись тени ликующих риз.

Задыхалась тоска, занималась душа,
Распахнул я окно, трепещи и дрожа.

И не помню — откуда дохнула в лицо,
Запевая, сгорая, взошла на крыльцо.

Сентябрь — декабрь 1902

* * *

Андрею Белому

Целый год не дрожало окно,
Не звенела тяжелая дверь;
Всё забылось — забылось давно,
И она отворилась теперь.

Суетились, поспешно крестясь...
Выносили серебряный гроб...
И старуха, за ручку держась,
Спотыкалась о снежный сугроб.

Равнодушные лица толпы,
Любопытных соседей набег...
И кругом протоптали тропы,
Осквернив целомудренный снег.

Но, ложась в снеговую постель,
Услыхал заключенный в гробу,

Как вдали запевала метель,
К небесам подымая трубу.

6 января 1903

* * *

Здесь ночь мертва. Слова мои дѣки.
Мигает красный призрак — заря.
Наутро в высь пушу мои крики,
Как белых птиц на встречу Царя.

Во сне и в яви — неразличимы
Заря и зарево — тишь и страх...
Мои безумья — мои херувимы...
Мой Страшный, мой Близкий — черный монах...

Рука или ветер шевелит лоскутья?
Костлявые пальцы — обрывки трав...
Зеленые очи горят на распутьи —
Там ветер треплет пустой рукав...

Закрыт один или многие лики?
Ты знаешь? Ты видишь! Одежда пуста!..
До утра — без солнца — пушу мои крики,
Как черных птиц, навстречу Христа!

9 января 1903

* * *

Я к людям не выйду навстречу,
Испугаюсь хулы и похвал.
Пред Тобой Одной отвечу,
За то, что всю жизнь молчал.

Молчаливые мне понятны,
И люблю обращенных в слух.

За словами — сквозь гул невнятный
Просыпается светлый Дух.

Я выйду на праздник молчанья,
Моего не заметят лица.
Но во мне — потаенное знанье
О любви к Тебе без конца.

14 января 1903

* * *

В посланьях к земным владыкам
Говорил я о Вечной Надежде.
Они не поверили крикам,
И я не такой, как прежде.

Никому не открою ныне
Того, что рождается в мысли.
Пусть думают — я в пустыне
Блуждаю, томлюсь и числю.

Но, Боже! Какие посланья
Отныне шлю я Пречистой!
Мое роковое познанье
Углубилось в сумрак лучистый...

И только одна из мира
Отражается в каждом слоге...
Но она — участница пира
В Твоем, о, Боже! — чертоге.

27 января 1903

* * *

Здесь память волны святой
Осталась пенным следом.

Беспечальный иду за Тобой —
Мне путь неизвестный ведом.

Когда и куда поведешь,
Не знаю, но нет сомнений,
Что погибла прежняя ложь,
И близится вихрь видений.

Когда настанет мой час,
И смолкнут любимые песни,
Здесь печально скажут: «Угас»,
Но Там прозвучит: «Воскресни!»

31 января 1903

* * *

Потемнели, поблекли залы.
Почернела решетка окна.
У дверей шептались вассалы:
«Королева, королева больна».

И король, нахмуривший брови,
Проходил без пажей и слуг.
И в каждом брошенном слове
Ловили смертный недуг.

У дверей затихнувшей спальни
Я плакал, сжимая кольцо.
Там — в конце галереи дальней
Кто-то вторил, закрыв лицо.

У дверей Несравненной Дамы
Я рыдал в плаще голубом.
И, шатаясь, вторил тот самый —
Незнакомец с бледным лицом.

4 февраля 1903

* * *

Старуха гадала у входа
О том, что было давно.
И вдруг над толпой народа
Со звоном открылось окно.
Шуршала за картой карта.
Чернела темная дверь.
И люди, полны азарта,
Хотели знать, — что теперь?
И никто не услышал звона —
Говорил какой-то болтун.
А там, в решетке балкона
Шатался и пел чугун.
Там треснули темные балки,
В окне разлетелось стекло.
И вдруг на лице гадалки
Заструилось — стало светло.
Но поздно узнавшие чары,
Увидавшие страшный лик,
Задыхались в дыму пожара,
Ипуская пронзительный крик.
На обломках рухнувших зданий
Извивался красный червяк.
На брошенном месте гаданий
Кто-то встал — и развеял флаг.

13 февраля 1903

* * *

Погружался я в море клевера,
Окруженный сказками пчел.
Но ветер, зовущий с севера,
Мое детское сердце нашел.

Призывал на битву равнинную —
Побороться с дыханьем небес.

Показал мне дорогу пустынную,
Уходящую в темный лес.

Я иду по ней косогорами
И смотрю неустанно вперед,
Впереди с невинными взорами
Мое детское сердце идет.

Пусть глаза утомятся бессонные,
Запоет, заалеет пыль...
Мне цветы и пчелы влюбленные
Рассказали не сказку — быль.

18 февраля 1903

* * *

Зимний ветер играет терновником,
Задувает в окне свечу.
Ты ушла на свиданье с любовником.
Я один. Я прошу. Я молчу.

Ты не знаешь, кому ты молишься, —
Он играет и шутит с тобой.
О терновник холодный уколешься,
Возвращаясь ночью домой.

Но, давно прислушавшись к счастью,
У окна я тебя подожду.
Ты ему отдаешься со страстию.
Всё равно. Я тайну блюду.

Всё, что в сердце твоём туманится,
Станет ясно в моей тишине.
И когда он с тобой расстанется,
Ты признаешься только мне.

20 февраля 1903

* * *

Снова иду я над этой пустынной равниной.
Сердце в глухие сомненья укрыться не властно.
Что полюбил я в твоей красоте лебединой —
Вечно прекрасно, но сердце несчастно.

Я не скрываю, что плачу, когда поклоняюсь,
Но, перейдя за черту человеческой речи,
Я и молчу, и в слезах на тебя улыбаюсь:
Проводы сердца — и новые встречи.

Снова нахмурилось небо, и будет ненастье.
Сердцу влюбленному негде укрыться от боли.
Так и счастливому страшно, что кончится счастье.
Так и свободный боится неволи.

22 февраля 1903

* * *

— Всё ли спокойно в народе?
— Нет. Император убит.
Кто-то о новой свободе
На площадях говорит.

— Все ли готовы подняться?
— Нет. Каменеют и ждут.
Кто-то велел дожидаться.
Бродят и песни поют.

— Кто же поставлен у власти?
— Власти не хочет народ.
Дремлют гражданские страсти —
Слышно, что кто-то идет.

— Кто ж он, народный смиритель?
— Темен, и зол, и свиреп:

Инок у входа в обитель
Видел его — и ослеп.

Он к неизведанным безднам
Гонит людей, как стада...
Посохом гонит железным...
— Боже! Бежим от Суда!

3 марта 1903

* * *

Дела свершились.
Дни сочтены.
Мы здесь молились
У сонной реки.

Там льды носились
В дни весны.
И дни забылись!
Как далеки!

Мой день свершенный,
Кончил себя.
Мой дух обнаженный,
Для всех поет.

Утомленный, влюбленный,
Я жду тебя.
Угрюмый, бессонный,
Холодный, как лед.

4 марта 1903

* * *

Мне снились веселые думы,
Мне снилось, что я не один...

Под утро проснулся от шума
И треска несущихся льдин.

Я думал о сбывшемся чуде...
А там, наточив топоры,
Веселые красные люди,
Смеясь, разводили костры:

Смолили тяжелые челны...
Река, распевая, несла
И синие льдины, и волны,
И тонкий обломок весла...

Пьяна от веселого шума.
Душа небывалым полна...
Со мною — весенняя дума,
Я знаю, что Ты не одна...

11 марта 1903

* * *

Отворяются двери — там мерцанья,
И за ярким окошком — виденья.
Не знаю — и не скрою незнанья,
Но усну — и потекут сновиденья.

В тихом воздухе — тающее, знающее...
Там что-то притаилось и смеется.
Что смеется? Мое ли, вздыхающее,
Мое ли сердце радостно бьется?

Весна ли за окнами — розовая, сонная?
Или это Ясная мне улыбается?
Или только мое сердце влюбленное?
Или только кажется? Или всё узнается?

17 марта 1903

* * *

Я вырезал посох из дуба
Под ласковый шепот вьюги.
Одежды бедны и грубы,
О, как недостойны подруги!

Но найду, и нищий, дорогу,
Выходи, морозное солнце!
Проброжу весь день, ради Бога,
Вечеру постучусь в оконце.

И откроет белой рукою
Потайную дверь предо мною
Молодая, с золотой косою,
С ясной, открытой душою.

Месяц и звезды в косах...
«Входи, мой царевич приветный».
И бедный дубовый посох
Заблестит слезой самоцветной...

25 марта 1903. Благовещенск

* * *

С. Соловьеву

У забытых могил пробивалась трава.
Мы забыли вчера... И забыли слова...
И настала кругом тишина...

Этой смертью отшедших, сгоревших дотла,
Разве Ты не жива? Разве Ты не светла?
Разве сердце Твое — не весна?

Только здесь и дышать, у подножья могил,
Где когда-то я нежные песни сложил
О свиданьи, быть может, с Тобой...

Где впервые в мои восковые черты
Отдаленною жизнью повеяла Ты,
Пробиваясь могильной травой...

1 апреля 1903

А.М. Добролюбов

*А.М.Д. своею кровью
Начертал он на щите.*

Пушкин

Из городского тумана,
Посохом землю чертя,
Холодно, странно и рано
Вышло больное дитя.
Будто играющий в жмурки
С Вечностью — мальчик больной,
Странствуя, чертит фигурки
И призывает на бой.
Голос и дерзок и тонок,
Замысел — детски-высок.
Слабый и хилый ребенок
В ручке несет стебелек.
Стебель вселенского дела
Гладит и кличет: Молись!
Вкруг исхудалого тела
Стебли цветов завились...
Вот поднимаются выше —
Скоро уйдут в небосвод...
Голос всё тише, всё тише...
Скоро заплачет — поймет.

10 апреля 1903

* * *

У берега зеленого на малой могиле
В праздник Благовещенья пели псалом.
Белые священники с улыбкой хоронили
Маленькую девочку в платье голубом.

Все они — помощью Вышнего Веления —
В крове Бога Небесного Отца расцвели
И тихонько возносили к небу курения,
Будто не с кадилъницы, а с зеленой земли.

24 апреля 1903

* * *

Я был весь в пестрых лоскутках,
Белый, красный, в безобразной маске.
Хохотал и кривлялся на распутьях,
И рассказывал шуточные сказки.

Развертывал длинные сказанья
Бессвязно, и долго, и звонко —
О стариках, и о странах без названья,
И о девушке с глазами ребенка.

Кто-то долго, бессмысленно смеялся,
И кому-то становилось больно.
И когда я внезапно сбивался,
Из толпы кричали: «Довольно!»

Апрель 1903

* * *

По городу бегал черный человек.
Гасил он фонарики, карабкаясь на лестницу.

Медленный, белый подходил рассвет,
Вместе с человеком взбирался на лестницу.

Там, где были тихие, мягкие тени —
Желтые полоски вечерних фонарей, —

Утренние сумерки легли на ступени,
Забрались в занавески, в щели дверей.

Ах, какой бледный город на заре!
Черный человечек плачет на дворе.

Апрель 1903

* * *

Просыпаюсь я — и в поле туманно,
Но с моей вышки — на солнце укажу.
И пробуждение мое безжеланно,
Как девушка, которой я служу.

Когда я в сумерки проходил по дороге,
Заприметился в окошке красный огонек.
Розовая девушка встала на пороге
И сказала мне, что я красив и высок.

В этом вся моя сказка, добрые люди.
Мне больше не надо от вас ничего:
Я никогда не мечтал о чуде —
И вы успокойтесь — и забудьте про него.

2 мая 1903

* * *

На Вас было черное закрытое платье.
Вы никогда не поднимали глаз.

Только на груди, может быть, над Распятьем,
Вздыхал иногда и шевелился газ.

У Вас был голос серебристо-утомленный.
Ваша речь была таинственно проста.
Кто-то Сильный и Знающий, может быть, Влюбленный
В Свое Создание, замкнул Вам уста.

Кто был Он — не знаю — никогда не узнаю.
Но к Нему моя ревность, и страх мой к Нему.
Ревную к Божеству, Кому песни слагаю,
Но песни слагаю — я не знаю, Кому.

15 мая 1903. Петербург

* * *

Когда я стал дряхлеть и стынуть,
Поэт, привыкший к сединам,
Мне захотелось отодвинуть
Конец, сужденный старикам.
И я опять, больной и хилый,
Ищу счастливую звезду.
Какой-то образ, прежде милый,
Мне снится в старческом бреду.
Быть может, память изменила,
Но я не верю в эту ложь,
И ничего не пробудила
Сия пленительная дрожь.
Все эти рассказы далеке —
Они пленяли с юных лет,
Но старость мне согнула плечи,
И мне смешно, что я поэт..
Устал я верить жалким книгам
Таких же розовых глупцов!
Проклятье снам! Проклятье мигам
Моих пророческих стихов!
Наедине с самим собою

Дряхлею, сохну, душит злость,
И я морщинистой рукою
С усилием поднимаю трость...
Кому поверить? С кем мириться?
Врачи, поэты и попы...
Ах, если б мог я научиться
Бессмертной пошлости толпы!

4 июня 1903. Bad Nauheim

* * *

Скрипка стонет под горой.
В сонном парке вечер длинный,
Вечер длинный — Лик Невинный,
Образ девушки со мной.

Скрипки стон неутомимый
Напевает мне: «Живи...»
Образ девушки любимой —
Повесть ласковой любви.

Июнь 1903. Bad Nauheim

* * *

Ей было пятнадцать лет. Но по стучу
Сердца — невестой быть мне могла.
Когда я, смеясь, предложил ей руку,
Она засмеялась и ушла.

Это было давно. С тех пор проходили
Никому не известные годы и сроки.
Мы редко встречались и мало говорили,
Но молчанья были глубоки.

И зимней ночью, верен сновиденью,
Я вышел из людных и ярких зал,

Где душевные маски улыбались пенью,
Где я ее глазами жадно провожал.

И она вышла за мной, покорная,
Сама не ведая, что будет через миг.
И видела лишь ночь городская, черная,
Как прошли и скрылись — невеста и жених.

И в день морозный, солнечный, красный —
Мы встретились в храме — в глубокой тишине:
Мы поняли, что годы молчанья были ясны,
И то, что свершилось, — свершилось в вышине.

Этой повестью долгих, блаженных исканий
Полна моя душевная, песенная грудь.
Из этих песен создал я зданье,
А другие песни — спою когда-нибудь.

16 июня 1903. Bad Nauheim

* * *

День был нежно-серый, серый, как тоска.
Вечер стал матовый, как женская рука.

В комнатах вечерних прятали сердца,
Усталые от нежной тоски без конца.

Пожимали руки, избегали встреч,
Укрывали смехи белизною плеч.

Длинный вырез платья, платье, как змея,
В сумерках белее платья чешуя.

Над скатертью в столовой наклонились ниц,
Касаясь прическами пылающих лиц.

Стуки сердца чаще, напряженной взгляд,
В мыслях — он, глубокий, нежный, душевный сад.

И молча, как по знаку, двинулись вниз.
На ступеньках шорох белых женских риз.

Молча потонули в саду без следа.
Небо тихо вспыхнуло заревом стыда.

Может быть, скатилась красная звезда.

Июль 1903. Bad Nauheim

* * *

Пристань безмолвна. Земля близка.
Земли не видно. Ночь глубока.
Стою на серых мокрых досках.
Буря хохочет в седых кудрях.
И слышу, слышу, будто кричу:
Поставьте в море на камне свечу!
Когда пристанет челнок жены,
Мы будем вместе с ней спасены!
И страшно, и тяжело в мокрый песок
Бьют волны, шлют волны седой намек...
Она далёко. Ответа нет.
Проклятое море, дай мне ответ!
Далёко, там камень! Там ставьте свечу!
И сам не знаю, я ли кричу.

Июль 1903. С. Шахматово

* * *

Я — меч, заострённый с обеих сторон.
Я правлю, Архангел, Ее Судьбой.
В щите моем камень зеленый зажжен.
Зажжен не мной, — Господней Рукой.

Ему непомерность мою вручу,
Когда отыду на вечный сон.

Ей в мире оставлю мою свечу,
Оставлю мой камень, мой здешний звон.

Поставлю на страже звенящий стих.
Зеленый камень Ей в сердце зажгу.
И камень будет Ей друг и жених,
И Ей не солжет, как я не лгу.

Июль 1903

Двойник

Вот моя песня — тебе, Коломбина.
Это — угрюмых созвездий печать:
Только в наряде шута-Арлекина
Песни такие умею слагать.

Двое — мы тащимся вдоль по базару,
Оба — в звенящем наряде шутов.
Эй, полюбуйтесь на глупую пару,
Слушайте звон удалых бубенцов!

Мимо идут, говоря: «Ты, прохожий,
Точно такой же, как я, как другой;
Следом идет на тебя непохожий
Сгорбленный нищий с сумой и клюкой».

Кто, проходя, удостоит нас взора?
Кто угадает, что мы с ним — вдвоем?
Дряхлый старик повторяет мне: «Скоро».
Я повторяю — «Пойдем же, пойдем».

Если прохожий глядит равнодушно,
Он улыбается; я трепещу;
Злобно кричу я: «Мне скучно! Мне душно!»
Он повторяет: «Иди. Не пуцу».

Там, где на улицу, в звонкую давку
Взглянет и спрячется розовый лик, —

Там мы войдем в многолюдную лавку, —
Я — Арлекин, и за мною — старик.

О, если только заметят, заметят,
Взглянут в глаза мне за пестрый наряд! —
Может быть, рядом со мной они встретят
Мой же — лукавый, смеющийся взгляд!

Там — голубое окно Коломбины,
Розовый вечер, уснувший карниз...
В смертном весельи — мы два Арлекина —
Юный и старый — сплелись, обнялись!

О, разделите! Вы видите сами:
Те же глаза, хоть различен наряд!..
Старый — он тупо глумится над вами,
Юный — он нежно вам преданный брат!

Та, что в окне, — розовой навечерий,
Та, что вверху, — ослепительней дня!
Там Коломбина! О, люди! О, звери!
Будьте как дети. Поймите меня.

30 июля 1903. С. Шахматова

* * *

Над этой осенью — во всем
Ты прошумела и устала.
Но я вблизи — стою с мечом,
Спустив до времени забрало.

Души кипящий гнев смири,
Как я, проклятую отвагу.
Остался красный зов зари
И верность голубому стягу.

На верном мы стоим пути,
Избегли плена не впервые.

Веди меня. Чтoб всё пройти,
Нам нужны силы неземные.

11 августа 1903. С. Шахматова

Вербная суббота

Вечерние люди уходят в дома.
Над городом синяя ночь зажжена.
Боярышни тихо идут в терема.
По улице веет, гуляет весна.

На улице праздник, на улице свет,
И свечки и вербы встречают зарю.
Дремотная сонь, неуловленный бред —
Заморские гости приснились царю...

Приснились боярам... «Проснитесь, мы тут...»
Боярышня сонно склонилась во мгле...
Там тени идут и виденья плывут...
Что было на небе — теперь на земле...

Весеннее утро. Задумчивый сон.
Влюбленные гости заморских племен
И, может быть, поздних, веселых времен...

Прозрачная тучка. Жемчужный узор.
Там было свиданье. Там был разговор...
И к утру лишь бледной рукой отперлась,
И розовой зорькой душа занялась.

1 сентября 1903. С. Петербург

* * *

Мой месяц в царственном зените.
Ночной свободой захлебнусь.

И там — в серебряные нити
В избытке счастья завернусь.

Навстречу страстному безволью
И только будущей Заре —
Киваю синему раздолю,
Ныряю в темном серебре!..

На площадях столицы душевной
Слепые люди говорят:
«Что над землею? Шар воздушный.
Что под луной? Аэростат».

А я — серебряной пустыней
Несусь в пылающем бреду,
И в складки ризы темно-синей
Укрыл Любимую Звезду.

1 октября 1903

* * *

Возвратилась в полночь. До утра
Подходила к синим окнам зала.
Где была? — Ушла и не сказала.
Неужели мне пора?

Беспокойно я брожу по зале...
В этих окнах есть намек.
Эти двери мне всю ночь бросали
Скрипы, тени, может быть, упрек?..

Завтра я уйду к себе в ту пору,
Как она придет ко мне рыдать.
Опущу белеющую штору,
Занавешу пологом кровать.

Лягу, робкий, улыбаясь мигу,
И один, вкусив последний хлеб,

Загляжусь в таинственную книгу
Совершившихся судеб.

9 октября 1903

* * *

Андрею Белому

Я бежал и спотыкался,
Обливался кровью, бился
Об утесы, поднимался,
На бегу опять молился.
И внезапно повеяло холодом.
Впереди покраснела заря.
Кто-то звонким, зывающим молотом
Воздвигал столпы алтаря.
На черте горизонта пугающей,
Где скончалась внезапно земля,
Мне почудился ты — умирающий,
Истекающий кровью, как я.
Неужели и ты отступаешь?
Неужели я стал одинок?
Или ты, испытывая, мигаешь,
Будто в поле кровавый платок?
О, я увидел его, несчастный,
Увидел красный платок полей...
Заря ли кинула клич свой красный?
Во мне ли грянула мысль о Ней?
То — заря бесконечного холода,
Что послала мне сладкий намек...
Что рассыпала красное золото,
Разостлала кровавый платок.
Из огня душа твоя скована
И вселенской мечте предана.
Непомерной мечтой взволнована —
Угадать Ее Имена.

18 октября 1903

* * *

Иммануил Кант

Сижу за ширмой. У меня
Такие крохотные ножки...
Такие ручки у меня,
Такое темное окошко...
Тепло и темно. Я гашу
Свечу, которую приносят,
Но благодарность приношу..
Меня давно развлечься просят,
Но эти ручки... Я влюблен
В мою морщинистую кожу..
Могу увидеть сладкий сон,
Но я себя не потревожу:
Не потревожу забытья,
Вот этих бликов на окошке...
И ручки скрещиваю я,
И также скрещиваю ножки.
Сижу за ширмой. Здесь тепло.
Здесь кто-то есть. Не надо свечки.
Глаза бездонны, как стекло.
На ручке сморщенной — колечки.

18 октября 1903

* * *

...И снова подхожу к окну,
Влюблен в мерцающую сагу,
Недолго слушать тишину:
Изнеможенный, снова лягу.

Я на покой ушел от дня,
И сон гоню, чтоб длить молчанье...
Днем никому не жаль меня, —
Мне ночью жаль мое страданье...

206

Оно в бессонной тишине
Мне льет торжественные муки.
И кто-то милый, близкий мне
Сжимает жалобные руки...

26 октября 1903

* * *

Когда я уйду на покой от времен,
Уйду от хулы и похвал,
Ты вспомни ту нежность, тот ласковый сон,
Которым я цвел и дышал.

Я знаю, не вспомнишь Ты, Светлая, зла,
Которое билось во мне,
Когда подходила Ты, стройно-бела,
Как лебедь, к моей глубине.

Не я возмущал Твою гордую лень —
То чуждая сила его.
Холодная туча смущала мой день, —
Твой день был светлей моего.

Ты вспомнишь, когда я уйду на покой,
Исчезну за синей чертой, —
Одну только песню, что пел я с Тобой,
Что Ты повторяла за мной.

1 ноября 1903

* * *

Андрею Белому

Так. Я знал. И ты задул
Яркий факел, изнывая
В дымной мгле.
В бездне — мрак, а в небе — гул.

207

Милый друг! Звезда иная
Нам открылась на земле.

Неразлучно — будем оба
Клятву Вечности нести.
Поздно встретимся у гроба
На серебряном пути.

Там — сжимающему руки
Руку нежную сожму,
Молчаливому от муки
Шею крепко обниму.

Так. Я слышал весть о новом!
Маска траурной души!
В Оный День — знакомым словом
Снова сердце оглуши!

И тогда — в грядущей сфере
Небывалого огня —
Светлый меч нам вскроет двери
Ослепительного Дня.

1 ноября 1903

* * *

Ты у камина, склонив седины,
Слушаешь сказки в стихах.
Мы за тобою — незримые сны —
Чертим узор на стенах

Дочь твоя — в креслах — весны розовой,
Строже вечерних теней.
Мы никогда не стучали при ней,
Мы не шалили при ней.

Как у тебя хорошо и светло —
Нам за стеною темно...

Дай пошалим, постучимся в стекло,
Дай-ка — забьемся в окно!

Скажешь ты, тихо подняв седины:
«Стукнуло где-то, дружок?»
Дочка твоя, что румяней весны,
Скажет: «Там серый зверок».

1 ноября 1903

* * *

Крыльцо Ее словно паперть.
Вхожу — и стихает гроза.
На столе — узорная скатерть.
Пригаились в углу образа.

На лице Ее — нежный румянец,
Тишина озаренных теней.
В душе — кружащийся танец
Моих улетевших дней.

Я давно не встречаю румянца,
И заря моя — мутно тиха.
И в каждом кружении танца
Я вижу пламя греха.

Только в дар последним похмельям
Эта тихая радость дана.
Я пришел к ней с горьким весельем
Осушить мой кубок до дна.

7 ноября 1903

* * *

Облака небывалой улады —
Без конца их лазурная лень.

Уходи в снеговые громады
Розоватый приветствовать день.
Тишины снегового намека,
Успокоенных дум не буди...
Нежно-синие горы глубоко
Притаились в небесной груди.
Там до спора — сквозящая ласка,
До войны — только нежность твоя,
Без конца — безначальная сказка,
Рождество голубого ручья...
Невозможную сладость приемли,
О, изменник! Люблю и зову
Голубые приветствовать земли,
Жемчуговые сны наяву.

21 ноября 1903

* * *

М.А. Олениной-д'Альгейм

Темная, бледно-зеленая
Детская комнатка.
Нянюшка бродит сонная.
«Спи, мое дитятко».

В углу — лампадка зеленая.
От нее — золотые лучики.
Нянюшка, над постелькой склоненная...
«Дай заверну твои ноженьки и рученьки»

Нянюшка села и задумалась.
Лучики побежали — три лучика.
«Нянюшка, о чем ты задумалась?
Расскажи про святого мученика».

Три лучика. Один тоненький...
«Святой мученик, дитятко, преставился...

Закрой глазки, мой мальчик сонненький.
Святой мученик от мученья избавился».

23 ноября 1903

Фабрика

В соседнем доме окна желты.
По вечерам — по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротам.

И глухо заперты ворота,
А на стене — а на стене
Недвижный кто-то, черный кто-то
Людей считает в тишине.

Я слышу всё с моей вершины:
Он медным голосом зовет
Согнуть измученные спины
Внизу собравшийся народ.

Они войдут и разбредутся,
Навалят на спины кули.
И в желтых окнах засмеются,
Что этих нищих провели.

24 ноября 1903

* * *

Что с тобой — не знаю и не скрою —
Ты больна прозрачной белизной.
Милый друг, узнаешь, что с тобою,
Ты узнаешь будущей весной.

Ты поймешь, когда, в подушках лежа,
Ты не сможешь запрокинуть рук.

И тогда сойдет к тебе на ложе
Непрерывный, заунывный звук.

Тень лампадки вздрогнет и встревожит,
Кто-то, отделившись от стены,
Подойдет — и медленно положит
Нежный саван снежной белизны.

5 декабря 1903

* * *

Мы шли на Лидо в час рассвета
Под сетью тонкого дождя.
Ты отошла, не дав ответа,
А я уснул, к волнам сойдя.

Я чутко спал, раскинув руки,
И слышал мерный плеск волны.
Манили страстной дрожью звуки,
В колдунью-птицу влюблены.

И чайка-птица, чайка-дева
Всё опускалась и плыла
В волнах влюбленного напева,
Которым ты во мне жила.

11 декабря 1903. С.-Петербург

* * *

Мне гадалка с морщинистым ликом
Ворожила под темным крыльцом.
Очарованный уличным криком,
Я бежал за мелькнувшим лицом.

Я бежал и угадывал лица,
На углах останавливал бег.

Предо мною ползла вереница
Нагруженных, скрипящих телег.

Проползала змеей меж домами —
Я не мог площадей перейти...
А оттуда зывало: «За нами!»
Раздавалось: «Безумный! Прости!»

Там — бессмертной волей томима,
Может быть, призывала Сама...
Я бежал переулками мимо —
И меня поглотили дома.

11 декабря 1903

* * *

Е.П. Иванову

Плачет ребенок. Под лунным серпом
Тащится по полю путник горбатый.
В роще хохочет над круглым горбом
Кто-то косматый, кривой и рогатый.

В поле дорога бледна от луны.
Бледные девушки прячутся в травы.
Руки, как травы, бледны и нежны.
Ветер колышет их влево и вправо.

Шепчет и клонится злак голубой.
Пляшет горбун под луною двурогой.
Кто-то зовет серебристой трубой.
Кто-то бежит озаренной дорогой.

Бледные девушки встали из трав.
Подняли руки к познанию, к молчанию.
Ухом к земле неподвижно припав,
Внемлет горбун ожиданью, дыханью.

В роще косматый беззвучно дрожит.
Месяц упал в озаренные злаки.
Плачет ребенок. И ветер молчит.
Близко труба. И не видно во мраке.

14 декабря 1903

* * *

Среди гостей ходил я в черном фраке.
Я руки жал. Я, улыбаясь, знал:
Пробьют часы. Мне будут делать знаки.
Поймут, что я кого-то увидал...

Ты подойдешь. Сожмешь мне больно руку.
Ты скажешь: «Брось. Ты возбуждаешь смех».
Но я пойму — по голосу, по звуку,
Что ты меня боишься больше всех...

Я закричу, беспомощный и бледный,
Вокруг себя бесцельно оглянусь.
Потом — очнусь у двери с ручкой медной,
Увижу всех... и слабо улыбнусь.

18 декабря 1903

Из газет

Встала в сияньи. Крестила детей.
И дети увидели радостный сон.
Положила, до полу клонясь головой,
Последний земной поклон.

Коля проснулся. Радостно вздохнул,
Голубому сну еще рад наяву.
Прокатился и замер стеклянный гул:
Звонящая дверь хлопнула внизу.

Прошли часы. Приходил человек
С оловянной бляхой на теплой шапке.
Стучал и дожидался у двери человек.
Никто не открыл. Играли в прятки.

Были веселые морозные Святки.

Прятали мамин красный платок.
В платке уходила она по утрам.
Сегодня оставила дома платок:
Дети прятали его по углам.

Подкрались сумерки. Детские тени
Запрыгали на стене при свете фонарей.
Кто-то шел по лестнице, считая ступени.
Сосчитал. И заплакал. И постучал у дверей.

Дети прислушались. Отворили двери.
Толстая соседка принесла им щей.
Сказала: «Кушайте». Встала на колени
И, кланяясь, как мама, крестила детей.

Мамочке не больно, розовые детки.
Мамочка сама на рельсы легла.
Доброму человеку, толстой соседке,
Спасибо, спасибо. Мама не могла...

Мамочке хорошо. Мама умерла.

27 декабря 1903

Статуя

Лошадь влекли под уздцы на чугунный
Мост. Под копытом чернела вода.
Лошадь храпела, и воздух безлунный
Храп сохранял на мосту навсегда.

Песни воды и хрипящие звуки
Тут же вблизи расплывались в хаос.
Их раздирали незримые руки.
В черной воде отраженье несло.

Мерный чугу́н отвечал однотонно.
Разность отпала. И вечность спала.
Черная ночь неподвижно, бездонно —
Лопнувший в бездну ремень увлекла.

Всё пребывало. Движенья, страданья —
Не было. Лошадь храпела навек.
И на узде в напряженьи молчанья
Вечно застывший висел человек.

28 декабря 1903

* * *

По берегу плелся больной человек.
С ним рядом ползла вереница телег.

В дымящийся город везли балаган,
Красивых цыганок и пьяных цыган.

И сыпали шутки, визжали с телег.
И рядом тащился с кульком человек.

Стонал и просил подвезти до села.
Цыганочка смуглую руку дала.

И он подбежал, ковыляя, как мог,
И бросил в телегу тяжелый кулек.

И сам надорвался, и пена у губ.
Цыганка в телегу взяла его труп.

С собой усадила в телегу рядком,
И мертвый качался и падал ничком.

И с песней свободы везла до села.
И мертвого мужа жене отдала.

28 декабря 1903

* * *

Ветер хрипит на мосту меж столбами,
Черная нить под снегами гудет.

Чудо ползет под моими санями,
Чудо мне сверху поет и поет...

Всё мне, певучее, тяжело и трудно,
Песни твои, и снега, и костры...

Чудо, я сплю, я устал непробудно...
Чудо, ложись в снеговые бугры!

28 декабря 1903

* * *

Светлый сон, ты не обманешь,
Ляжешь в утренней росе,
Алой пылью тихо встанешь
На закатной полосе.

Солнце небо опояшет,
Вот и вечер — весь в огне.
Зайчик розовый запляшет
По цветочкам на стене.

На балконе, где алеют
Мхи старинных балюстрад,
Деды дремлют и лелеют
Сны французских баррикад.

Мы внимаем ветхим дедам,
Будто статуям из ниш:
Сладко вспомнить за обедом
Старый пламенный Париж,

Протянув больную руку,
Сладко юным погрозить,
Сладко гладить кудри внуку,
О минувшем говорить.

И в алеющем закате
На балконе подремать,
В мягком стеганом халате
Перебраться на кровать...

Скажут: «Поздно, мы устали».
Разойдутся на заре.
Я с тобой останусь в зале,
Лучик ляжет на ковре.

Милый сон, вечерний лучик...
Тени бархатных ресниц...
В золотистых перьях тучек
Танец нежных вечерниц...

25 февраля 1904

* * *

Мой любимый, мой князь, мой жених,
Ты печален в цветистом лугу.
Павиликой средь нив золотых
Завилась я на том берегу.

Я ловлю твои сны на лету
Бледно-белым прозрачным цветком.
Ты сомнешь меня в полном цвету
Белогрудым усталым конем.

Ах, бессмертье мое растопчи, —
Я огонь для тебя сберегу.
Робко пламя церковной свечи
У заутрени бледной зажгу.

В церкви станешь ты, бледен лицом,
И к Царице Небесной придешь, —
Колыхнусь восковым огоньком,
Дам почуять знакомую дрожь...

Над тобой — как свеча — я тиха,
Пред тобой — как цветок — я нежна.
Жду тебя, моего жениха,
Всё невеста — и вечно жена.

26 марта 1904. Великая Пятница

МОЛИТВЫ

1

Наш Арго!
Андрей Белый

Сторожим у входа в терем,
Верные рабы.
Страстно верим, выси мерим,
Вечно ждем трубы.

Вечно — завтра. У решетки
Каждый день и час
Славословит голос четкий
Одного из нас.

Воздух полон въздыханий,
Грозových надежд,
Высь горит от несмыканий
Воспаленных вежд.

Ангел розовый укажет,
Скажет: «Вот она:
Бисер нижет, в нити вяжет —
Вечная Весна».

В светлый миг услышим звуки
Отходящих бурь.
Молча свяжем вместе руки,
Отлетим в лазурь.

2. Утренняя

До утра мы в комнатах спорим,
На рассвете один из нас
Выступает к розовым зорям —
Золотой приветствовать час.

Высоко он стоит над нами —
Тонкий профиль на бледной заре
За плечами его, за плечами —
Все поля и леса в серебре.

Так стоит в кругу серебристом,
Величав, милосерд и строг.
На челе его бледно-чистом
Мы читаем, что близок срок.

3. Вечерняя

Солнце сходит на запад. Молчанье.
Задремала моя суета.
Окружающих мерно дыханье.
Впереди — огневая черта.

Я зову тебя, смертный товарищ!
Выходи! Расступайся, земля!
На золе прогремевших пожарищ
Я стою, мою жизнь утоля.

Приходи, мою сонь исповедай,
Причасти и уста оботри...
Утоли меня тихой победой
Распылавшейся алой зари.

4. Ночная

Они Ее видят!
В. Брюсов

Тебе, Чей Сумрак был так ярок,
Чей Голос тихостью зовет, —
Приподними небесных арок
Всё опускающийся свод.
Мой час молитвенный недолог —
Завтра обуяет сон.
Еще звенит в душе осколок
Былых и будущих времен.
И в этот час, который краток,
Душой измученной зову:
Явись! продли еще остаток
Минут, мелькнувших наяву!
Тебе, Чья Тень давно трепещет
В закатно-розовой пыли!
Пред Кем томится и скрежешет
Суровый маг моей земли!
Тебя — племен последних Знамя,
Ты, Воскрешающая Тень!
Зову Тебя! Склонись над нами!
Нас ризой тихости одень!

5. Ночная

Спи. Да будет твой сон спокоен.
Я молюсь. Я дыханью внемлю.
Я грущу, как заоблачный воин,
Уронивший панцирь на землю.

Бесконечно легко мое бремя.
Тяжелы только эти миги.

Всё снесет золотое время:
Мои цепи, думы и книги.

Кто бунтует — в том сердце щедро,
Но безмерно прав молчаливый.
Я томлюсь у Ливанского кедра,
Ты — в тени под мирной оливой.

Я безумец! Мне в сердце вонзили
Красноватый уголь пророка!
Ветви мира тебя осенили.
Непробудная... Спи до срока.

Март — апрель 1904

* * *

Дали слепы, дни безгневны,
Сомкнуты уста.
В непробудном сне царевны,
Синева пуста.

Были дни — над теремами
Пламенел закат.
Нежно белыми словами
Кликал брата брат.

Брата брат из дальних келий
Извещал: «Хвала!»
Где-то голуби звенели,
Расплескав крыла.

С золотистых ульев пчелы
Приносили мед.
Наполнял весельем доли
Праздничный народ.

В пестрых бусах, в алых лентах
Девушки цвели...

Кто там скачет в позументах
В голубой пыли?

Всадник в битвенном наряде,
В золотой парче,
Светлых кудрей бьются пряди,
Искры на мече,

Белый конь, как цвет вишневый.
Блещут стремена...
На кафтан его парчовый
Пролилась весна —

Пролилась — он сгинет в тучах,
Вспыхнет за холмом.
На зеленых встанет кручах
В блеске заревом,

Где-то перьями промашет,
Крикнет: «Берегись!»
На коне селом пропляшет,
К ночи канет в высь...

Ночью девушкам приснится,
Прилетит из туч
Конь — мгновенная зарница,
Всадник — беглый луч...

И, как луч, пройдет в прохладу
Узкого окна,
И Царевна, гостью рада,
Встанет с ложа сна...

Или, в злые дни ненастий,
Глянет в сонный пруд,
И его, дрожа от страсти,
Руки заплетут.

И потом обманут — вскинут
Руки к серебру,

Рыбим плёсом отодвинут
В струйную игру...

И душа, легя на север
Золотой пчелой,
В алый сон, в медовый клевер
Ляжет на покой...

И опять в венках и росах
Запоет мечта,
Засверкает на откосах
Золото щита,

И поднимет щит девица,
И опять вдали
Всадник встанет, конь вздыбится
В голубой пыли...

Будут вёсны в вечной смене
И падений гнёт.
Вихрь, исполненный видений, —
Голубиный лет...

Что мгновенные бессилья?
Время — легкий дым...
Мы опять расплещем крылья,
Снова отлетим!

И опять, в безумной смене
Рассекая твердь,
Встретим новый вихрь видений,
Встретим жизнь и смерть!

Апрель — май 1904. С. Шахматова

* * *

В час, когда пьянеют нарциссы
И театр в закатном огне,

В полутень последней кулисы
Кто-то ходит вздыхать обо мне...

Арлекин, забывший о роли?
Ты, моя тихоокая лань?
Ветерок, приносящий с поля
Дуновений легкую дань?

Я, пац, у блестящей рапмы
Возникаю в открытый люк.
Это бездна смотрит сквозь лампы
Ненасытно-жадный паук.

И, пока пьянеют нарциссы,
Я кривляюсь, крутятся и звеня...
Но в тени последней кулисы
Кто-то плачет, жалея меня.

Нежный друг с голубым туманом,
Убаюкан качелью снов.
Сиротливо приникший к ранам
Легкоперстный запах цветов.

26 мая 1904. С. Шахматова

* * *

Вот он — ряд гробовых ступеней.
И меж нас — никого. Мы вдвоем.
Спи ты, нежная спутница дней,
Залитых небывалым лучом.

Ты покоишься в белом гробу.
Ты с улыбкой зовешь: не буди.
Золотистые пряди на лбу.
Золотой образок на груди.

Я отпраздновал светлую смерть,
Прикоснувшись к руке восковой.

Остальное — бездонная твердь
Схоронила во мгле голубой.

Спи — твой отдых никто не прервет.
Мы — окрай неизвестных дорог.
Всю ненастную ночь напролет
Здесь горит осиянный чертог.

18 июня 1904. С. Шахматово

КНИГА ВТОРАЯ
(1904-1908)

ВСТУПЛЕНИЕ

*Ты в поля отошла без возврата.
Да святится Имя Твое!
Снова красные копыа заката
Протянули ко мне острие.*

*Лишь к Твоей золотой свирели
В черный день устами прильну.
Если все молеббы отзвенели,
Угнетенный, в поле усну.*

*Ты пройдеши в золотой порфире –
Уж не мне глаза разомкнуть.
Дай вздохнуть в этом сонном мире,
Целовать излученный путь...*

*О, исторгни ржавую душу!
Со святыми меня упокой,
Ты, Держащая море и сушу
Неподвижно тонкой Рукой!*

1905. Страстная Суббота

ПУЗЫРИ ЗЕМЛИ
(1904-1905)

*Земля, как и вода, содержит газы,
И это были пузыри земли.*

Макбет

* * *

На перекрестке,
Где даль поставила,
В печальном весельи встречаю весну.

На земле еще жесткой
Пробивается первая травка.
И в кружеве березки —
Далеко — глубоко —
Лиловые скаты оврага.

Она взманила,
Земля пустынная!

На западе, рдея от холода,
Солнце — как медный шлем воина,
Обращенного ликом печальным
К иным горизонтам,
К иным временам...

И шишак — золотое облако —
Тянет ввысь белыми перьями
Над дерзкой красою
Лохмотий вечерних моих!

И жалкие крылья мои —
Крылья вороньего пугала —
Пламенеют, как солнечный шлем,
Отблеском вечера...
Отблеском счастья...

И кресты — и далекие окна —
И вершины зубчатого леса —
Всё дышит ленивым
И белым размером
Весны.

5 мая 1904

Болотные чертенятки

А.М. Ремизову

Я прогнал тебя кнутом
В полдень сквозь кусты,
Чтоб дожидаться здесь вдвоем
Тихой пустоты.

Вот — сидим с тобой на мху
Посреди болот.
Третий — месяц наверху —
Искривил свой рот.

Я, как ты, дитя дубрав,
Лик мой также стерт.
Тише вод и ниже трав —
Захудалый черт.

На дурацком колпаке
Бубенец разлук.
За плечами — вдалеке —
Сеть речных излук...

И сидим мы, дурачки, —
Нежить, немочь вод.
Зеленеют колпачки
Задом наперед.

Зачумленный сон воды,
Ржавчина волны...
Мы — забытые следы
Чьей-то глубины...

Январь 1905

* * *

Я живу в отдаленном скиту
В дни, когда опадают листья.
Выхожу — и стою на мосту,
И смотрю на речные цветы.

Вот — предчувствие белой зимы:
Тишина колокольных высот...
Та, что нынче читала псалмы, —
Та монахиня, верно, умрет.

Безначально свободная ширь,
Слишком радостной вестью дыша,
Подошла — и покрыла Псалтирь,
И в страницах осталась душа.

Как свеча, догорала она,
Вкруг лица улыбалась печаль.
Долетали слова от окна,
Но сквозила за окнами даль...

Уплывали два белых цветка —
Эта легкая матовость рук...
Мне прозрачная дева близка
В золотистую осень разлук...

Но живу я в далеком скиту
И не знаю для счастья границ.
Тишиной провожаю мечту.
И мечта воздвигает Царицу.

Январь 1905

Твари весенние

(Из альбома «*Kindisch*»¹ Т.Н. Гунпиус)

Золотистые лица купальниц.
Их стебель влажен.
Это вышли молчальницы
Поступью важной
В лесные душистые скважины.

Там, где проталины,
Молчать повелено,
И весной непомерной взлелеяны
Поседелых туманов развалины.

Окрестности мхами завалены.
Волосы ночи натянуты туго на срубы
И пни.
Мы в листве и в тени
Издали начинаем вникать в отдаленные трубы.
Приближаются новые дни.
Но пока мы одни,
И молчаливо открыты бескровные губы.

Чуда! о, чуда!
Тихонько дым
Поднимается с пруда...
Мы еще помолчим.
Утро сонной тропой пустило стрелу,
Но одна — на руке, опрокинутой в высь,

¹ «Детское» (нем.).

Ладонью в стволстую мглу —
Светляка подняла... Оглянись:
Где ты скроешь зеленого света ночную иглу?

Нет, светись,
Светлячок, молчаливой понятный!
Кусочек света,
Клочочек рассвета...

Будет вам день беззакатный!
С ночью вы не радели —
Вот и всё ушло...
Ночку вы не жалели —
И становится слишком светло.
Будете маяться, каяться,
И кусаться, и лаяться,
Вы, зеленые, крепкие, малые,
Твари милые, небывалые.

Туман клубится, проносится
По седым прудам.
Скоро каждый чертик запросится
Ко Святым Местам.

19 февраля 1905

Болотный попик

На весенней проталинке
За вечерней молитвою — маленький
Попик болотный виднеется.

Ветхая ряска над кочкой
Чернеется
Чуть заметною точкой.

И в безбурности зорь красноватых
Не видать чертенят бесноватых,

Но вечерняя прелесть
Увила вокруг него свои тонкие руки...
Предзакатные звуки,
Легкий шелест.

Тихонько он молится,
Улыбается, клонится,
Приподняв свою шляпу.

И лягушке хромой, ковыляющей,
Травой исцеляющей
Перевяжет болящую лапу.
Перекрестит и пустит гулять:

— Вот, ступай в родимую гать.
Душа моя рада
Всякому гаду
И всякому зверю
И о всякой вере.

И тихонько молится,
Приподняв свою шляпу,
За стебель, что клонится,
За большую звериную лапу,
И за римского папу.

Не бойся пучины тряской —
Спасет тебя черная ряска.

17 апреля 1905.
Пасха

* * *

На весеннем пути в теремок
Перелетный вспорхнул ветерок,
Прозвенел золотой голосок.

Постояла она у крыльца,
Поискала дверного кольца,
И поднять не посмела лица.

И ушла в синеватую даль,
Где дымилась весенняя таль,
Где кружилась над лесом печаль.

Там — в березовом дальнем кругу —
Старикашка сгибал из березы дугу
И приметил ее на лугу.

Закричал и запрыгал на пне:
— Ты, красавица, верно — ко мне!
Столковалась в своей тишине!

За корявые пальцы взялась,
С бороною зеленой сплелась
И с туманом лесным поднялась.

Так тоскуют они об одном,
Так летают они вечером,
Так венчалась весна с колдуном.

24 апреля 1905

* * *

Полюби эту вечность болот:
Никогда не иссякнет их мощь.
Этот знак, что сгорел, — не умрет.
Этот куст — без исления — тощ.

Эти ржавые кочки и пни
Знают твой отдыхающий плен.
Неизменно предвечны они, —
Ты пред Вечностью полон измен.

Одинокая участь светла.
Безначальная доля свята.
Это Вечность Сама снизошла
И навеки замкнула уста.

3 июня 1905

* * *

Белый конь чуть ступает усталой ногой,
Где бескрайная зыбь залегла.
Мне болотная схима — желанный покой,
Будь ночлегом, зеленая мгла!

Алой ленты Твоей надо мной полоса,
Бьется в ноги коня змеевик,
На горе безмятежно поют голоса,
Всё о том, как закат Твой велик.

Закатилась Ты с мертвым Твоим женихом,
С палачом раскаленной земли.
Но сквозь ели прощальный Твой луч мне знаком,
Тишина Твоя дремлет вдали.

Я с Тобой — навсегда, не уйду никогда,
И осеннюю волю отдам.
В этих впадинах тихая дремлет вода,
Запирая ворота безумным ключам.

О, Владычица дней! алой лентой Твоей
Окружила Ты бледно-лазоревый свод!
Знаю, ведаю ласку Подруги моей —
Старину озаренных болот.

3 июня 1905. Новоселки

* * *

Болото — глубокая впадина
Огромного ока земли.
Он плакал так долго,
Что в слезах изошло его око
И чахлой травой поросло.
Но сквозь травы и злаки
И белый пух смеженных ресниц —
Пробегает зеленая искра,
Чтобы снова погаснуть в болоте.
И тогда говорят в деревнях
Неизвестно откуда пришедшие
Колдуны и косматые ведьмы:
«Это шутит над вами болото.
Это манит вас темная сила».
И когда они так говорят,
Старики осеняются знаменьем крестным,
Пожилые — смеются,
А у девушек — ясно видны
За плечами белые крылья.

3 июня 1905

Старушка и чертенята

Григорий Е.

Побывала старушка у Троицы
И всё дальше идет, на восток.
Вот сидит возле белой околицы,
Обвевает ее вечерок.

Собрались чертенята и карлики,
Только диву даются в кустах
На костыль, на мешок, на сухарики,
На усталые ноги в лаптях.

«Эта странница, верно, не рада нам —
Приложилась к мощам — и святая;
Надышалась божественным ладаном,
Чтобы видеть Святые Места.

Чтоб идти ей тропинками злачными,
На зеленую травку присесть...
Чтоб высоко над елями мрачными
Пронеслась золотистая весть»...

И мохнатые, малые каются,
Умиленно глядят на костыль,
Униженно в траве кувьркаются,
Поднимают копытцами пыль:

«Ты прости нас, старушка ты Божия,
Не бери нас в Святые Места!
Мы и здесь лобызаем подножия
Своего, полевого Христа.

Занимаются села пожарами,
Грозовая над нами весна,
Но за майскими тонкими чарами
Затлеваает и нам Купина»...

Июль 1905

* * *

Осень поздняя. Небо открытое,
И леса сквозят тишиной.
Прилегла на берег размытый
Голова русалки больной.

Низко ходят туманные полосы,
Пронизали тень камыша.
На зеленые длинные волосы
Упадают листья, шурша.

И опушками отдаленными
Месяц ходит с легким хрустом и глядит,
Но, запугана узлами зелеными,
Не дышит она и не спит.

Бездыханный покой очарован.
Несказанная боль улеглась.
И над миром, холодом скован,
Пролился звонко-синий час.

Август 1905

Эхо

К зеленому лугу, взывая, внимая,
Иду по шуршащей листве.
И месяц холодный стоит, не сгорая,
Зеленым серпом в синеве.

Листва кружевная!
Осеннее золото!
Зову — и трикратно
Мне издали звонко
Ответствует нимфа, ответствует Эхо,
Как будто в поля золотого заката
Гонимая богом-ребенком
И полная смеха...

Вот, богом настигнута, падает Эхо,
И страстно кружение, и сладко паденье,
И смех ее в длинном
Звучит повтореньи
Под небом невинным...
И страсти и смерти,
И смерти и страсти —
Венчальные ветви
Осенних убранств и запястий...

Там — в синем раздольи — мой голос пророчит
Возвратить, опрокинуть весь мир на меня!
Но, сверкнув на крыле пролетающей ночи,
Томной свирелью вечернего дня
Ускользнувшая нимфа хохочет.

4 октября 1905

Пляски осенние

Волновать меня снова и снова —
В этом тайная воля твоя,
Радость ждет сокровенного слова,
И уж ткань золотая готова,
Чтоб душа засмеялась моя.

Улыбается осень сквозь слезы,
В небеса улетает мольба,
И за кружевом тонкой березы
Золотая запела труба.

Так волнуют прозрачные звуки,
Будто милый твой голос звенит,
Но молчишь ты, поднявшая руки,
Устремившая руки в зенит.

И округлые руки трепещут,
С белых плеч ниспадают струи,
За тобой в хороводах расплещут
Осенницы одежды свои.

Осененная реющей влагой,
Распустила ты пряди волос.
Хороводов твоих по оврагу
Золотое кольцо развилось.

Очарованный музыкой влаги,
Не могу я не петь, не плясать,

И не могут луга и овраги
Под стопою твоей не сгорать.

С нами, к нам — легкокрылая младость,
Нам воздушная участь дана...
И откуда приходит к нам Радость,
И откуда плывет Тишина?

Тишина умирающих знаков —
Это светлая в мире пора:
Сон, заветных исполненный знаков,
Что сегодня пройдет, как вчера,

Что полеты времен и желаний —
Только всплески девических рук —
На земле, на зеленой поляне,
Неразлучный и радостный круг.

И безбурное солнце не будет
Нарушать и гневить Тишину,
И лесная трава не забудет,
Никогда не забудет весну.

И снежинки по склонам оврага
Заметут, заровняют края,
Там, где им заповедала влага,
Там, где пляска, где воля твоя.

1 октября 1905

НОЧНАЯ ФИАЛКА

СОН

(1906)

Миновали случайные дни
И равнодушные ночи,
И, однако, памятно мне
То, что хочу рассказать вам,
То, что случилось во сне.

Город вечерний остался за мною.
Дождь начинал моросить.
Далеко, у самого края,
Там, где небо, устав прикрывать
Поступки и мысли сограждан моих,
Упало в болото, —
Там краснела полоска зари.

Город покинув,
Я медленно шел по уклону
Малозастроенной улицы,
И, кажется, друг мой со мной.
Но если и шел он,
То молчал всю дорогу.
Я ли просил помолчать,
Или сам он был грустно настроен,
Только, друг другу чужие,
Разное видели мы:
Он видел извозчицьи дрожки,
Где молодые и лысые франты

Обнимали раскрашенных женщин.
Также не были чужды ему
Девуцы, смотревшие в окна
Сквозь желтые бархатцы...
Но всё посерело, померкло,
И зренья у спутника — также,
И, верно, другие желанья
Его одолели,
Когда он исчез за углом,
Нахлобучив картуз,
И оставил меня одного
(Чем я был несказанно доволен,
Ибо что же приятней на свете,
Чем утрата лучших друзей?).

Прохожих стало всё меньше.
Только тощие псы попадались навстречу,
Только пьяные бабы ругались вдали.
Над равниною мокрой торчали
Кочерьяжки капусты, березки и вербы,
И пахло болотом.

И пока прояснялось сознание,
Умолкали шаги, голоса,
Разговоры о тайнах различных религий,
И заботы о плате за строчку, —
Становилось ясней и ясней,
Что когда-то я был здесь и видел
Всё, что вижу во сне, — наяву.

Опустилась дорога,
И не стало видно строений.
На болоте, от кочки до кочки,
Над стоячей и ржавой водой
Перекинута мостики были,
И тропинка вилась
Сквозь лилово-зеленые сумерки
В сон, и в дрему, и в лень,
Где внизу и вверх,

И над кочкою чахлой,
И под красной полоской зари —
Затаил ожидание воздух
И как будто на страже стоял,
Ожидая расцвета
Нежной дочери струй
Водяных и воздушных.

И недаром все было спокойно
И торжественной встречей полно:
Ведь никто не слышал никогда
От родителей смертных,
От наставников школьных,
Да и в книгах никто не читал,
Что вблизи от столицы,
На болоте глухом и пустом,
В час фабричных гудков и журфиксов,
В час забвенья о зле и добре,
В час разгула родственных чувств
И развратно длинных бесед
О дурном состоянии желудка
И о новом совете министров,
В час презренья к лучшим из нас,
Кто, падений своих не скрывая,
Без стыда продает свое тело
И на пыльно-трескучих троттуарах
С наглой скромностью смотрит в глаза, —
Что в такой оскорбительный час
Всем доступны виденья.
Что такой же бродяга, как я,
Или, может быть, ты, кто читаешь
Эти строки, с любовью иль злобой, —
Может видеть лилово-зеленый
Безмятежный и чистый цветок,
Что зовется Ночною Фиалкой.

Так я знал про себя,
Проходя по болоту,
И увидел сквозь сетку дождя

Небольшую избушку.
Сам не зная, куда я забрел,
Приоткрыл я тяжелую дверь
И смущенно встал на пороге.

В длинной, низкой избе по стенам
Неуклюжие лавки стояли.
На одной — перед длинным столом —
Молчаливо сидела за пряжей,
Опустив над работой пробор,
Некрасивая девушка
С неприметным лицом.
Я не знаю, была ли она
Молода иль стара,
И какого цвета волосы были,
И какие черты и глаза.
Знаю только, что тихую пряжу пряла,
И потом, отрываясь от пряжи,
Долго, долго сидела, не глядя,
Без забот и без дум.
И еще я, наверное, знаю,
Что когда-то уж видел ее,
И была она, может быть, краше
И, пожалуй, стройней и моложе,
И, быть может, грустили когда-то,
Припадая к подножьям ее,
Короли в сединах голубых.

И запомнилось мне,
Что в избе этой низкой
Веял сладкий дурман,
Оттого, что болотная дрёма
За плечами моими текла,
Оттого, что пронизан был воздух
Зацветаньем Фиалки Ночной,
Оттого, что на праздник вечерний
Я не в брачной одежде пришел.
Был я нищий бродяга,
Посетитель ночных ресторанов,

А в избе собрались короли;
Но запомнилось ясно,
Что когда-то я был в их кругу
И устами касался их чаши
Где-то в скалах, на фьордах,
Где уж нет ни морей, ни земли,
Только в сумерках снежных
Чуть блестят золотые венцы
Скандинавских владык.

Было тяжело опять приступить
К исполнению сурового долга,
К поклонению забытым венцам,
Но они дожидались,
И, грустя, засмеялась душа
Запоздалому их ожиданью.

Обходил я избу,
Руки жал я товарищам прежним,
Но они не узнали меня.
Наконец, за огромною бочкой
(Верно, с пивом), на узкой скамье
Я заметил сидящих
Старика и старуху.
И глаза различили венцы,
Потускневшие в воздухе ржавом,
На зеленых и древних кудрях.
Здесь сидели веками они,
Дожидааясь привычных поклонов,
Чуть кивая пришельцам в ответ.
Обойдя всех сидевших на лавках,
Я отвесил поклон королям;
И по старым, глубоким морщинам
Пробежала усталая тень;
И привычно торжественным жестом
Короли мне велели остаться.
И тогда, обернувшись,
Я увидел последнюю лавку
В самом темном углу.

Там, на лавке неровной и шаткой,
Неподвижно сидел человек,
Опершись на колени локтями,
Подпирая руками лицо.
Было видно, что он, не старея,
Не меняясь, и думая думу одну,
Прогрустил здесь века,
Так что члены одеревенели,
И теперь, обреченный, сидит
За одною и тою же думой
И за тою же кружкой пивной,
Что стоит рядом с ним на скамейке.

И когда я к нему подошел,
Он не поднял лица, не ответил
На поклон, и не двинул рукой.
Только понял я, тихо взглядевшись
В глубину его тусклых очей,
Что и мне, как ему, суждено
Здесь сидеть — у недопитой кружки,
В самом темном углу.
Суждена мне такая же дума,
Так же руки мне надо сложить,
Так же тусклые очи направить
В дальний угол избы,
Где сидит под мерцающим светом,
За дремотой четы королевской,
За уснувшей дружиной,
За бесцельною пряжей —
Королевна забытой страны,
Что зовется Ночною Фиалкой.

Так сижу я в избе.
Рядом — кружка пивная
И печальный владелец ее.
Понемногу лицо его никнет,
Скоро тихо коснется колен,
Да и руки, не в силах согнуться,
Толькобрякнут костями,

Упадут и повиснут.
Этот нищий, как я, — в старину
Был, как я, благородного рода,
Стройным юношей, храбрым героем,
Обольстителем северных дев
И певцом скандинавских сказаний.
Вот обрывки одежды его:
Разноцветные полосы тканей,
Шитых золотом красным
И поблекших.

Дальше вижу дружину
На огромных скамьях:
Кто владеет в забвеньи
Рукою меча;
Кто, к щиту прислонясь,
Увязил долговязую шпору
Под скамьей;
Кто свой шлем уронил, — и у шлема,
На истлевшем полу,
Пробивается бледная травка,
Обреченная жить без весны
И дышать стариной бездыханной.

Дальше — чинно, у бочки пивной,
Восседают старик и старуха,
И на них догорают венцы,
Озаренные узкой полоской
Отдаленной зари.
И струятся зеленые кудри,
Обрамляя морщин глубину,
И глаза под навесом бровей
Огоньками болотными дремлют.

Дальше, дальше — беззвучно прядет,
И прядет, и прядет королевна,
Опустив над работой пробор.
Сладким сном одурманила нас,
Опоила нас зельем болотным,

Окружила нас сказкой ночной,
А сама всё цветет и цветет,
И болотами дышит Фиалка,
И беззвучная кружится прялка,
И прядет, и прядет, и прядет.

Цепенею, и сплю, и грущу,
И таю мою долгую думу,
И смотрю на полоску зари.
И проходят, быть может, мгновенья,
А быть может, — столетья.
Слышу, слышу сквозь сон
За стенами раскаты,
Отдаленные всплески,
Будто дальний прибой,
Будто голос из родины новой,
Будто чайки кричат,
Или стонут глухие сирены,
Или гонит играющий ветер
Корабли из веселой страны.
И нечаянно Радость приходит,
И далекая пена бушует,
Зацветают далёко огни.

Вот сосед мой склонился на кружку,
Тихо брякнули руки,
И приникла к скамье голова.
Вот рассыпался меч, дребезжа.
Щит упал. Из-под шлема
Побежала веселая мышка.
А старик и старуха на лавке
Прислонились тихонько друг к другу,
И над старыми их головами
Больше нет королевских венцов.

И сажу на болоте.
Над болотом цветет,
Не старея, не зная измены,
Мой лиловый цветок,

Что зову я — Ночную Фиалкой.
За болотом остался мой город,
Тот же вечер и та же заря.
И, наверное, друг мой, шатаюсь,
Не однажды домой приходил
И ругался, меня проклиная,
И мертвецким сном засыпал.

Но столетья прошли,
И продумал я думу столетий.
Я у самого края земли,
Одинокий и мудрый, как дети.
Так же тих догорающий свод,
Тот же мир меня тягостный встретил.
Но Ночная Фиалка цветет,
И лиловый цветок ее светел.
И в зеленой ласкающей мгле
Слышу волн круговое движенье,
И больших кораблей приближенье,
Будто вести о новой земле.
Так заветная прялка прядет
Сон живой и мгновенный,
Что нечаянно Радость придет
И пребудет она совершенной.

И Ночная Фиалка цветет.

1905-1906

РАЗНЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ
(1904-1908)

* * *

Л. Семенову

Жду я смерти близ денницы.
Ты пришла издалека.
Здесь исполни долг царицы
В бледном свете ночника.

Я готов. Мой саван плотен.
Смертный венчик вокруг чела.
На снегу моих полотен
Ты лампадный свет зажгла.

Опусти прозрачный полог
Отходящего царя.
На вершинах колких елок
Занимается заря.

Путь неровен. Ветви гибки.
Ими путь мой устели.
Царски-каменной улыбки
Не нарушу на земли.

Январь 1904

* * *

Я восходил на все вершины,
Смотрел в иные небеса,
Мой факел был и глаз совиный,
И утра божия роса.

За мной! За мной! Ты молишь взглядом,
Ты веришь брошенным словам,
Как будто дважды чашу с ядом
Я поднесу к своим губам!

О, нет! Я сжег свои приметы,
Испепелил свои следы!
Всё, что забыто, недопето,
Не возвратится до Звезды —

До Той Звезды, которой близость
Познав, — сторицей отплачу
За всё величие и низость,
Которых тяжкий груз влачу!

15 марта 1904

* * *

Ты оденешь меня в серебро,
И когда я умру,
Выйдет месяц — небесный Пьеро,
Встанет красный паяц на юру.

Мертвый месяц беспомощно нем,
Никому ничего не открыл.
Только спросит подругу — зачем
Я когда-то ее полюбил?

В этот яростный сон наяву
Опрокинуть я мертвым лицом.

И паяц испугает сову,
Загремев под горой бубенцом...

Знаю — сморщенный лик его стар
И бесстыден в земной нагоде.
Но зловещий восходит угар —
К небесам, к высоте, к чистоте.

14 мая 1904

* * *

Фиолетовый запад гнетет,
Как пожатые десницы свинцовой.
Мы летим неизменно вперед —
Исполнители воли суровой.

Нас немного. Все в дымных плащах.
Брызжут искры, и блещут кольчуги.
Поднимаем на севере прах,
Оставляем лазурность на юге.

Ставим троны иным временам —
Кто воссядет на темные троны?
Каждый душу разбил пополам
И поставил двойные законы.

Никому не известен конец.
И смятенье сменяет веселье.
Нам открылось в гаданьи: *мертвец*
Впереди рассекает ущелье.

14 мая 1904

Взморье

Сонный вздох онемелой волны
Дышит с моря, где серый маяк

Указал морякам быстрины,
Растрепал у поднебесья флаг.

Там зажегся последний фонарь,
Озаряя таинственный мол.
Там корабль возвышался, как царь,
И вчера в океан отошел.

Чуть серели его паруса,
Унося торжество в океан.
Я покорно смотрел в небеса,
Где Она расточала туман.

Я увидел Глядящую в твердь —
С неземным очертанием рук.
Издали мне привиделась Смерть,
Воздвигавшая тягостный звук.

Там поют среди серых камней,
В отголосках причудливых пен —
Переплески далеких морей,
Голоса корабельных сирен.

26 мая 1904

* * *

Я живу в глубоком покое.
Рою днем могилы корням.
Но в туманный вечер — нас двое.
Я вдвоем с Другим по ночам.

Обычайный — у входа в сени,
Где мерцают мои образа.
Лоб закрыт тенями растений.
Чуть тускнеют в тени глаза.

Из угла серебрятся латы,
Испуская жалобный скрип.

В дальних залах — говор крылатый
Тех, с кем жил я, и с кем погиб.

Одинок — в конце вереницы —
Я — последний мускул земли.
Не откроет уст Темнолицый,
Будто ждет, чтобы все прошли.

Раздавив похоронные звуки
Равномерно-жутких часов,
Он поднимет тяжкие руки,
Что висят, как петли веков.

Заскрипят ли тяжкие латы?
Или гроб их, как страх мой, пуст?
Иль Он вдунет звук хриповатый
В этот рог из смердящих уст?

Или я, как месяц двурогий,
Только жалкий сон серебрю,
Что приснился в долгой дороге
Всем бессильным встретить зарю?

15 июня 1904

* * *

Поет, краснея, медь. Над горном
Стою — и карлик служит мне;
Согбенный карлик в платье черном,
Какой являлся мне во сне.

Сбылось немного — слишком много,
И в гроб переплавляю медь.
Я сам открыл себе дорогу,
Не в силах зной преодолеть.

Последним шествием украшен,
Склонюсь под красный балдахин.

И прогремят останки башен
С моих довременных вершин.

И вольно-смуглая гадалка,
Спеша с потехи площадной,
Швырнет под сени катафалка
Свой воскрешающий запой.

Тогда — огромен бледным телом —
Я красной медью зазвучу.
И предо мною люди в белом
Поставят бледную свечу.

4 июля 1904

* * *

Зажигались окна узких комнат,
Возникали скудные лучи,
Там, где люди сиротливо берегут и помнят
Царствия небесного ключи.

В этот час и Ты прошла к вечерне,
Свой задумчивый и строгий сон храня.
На закате поднимался занавес вечерний,
Открывалось действие огня.

Так, как я, тонуть в небесном равнодушном взгляде
Не умел никто, Свободная, поверь!
Кто-то ласковый рассыпал золотые пряди,
Луч проник в невидимую дверь.

И, вступив на звонкий ряд ступеней,
Я стоял преображенный на горе —
Там, где стая тускло озаренных привидений
Простирали руки к догорающей заре.

Осень 1904

* * *

Всё бежит, мы пребываем,
Вервий ночи вьем концы,
Заплетаем, расплетаем
Белых ландышей венцы.
Всё кружится, круторогий
Месяц шуруется вверху.
Мы, расчислив все дороги,
Утром верим петуху.
Вот — из кельи Вечной Пряжи
Нити кажут солнцу путь.
Утром сходятся монахи,
Прикрывая рясой грудь.
— Всю ли ночь молились в нишах?
Всю ли ночь текли труды?
— Нет, отец, на светлых крышах
Ждали Утренней Звезды.
Мы молчали, колдовали,
Ландыш пел, Она цвела,
Мы над прялкой тосковали
В ночь, когда Звезда прятала.

Сентябрь 1904

* * *

Федору Смородскому

Нежный! У ласковой речки
Ты — голубой пастушок.
Белые бродят овечки,
Круто загнут посошок.

Ласковы желтые мели,
Где голубеет вода.
Голосу тихой свирели
Грустно покорны стада.

Грусть несказанных намеков
В долгом журчаньи волны.
О, береги у истоков
Эти мгновенные сны.

Люди придут и растратят
Золоторунную тишь.
Тяжкие камни прикатят,
Нежный растопчат камыш.

Но высоко — в изумрудах
Облаки-овцы бредут.
В тихих и темных запрудах
Их отраженья плывут.

Пусть и над городом встанет
Стадо вечернее. Пусть
Людям предстанет в тумане
Золоторунная грусть.

18 октября 1904

* * *

Гроб невесты легкой тканью
Скрыт от глаз в соборной мгле.
Пресвятая тонкой дланью
Охраняет на земле.

Кто у гроба в час закатный?
Мать и солнечная сень.
Третий с ними — благодатный
Несмежающийся день.

Над ее бессмертной дрёмой
Нить Свершений потекла...
Это — Третий — Незнакомый
Кротко смотрит в купола.

5 ноября 1904

* * *

Тяжко нам было под выюгами
Зиму холодную спать...
Землю промерзлую плугами
Не было мочи поднять!

Ранними летними росами
Выйдем мы в поле гулять...
Будем звенящими косами
Сочные травы срезать!

Настежь ворота тяжелые!
Ветер душистый в окно!
Песни такие веселые
Мы не певали давно!

5 ноября 1904

Ночь

Маг, простерт над миром брений,
В млечной ленте — голова.
Знаки поздних поколений —
Счастье должного волхва.

Поднялась стезею млечной,
Осиянная — плывет.
Красный шлем остроконечный
Бороздит небесный свод.

В длинном черном одеянии,
В сонме черных колесниц,
В бледно-фосфорном сиянии —
Ночь плывет путем цариц.

Под луной мерцают пряжки
До лица закрытых риз.

Оперлась на циркуль тяжкий,
Равнодушно смотрит вниз.

Застилая всю равнину,
Косы скрыли полчела.
Тенью крылий — половину
Всея подлунной обняла.

Кто Ты, зельями ночными
Опоившая меня?
Кто Ты, Женственное Имя
В нимбе красного огня?

19 ноября 1904

* * *

Вот — в изнурительной работе
Вы духу выковали меч.
Вы — птицы. Будьте на отлете,
Готовьте дух для новых встреч.

Весенних талей вздохи томны,
Звездясь, синее тонкий лед.
О, разгадай под маской скромной,
Какая женщина зовет!

Вам перепутья даль откроют,
Призывно засинеет мгла.
Вас девы падшие укроют
В приюты света и тепла...

Открытый путь за далью вольной,
Но берегитесь, в даль стремясь,
Чтоб голос меди колокольной
Не опрокинулся на вас!

Ноябрь 1904

Ее прибытие

Рабочие на рейде

Окаймлен летучей пеной,
Днем и ночью дышит мол.
Очарованный сиреной,
Труд наш медленный тяжел.
Океан гудит под нами,
В порте блещут огоньки,
Кораблей за бурунами
Чутко ищут маяки.
И шатают мраки в море
Эти тонкие лучи,
Как испуганные зори,
Проскользнувшие в ночи.
Широки ночей объятья,
Тяжки вздохи темноты!
Все мы близки, все мы братья —
Там, на рейде, в час мечты!
Далеко за полночь — в дали
Неизведанной земли —
Мы печально провожали
Голубые корабли.
Были странны очертанья
Черных труб и тонких рей,
Были темные названья
Нам неведомых зверей.
«Птица Пен» ходила к югу,
Возвратясь, давала знак:
Через бурю, через вьюгу
Различали красный флаг...
Что за тайну мы хранили,
Чьи богатства стерегли?
Золотые ль слитки плыли
В наши темные кули?
Не чудесная ли птица
В клетке плечи нам свела?

Или черная царица
В ней пугливо замерла?..
Но, как в сказке, люди в море:
Тяжкой ношей каждый горд.
И, туманным песням вторя,
Грохотал угрюмый порт.

Так было

Жизнь была стремленьем.
Смерть была причиной
Не свершенных в мире
Бесконечных благ.

Небо закрывалось
Над морской равниной
В час, когда являлся
Первый светлый флаг.

Ночи укрывали
От очей бессонных
Всё, что совершалось
За чертой морей.

Только на закате
В зорях наклоненных
Мчались отраженья,
Тени кораблей.

Но не все читали
Заревые знаки,
Да и зори гасли,
И — лицом к луне —

Бледная планета,
Разрывая мраки,
Знала о грядущем
Безнадежном дне.

Песня матросов

Подарило нам море
Обручальное кольцо!
Целовало нас море
В загорелое лицо!
Принеvestилась
Морская глубина!
Неневестная
Морская быстрина!
С ней жизнь вольна,
С ней смерть не страшна,
Она, матушка, свободна, холодна!
С ней погуляем
На вольном просторе!
Синее море!
Красные зори!
Ветер, ты, пьяный,
Трепли волоса!
Ветер соленый,
Неси голоса!
Ветер, ты, вольный,
Раздуй паруса!

Голос в тучах

Нас море примчало к земле одичалой
В убогие кровы, к недолгому сну,
А ветер крепчал, и над морем звучало,
И было тревожно смотреть в глубину.

Больным и усталым — нам было завидно,
Что где-то в морях веселилась гроза,
А ночь, как блудница, смотрела бесстыдно
На темные лица, в больные глаза.

Мы с ветром боролись и, брови нахмуря,
Во мраке с трудом различали тропу...

И вот, как посол нарастающей бури,
Пророческий голос ударил в толпу.

Мгновенным зигзагом на каменной круче
Торжественный профиль нам брызнул в глаза,
И в ясном разрыве испуганной тучи
Веселую песню запела гроза:

«Печальные люди, усталые люди,
Проснитесь, узнайте, что радость близка!
Туда, где моря запевают о чуде,
Туда направляется свет маяка!

Он рыщет, он ищет веселых открытий
И зорким лучом стережет буруны,
И с часу на час ожидает прибытий
Больших кораблей из далекой страны!

Смотрите, как ширятся полосы света,
Как радостен бег закипающих пен!
Как море ликует! Вы слышите — где-то —
За ночью, за бурей — взыванье сирен!»

Казалось, вверху разметались одежды,
Гремящую даль осенила рука...
И мы пробуждались для новой надежды,
Мы знали: неожиданная Радость близка!..

А там — горизонт разбудили зарницы,
Как будто пылали вдали города,
И к порту всю ночь, как багряные птицы,
Летели, шипя и свистя, поезда.

Гудел океан, и лохмотьями пены
Швырялись моря на стволы маяков.
Протяжной мольбой завывали сирены:
Там буря настигла суда рыбаков.

Корабли идут

О, светоносные стебли морей, маяки!
Ваш прожектор — цветок!
Ваша почва — создание волненья,
Песчаные косы!

Ваши стебли, о, цвет океана, крепки,
И силен электрический ток!
И лучи обещают спасенье
Там, где гибнут матросы!

Утро скажет: взгляни: утомленный работой,
Ты найдешь в бурунах
Обессиленный труп,
Не спасенный твоею заботой,

С остывающим смехом на синих углах
Искривившихся губ...
Избежавший твоих светоносных лучей,
Преступивший последний порог...
Невидим для очей,
Через полог ночей
На челе начертал примиряющий Рок:
«Ничей».

Ты нам мстишь, электрический свет!
Ты — не свет от зари, ты — мечта от земли,
Но в туманные дни ты пронзаешь лучом
Безначальный обман океана...

И надежней тебя нам товарища нет:
Мы сквозь зимнюю выю ведем корабли,
Мы заморские тайны несем,
Мы под игом ночного тумана...

Трюмы полны сокровищ!
Отягченные мчатся суда!..

Пусть хранит от подводных чудовищ
Электричество — наша звезда!

Через бурю, сквозь вьюгу — вперед!
Электрический свет не умрет!

Корабли пришли

Океан дремал зеркальный,
Злые бури отошли.
В час закатный, в час хрустальный
Показались корабли.

Шли, как сказочные феи,
Вымпелами даль пестря.
Тяжело согнулись реи,
Наготове якоря.

Пели гимн багряным зорям,
Вся горя, смеялась даль.
С голубым прощальным морем
Разлучаться было жаль.

А уж там — за той косою —
Неожиданно светла,
С затуманенной красою
Их красавица ждала...

То — земля, о, дети страсти,
Дети бурь, — она за вас! —
Тяжело упали снасти.
Весть ракетой понеслась.

Рассвет

Тихо рассыпалась в небе ракета,
Запад погас, и вздохнула земля.

Стали на рейде и ждали рассвета,
Ночь возвращенья мечте удела.

Сумерки близятся. В утренней дрёме
Что-то безмерно-печальное есть.
Там — в океане — в земном водоеме —
Бродит и блещет пугливая весть...

Белый, как белая птица, далёко
Мерит и выси и глуби — и вдруг
С первой стрелой, прилетевшей с востока,
Сонный в морях пробуждается звук.

Смерть или жизнь тяготее над морем,
Весть о победе — в полете стрелы.
Смертные мы и о солнце не спорим,
Знаем, что время готовить хвалы.

Кто не проснулся при первом сияньи —
Сумрачно помнит, что гимн отзвучал,
Чует сквозь сон, что утратил познать
Ранных и светлых и мудрых начал...

Но с кораблей, испытавших ненастье,
Весть о рассвете достигла земли:
Буйные толпы, в предчувствии счастья,
Вышли на берег встречать корабли.

Кто-то гирлянду цветочную бросил,
Лодки помчались от пестрой земли.
Сильные юноши сели у весел,
Скромные девушки взяли рули.

Плыли и пели, и море пьянело...

.....

16 декабря 1904

Моей матери

Помнишь думы? Они улетели.
Отцвели завитки гиацинта.
Мы провидели светлые цели
В отдаленных краях лабиринта.

Нам казалось: мы кратко блуждали.
Нет, мы прожили долгие жизни...
Возвратились — и нас не узнали,
И не встретили в милой отчизне.

И никто не спросил о Планете,
Где мы близились к юности вечной...
Пусть погибнут безумные дети
За стезей ослепительно млечной!

Но в бесцельном, быть может, круженьи —
Были мы, как избранники, нищи.
И теперь возвратились в сомненьи
В дорогое, родное жилище...

Так. Не жди изменений бесцельных,
Не смущайся забвеньем. Не числи.
Пусть к тебе — о краях запредельных
Не придут и спокойные мысли.

Но, прекрасному прошлому радо, —
Пусть о будущем сердце не плачет.
Тихо ведаю: будет награда:
Ослепительный Всадник прискачет.

4 декабря 1904

* * *

Все отошли. Шумите, сосны,
Гуди, стальная полоса.

Над одиноким веют вёсны
И торжествуют небеса.

Я не забыл на пире хмельном
Мою заветную свирель.
Пошлю мечту о запредельном
В Его Святую колыбель...

Над ней синее вечный полог,
И слишком тонки кружева.
Мечты пронзительный осколок
Свободно примет синева.

Не о спасеньи, не о Слове...
И мне ли — падшему в пыли?
Но дым всходящих славословий
Вернется в сад моей земли.

14 декабря 1904. Уполотна Филл. ж.д.

* * *

Шли на приступ. Прямо в грудь
Штык наточенный направлен.
Кто-то крикнул: «Будь прославлен!»
Кто-то шепчет: «Не забудь!»

Рядом пал, всплеснув руками,
И над ним сомкнулась рать.
Кто-то бьется под ногами,
Кто — не время вспоминать...

Только в памяти веселой
Где-то вспыхнула свеча.
И прошли, стопой тяжелой
Тело теплое топча...

Ведь никто не встретит старость —
Смерть летит из уст...

Высоко пылает ярость,
Даль кровавая пуста...

Что же! громче будет скрежет,
Слаще боль и ярче смерть!
И потом — земля разнежит
Перепуганную твердь.

Январь 1905

* * *

Вот на тучах пожелтелых
Отблеск матовой свечи.
Пробежали в космах белых
Черной ночи трубачи.

Пронеслась, бесшумно рея,
Птицы траурной фата.
В глуби меркнувшей аллеи
Зароилась чернота.

Разметались в тучах пятна,
Заломились руки Дня.
Бездыханный, необъятный
Истлевает без огня.

Кто там встанет с мертвым глазом
И серебряным мечом?
Невидимкам черномазым
Кто там будет трубачом?

28 мая 1905

Влюбленность

Королевна жила на высокой горе,
И над башней дымилась прозрачные сны облаков.

280

Темный рыцарь в тяжелой кольчуге шептал о любви на заре,
В те часы, когда Рейн выступал из своих берегов.

Над зелеными рвами текла, розовея, весна.
Непомерность ждала в синевах отдаленной черты.
И влюбленность звала — не дала отойти от окна,
Не смотреть в роковые черты, оторваться от светлой мечты.

«Подними эту розу», — шепнула — и ветер донес
Тишину улетающих лат, бездыханный ответ.
«В синем утреннем небе найдешь Купину расцветающих роз», —
Он шепнул, и сверкнул, и взлетел, и она полетела вослед.

И за облаком плыло и пело мерцание тьмы,
И влюбленность в погоне забыла, забыла свой щит.
И она, окрыляясь, полетела из отчей тюрьмы —
На воздушном пути королевна полет свой стремится.

Уж в стремнинах туман, и рога созывают стада,
И заветная мгла протянула плащи и скрестила мечи,
И вечернюю грусть тишиной отражает вода,
И над лесом погасли лучи.

Не смолкает вдали властелинов борьба,
Распри дедов над ширью земель.
Но различна Судьба: здесь — мечтанье раба,
Там — воздушной Влюбленности хмель.

И в воздушный покров улетела на зов
Навсегда... О, Влюбленность! Ты строже Судьбы!
Повелительней древних законов отцов!
Слаще звука военной трубы!

3 июня 1905

* * *

Она веселой невестой была.
Но смерть пришла. Она умерла.

281

И старая мать погребла ее тут.
Но церковь упала в зацветший пруд.

Над зыбью самых глубоких мест
Плывет один неподвижный крест.

Миновали сотни и сотни лет,
А в старом доме юности нет.

И в доме, уставшем юности ждать,
Одна осталась старая мать.

Старуха вдевает нити в иглу.
Тени нитей дрожат на светлом полу.

Тихо, как будет. Светло, как было.
И счет годин старуха забыла.

Как мир, стара, как лунь, седа.
Никогда не умрет, никогда, никогда...

А вдоль комодов, вдоль старых кресел
Мушиный танец всё так же весел,

И красные нити лежат на полу,
И мышшь щекочет обои в углу.

В зеркальной глуби — еще покой
С такой же старухой, как лунь, седой.

И те же нити, и те же мышши,
И тот же образ смотрит из ниши —

В окладе темном — темней пруда,
Со взором скромным — всегда, всегда...

Давно потухший взгляд безучастный,
Клубок из нитей веселый, красный...

И глубже, и глубже покоев ряд,
И в окна смотрит всё тот же сад,

Зеленый, как мир; высокий, как ночь;
Нежный, как отошедшая дочь...

«Вернись, вернись. Нить не хочет тлеть.
Дай мне спокойно умереть».

3 июня 1905

* * *

Г. Чулкову

Не строй жилищ у речных излучин,
Где шумной жизни заметен рост.
Поверь, конец всегда однозвучен,
Никому не понятен и торжественно прост.

Твоя участь тиха, как рассказ вечерний,
И душой одинокой ему покорись.
Ты иди себе, молча, к какой хочешь вечерне,
Где душа твоя просит, там молись.

Кто придет к тебе, будь он, как ангел, светел,
Ты прими его просто, будто видел во сне,
И молчи без конца, чтоб никто не заметил,
Кто сидел на скамье, промелькнул в окне.

И никто не узнает, о чем молчанье,
И о чем спокойных дум простота.
Да. Она придет. Забелеет сиянье.
Без вины прижмет к устам уста.

Июнь 1905

* * *

Потеха! Рокочет труба,
Кривляются белые рожи,
И видит на флаге прохожий
Огромную надпись: «Судьба».

Палатка. Разбросаны карты.
Гадалка, смуглее июльского дня,
Бормочет, монетой звеня,
Слова слаще звуков Моцарта.

Кругом — возрастающий крик,
Свистки и нечистые речи,
И ярмарки гулу — далече
В полях отвечает зеленый двойник.

В палатке всё шепчет и шепчет,
И скоро сливаются звуки,
И быстрые смуглые руки
Впиваются крепче и крепче...

Гаданье! Мгновенье! Мечта!..
И, быстро поднявшись, презрительным жестом
Встряхнула одеждой над проклятым местом,
Гадают... и шепчут уста.

И вновь завывает труба,
И в памяти пыльной взываются речи,
И руки... и плечи...
И быстрая надпись: «Судьба»!

Июль 1905

Балаганчик

Вот открыт балаганчик
Для веселых и славных детей,

Смотрят девочка и мальчик
На дам, королей и чертей.
И звучит эта адская музыка,
Завывает унылый смычок.
Страшный черт ухватил карапузика,
И стекает клюквенный сок.

Мальчик

Он спасется от черного гнева
Мановением белой руки.
Посмотри: огоньки
Приближаются слева...
Видишь факелы? видишь дымки?
Это, верно, сама королева...

Девочка

Ах, нет, зачем ты дразнишь меня?
Это — адская свита...
Королева — та ходит средь белого дня,
Вся гирляндами роз перевита,
И шлейф ее носит, мечами звеня,
Вздыхающих рыцарей свита.

Вдруг паяц перегнулся за рампу
И кричит: «Помогите!
Истекаю я клюквенным соком!
Забинтован тряпицей!
На голове моей — картонный шлем!
А в руке — деревянный меч!»

Заплакали девочка и мальчик,
И закрылся веселый балаганчик.

Июль 1905

Поэт

Сидят у окошка с папой.
Над берегом вьются галки.

Дождик, дождик! Скорей закапай!
У меня есть зонтик на палке!

Там весна. А ты — зимняя пленница,
Бедная девочка в розовом капоре...
Видишь, море за окнами пенится?
Полетим с тобой, девочка, за море.

А за морем есть мама?
Нет.

А где мама?
Умерла.
Что это значит?

Это значит: вон идет глупый поэт:
Он вечно о чем-то плачет.

О чем?
О розовом капоре.
Так у него нет мамы?
Есть. Только ему нипочем:
Ему хочется за море,
Где живет Прекрасная Дама.

А эта Дама — добрая?
Да.
Так зачем же она не приходит?

Она не придет никогда:
Она не ездит на пароходе.

Подошла ночка,
Кончился разговор папы с дочкой.

Июль 1905

У моря

Стоит полукруг зари.
Скоро солнце совсем уйдет.
Смотри, папа, смотри,
Какой к нам корабль плывет!

Ах, дочка, лучше бы нам
Уйти от берега прочь...
Смотри: он несет по волнам
Нам светлым — темную ночь...

Нет, папа, взгляни разок,
Какой на нем пестрый флаг!
Ах, как его голос высок!
Ах, как освещен маяк!

Дочка, то сирена поет.
Берегись, пойдём-ка домой...
Смотри: уж туман ползет:
Корабль стал совсем голубой...

Но дочка плачет навзрыд,
Глубь морская ее манит,
И хочет пуститься вплавь,
Чтобы сон обратился в явь.

Июль 1905

Моей матери

Тихо. И будет всё тише.
Флаг бесполезный опущен.
Только флюгарка на крыше
Сладко поет о грядущем.

Ветром в полнебе раскинут,
Дымом и солнцем взволнован,

Бедный петух очарован,
В синюю глубь опрокинут.

В круге окна слухового
Лик мой, как нимбом, украшен.
Профиль лица воскового
Правилен, прост и нестрашен.

Смолы пахучие жарки,
Дали извечно туманны...
Сладки мне песни флюгарки:
Пой, петушок оловянный!

Июль 1905

* * *

Старость мертвая бродит вокруг,
В зеленях утонула дорожка.
Я пилю наверху полукруг —
Я пилю слуховое окошко.

Чую дали — и капли смолы
Проступают в сосновые жилки.
Прорываются визги пилы,
И летят золотые опилки.

Вот последний свистящий раскол —
И дощечка летит в неизвестность...
В остром запахе тающих смол
Подо мной распахнулась окрестность...

Всё закатное небо — в дреме,
Удлиняются дальние тени,
И на розовой гаснет корме
Уплывающий кормщик весенний...

Вот мы с ним уплываем во тьму,
И корабль исчезает летучий...

Вот и кормщик — звездой падучей —
До свиданья!.. летит за корму...

Июль 1905

* * *

В туманах, над сверканьем рос,
Безжалостный, святой и мудрый,
Я в старом парке дедов рос,
И солнце золотило кудри.

Не погасал лесной пожар,
Но, гарью солнечной влекомый,
Стрелой бросался я в угар,
Целуя воздух незнакомый.

И проходили сонмы лиц,
Всегда чужих и вечно взрослых,
Но я любил взлетанье птиц,
И лодку, и на лодке весла.

Я уплывал один в затон
Бездонной заводи и мутной,
Где утлый остров окружен
Стеною ельника уютной.

И там в развесистую ель
Я доску клал и с нею реял,
И таяла моя качель,
И сонный ветер тихо веял.

И было как на Рождестве,
Когда игра давалась даром,
А жизнь всходила синим паром
К сусально-звездной синеве.

Июль 1905

Осенняя воля

Выхожу я в путь, открытый взорам,
Ветер гнет упругие кусты,
Битый камень лег по косогорам,
Желтой глины скудные пласты.

Разгулялась осень в мокрых долах,
Обнажила кладбища земли,
Но густых рябин в проезжих селах
Красный цвет зареет издали.

Вот оно, мое веселье, пляшет
И звенит, звенит, в кустах пропав!
И вдали, вдали призывно машет
Твой узорный, твой цветной рукав.

Кто взманил меня на путь знакомый,
Усмехнулся мне в окно тюрьмы?
Или — каменным путем влекомый
Нищий, распеваящий псалмы?

Нет, иду я в путь никем не званный,
И земля да будет мне легка!
Буду слушать голос Руси пьяной,
Отдыхать под крышей кабака.

Запою ли про свою удачу,
Как я молодость сгубил в хмелю...
Над печалью нив твоих заплачу,
Твой простор навеки полюблю...

Много нас — свободных, юных, статных —
Умирает, не любя...
Приюти ты в даях необъятных!
Как и жить и плакать без тебя!

Июль 1905. Рогачевское шоссе

* * *

Не мани меня ты, воля,
Не зови в поля!
Пировать нам вместе, что ли,
Матушка-земля?
Кудри ветром растрепала
Ты издалека,
Но меня благословляла
Белая рука...
Я крестом касался персти,
Целовал твой прах,
Нам не жить с тобою вместе
В радостных полях!
Лишь на миг в воздушном мире
Оглянусь, взгляну,
Как земля в зеленом пире
Празднует весну, —
И пойду путем-дорогой,
Тягостным путем —
Жить с моей душой убогой
Нищим бедняком.

Июль 1905

* * *

Оставь меня в моей дали,
Я неизменен. Я невинен.
Но темный берег так пустынен,
А в море ходят корабли.

Порою близок парус встречный,
И зажигается мечта;
И вот — над ширью бесконечной
Душа чудесным занята.

Но даль пустынна и спокойна —
И я всё тот же — у руля,

И я пою, всё так же стройно,
Мечту родного корабля.

Оставь же парус воли бурной
Чужой, а не твоей судьбе:
Еще не раз в тиши лазурной
Я буду плакать о тебе.

Август 1905

* * *

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.

Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у Царских Врат,
Причастный Тайнам, — плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

Август 1905

* * *

В лапах косматых и страшных
Колдун укачал весну.

Вспомнили дети о снах вчерашних,
Отошли тихонько ко сну.

Мама крестила рукой усталой,
Никому не взглянула в глаза.
На закате полоской алой
Покатилась к земле слеза.

«Мама, красивая мама, не плачь ты!
Золотую птицу мы увидим во сне.
Всю вчерашнюю ночь она пела с мачты,
А корабль уплывал к весне.»

Он плыл и качался, плыл и качался,
А бедный матросик смотрел на юг:
Он друга оставил и в слезах надрывался, —
Верно, есть у тебя печальный друг?»

«Милая девочка, спи, не тревожься,
Ты сегодня другое увидишь во сне.
Ты к вчерашнему сну никогда не вернешься:
Одно и то же снится лишь мне...»

Август 1905

* * *

Там, в ночной завывающей стуже,
В поле звезд отыскал я кольцо.
Вот лицо возникает из кружев,
Возникает из кружев лицо.

Вот плывут ее выюжные трели,
Звезды светлые шлейфом влача,
И взлетающий бубен метели,
Бубенцами призывно бренча.

С легким треском рассыпался веер, —
Ах, что значит — не пить и не есть!

Но в глазах, обращенных на север,
Мне, холодному, — жгучая весть...

И над мигом свивая покровы,
Вся окутана звездами вьюг,
Уплываешь ты в сумрак снеговой,
Мой от века загаданный друг.

Август 1905

* * *

Утихает светлый ветер,
Наступает серый вечер,
Ворон канул на сосну,
Тронул сонную струну.

В стороне чужой и темной
Как ты вспомнишь обо мне?
О моей любви скромной
Закручинишься ль во сне?

Пусть душа твоя мгновенна —
Над тобою неизменна
Гордость юная твоя,
Верность женская моя.

Не гони летящий мимо
Призрак легкий и простой,
Если будешь, мой любимый,
Счастлив с девушкой другой...

Ну, так с Богом! Вечер близок,
Быстрый лёт касаток низок,
    Надвигается гроза,
    Ночь глядит в твои глаза.

21 августа 1905

* * *

В голубой далекой спальне
Твой ребенок опочил.
Тихо вылез карлик маленький
И часы остановил.

Всё, как было. Только странная
Воцарилась тишина.
И в окне твоём — туманная
Только улица страшна.

Словно что-то недосказано,
Что всегда звучит, всегда...
Нить какая-то развязана,
Сочетавшая года.

И прошла ты, сонно-белая,
Вдоль по комнатам одна.
Опустила, вся несмелая,
Штору синего окна.

И потом, едва заметная,
Тонкий полог подняла.
И, как время, безрассветная,
Шевелясь, поникла мгла.

Стало тихо в дальней спальне —
Синий сумрак и покой,
Оттого что карлик маленький
Держит маятник рукой.

4 октября 1905

* * *

Евгению Иванову

Вот он — Христос — в цепях и розах —
За решеткой моей тюрьмы.
Вот Агнец Кроткий в белых ризах
Пришел и смотрит в окно тюрьмы.

В простом окладе синего неба
Его икона смотрит в окно.
Убогий художник создал небо.
Но Лик и синее небо — одно.

Единый, Светлый, немного грустный —
За Ним восходит хлебный знак,
На пригорке лежит огород капустный,
И березки и елки бегут в овраг.

И всё так близко и так далёко,
Что, стоя рядом, достичь нельзя,
И не постигнешь синего Ока,
Пока не станешь сам как стезя...

Пока такой же нищий не будешь,
Не ляжешь, истоптан, в глухой овраг,
Обо всем не забудешь, и всего не разлюбишь,
И не поблекнешь, как мертвый знак.

10 октября 1905

* * *

Так. Неизменно всё, как было.
Я в старом ласковом бреду.
Ты для меня остановила
Времен живую череду.

И я пришел, плющом венчанный,
Как в юности, — к истокам рек.
И над водой, за мглой туманной, —
Мне улыбнулся тот же брег.

И те же явственные звуки
Меня зовут из камыша.
И те же матовые руки
Провидит вещая душа.

Как будто время позабыло
И ничего не унесло,
И неизменным сохранило
Певучей юности русло.

И так же вечен я и мирен,
Как был давно, в годину сна.
И тяжким золотом кумирен
Моя душа убелена.

10 октября 1905

* * *

Прискакала дикой степью
На вспенённом скакуне.
«Долго ль будешь лязгать цепью?
Выходи плясать ко мне!»

Рукавом в окно мне машет,
Красным криком зажжена,
Так и манит, так и пляшет,
И ласкает скакуна.

«А, не хочешь! Ну, так с Богом!»
Пыль клубами завилась...
По тропам и по дорогам
В чистом поле понеслась...

Не меня ты любишь, Млада,
Дикой вольности сестра!
Любишь краденые клады,
Полуночный свист костра!

И в степях, среди тумана,
Ты страшна своей красотой —
Разметавшейся у стана
Рыжей спутанной косой.

31 октября 1905

Бред

Я знаю, ты близкая мне...
Больному так нужен покой...
Прильнувши к седой старине,
Торжественно брежу во сне...

С тобою, мой свет, говорю...
Пьяни, весели меня, боль! —
Ты мне обещаешь зарю?
Нет, с этой свечой догорю!

Так слушай, как память остра, —
Недаром я в смертном бреду...
Вчера еще были, вчера
Заветные лес и гора...

Я Белую Деву искал —
Ты слышишь? Ты веришь? Ты спишь?
Я Древнюю Деву искал,
И рог мой раскатом звучал.

Вот иней мне кудри покрыл,
Дыханье спирала зима...
И ветер мне очи слепил,
И рог мой неверно трубил...

Но слушай, как слушал тогда
Я голос пронзительных вьюг!
Что было со мной в те года, —
Тому не бывать никогда!..

Я твердой стопою всхожу —
О, слушай предсмертный завет!..
В последний тебе расскажу:
Я Белую Деву бужу!

Вот спит Она в облаке мглы
На темной вершине скалы,
И звонко зывают орлы,
Свои расточая хвалы...

Как странен мой траурный бред!
То — бред обнищалою души...
Ты — свет мой, единственный свет.
Другой — в этом трауре нет.

Уютны мне черные сны.
В них память свежееет моя:
В виденьях седой старины,
Бывалой, знакомой страны...

Мы были, — но мы отошли,
И помню я звук похорон:
Как гроб мой тяжелый несли,
Как сыпались комья земли.

4 ноября 1905

Сказка о петухе и старушке

Петуха упустила старушка,
Золотого, как день, петуха!
Не сама отворилась клетушка,
Долго ль в зимнюю ночь до греха!

И на белом узорном крылечке
Промелькнул золотой гребешок...
А старуха спускается с печки,
Всё не может найти посошок...

Вот — ударило светом в оконце,
Загорелся старушечий глаз...
На дворе — словно яркое солнце,
Деревенька стоит напоказ.

Эх, какая беда приключилась,
Впопыхах не нащупать клюки...
Ишь, проклятая, где завалилась!..
А у страха глаза велики:

Вон стоит он в углу, озаренный,
Из-под шапки таращит глаза...
А на улице снежной и сонной
Суматоха, возня, голоса...

Прибежали к старухину дому,
Захватили ведро, кто не глуп...
А уж в кучке золы — незнакомый
Робко съежился маленький труп...

Долго, бабушка, верно, искала,
Не сыскала ты свой посошок...
Петушка своего потеряла,
Ан, нашел тебя сам петушок!

Зимний ветер гуляет и свищет,
Всё играет с торчащей трубой...
Мертвый глаз будто всё еще ищет,
Где пропал петушок... золотой.

А над кучкой золы разметенной,
Где гулял и клевал петушок,
То погаснет, то вспыхнет червонный
Золотой, удалой гребешок.

11 января 1906

* * *

Милый брат! Завечерело.
Чуть слышны колокола.
Над равниной побелело —
Сонноокая прошла.

Проплыла она — и стала,
Незаметная, близка.
И опять нам, как бывало,
Ноша тяжкая легка.

Меж двумя стенами бора
Редкий падает снежок.
Перед нами — семафора
Зеленеет огонек.

Небо — в зареве лиловом,
Свет лиловый на снегах,
Словно мы — в пространстве новом,
Словно — в новых временах.

Одиноко вскрикнет птица,
Отряхнув крылами ель,
И засыплет нам ресницы
Белоснежная метель...

Издали — локомотива
Поступь тяжкая слышна...
Скоро Финского залива
Нам откроется страна.

Ты поймешь, как в этом море
Облегчается душа,
И какие гаснут зори
За грядюю камыша.

Возвратясь, уютно ляжем
Перед печкой на ковре

И тихонько перескажем
Всё, что видели, сестре...

Кончим. Тихо встанет с кресел,
Молчалива и строга.
Скажет каждому: «Будь весел.
За окном лежат снега».

13 января 1906

* * *

Ты придешь и обнимешь.
И в спокойной мгле
Мне лицо опрокинешь
Встречу новой земле.

В новом небе забудем,
Что прошло, — навсегда.
Тихо молвят люди:
«Вот еще звезда».

И, мерцая, задремлем
На туманный век,
Посылая землям
Среброзвездный снег.

На груди из рая —
Твой небесный цвет.
Я пойму, мерцая,
Твой спокойный свет.

24 января 1906

* * *

Мы подошли — и воды синие,
Как две расплеснутых стены.

И вот — вдали белеет скиния,
И дали мутные видны.

Но уж над горными провалами
На дымно блестящий утес
Ты не взбежишь, звеня кимвалами,
В венке из диких красных роз.

Так — и чудесным очарованы —
Не избежим своей судьбы,
И, в цепи новые закованы,
Бредем, печальные рабы.

25 января 1906

Вербочки

Мальчики да девочки
Свечечки да вербочки
Понесли домой.

Огонечки теплятся,
Прохожие крестятся,
И пахнет весной.

Ветерок удаленький,
Дождик, дождик маленький,
Не задуй огня!

В Воскресенье Вербное
Завтра встану первая
Для святого дня.

1-10 февраля 1906

Иванова ночь

Мы выйдем в сад с тобою, скромной,
И будем странствовать одни.
Ты будешь за травую темной
Искать купальские огни.

Я буду ждать с глубокой верой
Чудес, желаемых тобой:
Пусть вспыхнет папоротник серый
Под встрепенувшейся рукой.

Ночь польхнет зеленым светом, —
Ведь с нею вместе вспыхнешь ты,
Упоена в волшебстве этом
Двойной отравой красоты!

Я буду ждать, любясь втайне,
Ночных желаний не будя.
Твоих девичьих очертаний —
Не бойся — не спугну, дитя!

Но если ночь, встряхнув ветвями,
Захочет в небе изнемочь,
Я загляну в тебя глазами
Туманными, как эта ночь.

И будет миг, когда ты снидешь
Еще в иные небеса.
И в новых небесах увидишь
Лишь две звезды — мои глаза.

Миг! В этом небе глаз упорных
Ты вся отражена — смотри!
И под навес ветвей узорных
Проникло таинство зари.

12 февраля 1906

Сольвейг

Сергею Городецкому

Сольвейг прибегает на лыжах.

Ибсен. «Пер Гюнт»

Сольвейг! Ты прибежала на лыжах ко мне,
Улыбнулась пришедшей весне!

Жил я в бедной и темной избушке моей
Много дней, меж камней, без огней.

Но веселый, зеленый твой глаз мне блеснул —
Я топор широко размахнул!

Я смеюсь и крушу вековую сосну,
Я встречаю невесту — весну!

Пусть над новой избой
Будет свод голубой —
Полно соснам скрывать синеву!

Это небо — твое!
Это небо — мое!
Пусть недаром я гордым слыву!

Жил в лесу, как во сне,
Пел молитвы сосне,
Надо мной распростершей красу.

Ты пришла — и светло,
Зимний сон разнесло,
И весна загудела в лесу!

Слышишь звонкий топор? Видишь радостный взор,
На тебя устремленный в упор?

Слышишь песню мою? Я крушу и пою
Про весеннюю Сольвейг мою!

Под моим топором, распевая хвалы,
Раскачнулись в лазури стволы!

Голос твой — он звончей песен старой сосны!
Сольвейг! Песня зеленой весны!

20 февраля 1906

* * *

Г. Гюнттеру

Ты был осыпан звездным цветом
Ее торжественной весны,
И были пышно над поэтом
Восторг и горе сплетены.

Открылось небо над тобою,
Ты слушал пламенный хорал,
День белый с ночью голубою
Зарею алой сочелал.

Но в мирной безраздумной сини
Очарованье доцвело,
И вот — осталась нежность линий
И в нимбе пепельном чело.

Склонясь на цвет полувядший,
Стремиться не устанешь ты,
Но заглядишься, ангел падший,
В двойные, нежные черты.

И, может быть, в бреду ползучем,
Межу не в силах обойти,
Ты увенчаешься колючим
Венцом запретного пути.

Так, — не забудь в венце из терний,
Кому молился в первый раз,

Когда обманет свет вечерний
Расширенных и светлых глаз.

19 марта 1906

* * *

*Я знал ее еще тогда,
В те баснословные года.*

Тютчев

Прошли года, но ты — всё та же:
Строга, прекрасна и ясна;
Лишь волосы немного глаже,
И в них сверкает седина.

А я — склонен над грудой книжной,
Высокий, сгорбленный старик, —
С одною думой непостижной
Смотрю на твой спокойный лик.

Да. Нас года не изменили.
Живем и дышим, как тогда,
И, вспоминая, сохранили
Те баснословные года...

Их светлый пепел — в длинной урне.
Наш светлый дух — в лазурной мгле.
И всё чудесней, всё лазурней —
Дышать прошедшим на земле.

30 мая 1906

Ангел-Хранитель

Люблю Тебя, Ангел-Хранитель во мгле.
Во мгле, что со мною всегда на земле.

За то, что ты светлой невестой была,
За то, что ты тайну мою отняла.

За то, что связала нас тайна и ночь,
Что ты мне сестра, и невеста, и дочь.

За то, что нам долгая жизнь суждена,
О, даже за то, что мы — муж и жена!

За цепи мои и заклятья твои.
За то, что над нами проклятье семьи.

За то, что не любишь того, что люблю.
За то, что о нищих и бедных скорблю.

За то, что не можем согласно мы жить.
За то, что хочу и не смею убить —

Отмстить малодушным, кто жил без огня,
Кто так унижал мой народ и меня!

Кто запер свободных и сильных в тюрьму,
Кто долго не верил огню моему.

Кто хочет за деньги лишить меня дня,
Собачью покорность купить у меня...

За то, что я слаб и смириться готов,
Что предки мои — поколенья рабов,

И нежности ядом убита душа,
И эта рука не поднимет ножа...

Но люблю я тебя и за слабость мою,
За горькую долю и силу твою.

Что огнем сожжено и свинцом залито —
Того разорвать не посмеет никто!

С тобою смотрел я на эту зарю —
С тобой в эту черную бездну смотрю.

И двойственно нам приказанье судьбы:
Мы вольные души! Мы злые рабы!

Покорствуй! Дерзай! Не покинь! Отойди!
Огонь или тьма — впереди?

Кто кличет? Кто плачет? Куда мы идем?
Вдвоем — неразрывно — навеки вдвоем!

Воскреснем? Погибнем? Умрем?

17 августа 1906

* * *

Есть лучше и хуже меня,
И много людей и богов,
И в каждом — метанье огня,
И в каждом — печаль облаков.

И каждый другого зажжет
И снова потушит костер,
И каждый печально вздохнет,
Взглянувши другому во взор...

Да буду я — царь над собой,
Со мною — да будет мой гнев,
Чтоб видеть над бездной глухой
Черты ослепительных дев!

Я сам свою жизнь сотворю,
И сам свою жизнь погублю.
Я буду смотреть на Зарю
Лишь с теми, кого полюблю.

Сентябрь 1906

* * *

Шлейф, забрызганный звездами,
Синий, синий, синий взор.
Меж землей и небесами
Вихрем поднятый костер.

Жизнь и смерть в круженье вечном,
Вся — в шелках тугих —
Ты — путям открыта млечным,
Скрыта в тучах грозových.

Пали душные туманы.
Гасни, гасни свет, пролейся мгла...
Ты — рукою узкой, белой, странной
Факел-кубок в руки мне дала.

Кубок-факел брошу в купол синий —
Расплеснется Млечный Путь.
Ты одна взойдешь над всей пустыней
Шлейф кометы развернуть.

Дай серебряных коснуться складок,
Равнодушным сердцем знать,
Как мой путь страдальный сладок,
Как легко и ясно умирать.

Сентябрь 1906

Русь

Ты и во сне необычайна.
Твоей одежды не коснусь.
Дремлю — и за дремотой тайна,
И в тайне — ты почишь, Русь.

Русь, опоясана реками
И дебрями окружена,

С болотами и журавлями,
И с мутным взором колдуна,

Где разноликие народы
Из края в край, из дола в дол
Ведут ночные хороводы
Под заревом горящих сел.

Где ведуны с ворожеями
Чаруют злаки на полях,
И ведьмы тешатся с чертями
В дорожных снеговых столбах.

Где буйно заметает вьюга
До крыши — уютное жилье,
И девушка на злого друга
Под снегом точит лезвёе.

Где все пути и все распутья
Живой клюкой измождены,
И вихрь, свистящий в голых прутьях,
Поет преданья старины...

Так — я узнал в моей дремоте
Страны родимой нищету,
И в лоскутах ее лохмотий
Души скрываю наготу.

Тропу печальную, ночную
Я до погоста протоптал,
И там, на кладбище ночуя,
Подолгу песни распевал.

И сам не понял, не измерил,
Кому я песни посвятил,
В какого Бога страстно верил,
Какую девушку любил.

Живую душу укачала,
Русь, на своих просторах ты,

И вот, она не запятнала
Первоначальной чистоты.

Дремлю — и за дремотой тайна,
И в тайне почивает Русь,
Она и в снах необычайна.
Ее одежды не коснусь.

24 сентября 1906

Сын и мать

Моей матери

Сын осеняется крестом.
Сын покидает отчий дом.

В песнях матери оставленной
Золотая радость есть:
Только б он пришел прославленный,
Только б радость перенести!

Вот, в доспехе ослепительном,
Слышно, ходит сын во мгле,
Дух свой предал небожителям,
Сердце — матери-земле.

Петухи поют к заутрене,
Ночь испуганно бежит.
Хриплый рог туманов утренних
За спиной ее трубит.

Поднялись над луговинами
Кудри спутанные мхов,
Метят взорами совиными
В стаю легких облаков...

Вот он, сын мой, в светлом облаке,
В племе утренней зари!

Сыплет он стрелами колкими
В чернолесья, в пустыри!..

Веет ветер очистительный
От небесной синевы.
Сын бросает меч губительный,
Шлем снимает с головы.

Точит грудь его пронзенная
Кровь и горные хвалы:
Здравствуй, даль, освобожденная
От ночной туманной мглы!

В сердце матери оставленной
Золотая радость есть:
Вот он, сын мой, окровавленный!
Только б радость перенести!

Сын не забыл родную мать:
Сын воротился умирать.

4 октября 1906

* * *

Нет имени тебе, мой дальний.

Вдали лежала мать, больна.
Над ней склонялась всё печальней
Ее сиделка — тишина.

Но счастье было безначальной,
Чем тишина. Была весна.

Ты подходил к стеклянной двери
И там стоял, в саду, маня
Меня, задумчивую Мэри,
Голубоокою меня.

Я проходила тихой залой
Сквозь дрему, шелесты и сны...
И на балконе тень дрожала
Ее сиделки — тишины...

Мгновенье — в зеркале старинном
Я видела себя, себя...
И шелестила платьем длинным
По ступеням — встречать тебя.

И жали руку эти руки...
И трепетала в них она...
Но издали летели звуки:
Там... задыхалась тишина,

И миг еще — в оконной раме
Я видела — уходишь ты...

И в окна к бедной, бедной маме
С балкона кланялись цветы...

К ней прилегла в опочивальне
Ее сиделка — тишина...

Я здесь, в моей девичьей спальне,
И рук не разомкнуть... одна...

Нет имени тебе, весна.
Нет имени тебе, мой дальний.

Октябрь 1906

Угар

Заплетаем, расплетаем
Нити дьявольской Судьбы,
Звуки ангельской трубы.
Будем счастьем, будем раем,
Только знайте: вы — рабы.

Мы ребенку кудри чешем,
Песни длинные поем,
Поиграем и потешим —
Будет маленьким царем,
Царь повырастет потом...

Вот ребенок засыпает
На груди твоей, сестра...
Слышишь, он во сне вздыхает, —
Видит красный свет костра:
На костер идти пора!

Положи венок багряный
Из удушливых углей
В завитки его кудрей:
Пусть он грезит в час румяный,
Что на нем — венец царей...

Пойте стройную стихиру:
Царь отходит почивать!
Песня носится по миру —
Будут ангелы вздыхать,
Над костром, кружа, рыдать.

Тихо в сонной колыбели
Успокоился царек.
Девы-сестры улетели —
Сизый стелется дымок,
Рдеет красный уголек.

Октябрь 1906

Тишина цветет

Здесь тишина цветет и движет
Тяжелым кораблем души,
И ветер, пес послушный, лижет
Чуть пригнутые камыши.

Здесь в заводь праздную желанье
Свои приводит корабли.
И сладко тихое незнанье
О дальних ропотах земли.

Здесь легким образам и думам
Я отдаю стихи мои,
И томным их встречают шумом
Реки согласные струи.

И, томно опустив ресницы,
Вы, девушки, в стихах прочли,
Как от страницы до страницы
В даль потянули журавли.

И каждый звук был вам намеком
И несказанным каждый стих.
И вы любили на широком
Просторе легких рифм моих.

И каждая навек узнала
И не забудет никогда,
Как обнимала, целовала,
Как пела тихая вода.

Октябрь 1906

* * *

Так окрыленно, так напевно
Царевна пела о весне.
И я сказал: «Смотри, царевна,
Ты будешь плакать обо мне».

Но руки мне легли на плечи,
И прозвучало: «Нет. Прости.
Возьми свой меч. Готовься к сече.
Я сохраню тебя в пути.

Иди, иди, вернешься молод
И долгу верен своему.
Я сохраню мой лед и холод,
Замкнусь в хрустальном терему.

И будет радость в долгих взорах,
И тихо протекут года.
Вкруг замка будет вечный шорох,
Во рву — прозрачная вода...

Да, я готова к поздней встрече,
Навстречу руки протяну
Тебе, несущему из сечи
На острие копья — весну».

Даль опустила синий полог
Над замком, башней и тобой.
Прости, царевна. Путь мой долог.
Иду за огненной весной.

Октябрь 1906

* * *

Ты можешь по траве зеленой
Всю церковь обойти,
И сесть на паперти замшёной,
И кружево плести.

Ты можешь опустить ресницы,
Когда я прохожу,
Поправить кофточку из ситца,
Когда я погляжу.

Твои глаза еще невинны,
Как цветок голубой,
И эти косы слишком длинны
Для шляпки городской.

Но ты гуляешь с красным бантом
И семячки лущишь,
Телеграфисту с желтым кантом
Букетики даришь.

И потому — ты будешь рада
Сквозь мокрую траву
Прийти в туман чужого сада,
Когда я позову.

Октябрь 1906

* * *

Ищу огней — огней попутных
В твой черный, ведовской предел.
Меж темных заводей и мутных
Огромный месяц покраснел.

Его двойник плывет над лесом
И скоро станет золотым.
Тогда — простор болотным бесам,
И водяным, и лесовым.

Вертявый бес верушкой ели
Проткнет небесный золотой,
И долго будут петь свирели,
И стадо звякать за рекой...

И дальше путь, и месяц выше,
И звезды меркнут в серебре.
И тихо озарились крыши
В ночной деревне, на горе.

Иду, и холодеют росы,
И серебрятся о тебе,
Всё о тебе, расплетшей косы
Для друга тайного, в избе.

Дай мне пахучих, душистых зелий
И ядом сладким заморочь,
Чтоб, раз вкусив твоих веселий,
Навеки помнить эту ночь.

Октябрь 1906

Проклятый колокол

Вёсны и зимы меняли убранство.
Месяц по небу катился — зловещий фонарь.
Вы, люди, родились с желаньем скорей умереть,
Страхом ночным обессилены.

А над болотом — проклятый звонарь
Бил и будил колокольную медь.
Звуки летели, как филины,
В ночное пространство.

Колокол самый блаженный,
Самый большой и святой,
Тот, что утром скликал прихожан,
По ночам расточал эти звуки.

Кто рассеет болотный туман,
Хоронясь за ночной темнотой?
Чьи качают проклятые руки
Этот колокол пленный?

В час угрюмого звона я был
Под стеной, среди болотной травы,
Я узнал тебя, черный звонарь,
Но не мне укротить твою медь!

Я в туманах бродил.
Люди спали. О, люди! Пока не пробудитесь вы, —
Месяц будет вам — красный, зловещий фонарь,
Страшный колокол будет вам петь!

7 ноября 1906

* * *

О жизни, догоревшей в хоре
На темном клиросе твоём.
О Деве с тайной в светлом взоре
Над осяянным алтарем.

О томных девушках у двери,
Где вечный сумрак и хвала.
О дальней Мэри, светлой Мэри,
В чьих взорах — свет, в чьих косах — мгла.

Ты дремлешь, Боже, на иконе,
В дыму камильниц голубых.
Я пред тобою, на амвоне,
Я — сумрак улиц городских.

Со мной весна в твой храм вступила,
Она со мной обручена.
Я — голубой, как дым кадила,
Она — туманная весна.

И мы под сводом веем, веем,
Мы стелемся над алтарем,
Мы над народом чары деём
И Мэри светлую поём.

И девушки у темной двери,
На всех ступенях алтаря —
Как засветлевшая от Мэри
Передзакатная заря.

И чей-то душный, тонкий волос
Скользит и веет вокруг лица,
И на амвоне женский голос
Поет о Мэри без конца.

О розах над ее иконой,
Где вечный сумрак и хвала,

О деве дальней, благосклонной,
В чьих взорах — свет, в чьих косах — мгла.

Ноябрь 1906

* * *

В синем небе, в темной глубине
Над собором — тишина.
Мы одну и ту же любим,
Легковейная весна.

Как согласны мы мечтами,
Благосклонная весна!
Не шелками, не речами
Покорила нас она.

Удивленными глазами
Мы с тобой покорены,
Над округлыми плечами
Косы в узел сплетены.

Эта девушка узнала
Чары легкие весны,
Мгла весенняя сплетала
Ей задумчивые сны.

Опустила покрывало,
Руки нежные сплела,
Тонкий стан заколдовала,
В храм вечерний привела,

Обняла девичьи плечи,
Поднялась в колокола,
Погасила в храме свечи,
Осенила купола,

И за девушкой — далече
В синих улицах — весна,

Смолкли звоны, стихли речи,
Кротко молится она...

В синем небе, в темной глуби
Над собором — тишина.
Мы с тобой так нежно любим,
Тиховойная весна!

Ноябрь 1906

Балаган

*Ну, старая кляча, пойдём
ломать своего Шекспира!*

Кин

Над черной слякотью дороги
Не поднимается туман.
Везут, побряхтывая, дроги
Мой полинялый балаган.

Лицо дневное Арлекина
Еще бледней, чем лик Пьеро.
И в угол прячет Коломбина
Лохмотья, сшитые пестро...

Ташитесь, траурные клячи!
Актеры, правьте ремесло,
Чтобы от истины ходячей
Всем стало больно и светло!

В тайник души проникла плесень,
Но надо плакать, петь, идти,
Чтоб в рай моих заморских песен
Открылись торные пути.

Ноябрь 1906

* * *

Твоя гроза меня умчала
И опрокинула меня.
И надо мною тихо встала
Синь умирающего дня.

Я на земле, грозою смятый
И опрокинутый, лежу.
И слышу дальние раскаты,
И вижу радуги между.

Взойду по ней, по семицветной
И незапятнанной стезе —
С улыбкой тихой и приветной
Смотреть в глаза твоей грозе.

Ноябрь 1906

* * *

В час глухой разлуки с морем,
С тихо ропшущим прибором,
С отуманенною далью —

Мы одни, с великим горем,
Седины свои закроем
Белым саваном — печалью.

Протекут еще мгновенья,
Канут в темные века.

Будут новые виденья,
Будет старая тоска.

И, в печальный саван кроясь,
Предаваясь тайно горю,
Не увидим мы тогда, —

Как горит твой млечный пояс!
Как летит к родному морю
Серебристая звезда!

Ноябрь 1906

* * *

Сольвейг! О, Сольвейг! О, Солнечный Путь!
Дай мне вздохнуть, освежить мою грудь!

В темных провалах, где дышит гроза,
Вижу зеленые злые глаза.

Ты ли глядишь, иль старуха-сова?
Чьи раздаются во мраке слова?

Чей ослепительный плащ на лету
Путь открывает в твою высоту?

Знаю — в горах распевают рога,
Волей твоей зацветают луга.

Дай отдохнуть на уступе скалы!
Дай расколоть это зеркало мглы!

Чтобы лохматые тролли, визжа,
Вниз сорвались, как потоки дождя,

Чтоб над омытой душой в вышине
День золотой был всерадостен мне!

Декабрь 1906

* * *

В серебре росы трава.
Холодна ты, не жива.
Слышишь нежные слова?

Я склонился. Улыбнись.
Я прошу тебя: очнись.
Месяц залил светом высь.

Вдалеке поют ручьи.
Руки белые твои —
Две холодные змеи.

Шевельни смолистый знак.
Ты открой твой мертвый зрак.
Ты подай мне тихий знак.

Декабрь 1906

Усталость

Кому назначен темный жребий,
Над тем не властен хоровод.
Он, как звезда, утонет в небе,
И новая звезда взойдет.

И краток путь среди долгой ночи,
Друзья, близка ночная твердь!
И даже рифмы нет короче
Глухой, крылатой рифмы: *смерть*.

И есть ланит живая алость,
Печаль свиданий и разлук...
Но есть паденье, и усталость,
И торжество предсмертных мук.

14 февраля 1907

* * *

Придут незаметные белые ночи.
И душу вытравят белым светом.
И бессонные птицы выключают очи.
И буду ждать я с лицом воздетым.

Я буду мертвый — с лицом подъятым.
Придет, кто больше на свете любит:
В мертвые губы меня поцелует,
Закроет меня благовонным платом.

Придут другие, разрыхлят глыбы,
Зароют, — уйдут беспокойно прочь:
Они обо мне помолиться могли бы,
Да вот — помешала белая ночь!

18 марта 1907

* * *

Зачатый в ночь, я в ночь рожден,
И вскрикнул я, прозрев:
Так тяжек матери был стон,
Так черен ночи зев.
Когда же сумрак поредел,
Уньлый день повлек
Клубок однообразных дел,
Безрадостный клубок.
Что быть должно — то быть должно,
Так пела с детских лет
Шарманка в низкое окно,
И вот — я стал поэт.
Влюбленность расцвела в кудрях
И в ранней грусти глаз.
И был я в розовых цепях
У женщин много раз.
И всё, *как быть должно*, пошло:

Любовь, стихи, тоска;
Всё приняла в свое русло
Спокойная река.
Как ночь слепа, так я был слеп,
И думал жить слепой...
Но раз открыли темный склеп,
Сказали: *Бог с тобой.*
В ту ночь был белый ледоход,
Разлив осенних вод.
Я думал: «Вот, река идет».
И я пошел вперед.
В ту ночь река во мгле была,
И в ночь и в темноту
Та — незнакомая — пришла
И встала на мосту.
Она была — живой костер
Из снега и вина.
Кто раз взглянул в желанный взор,
Тот знает, кто она.
И тихо за руку взяла
И глянула в лицо.
И маску белую дала
И светлое кольцо.
«Довольно жить, оставь слова,
Я, как метель, звонка,
Иною жизнью жива,
Иным огнем ярка».
Она зовет. Она манит.
В снегах земля и твердь.
Что мне поет? Что мне звенит?
Иная жизнь? Глухая смерть?

12 апреля 1907

* * *

С каждой весною пути мои круче,
Мертвенней сумрак очей.

С каждой весной ясней и певучей
Таинства белых ночей.

Месяц ладью опрокинул в последней
Бледной могиле, — и вот
Стертые лица и пьяные бредни...
Карты... Цыганка поет.

Смехом волнуемый черным и громким,
Был у нас пламенный лик.
Свет набежал. Промелькнули потемки.
Вот он: бесстрастен и дик.

Видишь, и мне наступила на горло,
Душит красавица ночь...
Краски последние смыла и стерла...
Что ж? Если можешь, пророчь...

Ласки мои неумелы и грубы.
Ты же — нежнее, чем май.
Что же? Целуй в помертвелые губы.
Пояс печальный снимай.

7 мая 1907

Девушке

Ты перед ним — что стебель гибкий,
Он пред тобой — что лютый зверь.
Не соблазняй его улыбкой,
Молчи, когда стучится в дверь.

А если он ворвется силой,
За дверь стань и стереги:
Успеешь — в горнице немилой
Сухие стены подожги.

А если близок час позорный,
Ты повернись лицом к углу,

Свяжи узлом платок свой черный
И в черный узел спрячь иглу.

И пусть игла твоя вонзится
В ладони грубые, когда
В его руках ты будешь биться,
Крича от боли и стыда...

И пусть в угаре страсти грубой
Он не запомнит, сгоряча,
Твои оттиснутые зубы
Глубоким шрамом вдоль плеча!

6 июня 1907

* * *

Когда я создавал героя,
Кремень дробя, пласты деля,
Какого вечного покоя
Была исполнена земля!
Но в зацветающей лазури
Уже боролись свет и тьма,
Уже металась в синей буре
Одежды яркая кайма...
Щит ослепительно сверкучий
Сиял в разрыве синих туч,
И светлый меч, пронзая тучи,
Разил, как неуклонный луч...
Еще не явлен лик чудесный,
Но я провижу лик — зарю,
И в очи молнии небесной
С чудесным трепетом смотрю!

3 октября 1907

* * *

Всюду ясность Божия,
Ясные поля,
Девушки пригожие,
Как сама земля.
Только верить хочешь все,
Что на склоне лет
Ты, душа, воротись
В самый ясный свет.

3 октября 1907

* * *

Она пришла с заката.
Был плащ ее заколот
Цветком нездешних стран.

Звала меня куда-то
В бесцельный зимний холод
И в северный туман.

И был костер в полночи,
И пламя языками
Лизало небеса.

Сияли ярко очи.
И черными змеями
Распуталась коса.

И змеи окрутили
Мой ум и дух высокий
Распяли на кресте.

И в вихре снежной пыли
Я верен черноокой
Змеиной красоте.

8 ноября 1907

* * *

Я миновал закат багряный,
Ряды строений миновал,
Вступил в обманы и туманы, —
Огнями мне сверкнул вокзал...

Я сдавлен давкой человечьей,
Едва не оттеснен назад...
И вот — ее глаза и плечи,
И черных перьев водопад...

Проходит в час определенный,
За нею — карлик, шлейф влача...
И я смотрю вослед, влюбленный,
Как пленный раб — на палача...

Она проходит — и не взглянет,
Пренебрежением казня...
И только карлик не устанет
Глядеть с усмешкой на меня.

Февраль 1908

* * *

Твое лицо мне так знакомо,
Как будто ты жила со мной.
В гостях, на улице и дома
Я вижу тонкий профиль твой.
Твои шаги звенят за мною,
Куда я ни войду, ты там.
Не ты ли легкою стопою
За мною ходишь по ночам?
Не ты ль проскальзываешь мимо,
Едва лишь в двери загляну,
Полувоздушна и незрима,
Подобна виденному сну?

Я часто думаю, не ты ли
Среди погоста, за гумном,
Сидела, молча, на могиле
В платочке ситцевом своем?
Я приближался — ты сидела,
Я подошел — ты отошла,
Спустилась к речке и запела...
На голос твой колокола
Откликнулись вечерним звоном...
И плакал я, и робко ждал...
Но за вечерним перезвоном
Твой милый голос затихал...
Еще мгновенье — нет ответа,
Платок мелькает за рекой...
Но знаю горестно, что где-то
Еще увидимся с тобой.

1 августа 1908

ГОРОД
(1904-1908)

Последний день

Ранним утром, когда люди ленились шевелиться,
Серый сон предчувствуя последних дней зимы,
Пробудились в комнате мужчина и блудница,
Медленно очнулись среди угарной тьмы.

Утро копошилось. Безнадёжно догорели свечи,
Оплывший огарок маячил в оплывших глазах.
За холодным окном дрожали женские плечи,
Мужчина перед зеркалом расчесывал пробор в волосах.

Но серое утро уже не обмануло:
Сегодня была она, как смерть, бледна.
Еще вечером у фонаря ее лицо блеснуло,
В этой самой комнате была влюблена.

Сегодня безобразно повисли складки рубашки,
На всем был серый постылый налет.
Углами торчала мебель, валялись окурки, бумажки,
Всех ужасней в комнате был красный комод.

И вдруг влетели звуки. Верба, раздувшая почки,
Раскачнулась под ветром, осыпая снег.
В церкви ударил колокол. Распахнулись форточки,
И внизу стал слышен торопливый бег.

Люди суетливо выбегали за ворота
(Улицу скрывал дощатый забор).
Мальчишки, женщины, дворники заметили что-то,
Махали руками, чертя незнакомый узор.

Бился колокол. Гудели крики, лай и ржанье.
Там, на грязной улице, где люди собрались,
Женщина-блудница — от ложа пьяного желанья —
На коленях, в рубашке, поднимала руки ввысь...

Высоко — над домами — в тумане снежной бури,
На месте полуденных туч и полуночных звезд,
Розовым зигзагом в разверстой лазури
Тонкая рука распластала тонкий крест.

3 февраля 1904

Петр

Евг. Иванову

Он спит, пока закат румян.
И сонно розовеют латы.
И с тихим свистом сквозь туман
Глядится Змей, копытом сжатый.

Сойдут глухие вечера,
Змей расклубится над домами.
В руке протянутой Петра
Запляшет факельное пламя.

Зажгутся нити фонарей,
Блеснут витрины и троттуары.
В мерцаньи тусклых площадей
Потянутся рядами пары.

Плащами всех укроет мгла,
Потонет взгляд в манящем взгляде.

Пускай невинность из угла
Протяжно молит о пощаде!

Там, на скале, веселый царь
Взмахнул зловонное кадило,
И ризой городская гарь
Фонарь манящий облачила!

Бегите все на зов! на лов!
На перекрестки улиц лунных!
Весь город полон голосов
Мужских — крикливых, женских — струнных!

Он будет город свой беречь,
И, заалев перед денницей,
В руке простертой вспыхнет меч
Над затихающей столицей.

22 февраля 1904

Поединок

Дни и ночи я безволен,
Жду чудес, дремлю без сна.
В песнях дальних колоколен
Пробуждается весна.

Чутко веет над столицей
Угнетенного Петра.
Вечерница льнет к деннице,
Несказанней вечера.

И зарей — очам усталым
Предстоит, озарена,
За прозрачным покрывалом
Лучезарная Жена...

Вдруг летит с отвагой ратной —
В бранном шлеме голова —

Ясный, Кроткий, Златолатный,
Кем возвысилась Москва!

Ангел, Мученик, Посланец
Поднял звонкую трубу...
Слышу коней тяжкий танец,
Вижу смертную борьбу...

Светлый Муж ударил Деда!
Белый — черного коня!..
Пусть последняя победа
Довершится без меня!..

Я бегу на воздух вольный,
Жаром битвы утомлен...
Бейся, колокол раздолбный,
Разглашай весенний звон!

Чуждый спорам, верный взорам
Девы алых вечеров,
Я опять иду дозором
В тень узорных теремов:

Не мелькнет ли луч в светлице?
Не зажгутся ль терема?
Не сойдет ли от божницы
Лучезарная Сама?

22 февраля 1904

Обман

В пустом переулке весенние воды
Бегут, бормочут, а девушка хохочет.
Пьяный красный карлик не дает проходу,
Пляшет, брызжет воду, платье мочит.

Девушке страшно. Закрылась платочком.
Темный вечер ближе. Солнце за трубой.

Карлик прыгнул в лужицу красным комочком,
Гонит струйку к струйке сморщенной рукой.

Девушку манит и пугает отраженье.
Издали мигнул одинокий фонарь.
Красное солнце село за строенье.
Хохот. Всплески. Брызги. Фабричная гарь.

Будто издали невнятно доносятся звуки...
Где-то каплет с крыши... где-то кашель старика...
Безжизненно цепляются холодные руки...
В расширенных глазах не видно зрачка...

.....
Как страшно! Как бездомно! Там, у забора,
Легла некрасивым мокрым комком.
Плачет, чтобы ночь протянулась не скоро —
Стыдно возвратиться с дьявольским клеймом...

Утро. Тучки. Дымы. Опрокинутые кадки.
В светлых струйках весело пляшет синева.
По улицам ставят красные рогатки.
Шлепают солдатики: раз! два! раз! два!

В переулке у мокрого забора над телом
Спящей девушки — трясется, бормочет голова;
Безобразный карлик занят делом:
Спускает в ручеек башмаки: раз! два!

Башмаки, крутясь, несутся по теченью,
Стремительно обгоняет их красный колпак...
Хохот. Всплески. Брызги. Еще мгновенье —
Плывут собачьи уши, борода и красный фрак...

Пронеслись, — и струйки шепчутся невнятно.
Девушка медленно очнулась от сна:
В глазах ее красно-голубые пятна.
Блестки солнца. Струйки. Брызги. Весна.

5 марта 1904

* * *

Вечность бросила в город
Оловянный закат.
Край небесный распорот,
Переулки гудят.

Всё бессилье гаданья
У меня на плечах.
В окнах фабрик — преданья
О разгульных ночах.

Оловянные кровли —
Всем безумным приют.
В этот город торговли
Небеса не сойдут.

Этот воздух так гулок,
Так заманчив обман.
Уводи, переулок,
В дымно-сизый туман...

26 июня 1904

* * *

Город в красные пределы
Мертвый лик свой обратил,
Серо-каменное тело
Кровью солнца окатил.

Стены фабрик, стекла окон,
Грязно-рыжее пальто,
Развевающийся локон —
Всё закатом залито.

Блещут искристые гривы
Золотых, как жар, коней,

Мчатся бешеные дива
Жадных облачных грудей,

Красный дворник плещет ведра
С пьяно-алою водой,
Пляшут огненные бедра
Проститутки площадной,

И на башне колокольной
В гулкий пляс и медный зык
Кажет колокол раздолжный
Окровавленный язык.

28 июня 1904

* * *

Я жалобной рукой сжимаю свой костыль.
Мой друг — влюблен в луну — живет ее обманом.
Вот — третий на пути. О, милый друг мой, ты ль
В измятом картузе над взором оловянным?

И — трое мы бредем. Лежит пластами пыль.
Всё пусто — здесь и там — под зноем неустанным.
Заборы — как гроба. В канавах прееет гниль.
Всё, всё погребено в безлюдьи окаянном.

Стучим. Печаль в домах. Покойники в гробах.
Мы робко шепчем в дверь: «Не умер — спит ваш близкий...»
Но старая, в чепце, наморщив лоб свой низкий,
Кричит: «Ступайте прочь! Не оскорбляйте прах!»

И дальше мы бредем. И видим в щели зданий
Старинную игру вечерних содроганий.

3 июля 1904

Гимн

В пыльный город небесный кузнец прикатил
Огневой переменчивый диск.
И по улицам — словно бесчисленных пил
Смех и скрежет и визг.

Вот в окно, где спокойно текла
Пыльно-серая мгла,
Луч вонзился в прожженное сердце стекла,
Как игла.

Все испуганно пьяной толпой
Покидают могилы домов...
Вот — всем телом прижат под фабричной трубой
Незнакомый с весельем разгульных часов...

Он вонзился ногтями в кирпич
В унижительной позе греха...
Но небесный кузнец раздувает меха,
И свистит раскаленный, плавающий бич.

Вот — на груди горячих камней
Распростерта не смеющая пасть...
Грудь раскрыта — и бродит меж темных бровей
Набежавшая страсть...

Вот — монах, опустивший глаза,
Торопливо идущий вперед...
Но и тех, кто безумно обеты дает,
Кто бесстрастные гимны поет,
Настигает гроза!

Всем раскрывшим пред солнцем тоскливую грудь
На распутьях, в подвалах, на башнях — хвала!
Солнцу, дерзкому солнцу, пробившему путь, —
Наши гимны, и песни, и сны — без числа!..

Золотая игла!
Исполинским лучом пораженная мгла!

Опаленным, сметенным, сожженным дотла —
Хвала!

27 августа 1904

* * *

Поднимались из тьмы погребов.
Уходили их головы в плечи.
Тихо выросли шумы шагов,
Словеса незнакомых наречий.

Скоро прибыли толпы других,
Волочили кирки и лопаты.
Расползлись по камням мостовых,
Из земли воздвигали палаты.

Встала улица, серым полна,
Заткалась паутиною пряжей.
Шелестя, прибывала волна,
Затрудняя проток экипажей.

Скоро день глубоко отступил,
В небе дальнем расставивший зори.
А незримый поток шелестил,
Проливаясь в наш город, как в море.

Мы не стали искать и гадать:
Пусть заменят нас новые люди!
В тех же муках рождала их мать,
Так же нежно кормила у груди...

В пелене отходящего дня
Нам была эта участь понятна...
Нам последний закат из огня
Сочетал и соткал свои пятна.

Не стерег иступленный дракон,
Не пылала под нами геенна.

Затопили нас волны времен,
И была наша участь — мгновенна.

10 сентября 1904

* * *

Ввысь изверженные дымы
Застилали свет зари.
Был театр окутан мглою.
Ждали новой пантомимы,
Над вечернею толпою
Зажигались фонари.

Лица плыли и сменились,
Утонули в темной массе
Прибывающей толпы.
Сквозь туман лучи дробились,
И мерцали в дальней кассе
Золоченые гербы.

Гулкий город, полный дрожи,
Вырастал у входа в зал.
Звуки бешено ломились...
Но, взлетая к двери ложи,
Рокот смутно замирал,
Где поклонники толпились...

В темном зале свет заёмный
Мог мерцать и отдохнуть.
В ложе — вещая сибилла,
Облачась в убор нескромный,
Черный веер распустила,
Черным шелком оттенила
Бледно-матовую грудь.

Лишь в глазах таился вызов,
Но в глаза вливался мрак...

И от лож до темной сцены,
С позолоченных карнизов,
Отраженный, переменный —
Свет мерцал в глазах зевак...

Я покину сон утрюмый,
Буду первый пред толпой:
Взору смерти — взор ответный!
Ты пьяна вечерней думой,
Ты на очереди смертной:
Встану в очередь с тобой!

25 сентября 1904

* * *

Блеснуло в глазах. Метнулось в мечте.
Прильнуло к дрожащему сердцу.
Красный с козел спрыгнул — и на светлой черте
Распахнул каретную дверцу.

Нищий поднял дрожащий фонарь:
Афиша на мокром столбе...
Ступила на светлый троттуар,
Исчезла в толпе.

Луч дождливую мглу пронизал —
Богиня вступила в склеп...
Гори, маскарадный зал!
Здесь нищий во мгле ослеп.

Сентябрь 1904

* * *

День поблек, изящный и невинный,
Вечер заглянул сквозь кружева.

И над книгою старинной
Закружилась голова.

Встала в легкой полутени,
Заструилась вдоль перил...
В голубых сетях растений
Кто-то медленный скользил.

Тихо дрогнула портьера.
Принимала комната шаги
Голубого кавалера
И слуги.

Услыхала об убийстве —
Покачнулась — умерла.
Уронила матовые кисти
В зеркала.

24 декабря 1904

* * *

В кабаках, в переулках, в извивах,
В электрическом сне наяву
Я искал бесконечно красивых
И бессмертно влюбленных в молву.

Были улицы пьяны от криков.
Были солнца в сверканьи витрин.
Красота этих женственных ликов!
Эти гордые взоры мужчин!

Это были цари — не скитальцы!
Я спросил старика у стены:
«Ты украсил их тонкие пальцы
Жемчугами несметной цены?»

Ты им дал разноцветные шубки?
Ты зажег их снопами лучей?

Ты раскрасил пунцовые губки,
Синеватые дуги бровей?»

Но старик ничего не ответил,
Отходя за толпою мечтать.
Я остался, таинственно светел,
Эту музыку блеска впивать...

А они проходили всё мимо,
Смутно каждая в сердце тая,
Чтоб навеки, ни с кем не сравнимой,
Отлететь в голубые края.

И мелькала за парюю пара...
Ждал я светлого ангела к нам,
Чтобы здесь, в ликованьи троттуара,
Он одну приобщил небесам...

А вверху — на уступе опасном —
Тихо съезжившись, карлик приник,
И казался нам знаменем красным
Распластавшийся в небе язык.

Декабрь 1904

* * *

Барка жизни встала
На большой мели.
Громкий крик рабочих
Слышен издали.
Песни и тревога
На пустой реке.
Входит кто-то сильный
В сером армяке.
Руль дощатый сдвинул,
Парус распустил

И багор закинул,
Грудью надавил.
Тихо повернулась
Красная корма,
Побежали мимо
Пестрые дома.
Вот они далёко,
Весело плывут.
Только нас с собою,
Верно, не возьмут!

Декабрь 1904

* * *

Улица, улица...
Тени беззвучно спешащих
Тело продать,
И забвенье купить,
И опять погрузиться
В сонное озеро города — зимнего холода...

Спите. Забудьте слова лучезарных.
О, если б не было в окнах
Светов мерцающих!
Штор и пунцовых цветочков!
Лиц, наклоненных над скудной работой!

Всё тихо.
Луна поднялась.
И облачных перьев ряды
Разбежались далёко.

Январь 1905

Повесть

Г. Чулкову

В окнах, занавешенных сетью мокрой пыли,
Темный профиль женщины наклонился вниз.
Серые прохожие усердно пронесли
Груз вечерних сплетен, усталых стертых лиц.

Прямо перед окнами — светлый и упорный —
Каждому прохожему бросал лучи фонарь.
И в дождливой сети — не белой, не черной —
Каждый скрывался — не молод и не стар.

Были как виденья неживой столицы —
Случайно, нечаянно вступающие в луч.
Исчезали спины, возникали лица,
Робкие, покорные унынью низких туч.

И — нежданно резко — раздались проклятья,
Будто рассекая полосу дождя:
С головой открытой — кто-то в красном платье
Поднимал на воздух малое дитя...

Светлый и упорный, луч упал бессменный —
И мгновенно женщина, ночных веселий дочь,
Бешено ударилась головой о стену,
С криком иступленья, уронив ребенка в ночь...

И столпились серые виденья мокрой скуки.
Кто-то громко ахал, качая головой.
А она лежала на спине, раскинув руки,
В грязно-красном платье, на кровавой мостовой.

Но из глаз открытых — взор упорно-дерзкий
Всё искал кого-то в верхних этажах...
И нашел — и встретился в окне у занавески
С взором темной женщины в узорных кружевах.

Встретились и замерли в беззвучном вопле взоры,
И мгновенье длилось... Улица ждала...
Но через мгновенье наверху упали шторы,
А внизу — в глазах открытых — сила умерла...

Умерла — и вновь в дождливой сети тонкой
Зычные, нестройные звучали голоса.
Кто-то поднял на руки кричащего ребенка
И, крестясь, украдкой утирал глаза...

Но сверху сомнительно молчали стекла окон.
Плотный-белый занавес пустел в сетях дождя.
Кто-то гладил бережно ребенку мокрый локон.
Уходил тихонько. И плакал, уходя.

Январь 1905

* * *

Иду — и все мимолетно.
Вечереет — и газ зажгли.
Музыка ведет бесповоротно,
Куда глядят глаза мои.

Они глядят в подворотни,
Где шарманщик вздыхал над тенью своей...
Не встречу ли оборотня?
Не увижу ли красной подруги моей?

Смотрю и смотрю внимательно,
Может быть, слишком упорно еще...
И — внезапно — тенью гадательной —
Вольная дева в огненном плаще!..

В огненном! Выйди за поворот:
На глазах твоих повязка лежит еще...
И она тебя кольцом неразлучным сожмет
В змеином логовище.

9 марта 1905

Песенка

Она поет в печной трубе.
Ее веселый голос тонок.
Мгла опочила на тебе.
За дверью плачет твой ребенок.

Весна, весна! Как воздух пуст!
Как вечер непомерно скуден!
Вон — тощей вербы голый куст —
Унылый призрак долгих буден.

Вот вечер кутает окно
Сплошными белыми тенями.
Мое лицо освещено
Твоими страшными глазами.

Но не боюсь смотреть в упор,
В душе — бездумность и беспечность!
Там — вихрем разметен костер,
Но искры улетели в вечность...

Глаза горят, как две свечи,
О чем она тоскует звонко?
Пойдем. Не то пронзят ребенка
Безумных глаз твоих мечи.

9 апреля 1905

Легенда

Господь, ты слышишь? Господь, простишь ли? —
Весна плыла высоко в синеве.
На глухую улицу в полночь вышли
Веселые девушки. Было — две.

Но Третий за ними — за ними следом
Мелькал, неслышный, в луче фонаря.

Он был неведом... одной неведом:
Ей казалось... казалось, близка заря.

Но синей и синее полночь мерцала,
Тая, млея, сгорая полношумной весной.
И одна сказала... «Ты слышишь? — сказала. —
О, как страшно, подруга... быть с тобой».

И была эта девушка в белом... в белом,
А другая — в черном... Твоя ли дочь?
И одна — дрожала слабеньким телом,
А другая — смеялась, бежала в ночь...

Ты слышишь, господи? Сжался! О, сжался!
Другая, смеясь, убежала прочь...
И на улице мертвой, пустынной остались...
Остались... Третий, она и ночь.

Но, казалось, близко... Казалось, близко
Трепетно бродит, чуть белеет заря...
Но синий полог упал так низко
И задернул последний свет фонаря.

Был синий полог. Был сумрак долог.
И ночь прошла мимо них, пьяна.
И когда в траве заблестел осколок,
Она осталась совсем одна.

И первых лучей протянулись нити,
И слабые руки схватили нить...
Но уж город, гудя чредою событий,
Где-то там, далеко, начал жить...

Был любовный напиток — в красной пачке кредиток,
И заря испугалась. Но рукою Судьбы
Кто-то городу дал непомерный избыток,
И отравленной пыли полетели столбы.

Подходили соседи и шептались докучно.
Дымно-сизый старик оперся на костыль —

И кругом стало душно... А в полях однозвучно
Хохотал Невидимка — и разбрасывал пыль.

В этом огненном смерче обняла она крепче
Пыльно-грязной земли раскаленную печь...
Боже правый! Соделай, чтобы твердь стала легче!
Отврати Твой разящий и карающий меч!

И откликнулось Небо: среди пыли и давки
Появился Архангел с убеленной рукой:
Всем казалось — он вышел из маленькой лавки,
И казалось, что был он — перепачкан мукой...

Но уж твердь разрывало. И земля отдыхала.
Под дождем умолкала песня дальних колес...
И толпа грохотала. И гроза хохотала.
Ангел белую девушку в Дом Свой унес.

15 апреля 1905

* * *

Я вам поведал неземное.
Я всё сковал в воздушной мгле.
В ладье — топор. В мечте — герои.
Так я причаливал к земле.

Скамья ладьи красна от крови
Моей растерзанной мечты,
Но в каждом доме, в каждом крове
Ищу отважной красоты.

Я вижу: ваши девы слепы,
У юношей безогнен взор.
Назад! Во мглу! В глухие склепы!
Вам нужен бич, а не топор!

И скоро я расстанусь с вами,
И вы увидите меня

Вон там, за дымными горами,
Летающим в облаке огня!

16 апреля 1905

Невидимка

Веселье в ночном кабаке.
Над городом синяя дымка.
Под красной зарей вдалеке
Гуляет в полях Невидимка.

Танцует над топью болот,
Кольцом окружающих дома,
Протяжно зовет и поет
На голос, на голос знакомый.

Вам сладко вздыхать о любви,
Слепые, продажные твари?
Кто небо запачкал в крови?
Кто вывесил красный фонарик?

И воеет, как брошенный пес,
Мяучит, как сладкая кошка,
Пучки вечеряющих роз
Швыряет блудницам в окошко...

И ломится в черный притон
Ватага веселых и пьяных,
И каждый во мглу увлечен
Толпой проституток румяных...

В тени гробовой фонари,
Смолкает над городом грохот...
На красной полоске зари
Беззвучный качается хохот...

Вечерняя надпись пьяна
Над дверью, отворенной в лавку...

Вмешалась в безумную давку
С расплеснутой чашей вина
На Звере Багряном – Жена.

16 апреля 1905

Митинг

Он говорил умно и резко,
И тусклые зрачки
Метали прямо и без блеска
Слепые огоньки.

А снизу устремлялись взоры
От многих тысяч глаз,
И он не чувствовал, что скоро
Пробьет последний час.

Его движенья были верны,
И голос был суров,
И борода качалась мерно
В такт запыленных слов.

И серый, как ночные своды,
Он знал всему предел.
Цепями тягостной свободы
Уверенно гремел.

Но те, внизу, не понимали
Ни чисел, ни имен,
И знаком долга и печали
Никто не заклеимен.

И тихий ропот поднял руку,
И дрогнули огни.
Пронесся шум, подобный звуку
Упавшей головы.

Как будто свет из мрака брызнул,
Как будто был намек...
Толпа проснулась. Дико взвизгнул
Пронзительный свисток.

И в звоны стекол перебитых
Ворвался стон глухой,
И человек упал на плиты
С разбитой головой.

Не знаю, кто ударом камня
Убил его в толпе,
И струйка крови, помню ясно,
Осталась на столбе.

Еще свистки ломали воздух,
И крик еще стоял,
А он уж лег на вечный отдых
У входа в шумный зал...

Но огонек блеснул у входа...
Другие огоньки...
И звонко брякнули у свода
Взведенные курки.

И промелькнуло в беглом свете,
Как человек лежал
И как солдат ружье над мертвым
Наперевес держал.

Черты лица бледней казались
От черной бороды,
Солдаты, молча, собирались
И строились в ряды.

И в тишине, внезапно вставшей,
Был светел круг лица,
Был тихий Ангел пролетающий,
И радость — без конца.

И были строги и спокойны
Открытые зрачки,
Над ними вытянулись стройно
Блестящие штюки.

Как будто, спрятанный у входа
За черной пастью дул,
Ночным дыханием свободы
Уверенно вздохнул.

10 октября 1905

* * *

Вися над городом всемирным,
В пыли прошедшей заочен,
Еще монарха в утре лирном
Самодержавный клонит сон.

И предок царственно-чугунный
Всё так же бредит на змее,
И голос черни многострунный
Еще не властен на Неве.

Уже на домах веют флаги,
Готовы новые птенцы,
Но тихи струи невосской влаги,
И слепы темные дворцы.

И если лик свободы явлен,
То прежде явлен лик змеи,
И ни один сустав не сдавлен
Сверкнувших колец чешуи.

18 октября 1905

* * *

Еще прекрасно серое небо,
Еще безнадежна серая даль.
Еще несчастных, просящих хлеба,
Никому не жаль, никому не жаль!

И над заливами голос черни
Пропал, развеялся в невском сне.
И дикие вопли: «Свергни! О, свергни!»
Не будят жалости в сонной волне...

И в небе сером холодные светы
Одели Зимний дворец царя,
И латник в черном¹ не даст ответа,
Пока не застигнет его заря.

Тогда, алея над водной бездной,
Пусть он угрюмой опустит меч,
Чтоб с дикой чернью в борьбе бесполезной
За древнюю сказку мертвым лечь...

18 октября 1905

* * *

Ты проходишь без улыбки,
Опустившая ресницы,
И во мраке над собором
Золотятся купола.

Как лицо твое похоже
На вечерних богородиц,
Опускающих ресницы,
Пропадающих во мгле...

1 Статуя на кровле Зимнего дворца. (Прим. А. Блока.)

Но с тобой идет кудрявый
Кроткий мальчик в белой шапке,
Ты ведешь его за ручку,
Не даешь ему упасть.

Я стою в тени портала,
Там, где дует резкий ветер,
Застылающий слезами
Напряженные глаза.

Я хочу внезапно выйти
И воскликнуть: «Богоматерь!
Для чего в мой черный город
Ты Младенца привела?»

Но язык бессилен крикнуть.
Ты проходишь. За тобою
Над священными следами
Почивает синий мрак.

И смотрю я, вспоминая,
Как опущены ресницы,
Как твой мальчик в белой шапке
Улыбнулся на тебя.

29 октября 1905

Перстень-страданье

Шел я по улице, горем убитый.
Юность моя, как печальная ночь,
Бледным лучом упала на плиты,
Гасла, плелась и шарahalась прочь.

Горькие думы — лохмотья печалей —
Нагло просили на чай, на ночлег,
И пропадали средь уличных далей,
За вереницей зловонных телег.

Господи Боже! Уж утро клубится,
Где, да и как этот день проживу?..
Узкие окна. За ними — девица.
Тонкие пальцы легли на канву.

Локоны пали на нежные ткани —
Верно, работала ночь напролет...
Щеки бледны от бессонных мечтаний,
И замирающий голос поет:

«Что я сумела, когда полюбила?
Бросила мать и ушла от отца...
Вот я с тобою, мой милый, мой милый...
Перстень-Страданье нам свяжет сердца.

Что я могу? Своей алой кровью
Нежность мою для тебя украшать...
Верностью женской, вечной любовью
Перстень-Страданье тебе сковать».

30 октября 1905

Сытые

Они давно меня томили:
В разгаре девственной мечты
Они скучали, и не жили,
И мяли белые цветы.

И вот — в столовых и гостиных,
Над грудой рюмок, дам, старух,
Над скукой их обедов чинных —
Свет электрический потух.

К чему-то вносят, ставят свечи,
На лицах — желтые круги,
Шипят пергаментные речи,
С трудом шевелятся мозги.

Так — негодует всё, что сыто,
Тоскует сытость важных чрев:
Ведь опрокинуто корыто,
Встревожен их прогнивший хлев!

Теперь им выпал скудный жребий:
Их дом стоит неосвещен,
И жгут им слух мольбы о хлебе
И красный смех чужих знамен!

Пусть доживут свой век привычно —
Нам жаль их сытость разрушать.
Лишь чистым детям — неприлично
Их старой скуке подражать.

10 ноября 1905

* * *

Лазурью бледной месяц плыл
Изогнутым перстом.
У всех, к кому я приходил,
Был алый рот крестом.

Оскал зубов являл печаль,
И за венцом волос
Качалась мерно комнат даль,
Где властвовал хаос.

У женщин взор был тускл и туп,
И страшен был их взор:
Я знал, что судороги губ
Открыли их позор.

Что пили ночь и забытье,
Но день их опалил...
Как страшно мирное жильё
Для тех, кто изменил!

Им смутно помнились шаги,
Падений тайный страх,
И плыли красные круги
В измученных глазах.

Меня сжимал, как змей, диван,
Пыливый гость — я знал,
Что комнат бархатный туман
Мне душу отравлял.

Но, душу нежную губя,
В себя вонзая нож,
Я в муках узнавал тебя,
Блистательная ложь!

О, запах пламенный духов!
О, шелестящий миг!
О, речи магов и волхвов!
Пергамент желтых книг!

Ты, безымянная! Волхва
Неведомая дочь!
Ты нашептала мне слова,
Свивающие ночь.

Январь 1906

* * *

Твое лицо бледней, чем было
В тот день, когда я подал знак,
Когда, замедлив, торопила
Ты легкий, предвечерний шаг.

Вот я стою, всему покорный,
У немерцающей стены.
Что сердце? Свиток чудотворный,
Где страсть и горе сочтены!

Поверь, мы оба небо знали:
Звездой кровавой ты текла,
Я измерял твой путь в печали,
Когда ты падать начала.

Мы знали знаньем несказанным
Одну и ту же высоту
И вместе пали за туманом,
Чертя уклонную черту.

Но я нашел тебя и встретил
В неосвященных воротах,
И этот взор — не меньше светел,
Чем был в туманных высотах!

Комета! Я прочел в светилах
Всю повесть раннюю твою,
И лживый блеск созвездий милых
Под черным шелком узнаю!

Ты путь свершаешь предо мною,
Уходишь в тени, как тогда,
И то же небо за тобою,
И шлейф влачишь, как та звезда!

Не медли, в темных теньях кроясь,
Не бойся вспомнить и взглянуть.
Серебряный твой узкий пояс —
Сужденный магу Млечный Путь.

Март 1906

Незнакомка

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали, над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздается детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины,
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной,
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«In vino veritas!» кричат.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.

В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.

24 апреля 1906. Озерки

* * *

Там дамы щеголяют модами,
Там всякий лицеист остер —
Над скукой дач, над огородами,
Над пылью солнечных озер.

Туда манит перстами алыми
И дачников волнует зря
Над запыленными вокзалами
Недостижимая заря.

Там, где скучаю так мучительно,
Ко мне приходит иногда
Она — бесстыдно упоительна
И унизительно горда.

За толстыми пивными кружками,
За сном привычной суеты
Сквозит вуаль, покрытый мушками,
Глаза и мелкие черты.

Чего же жду я, очарованный
Моей счастливою звездой,
И оглушенный и взволнованный
Вином, зарею и тобой?

Вздыхая древними поверьями,
Шелками черными шумна,
Под шлемом с траурными перьями
И ты вином оглушена?

Средь этой пошлости таинственной,
Скажи, что делать мне с тобой —
Недостижимой и единственной,
Как вечер дымно-голубой?

28 апреля 1906

* * *

Передвечернею порою
Сходил я в сумерки с горы,
И вот передо мной — за мглою —
Черты печальные сестры.

Она идет неслышным шагом.
За нею шевелится мгла,
И по долинам, по оврагам
Вздыхают груди без числа.

«Сестра, откуда в дождь и холод
Идешь с печальной толпой,
Кого бичами выгнал голод
В могилы жизни кочевой?»

Вот подошла, остановилась
И факел подняла во мгле,
И тихим светом озарилось
Всё, что незримо на земле.

И там, в канавах придорожных,
Я, содрогаясь, разглядел
Черты мучений невозможных
И корчи ослабевших тел.

И вновь опущен факел душный,
И, улыбаясь мне, прошла —
Такой же дымной и воздушной,
Как окружающая мгла.

Но я запомнил эти лица
И тишину пустых орбит,
И обреченных вереница
Передо мной всегда стоит.

Сентябрь 1906

Холодный день

Мы встретились с тобою в храме
И жили в радостном саду,
Но вот зловонными дворами
Пошли к проклятью и труду.

Мы миновали все ворота
И в каждом видели окне,
Как тяжело лежит работа
На каждой согнутой спине.

И вот пошли туда, где будем
Мы жить под низким потолком,
Где прокляли друг друга люди,
Убитые своим трудом.

Стараясь не запачкать платья,
Ты шла меж спящих на полу;
Но самый сон их был проклятье,
Вон там — в заплеванном углу...

Ты обернулась, заглянула
Доверчиво в мои глаза...
И на щеке моей блеснула,
Скатилась пьяная слеза.

Нет! Счастье — праздная забота,
Ведь молодость давно прошла.
Нам скоротает век работа,
Мне — молоток, тебе — игла.

Сиди, да шей, смотри в окошко,
Людей повсюду гонит труд,
А те, кому трудней немножко,
Те песни длинные поют.

Я близ тебя работать стану,
Авось, ты не припомнишь мне,
Что я увидел дно стакана,
Топя отчаянье в вине.

Сентябрь 1906

В октябре

Открыл окно. Какая хмурая
Столица в октябре!
Забитая лошадка бурая
Гуляет на дворе.

Снежинка легкою пушинкою
Порхает на ветру,
И елка слабенькой вершинкою
Мотает на юру.

Жилось легко, жилось и молодо —
Прошла моя пора.
Вон — мальчик, посинев от холода,
Дрожит среди двора.

Всё, всё по старому, бывалому,
И будет как всегда:
Лошадке и мальчишке малому
Не сладки холода.

Да и меня без всяких поводов
Загнали на чердак.
Никто моих не слушал доводов,
И вышел мой табак.

А всё хочу свободной волею
Свободного житья,
Хоть нет звезды счастливой более
С тех пор, как запил я!

Давно звезда в стакан мой канула, —
Ужели навсегда?..
И вот душа опять воспрянула:
Со мной моя звезда!

Вот, вот — в глазах плывет манящая,
Качается в окне...
И жизнь начнется настоящая,
И крылья будут мне!

И даже всё мое имущество
С собою захвачу!
Познал, познал свое могущество!..
Вот вскрикнул... и лечу!

Лечу, лечу к мальчишке малому,
Средь вихря и огня...
Всё, всё по старому, бывалому,
Да только — без меня!

Октябрь 1906

* * *

К вечеру вышло тихое солнце,
И ветер понес дымки из труб.
Хорошо прислониться к дверному косяку
После ночной попойки моей.

Многое миновалось
И много будет еще,
Но никогда не перестанет радоваться сердце
Тихою радостью
О том, что вы придете,
Сядете на этом старом диване
И скажете простые слова
При тихом вечернем солнце,
После моей ночной попойки.

Я люблю ваше тонкое имя,
Ваши руки и плечи
И черный платок.

Октябрь 1906

* * *

Ночь. Город утомился.
За большим окном
Тихо и торжественно,
Как будто человек умирает.

Но там стоит просто грустный,
Расстроенный неудачей,
С открытым воротом,
И смотрит на звезды.

«Звезды, звезды,
Расскажите причину грусти!»

И на звезды смотрит.

«Звезды, звезды,
Откуда такая тоска?»

И звезды рассказывают.
Всё рассказывают звезды.

Октябрь 1906

* * *

Я в четырех стенах — убитый
Земной заботой и нуждой.
А в небе — золотом расшитый
Наряд бледнеет голубой.

Как сладко, и светло, и больно,
Мой голубой, далекий брат!
Душа в слезах, — она довольна
И благодарна за наряд.

Она — такой же голубою
Могла бы стать, как в небе — ты,
Не удрученный тяготою
Дух глубины и высоты.

Но и в стенах — моя отрада
Лазурию твоей гореть,
И думать, что близка награда,
Что суждено мне умереть...

И в бледном небе — тихим дымом
Голубоватый дух певца
Смешается с тобой, родимым,
На лоне Строгого Отца.

Октябрь 1906

Окна во двор

Одна мне осталась надежда:
Смотреться в колодезь двора.
Светает. Белеет одежда
В рассеянном свете утра.

Я слышу — старинные речи
Проснулись глубоко на дне.
Вон теплятся желтые свечи,
Забытые в чьем-то окне.

Голодная кошка прижалась
У желоба утренних крыш.
Заплакать — одно мне осталось,
И слушать, как мирно ты спишь.

Ты спишь, а на улице тихо,
И я умираю с тоски,
И злое, голодное Лихо
Упорно стучится в виски...

Эй, малый, взгляни мне в оконце!..
Да нет, не заглянешь — пройдешь...
Совсем я на зимнее солнце,
На глупое солнце похож.

Октябрь 1906

* * *

Хожу, брожу понурый,
Один в своей норе.
Придет шарманщик хмурый,
Заплачет на дворе...

О той свободной доле,
Что мне не суждена,

О том, что ветер в поле,
А на дворе — весна.

А мне — какое дело?
Брожу один, забыт.
И свечка догорела,
И маятник стучит.

Одна, одна надежда
Вон там, в ее окне.
Светла ее одежда,
Она придет ко мне.

А я, нахмутив брови,
Ей в сотый передам,
Как много портил крови
Знакомым и друзьям.

Опять нам будет сладко,
И тихо, и тепло...
В углу горит лампадка,
На сердце отлегло...

Зачем она приходит
Со мною говорить?
Зачем в иглу проводит
Веселенькую нить?

Зачем она роняет
Веселые слова?
Зачем лицо склоняет
И прячет в кружева?

Как холодно и тесно,
Когда ее здесь нет!
Как долго неизвестно,
Блеснет ли в окнах свет...

Лицо мое белее,
Чем белая стена...

Опять, опять сробею,
Когда придет она...

Ведь нечего бояться
И нечего терять...
Но надо ли сказать?
Но можно ли сказать?

И что ей молвить — нежной?
Что сердце расцвело?
Что ветер веет снежный?
Что в комнате светло?

7 декабря 1906

Пожар

Понеслись, блеснули в очи
Огневые языки,
Золотые брызги ночи,
Городские мотыльки.

Зданье дымом затянуло,
Толпы темные текут...
Но вдали несутся гулы,
Светы новые бегут...

Крики брошены горстями
Золотых монет.
Над вспененными конями
Факел стелет красный свет.

И, крутя живые спицы,
Мчатся вихрем колесницы,
Впереди скакун с трубой
Над испуганной толпой.

Скок по камню тяжело звонок,
Голос хриплой меди тонок,

Расплеснулась, широка,
Гулкой улицы река.

На блистательные племя
Каплет снежная роса...
Дети ночи черной — где мы?..
Чьи взывают голоса?..

Нет, опять погаснут зданья,
Нет, опять он обманул, —
Отдаленного восстанья
Надвигающийся гул...

Декабрь 1906

* * *

На серые камни ложилась дремота,
Но прялкой вилась городская забота.
Где храмы подъяты и выступы круты, —

Я видел вас, женщины в темных одеждах,
С молитвой в глазах и с изменой в надеждах —
О, женщины помнят такие минуты!

Сходились, считая ступень за ступенью,
И вновь расходились, томимые тенью,
Сияя очами, сливаясь с тенями...

О, город! О, ветер! О, снежные бури!
О, бездна разорванной в ключья лазури!
Я здесь! Я невинен! Я с вами! Я с вами!

Декабрь 1906

* * *

Ты смотришь в очи ясным зорям,
А город ставит огоньки,
И в переулках пахнет морем,
Поют фабричные гудки.

И в суете непобедимой
Душа туманам предана...
Вот красный плащ, летящий мимо,
Вот женский голос, как струна.

И помыслы твои несмелы,
Как складки современных риз...
И женщины ресницы-стрелы
Так часто опускают вниз.

Кого ты в скользкой мгле заметил?
Чьи окна светят сквозь туман?
Здесь ресторан, как храмы, светел,
И храм открыт, как ресторан...

На безысходные обманы
Душа напрасно понеслась:
И взоры дев, и рестораны
Погаснут все — в урочный час.

Декабрь 1906

На чердаке

Что на свете выше
Светлых чердаков?
Вижу трубы, крыши
Дальних кабаков.

Путь туда заказан,
И на что — теперь?

Вот — я с ней лишь связан...
Вот — закрыта дверь...

А она не слышит —
Слышит — не глядит,
Тихая — не дышит,
Белая — молчит...

Уж не просит кушать...
Ветер свищет в щель.
Как мне любо слушать
Вьюжную свирель!

Ветер, снежный север,
Давний друг ты мне!
Подари ты веер
Молодой жене!

Подари ей платье
Белое, как ты!
Нанеси в кровать ей
Снежные цветы!

Ты дарил мне горе,
Тучи, да снега...
Подари ей зори,
Бусы, жемчуга!

Чтоб была нарядна
И, как снег, бела!
Чтоб глядел я жадно
Из того угла!..

Слаще пой ты, вьюга,
В снежную трубу,
Чтоб спала подруга
В ледяном гробу!

Чтоб она не встала,
Не скрипи, доска...

Чтоб не испугала
Милого дружка!

Декабрь 1906

Клеопатра

Открыт паноптикум печальный
Один, другой и третий год.
Толпою пьяной и нахальной
Спешим... В гробу царица ждет.

Она лежит в гробу стеклянном,
И не мертва и не жива,
А люди шепчут неустанно
О ней бесстыдные слова.

Она раскинулась лениво —
Навек забыть, навек уснуть...
Змея легко, неторопливо
Ей жалит восковую грудь...

Я сам, позорный и продажный,
С кругами синими у глаз,
Пришел взглянуть на профиль важный,
На воск, открытый напоказ...

Тебя рассматривает каждый,
Но, если б гроб твой не был пуст,
Я услышал бы не однажды
Надменный вздох истлевших уст:

«Кадите мне. Цветы рассыпьте.
Я в незапамятных веках
Была царицею в Египте.
Теперь — я воск. Я тлен. Я прах».

«Царица! Я пленен тобою!
Я был в Египте лишь рабом,

А ныне суждено судьбою
Мне быть поэтом и царем!

Ты видишь ли теперь из гроба,
Что Русь, как Рим, пьяна тобой?
Что я и Цезарь — будем оба
В веках равны перед судьбой?»

Замолк. Смотрю. Она не слышит.
Но грудь кольшется едва
И за прозрачной тканью дышит...
И слышу тихие слова:

«Тогда я исторгала грозы.
Теперь исторгну глгучей всех
У пьяного поэта — слезы,
У пьяной проститутки — смех».

16 декабря 1907

Не пришел на свиданье

Поздним вечером ждала
У кисейного окна
Вплоть до раннего утра.

Нету милого — ушла.
Нету милого — одна.
Даль мутна, светла, сыра.

Занавесила окно,
Засветила огонек,
Наклонилась над столом...

Загляни еще в окно!
Загляни еще разок!
Загляни одним глазком!

Льется, льется холодок.
Догорает огонек.

«Как он в губы целовал...
Как невестой называл...»

Рано, холодно, светло.
Ветер ломится в стекло.

Посмотри одним глазком,
Что там с миленьким дружком?..

Белый саван — снежный плат.
А под платом — голова...
Тяжело проспать в гробу.

Ноги вытянулись в ряд...
Протянулись рукава...
Ветер ломится в трубу...

Выйди, выйди из ворот...
Лейся, лейся, ранний свет,
Белый саван, распухай...

Приподымишь белый край —
И сомнений больше нет:
Провалился мертвый рот.

Февраль 1908. Ревель

СНЕЖНАЯ МАСКА (1907)

Посвящается Н.Н.В.

СНЕГА

Снежное вино

И вновь, сверкнув из чаши винной,
Ты поселила в сердце страх
Своей улыбкою невинной
В тяжелозмейных волосах.

Я опрокинут в темных струях
И вновь вдыхаю, не любя,
Забывтый сон о поцелуях,
О снежных вьюгах вокруг тебя.

И ты смеешься дивным смехом,
Змеишься в чаше золотой,
И над твоим собольим мехом
Гуляет ветер голубой.

И как, глядясь в живые струи,
Не увидеть себя в венце?
Твои не вспомнить поцелуи
На запрокинутом лице?

29 декабря 1906

Снежная вязь

Снежная мгла взвилась.
Легли сугробы кругом.

Да. Я с тобой незнаком.
Ты — стихов моих пленная вязь.

И, тайно сплетая вязь,
Нити снежные тку и плету.

Ты не первая мне предалась
На темном мосту.

Здесь — электрический свет.
Там — пустота морей,
И скована льдами злая вода.

Я не открою тебе дверей.
Нет.
Никогда.

И снежные брызги влача за собой,
Мы летим в миллионы бездн...
Ты смотришь все той же пленной душой
В купол все тот же — звездный...

И смотришь в печали,
И снег синей...

Темные дали,
И блистательный бег саней...

И когда со мной встречаются
Неизбежные глаза, —

Глуби снежные вскрываются,
Приближаются уста...

Вышина. Глубина. Снеговая тишь.
И ты молчишь.

И в душе твоей безнадежной
Та же легкая, пленная грусть.

О, стихи зимы среброснежной!
Я читаю вас наизусть.

3 января

Последний путь

В снежной пене — предзакатная —
Ты встаешь за мной вдали,
Там, где в дали невозвратные
Повернули корабли.

Не видать ни мачт, ни паруса,
Что манил от снежных мест,
И на дальнем храме безрадостно
Догорел последний крест.

И на этот путь оснеженный
Если встанешь — не сойдешь.
И душою безнадежной
Безотзывное поймешь.

Ты услышишь с белой пристани
Отдаленные рога.
Ты поймешь растущий издали
Зов закованной в снега.

3 января

На страже

Я — непокорный и свободный.
Я правлю вольною судьбой.

А Он — простерт над бездной водной
С поднятой к небесам трубой.

Он видит все мои измены,
Он исчисляет все дела.
И за грядой туманной пены
Его труба всегда светла.

И, опустивший меч на струи,
Он не смежит упорный взор.
Он стережет все поцелуи,
Паденья, клятвы и позор.

И Он потребует ответа,
Подъемля засветлевший меч.
И канет темная комета
В пучины новых темных встреч.

3 января

Второе крещение

Открыли дверь мою метели,
Застыла горница моя,
И в новой снеговой купели
Крещен вторым крещеньем я.

И, в новый мир вступая, знаю,
Что люди есть, и есть дела,
Что путь открыт наверно к раю
Всем, кто идет путями зла.

Я так устал от ласк подруги
На застывающей земле.
И драгоценный камень вьюги
Сверкает льдиной на челе.

И гордость нового крещения
Мне сердце обратила в лед.

Ты мне сулишь еще мгновенья?
Пророчишь, что весна придет?

Но посмотри, как сердце радо!
Заграждена снегами твердь.
Весны не будет, и не надо:
Крещеньем третьим будет — Смерть.

3 января

Настигнутый метелью

Вьюга пела.
И кололи снежные иглы.
И душа леденела.
Ты меня настигла.

Ты запрокинула голову в высь.
Ты сказала: «Глядись, глядись,
Пока не забудешь
Того, что любишь».

И указала на дальние города линии,
На поля снеговые и синие,
На бесцельный холод.

И снежных вихрей поднятый молот
Бросил нас в бездну, где искры неслись,
Где снежинки пугливо вились...

Какие-то искры,
Каких-то снежинок неверный полет...
Как быстро — так быстро
Ты надо мной
Опрокинула свод
Голубой...

Метель взвилась,
Звезда сорвалась,

За ней другая...
И звезда за звездой
    Понеслась,
    Открывая
Вихрям звездным
Новые бездны.

В небе вспыхнули темные очи
Так ясно!
И я позабыл приметы
Страны прекрасной —
В блеске твоём, комета!
В блеске твоём, среброснежная ночь!

И неслись опустошающие
Непомерные года,
Словно сердце застывающее
Закатилось навсегда.

Но бредет за дальним полюсом
Солнце сердца моего,
Льдяным скованное поясом
Безначалья твоего.

Так взойди ж в морозном инее,
Непомерный свет — заря!
Подними над далью синей
Жезл померкшего царя!

3 января

На зов метелей

Белоснежней не было зим
И перистей тучек.
Ты дала мне в руки
Серебряный ключик,
И владел я сердцем твоим.

Тихо всходил над городом дым,
Умидали звуки.

Белые встали сугробы,
И мраки открылись.
Выплыл серебряный серп.
И мы уносились,
Обреченные оба
    На ущерб.

Ветер взвихрил снега.
Закатился серп луны.
И пронзительным взором
Ты измерила даль страны,
Откуда звучали рога
Снежным, метельным хором.

И мгла заломила руки,
Заломила руки в высь.
Ты опустила очи,
И мы понеслись.
И навстречу вставали новые звуки:
Летели снега,
Звенели рога
Налетающей ночи.

3 января

Ее песни

Не в земной темнице душевной
    Я гублю.
Душу вверх ладье воздушной —
    Кораблю.
Ты пойми душой послушной,
    Что люблю.

Взор твой ясный к выси звездной
    Обрати.

И в руке твой меч железный
Опусти.
Сердце с дрожью бесполезной
Укrotи.
Вихри снежные над бездной
Закрути.

Рукавом моих метелей
Задущу.
Серебром моих веселий
Оглушу.
На воздушной карусели
Закружу.
Пряжей спутанной кудели
Обовью.
Легкой брагой снежных хмелей
Напою.

4 января

Крылья

Крылья легкие раскину,
Стены воздуха раздвину,
Страны дальние покину.

Вейтесь, искристые нити,
Льдинки звездные, плывите,
Вьюги дальние, вздохните!

В сердце — легкие тревоги,
В небе — звездные дороги,
Среброснежные чертоги.

Сны метели светлозмейной,
Песни вьюги легковейной,
Очи девы чародейной.

И какие-то печали
Издали,
И туманные скрижали
От земли.
И покинутые в дали
Корабли.
И какие-то за мысом
Паруса.
И какие-то над морем
Голоса.

И расплеснут меж мирами,
Над забытыми пирами —
Кубок долгой страстной ночи,
Кубок темного вина.

4 января

Влюбленность

И опять твой сладкий сумрак, влюбленность.
И опять: «Навеки. Опустит глаза твои».
И дней туманность, и ночная бессонность,
И вдали, в волнах, вдали — пролетевшие ляды.

И чему-то над равнинами снежными
Улыбнувшаяся задумчиво заря.
И ты, осенившая крылами белоснежными
На вечный покой отходящего царя.

Ангел, гневно брови изламывающий,
Два луча — два меча скрестил в вышине.
Но в гневах стали, звенящей и падающей,
Твоя улыбка струится во мне.

4 января

Не надо

Не надо кораблей из дали,
Над мысом почивает мрак.
На снежносинем покрывале
Читаю твой условный знак.

Твой голос слышен сквозь метели,
И звезды сыплют снежный прах.
Ладьи ночные пролетели,
Нырять в ледяных струях.

И нет моей завидней доли —
В снегах забвенья догореть,
И на прибрежном снежном поле
Под звонкой вьюгой умереть.

Не разгадать живого мрака,
Которым стан твой окружен.
И не понять земного знака,
Чтоб не нарушить снежный сон.

4 января

Тревога

Сердце, слышишь
Легкий шаг
За собой?

Сердце, видишь:
Кто-то подал знак,
Тайный знак рукой?

Ты ли? Ты ли?
Вьюги плыли,
Лунный серп застыл...

Ты ль нисходишь?
Ты ль уводишь, —
Ты, кого я полюбил?

Над бескрайними снегами
Возлетим!
За туманными морями
Догорим!

Птица вьюги
Темнокрылой,
Дай мне два крыла!

Чтоб с тобою, сердцу милой,
В серебристом лунном круге
Вся душа изнемогла!

Чтоб огонь зимы палящей
Сжег грозящий
Дальний крест!

Чтоб лететь стрелой звенящей
В пропасть черных звезд!

4 января

Прочь!

И опять открыли солнца
Эту дверь.
И опять влекут от сердца
Эту тень.

И опять, остерегая,
Знак дают,
Чтобы медленный растаял
В келье лед.

— Кто ты? Кто ты?
Скован дремой,
Пробудись!

От дремоты
Незнакомой
Исцелись!

Мы — целители истомы,
Нашей медленной заботе
Покорись!

В златоверхие хоромы,
К созидающей работе
Воротись!

— Кто вы? Кто вы?
Рая дщери!
Прочь! Летите прочь!

Кто взломал мои засовы?
Ты кому открыла двери,
Задремав, служанка-ночь?

Стерегут мне келью совы, —
Вам забвенью и потере
Не помочь!

На груди — снегов оковы,
В ледяной моей пещере —
Вихрей северная дочь!

Из очей ее крылатых
Светит мгла.
Трехвенечная тиара
Вкруг чела.
Золотистый уголь в сердце
Мне вожгла!

Трижды северное солнце
Обошло подвластный мир!
Трижды северные фьорды
Знали тихий лёт ночей!
Трижды красные герольды
На кровавый звали пир!
Мне — мое открыло сердце
Снежный мрак ее очей!

Прочь лети, святая стая,
К старой двери
Умиряющего рая!
Стерегите, злые звери,
Чтобы ангелам самим
Не поднять меня крылами,
Не вскружить меня хвалами,
Не пронзить меня Дарами
И Причастием своим!

У меня в померкшей келье —
Два меча.

У меня над ложем — знаки
Черных дней.

И струит мое веселье
Два луча.

То горят и дремлют маки
Злых очей.

8 января

И опять снега

И опять, опять снега
Замели следы...

Над пустыней снежных мест
Дремлют две звезды.

И поют, поют рога.
Над парами злой воды
Вьюга строит белый крест,
Рассыпает снежный крест,
Одинокий смерч.

И вдали, вдали, вдали,
Между небом и землей
Веселится смерть.

И за тучей снеговой
Задремали корабли —
Опрокинутые в твердь
Станы снежных мачт.

И в полях гуляет смерть —
Снеговой трубач...

И вздымает вьюга смерч,
Строит белый, снежный крест,
Заметает твердь...
Разрушает снежный крест
И бежит от снежных мест...
И опять глядится смерть
С беззакатных звезд...

8 января

Голоса

(Двое проносятся в сфере метелей)

Он
Нет исхода вьюгам певучим!
Нет заката очам твоим звездным!
Рукою, подъятой к тучам,
Ты влечешь меня к безднам!

Она
О, настигай! О, догони!
Померкли дни.
Столетия минут.
Земля остынет.
Луна опрокинет
Свой лик к земле!

Он
Кто жребий мой вынет,
Тот опрокинут
В бездонной мгле!

Она
Оставь тревоги,
Метель в дороге
Тебя застигла.
Ласкают вьюги,
Ты — в лунном круге,
Тебя пронзили снежные иглы!

Он
Сердце — громада
Горной лавины —
Катится в бездны...
Ты гибели рада,
Дева пучины
Звездной!

Она
Я укачала
Царей и героев...
Слушай снега!
Из снежного зала,
Из надзвездных покоев
Поют боевые рога!

Он
Меч мой железный
Утонул в серебряной вьюге...
Где меч мой? Где меч мой?

Она
Внимай! Внимай! Я — ветер встречный!
Мы — в лунном круге!
Мы — в бездне звездной!

Он
Прости, отчизна!
Здравствуй, холод!
Отвори мне застывшие руки!

Она
Слушай, слушай трубные звуки!
Кто молод, —
Расстанься с дольней жизнью!

Он
Прости! Прости!
Остыло сердце!
Где ты, солнце?
(Вьюга вздымает белый крест!)

8 января

В снегах

И я затынут
Лентой млечной!
Тобой обманут,
О, Вечность!

Подо мной растянут
В дали бесконечной
Твой узор, Бесконечность,
Темница мира!

Узкая лира,
Звезда богини,
Снежно стонет
Мне.

398

И корабль закатный
Тонет
В нежно-синей
Глубине.

9 января

МАСКИ

Под масками

А под маской было звездно.
Улыбалась чья-то повесть,
Короталась тихо ночь.

И задумчивая совесть,
Тихо плавая над бездной,
Уводила время прочь.

И в руках, когда-то строгих,
Был бокал стеклянных влаг.
Ночь сходила на чертоги,
Замедля шаг.

И позвякивали миги,
И звенела влага в сердце,
И дразнил зеленый зайчик
В догоревшем хрустале.

А в шкапу дремали книги.
Там — к резной старинной дверце
Прилепился голый мальчик
На одном крыле.

9 января

399

Бледные сказанья

— Посмотри, подруга, эльф твой
Улетел!

— Посмотри, как быстролетны
Времена!

Так смеется маска маске,
Злая маска, к маске скромной
Обратясь:

— Посмотри, как темный рыцарь
Скажет сказки третьей маске...

Темный рыцарь вкруг девицы
Заплетает вязь.

Тихо шепчет маска маске,
Злая маска — маске скромной...
Третья — смущена...

И еще темней — на темной
Завесе окна
Темный рыцарь — только мнится...

И стрельчатые ресницы
Опускает маска вниз.
Снится маске, снится рыцарь...
— Темный рыцарь, улыбнись...

Он рассказывает сказки,
Опершись на меч.
И она внимает в маске.
И за ними — тихий танец
Отдаленных встреч...

Как горит ее румянец!
Странен профиль темных плеч!
А за ними — тихий танец
Отдаленных встреч.

И на завесе оконной
Золотится
Луч, протянутый от сердца —
Тонкий цепкий шнур.

И потерянный, влюбленный
Не умеет прицепиться
Улетевший с книжной дверцы
Амур.

9 января

Сквозь винный хрусталь

В длинной сказке
Тайно кроясь,
Бьет условный час.

В темной маске
Прорезь
Ярких глаз.

Нет печальной покрывала,
Тоньше стана нет...

— Вы любезней, чем я знала,
Господин поэт!

— Вы не знаете по-русски,
Госпожа моя...

На плече за тканью тусклой,
На конце ботинки узкой
Дремлет тихая змея.

9 января

В углу дивана

Но в камине дозвенели
Угольки.

За окошком догорели
Огоньки.

И на вьюжном море тонут
Корабли.

И над южным морем стонут
Журавли.

Верь мне, в этом мире солнца
Больше нет.

Верь лишь мне, ночное сердце,
Я — поэт!

Я какие хочешь сказки
Расскажу,

И какие хочешь маски
Приведу.

И пройдут любые тени
При огне,

Странных очерки видений
На стене.

И любой колени склонит
Пред тобой...

И любой цветок уронит
Голубой...

9 января

Тени на стене

Вот прошел король с зубчатым
Пляшущим венцом.

Шут прошел в плаще крылатом
С круглым бубенцом.

Дамы с шлейфами, пажами,
В розовых тенях.

Рыцарь с темными цепями
На стальных руках.

Ах, к походке вашей, рыцарь,
Шел бы длинный меч!

Под забралом вашим, рыцарь,
Нежный взор желанных встреч!

Ах, петуший гребень, рыцарь,
Ваш украсил шлем!

Ах, скажите, милый рыцарь,
Вы пришли зачем?

К нашим сказкам, милый рыцарь,
Приклоните слух...

Эти розы, милый рыцарь,
Подарил мне друг.

Эти розаны — мне, рыцарь,
Милый друг принес...

Ах, вы сами в сказке, рыцарь!
Вам не надо роз...

9 января

Насмешница

Подвела мне брови красным,
Поглядела и сказала:
«Я не знала:
Тоже можешь быть прекрасным,
Темный рыцарь, ты!»

И, смеясь, ушла с другими.
А под сводами ночными
Плыли тени пустоты,
Догорали хрустали.

Тени плыли, колдовали,
Струйки винные дремали,
И вдали
Заливалось утро криком
Петуха...
И летели тройки с гиком...

И она пришла опять
И сказала: «Рыцарь, что ты?
Это — сны твоей дремоты...
Что ты хочешь услышать?
Ночь глуха.
Ночь не может понимать
Петуха».

10 января

Они читают стихи

Смотри: я спутал все страницы,
Пока глаза твои цвели.
Большие крылья снежной птицы
Мой ум метелью замели.

Как странны были речи маски!
Понятны ли тебе? — Бог весть!
Ты твердо знаешь: в книгах — сказки,
А в жизни — только проза есть.

Но для меня неразделимы
С тобою — ночь, и мгла реки,
И застывающие дымы,
И рифм веселых огоньки.

Не будь и ты со мною строгой
И маской не дразни меня.
И в темной памяти не трогай
Иного — страшного — огня.

10 января

Неизбежное

Тихо вывела из комнат,
Затворила дверь.

Тихо. Сладко. Он не вспомнит,
Не запомнит, что теперь.

Вьюга память похоронит,
Навсегда затворит дверь.

Сладко в очи поглядела
Взором как стрела.

Слушай, ветер звезды гонит,
Слушай, пасмурные кони
Топчут звездные пределы
И кусают удила...

И под маской — так спокойно
Расцвели глаза.

Неизбежно и спокойно
Взор упал в ее глаза.

13 января

Здесь и там

Ветер звал и гнал погоню,
Черных масок не догнал...
Были верны наши кони,
Кто-то белый помогал...

Заметал снегами сани,
Коней иглами дразнил,
Строил башни из тумана,
И кружил, и пел в тумане,
И из снежного бурана
Оком темным сторожил.

И метался ветер быстрый
По бурьянам,
И снопами мчались искры
По туманам, —
Ветер масок не догнал,
И с высот серебряных
Тучу белую сорвал...

И в открытых синих безднах
Обозначились две тени,
Улетающие в дали
Незнакомой стороны...

Станных очерки видений
В черных масках танцевали —
Были влюблены.

13 января

Смятение

Мы ли — пляшущие тени?
Или мы бросаем тень?
Снов, обманов и видений
Догоревший полон день.

Не пойму я, что нас манит,
Не поймешь ты, что со мной,
Чей под маской взор туманит
Сумрак вьюги снеговой?

И твои мне светят очи
Наяву или во сне?
Даже в полдне, даже в дне
Разметались космы ночи...

И твоя ли неизбежность
Совлекла меня с пути?
И моя ли страсть и нежность
Хочет вьюгой изойти?

Маска, дай мне чутко слушать
Сердце темное твое,
Возврати мне, маска, душу,
Горе светлое мое!

13 января

Обреченный

Тайно сердце просит гибели.
Сердце легкое, скользи...
Вот меня из жизни вывели
Снежным серебром стези...

Как над тою дальней прорубью
Тихий пар струит вода,

Так своею тихой поступью
Ты свела меня сюда.

Завела, сковала взорами
И рукою обняла,
И холодными призорами
Белой смерти предала...

И в какой иной обители
Мне влачиться суждено,
Если сердце хочет гибели,
Тайно просится на дно?

12 января

Нет исхода

Нет исхода из вьюг,
И погибнуть мне весело.
Завела в очарованный круг,
Серебром своих вьюг занавесила...

Тихо смотрит в меня,
Темноокая.

И, колеблемый вьюгами Рока,
Я взвиваюсь, звеня,
Пропадаю в метелях...

И на снежных постелях
Спят цари и герои
Минувшего дня
В среброснежном покое —
О, Твои, Незнакомая, снежные жертвы!

И приветно глядит на меня:
«Восстань из мертвых!»

13 января

Сердце предано метели

Сверкни, последняя игла,
В снегах!

Встань, огнедышащая мгла!
Взмети твой снежный прах!

Убей меня, как я убил
Когда-то близких мне!

Я всех забыл, кого любил,
Я сердце вьюгой закрутил,

Я бросил сердце с белых гор,
Оно лежит на дне!

Я сам иду на твой костер!
Сжигай меня!

Пронзай меня,
Крылатый взор,
Иглою снежного огня!

13 января

На снежном костре

И взвился костер высокий
Над распятым на кресте.
Равнодушны, снежнооки,
Ходят ночи в высоте.

Молодые ходят ночи,
Сестры — пряжи снежных зим,
И глядят, открывши очи,
Завивают белый дым.

И крылатыми очами
Нежно смотрит высота.
Вейся, легкий, вейся, пламень,
Увивайся вокруг креста!

В снежной маске, рыцарь милый,
В снежной маске ты гори!
Я ль не пела, не любила,
Поцелуев не дарила
От зари и до зари?

Будь и ты моей любовью,
Милый рыцарь, я стройна,
Милый рыцарь, снежной кровью
Я была тебе верна.

Я была верна три ночи,
Завивалась и звала,
Я дала глядеть мне в очи,
Крылья легкие дала...

Так гори, и яр и светел,
Я же — легкою рукой
Размету твой легкий пепел
По равнине снеговой.

13 января

Ф А И Н А
(1906-1908)

* * *

Вот явилась. Заслонила
Всех нарядных, всех подруг,
И душа моя вступила
В предназначенный ей круг.

И под знойным снежным стоном
Расцвели черты твои.
Только тройка мчит со звоном
В снежно-белом забыты.

Ты взмахнула бубенцами,
Увлекла меня в поля...
Душишь черными шелками,
Распахнула соболя...

И о той ли вольной воле
Ветер плачет вдоль реки,
И звенят, и гаснут в поле
Бубенцы, да огоньки?

Золотой твой пояс стянут,
Нагло скромненький дикий взор!
Пусть мгновенья все обманут,
Канут в пламенный костер!

Так пускай же ветер будет
Петь обманы, петь шелка!
Пусть навек не знают люди,
Как узка твоя рука!

Как за темною вуалью
Мне на миг открылась даль...
Как над белой снежной далью
Пала темная вуаль...

Декабрь 1906

* * *

Я был смущенный и веселый.
Меня дразнил твой темный шелк.
Когда твой занавес тяжелый
Раздвинулся — театр умолк.

Живым огнем разъединило
Нас ramпы светлое кольцо,
И музыка преобразила
И обожгла твое лицо.

И вот — опять сияют свечи,
Душа одна, душа слепа...
Твои блистательные плечи,
Тобою пьяная толпа...

Звезда, ушедшая от мира,
Ты над равниной — вдалеке...
Дрожит серебряная лира
В твоей протянутой руке...

Декабрь 1906

* * *

Н. Н. В.

Я в дольний мир вошла, как в ложу.
Театр взволнованный погас.
И я одна лишь мрак тревожу
Живым огнем крылатых глаз.

Они поют из темной ложи:
«Найди. Люби. Возьми. Умчи».
И все, кто властен и ничтожен,
Опустят предо мной мечи.

И все придут, как волны в море,
Как за грозой идет гроза.
Пылайте, траурные зори,
Мои крылатые глаза!

Взор мой — факел, к высям кинут,
Словно в небо опрокинут
Кубок темного вина!
Тонкий стан мой шелком схвачен.
Темный жребий вам назначен,
Люди! Я стройна!

Я — звезда мечтаний нежных,
И в венце метелей снежных
Я плыву, скользя...
В серебре метелей кроюсь,
Ты горишь, мой узкий пояс —
Млечная стезя!

1 января 1907

* * *

Ушла. Но гиацинты ждали,
И день не разбудил окна,

И в легких складках женской шали
Цвела ночная тишина.

В косых лучах вечерней пыли,
Я знаю, ты придешь опять
Благоуханьем нильских лилий
Меня пленять и опьянять.

Мне слабость этих рук знакома,
И эта шепчущая речь,
И стройной талии истома,
И матовость покатых плеч.

Но в имени твоём — безмерность,
И рыжий сумрак глаз твоих
Таит змеиную неверность
И ночь преданий грозových.

И, миру дольнему подвластна,
Меж всех — не знаешь ты одна,
Каким раденьям ты причастна,
Какою верой крещена.

Войди, своей не зная воли,
И, добрая, в глаза взгляни,
И темным взором острой боли
Живое сердце полосни.

Вползи ко мне змеей ползучей,
В глухую полночь оглуши,
Устами томными замучай,
Косою черной задуши.

31 марта 1907

* * *

За холмом отзвенели упругие латы,
И копьё потерялось во мгле.

Не сияет и шлем — золотой и пернатый —
Всё, что было со мной на земле.

Встанет утро, застанет раскинувшим руки,
Где я в небо ночное смотрел.
Солнцебоги, смеясь, напрягут свои луки,
Обольют меня тучами стрел.

Если близкое утро пророчит мне гибель,
Неужели твой голос молчит?
Чую, там, под холмами, на горном изгибе
Лик твой молниенный гневом горит!

Воротясь, ты направишь копьё полуночи
Солнцебогу веселому в грудь.
Я увижу в змеиных кудрях твои очи,
Я услышу твой голос: «Забудь».

Надо мною ты в синем своём покрывале,
С исцеляющим жалом — змея...
Мы узнаем с тобою, что прежде знавали,
Под неверным мерцаньем копьё!

2 апреля 1907

* * *

Моей матери

Я насадил мой светлый рай
И оградил высоким тыном,
И в синий воздух, в дивный край
Приходит мать за милым сыном.

«Сын, милый, где ты?» — Тишина.
Над частым тыном солнце зреет,
И медленно и верно греет
Долину райского вина.

И бережно обходит мать
Мои сады, мои заветы,
И снова кличет: «Сын мой! Где ты?»,
Цветов стараясь не измять...

Всё тихо. Знает ли она,
Что сердце зреет за оградой?
Что прежней радости не надо
Вкусившим райского вина?

Апрель 1907

* * *

В этот серый летний вечер,
Возле бедного жилья,
По тебе томится ветер,
Черноокая моя!

Ты в каких степях гуляла,
Дожидалась до звезды,
Не дождавшись, обнимала
Прутья ивы у воды?

Разлюбил тебя и бросил,
Знаю — взял, чего хотел,
Бросил, вскинул пару весел,
Уплывая, не запел...

Долго ль песни заунывной
Ты над берегом ждала,
И какой реке разливной
Душу-бурю предала?

25 июня 1907

Осенняя любовь

1

Когда в листве сырой и ржавой
Рябины заалеет гроздь, —
Когда палач рукой костлявой
Вобьет в ладонь последний гвоздь, —

Когда над рябью рек свинцовой,
В сырой и серой высоте,
Пред ликом родины суровой
Я закачаюсь на кресте, —

Тогда — просторно и далеко
Смотрю сквозь кровь предсмертных слез,
И вижу: по реке широкой
Ко мне плывет в челне Христос.

В глазах — такие же надежды,
И то же рубище на нем.
И жалко смотрит из одежды
Ладонь, пробитая гвоздем.

Христос! Родной простор печален!
Изнемогаю на кресте!
И челн твой — будет ли причален
К моей распятой высоте?

2

И вот уже ветром разбиты, убиты
Кусты облетелой ракиты.

И прахом дорожным
Угрюмая старость легла на ланитах.
Но в темных орбитах
Взглянули, сверкнули глаза невозможным...

И радость, и слава —
Всё в этом сияньи бездонном,
И дальном.

Но смятые травы
Печальны,
И листья крутятся в лесу обнаженном...

И снится, и снится, и снится:
Бывалое солнце!
Тебя мне всё жальче и жальче...

О, глупое сердце,
Смеющийся мальчик,
Когда перестанешь ты биться?

3

Под ветром холодные плечи
Твои обнимать так отратно:
Ты думаешь — нежная ласка,
Я знаю — восторг мятежа!

И теплятся очи, как свечи
Ночные, и слушаю жадно —
Шевелится страшная сказка,
И звездная дышит межа...

О, в этот сияющий вечер
Ты будешь всё так же прекрасна,
И, верная темному раю,
Ты будешь мне светлой звездой!

Я знаю, что холоден ветер,
Я верю, что осень бесстрашна!
Но в темном плаще не узнают,
Что ты пировала со мной!..

И мчимся в осенние дали,
И слушаем дальние трубы,

И мерим ночные дороги,
Холодные выси мои...

Часы торжества миновали —
Мои опьяненные губы
Целуют в предсмертной тревоге
Холодные губы твои.

3 октября 1907

* * *

В те ночи светлые, пустые,
Когда в Неву глядят мосты,
Они встречались как чужие,
Забыв, что есть простое *ты*.

И каждый был красив и молод,
Но, окрыляясь пустотой,
Она таила странный холод
Под одичалой красотой.

И, сердцем вечно строгим мера,
Он не умел, не мог любить.
Она любила только зверя
В нем раздражить — и укротить.

И чуждый — чуждой жал он руки,
И север сам, спеша помочь
Красивой нежности и скуке,
В день превращал живую ночь.

Так в светлоте ночной пустыни,
В объятья ночи не спеша,
Гляделась в купол бледно-синий
Их обреченная душа.

10 октября 1907

Снежная дева

Она пришла из дикой дали —
Ночная дочь иных времен.
Ее родные не встречали,
Не просиял ей небосклон.

Но сфинкса с выщербленным ликом
Над исполинскою Невой
Она встречала с легким вскриком
Под бурей ночи снеговой.

Бывало, вьюга ей осыплет
Звездами плечи, грудь и стан, —
Всё снится ей родной Египет
Сквозь тусклый северный туман.

И город мой железно-серый,
Где ветер, дождь, и зыбь, и мгла,
С какой-то непонятной верой
Она, как царство, приняла.

Ей стали нравиться громады,
Уснувшие в ночной глуши,
И в окнах тихие лампы
Слились с мечтой ее души.

Она узнала зыбь и дымы,
Огни, и мраки, и дома —
Весь город мой непостижимый —
Непостижимая сама.

Она дарит мне перстень вьюги
За то, что плащ мой полон звезд,
За то, что я в стальной кольчуге,
И на кольчуге — строгий крест.

Она глядит мне прямо в очи,
Хваля неробкого врага.

С полей ее холодной ночи
В мой дух врываются снега.

Но сердце Снежной Девы немое
И никогда не примет меч,
Чтобы ремень стального шлема
Рукою страстною рассечь.

И я, как вождь враждебной рати,
Всегда закованный в броню,
Мечту торжественных объятий
В священном трепете храню.

17 октября 1907

* * *

И я провел безумный год
У шлейфа черного. За муки,
За дни терзаний и невзгод
Моих волос касались руки,
Смотрели темные глаза,
Дышала синяя гроза.

И я смотрю. И синим кругом
Мои глаза обведены.
Она зовет печальным другом.
Она рассказывает сны.
И в темный вечер, в долгий вечер
За окнами кружится ветер.

Потом она кончает прясть
И тихо складывает пряжу.
И перешла за третью стражу
Моя нерадостная страсть.
Смотрю. Целую черный волос,
И в сердце льется темный голос.

Так провожу я ночи, дни
У шлейфа девы, в тихой зале.
В камине умерли огни,
В окне быстрее заплясали
Снежинки быстрые — и вот
Она встает. Она уйдет.

Она завязывает туго
Свой черный шелковый платок,
В последний раз ласкает друга,
Бросая ласковый намек,
Идет... Ее движенья быстры,
В очах, тускнея, гаснут искры.

И я прислушиваюсь к стуку
Стеклянной двери вдалеке,
И к замирающему звуку
Углей в потухшем камельке...
Потом — опять бросаюсь к двери,
Бегу за ней... В морозном сквере

Вздыхает по дорожкам ночь.
Она тихонько огибает
За клумбой клумбу; отступает;
То подойдет, то прянет прочь...
И дальний шум почти не слышен,
И город спит, морозно пышен...

Лишь в воздухе морозном — гулко
Звенят шаги. Я узнаю
В неверном свете переулка
Мою прекрасную змею:
Она ползет из света в свету,
И вьется шлейф, как хвост кометы...

И, настигая, с новым жаром
Шепчу ей нежные слова,
Опять кружится голова...

Далеким озарен пожаром,
Я перед ней, как дикий зверь...
Стучит зевающая дверь, —

И, словно в бездну, в лоно ночи
Вступаем мы... Подъем наш крут...
И бред. И мрак. Сияют очи.
На плечи волосы текут
Волной свинца — чернее мрака...
О, ночь мучительного брака!..

Мятеж мгновений. Яркий сон.
Напрасных бешенство объятий, —
И звонкий утренний трезвон:
Толпятся ангельские рати
За плотной завесой окна,
Но с нами ночь — буйна, хмельна...

Да! с нами ночь! И новой властью
Дневная ночь объемлет нас,
Чтобы мучительною страстью
День обессиленный погас, —
И долгие часы над нами
Она звенит и бьет крылами...

И снова вечер...

21 октября 1907

Заклятие огнем и мраком

*За все, за все тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, траву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей;
За жар души, растроченный в пустыне.*

Лермонтов

1

О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!

Принимаю тебя, неудача,
И удача, тебе мой привет!
В заколдованной области плача,
В тайне смеха — позорного нет!

Принимаю бессонные споры,
Утро в завесах темных окна,
Чтоб мои воспаленные взоры
Раздражала, пьянила весна!

Принимаю пустынные веси!
И колодцы земных городов!
Осветленный простор поднебесий
И томления рабских трудов!

И встречаю тебя у порога —
С буйным ветром в змеиных кудрях,
С неразгаданным именем Бога
На холодных и сжатых губах...

Перед этой враждующей встречей
Никогда я не брошу щита...
Никогда не откроешь ты плечи...
Но над нами — хмельная мечта!

И смотрю, и вражду измеряю,
Ненавидя, кляня и любя:
За мученья, за гибель — я знаю —
Все равно: принимаю тебя!

24 октября 1907

2

Привывший мир, как звонкий дар,
Как злата горсть, я стал богат.
Смотрю: растет, шумит пожар —
Глаза твои горят.

Как стало жутко и светло!
Весь город — яркий сноп огня,
Река — прозрачное стекло,
И только — нет меня...

Я здесь, в углу. Я там, распят.
Я пригвожден к стене — смотри!
Горят глаза твои, горят,
Как черных две зари!

Я буду здесь. Мы все сгорим:
Весь город мой, река, и я...
Крести крещеньем огненным,
О, милая моя!

26 октября 1907

3

Я неверную встретил у входа:
Уронила платок — и одна.
Никого. Только ночь и свобода.
Только жутко стоит тишина.

Говорил ей несвязные речи,
Открывал ей все тайны с людьми,

Никому не поведал о встрече,
Чтоб она прошептала: возьми...

Но она ускользящей птицей
Полетела в ненастье и мрак,
Где взвился огневой багряницей
Засыпающий праздничный флаг.

И у светлого дома, тревожно,
Я остался вдвоем с темнотой.
Невозможное было возможно,
Но возможное — было мечтой.

23 октября 1907

4

Перехожу от казни к казни
Широкой полосой огня.
Ты только невозможным дразнишь,
Немыслимым томишь меня...

И я, как темный раб, не смею
В огне и мраке потонуть.
Я только робкой тенью вею,
Не смея в небо заглянуть...

Как ветер, ты целуешь жадно.
Как осень, шлейфом шелестя,
Храня в темнице безотрадной
Меня, как бедное дитя...

Рабом безумным и покорным
До времени таюсь и жду
Под этим взором, слишком черным
В моем плавающем бреду...

Лишь утром смею покидать я
Твое высокое крыльцо,

А ночью тонет в складках платья
Мое безумное лицо...

Лишь утром воронам бросаю
Свой хмель, свой сон, свою мечту...
А ночью снова — знаю, знаю
Твою земную красоту!

Что быть бесстрастным? Что — крылатым?
Сто раз бичуй и укори,
Чтоб только быть на миг проклятым
С тобой — в огне ночной зари!

Октябрь 1907

5

Пойми же, я спутал, я спутал
Страницы и строки стихов,
Плащом твои плечи окутал,
Остался с тобою без слов...

Пойми, в этом сумраке — магом
Стою над тобою и жду
Под бьющимся праздничным флагом,
На страже, под ветром, в бреду...

И ветер поет и пророчит
Мне в будущем — сон голубой...
Он хочет смеяться, он хочет,
Чтоб ты веселилась со мной!

И розы, осенние розы
Мне снятся на каждом шагу
Сквозь мглу, и огни, и морозы,
На белом, на легком снегу!

О будущем ветер не скажет,
Не скажет осенний цветок,

Что милая тихо развяжет
Свой шелковый, черный платок...

Что только звенящая снится
И душу палящая тень...
Что сердце — летящая птица...
Что в сердце — щемящая лень...

21 октября 1907

6

В бесконечной дали корридоров
Не она ли там пляшет вдали?
Не меня ль этой музыкой споров
От нее в этот час отвели?

Ничего вы не скажете, люди,
Не поймете, что темен мой храм.
Трепетанья, вздыхания груди
Воспаленным открыты глазам.

Сердце — легкая птица забвений
В золотой пролетающий час:
То она, в опьяненьи кружений,
Пляской тризну справляет о вас.

Никого ей не надо из скромных,
Ей не ум и не глупость нужны,
И не любит, наверное, темных,
Прислоненных, как я, у стены...

Сердце, взвейся, как легкая птица,
Полети ты, любовь разбуди,
Истости ты истомой ресницы,
К бледно-смуглым плечам припади!

Сердце бьется, как птица томится —
То вдали закружилась она —

430

В легком танце летящая птица,
Никому, ничему не верна...

23 октября 1907

7

По улицам метель метет,
Свивается, шатается.
Мне кто-то руку подает
И кто-то улыбается.

Ведет — и вижу: глубина,
Гранитом темным сжатая.
Течет она, поет она,
Зовет она, проклятая.

Я подхожу и отхожу,
И замер в смутном трепете:
Вот только перейду между —
И буду в струйном лепете.

И шепчет он — не отогнать
(И воля уничтожена):
«Пойми: уменьем умирать
Душа облагорожена.

Пойми, пойми, ты одиночек,
Как сладки тайны холода...
Взгляни, взгляни в холодный ток,
Где всё навеки молодо...»

Бегу! Пусти, проклятый, прочь!
Не мучь ты, не испытывай!
Уйду я в поле, в снег и в ночь,
Забьюсь под куст ракитовый!

Там воля всех вольнее воля
Не приневолит вольного,

431

И болей всех больнее боль
Вернет с пути окольного!

26 октября 1907

8

О, что мне закатный румянец,
Что злые тревоги разлук?
Всё в мире — кружащийся танец
И встречи трепещущих рук!

Я бледные вижу ланиты,
Я поступь лебяжью ловлю,
Я слушаю говор открытый,
Я тонкое имя люблю!

И новые сны, залетая,
Тревожат в усталом пути...
А всё пелена снеговая
Не может меня занести...

Неситесь, кружитесь, томите,
Снежинки — холодная весть...
Души моей тонкие нити,
Порвитесь, развейтесь, сгорите...

Ты, холод, мой холод, мой зимний,
В душе моей — страстное есть...
Стань, сердце, вздыхающий схимник,
Умрите, умрите, вы, гимны...

Вновь летит, летит, летит,
Звенит, и снег крутит, крутит,
Налетает вихрь
Снежных искр...

Ты виденьем, в пляске нежной
Посреди подруг
Обошла равниной снежной

Быстротечный
Бесконечный круг...

Слышу говор твой открытый,
Вижу бледные ланиты,
В ясный взор гляжу...

Все, что не скажу,
Передам одной улыбкой...
Счастье, счастье! С нами ночь!
Ты опять тропкою зыбкой
Улетаешь прочь...
Заметая, запевая,
Стан твой гибкий
Вихрем туча снеговая
Обдала,
Отняла...

И опять метель, метель
Вьет, поет, кружит...
Всё — виденья, всё — измены...
В снежном кубке, полном пены,
Хмель
Звенит...
Заверти, замчи,
Сердце, замолчи,
Замети девичий след —
Смерти нет!

В темном поле
Бродит свет!
Горькой доле —
Много лет...

И вот опять, опять в возвратный
Пустилась пляс...
Метель поет. Твой голос — внятненький.
Ты понеслась
Опять по кругу,

Земному другу
Сверкнув на миг...

Какой это танец? Каким это светом
Ты дразнишь и манишь?
В кружении этом
Когда ты устанешь?
Чьи песни? И звуки?
Чего я боюсь?
Щемящие звуки
И — вольная Русь?

И словно мечтанье, и словно круженье,
Земля убегает, вскрывается твердь,
И словно безумье, и словно мученье,
Забвенье и удаль, смятенье и смерть, —
Ты мчишься! Ты мчишься!
Ты бросила руки
Вперед...
И песня встает...

И странным сияньем сияют черты...
Удалая пляска!
О, песня! О, удаль! О, гибель! О, маска...
Гармоника — ты?

1 ноября 1907

9

Гармоника, гармоника!
Эй, пой, визжи и жги!
Эй, желтенькие лютики,
Весенние цветки!

Там с посвистом да с присвистом
Гуляют до зари,
Кусточки тихим шелестом
Кивают мне: смотри.

Смотрю я — руки вскинула,
В широкий пляс пошла,

434

Цветами всех осыпала
И в песне изошла...

Неверная, лукавая,
Коварная — пляши!
И будь навек отравой
Растраченной души!

С ума сойду, сойду с ума,
Безумствуя, люблю,
Что вся ты — ночь, и вся ты — тьма,
И вся ты — во хмелю...

Что душу отняла мою,
Отравой извела,
Что о тебе, тебе пою,
И песням нет числа!..

9 ноября 1907

10

Работай, работай, работай:
Ты будешь с уродским горбом
За долгой и честной работой,
За долгим и честным трудом.

Под праздник — другим будет сладко,
Другой твои песни поет,
С другими лихая солдатка
Пойдет, подбочась, в хоровод.

Ты знай про себя, что не хуже
Другого плясал бы — вон как!
Что мог бы стянуть и потуже
Свой золотом шитый кушак!

Что ростом и станом ты вышел
Статнее и краше других,

435

Что та молодлица — повыше
Других молодлиц удалых!

В ней сила играющей крови,
Хоть смуглые щеки бледны,
Тонки ее черные брови,
И строгие речи хмельны...

Ах, сладко, как сладко, так сладко
Работать, пока рассветет,
И знать, что лихая солдатка
Ушла за село, в хоровод!

26 октября 1907

11

И я опять затих у ног —
У ног давно и тайно милой,
Заносит вьюга на порог
Пожар метели белокрылой...

Но имя тонкое твое
Твердить мне дивно, больно, сладко...
И целовать твой шлейф украдкой,
Когда метель поет, поет...

В хмельной и злой своей темнице
Заночевало, сердце, ты,
И тихие твои ресницы
Смежили снежные цветы.

Как будто, на середине бега,
Я под метелью изнемог,
И предо мной возник из снега
Холодный, неживой цветок...

И с тайной грустью, с грустью нежной,
Как снег спадает с лепестка,

Живое имя Девы Снежной
Еще слетает с языка...

8 ноября 1907

Инок

Никто не скажет: я безумен.
Поклон мой низок, лик мой строг.
Не позовет меня игумен
В ночи на строгий свой порог.

Я грустным братьям — брат примерный,
И рясу черную несущу,
Когда с утра походкой верной
Сметаю с бледных трав росу.

И, подходя ко всем иконам,
Как строгий и смиренный брат,
Творю поклон я за поклоном
И за обрядами обряд.

И кто поймет, и кто узнает,
Что ты сказала мне: молчи...
Что воск души блаженной тает
На яром пламени свечи...

Что никаких молитв не надо,
Когда ты ходишь по реке
За монастырскою оградой
В своем монашеском платке.

Что вот — меня цветистым хмелем
Безумно захлестнула ты,
И потерял я счет неделям
Моей преступной красоты.

6 ноября 1907

Песня Фаины

Когда гляжу в глаза твои
Глазами узкими змеи
И руку жму, любя,

Эй, берегись! Я вся — змея!
Смотри: я миг была твоя,
И бросила тебя!

Ты мне постыл! Иди же прочь!
С другим я буду эту ночь!
Ищи свою жену!

Ступай, она разгонит грусть,
Ласкает пусть, целует пусть,
Ступай — бичом хлестну!

Попробуй кто, приди в мой сад,
Взгляни в мой черный, узкий взгляд,
Сгоришь в моем саду!

Я вся — весна! Я вся — в огне!
Не подходи и ты ко мне,
Кого люблю и жду!

Кто стар и сед и в цвете лет,
Кто больше звонких даст монет,
Приди на звонкий клич!

Над красотой, над сединой,
Над вашей глупой головой —
Свисти, мой тонкий бич!

Декабрь 1907

* * *

Всю жизнь ждала. Устала ждать.
И улыбнулась. И склонилась.

Волос распущенная прядь
На плечи темные спустилась.

Мир не велик и не богат —
И не глядеть бы взором черным!
Ведь только люди говорят,
Что надо ждать и быть покорным...

А здесь — какая-то свирель
Поет надрывно, жалко, тонко:
«Качай чужую колыбель,
Ласкай немилого ребенка...»

Я тоже — здесь. С моей судьбой,
Над лирой, гневной, как секира,
Такой приниженный и злой,
Торгуюсь на базарах мира...

Я верю мгле твоих волос
И твоему великолепию.
Мой сирий дух — твой верный пес,
У ног твоих грохочет цепью...

И вот опять, и вот опять,
Встречаясь с этим темным взглядом,
Хочу по имени назвать,
Дышать и жить с тобою рядом...

Мечта! Что жизни сон глухой?
Отрава — вслед иной отраве...
Я изменю тебе, как той,
Не изменяя, не лукавя...

Забавно жить! Забавно знать,
Что под луной ничто не ново!
Что мертвому дано рождать
Бушующее жизнью слово!

И никому заботы нет,
Что людям дам, что ты дала мне,

А люди — на могильном камне
Начертят прозвище: *Поэт*.

13 января 1908

* * *

Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите всё о печальном,
Думаете о смерти,
Никого не любите
И презираете свою красоту —
Что же? Разве я обижу вас?

О, нет! Ведь я не насильник,
Не обманщик и не гордец,
Хотя много знаю,
Слишком много думаю с детства
И слишком занят собой.
Ведь я — сочинитель,
Человек, называющий всё по имени,
Отнимающий аромат у живого цветка.

Сколько ни говорите о печальном,
Сколько ни размышляйте о концах и началах,
Всё же я смею думать,
Что вам только пятнадцать лет.
И потому я хотел бы,
Чтобы вы влюбились в простого человека,
Который любит землю и небо
Больше, чем рифмованные и нерифмованные
Речи о земле и о небе.

Право, я буду рад за вас,
Так как — только влюбленный
Имеет право на звание человека.

6 февраля 1908

* * *

Она пришла с мороза,
Раскрасневшаяся,
Наполнила комнату
Ароматом воздуха и духов,
Звонким голосом
И совсем неуважительной к занятиям
Болтовней.

Она немедленно уронила на пол
Толстый том художественного журнала,
И сейчас же стало казаться,
Что в моей большой комнате
Очень мало места.

Все это было немножко досадно
И довольно нелепо.
Впрочем, она захотела,
Чтобы я читал ей вслух «Макбета».

Едва дойдя до *пузырей земли*,
О которых я не могу говорить без волнения,
Я заметил, что она тоже волнуется
И внимательно смотрит в окно.

Оказалось, что большой пестрый кот
С трудом лепится по краю крыши,
Подстерегая целующихся голубей.

Я рассердился больше всего на то,
Что целовались не мы, а голуби,
И что прошли времена Паоло и Франчески.

6 февраля 1908

* * *

Я помню длительные муки:
Ночь догорала за окном;
Ее заломленные руки
Чуть брезжили в луче дневном.

Вся жизнь, ненужно изжитая,
Пытала, унижала, жгла;
А там, как призрак возраста,
День обозначил купола;

И под окошком участились
Прохожих быстрые шаги;
И в серых лужах расходились
Под каплями дождя круги;

И утро длилось, длилось, длилось...
И праздный тяготил вопрос;
И ничего не разрешилось
Весенним ливнем бурных слез.

4 марта 1908

* * *

Своими горькими слезами
Над нами плакала весна.
Огонь мерцал за камышами,
Дразня лихого скакуна...

Опять звала бесчеловечным,
Ты, отданная мне давно!..
Но ветром буйным, ветром встречным
Твое лицо опалено...

Опять — бессильно и напрасно —
Ты отстранялась от огня...

442

Но даже небо было страстно,
И небо было за меня!..

И стало всё равно, какие
Лобзать уста, ласкать плеча,
В какие улицы глухие
Гнать удалого лихача...

И всё равно, чей вздох, чей шепот, —
Быть может, здесь уже не ты...
Лишь скакуна неровный топот,
Как бы с далекой высоты...

Так — сведены с ума мгновеньем —
Мы отдавались вновь и вновь,
Гордясь своим уничтоженьем,
Твоим превратностям, любовь!

Теперь, когда мне звезды ближе,
Чем та неистовая ночь,
Когда еще безмерно ниже
Ты пала, униженья дочь,

Когда один с самим собою
Я проклиная каждый день, —
Теперь проходит предо мною
Твоя *развенчанная* тень...

С благоволеньем? Иль с укором?
Иль ненавидя, мстя, скорбя?
Иль хочешь быть мне приговором? —
Не знаю: я забыл тебя.

20 ноября 1908

ВОЛЬНЫЕ МЫСЛИ
(1907)

(Посв. Г. Чулкову)

О смерти

Все чаще я по городу брожу.
Все чаще вижу смерть — и улыбаюсь
Улыбкой рассудительной. Ну, что же?
Так я хочу. Так свойственно мне знать,
Что и ко мне придет она в свой час.

Я проходил вдоль скачек по шоссе.
День золотой дремал на горах щебня,
А за глухим забором — ипподром
Под солнцем зеленел. Там стебли злаков
И одуванчики, раздутые весной,
В ласкающих лучах дремали. А вдали
Трибуна придавила плоской крышей
Толпу зевак и модниц. Маленькие флаги
Пестрели там и здесь. А на заборе
Прохожие сидели и глазели.

Я шел и слышал быстрый гон коней
По грунту легкому. И быстрый топот
Копыт. Потом — внезапный крик:
«Упал! Упал!» — кричали на заборе,
И я, вскочив на маленький пенёк,
Увидел всё зараз: вдали летели
Жокеи в пестром — к тонкому столбу.

Чуть-чуть отстав от них, скакала лошадь
Без седока, взметая стремяна.
А за листвою кудрявеньких березок,
Так близко от меня — лежал жокей,
Весь в желтом, в зеленях весенних злаков,
Упавший навзничь, обратив лицо
В глубокое ласкающее небо.
Как будто век лежал, раскинув руки
И ногу подогнув. Так хорошо лежал.
К нему уже бежали люди. Издали,
Поблескивая медленными спицами, ландо
Катилось мягко. Люди подбежали
И подняли его...

И вот повисла
Беспомощная желтая нога
В обтянутой рейтузе. Завалилась
Им на плечи куда-то голова...
Ландо подъехало. К его подушкам
Так бережно и нежно приложили
Цыплячью желтизну жокея. Человек
Вскочил неловко на подножку, замер,
Поддерживая голову и ногу,
И важный кучер повернул назад.
И так же медленно вертелись спицы,
Поблескивали козла, оси, крылья...

Так хорошо и вольно умереть.
Всю жизнь скакал — с одной упорной мыслью,
Чтоб первым доскакать. И на скаку
Запнулась запыхавшаяся лошадь,
Уж силой ног не удержать седла,
И утлые взмахнулись стремяна,
И полетел, отброшенный толчком...
Ударился затылком о родную,
Весеннюю, приветливую землю,
И в этот миг — в мозгу прошли все мысли,
Единственные нужные. Прошли —

И умерли. И умерли глаза.
И труп мечтательно глядит наверх.

Так хорошо и вольно.

Однажды брел по набережной я.
Рабочие возили с барок в тачках
Дрова, кирпич и уголь. И река
Была еще синей от белой пены.
В отстегнутые ворота рубах
Глядели загорелые тела,
И светлые глаза привольной Руси
Блестели строго с почерневших лиц.
И тут же дети голыми ногами
Месили груды желтого песка,
Таскали — то кирпичик, то полено,
То бревнышко. И прятались. А там
Уже сверкали грязные их пятки,
И матери — с отвислыми грудями
Под грязным платьем — ждали их, ругались
И, надавав затрещин, отбирали
Дрова, кирпичики, бревёшки. И тащили,
Согнувшись под тяжелой ношей, вдаль.
И снова, воротясь гурьбой веселой,
Ребятки начинали воровать:
Тот бревнышко, другой — кирпичик...
И вдруг раздался всплеск воды и крик:
«Упал! Упал!» — опять кричали с барки.
Рабочий, ручку тачки отпустив,
Показывал рукой куда-то в воду,
И пестрая толпа рубах неслась
Туда, где на траве, в камнях бульжных,
На самом берегу — лежала сотка.
Один тащил багор.

А между свай,
Забитых возле набережной в воду,
Легко покачивался человек

В рубахе и в разорванных портках.
Один схватил его. Другой помог,
И длинное растянутое тело,
С которого ручьем лилась вода,
Втащили на берег и положили.
Городовой, гремя о камни пашкой,
Зачем-то щеку приложил к груди
Намокшей и прилежно слушал,
Должно быть, сердце. Собрался народ,
И каждый вновь пришедший задавал
Одни и те же глупые вопросы:
Когда упал, да сколько пролежал
В воде, да сколько выпил?
Потом все стали тихо отходить,
И я пошел своим путем, и слушал,
Как истовый, но выпивший рабочий
Авторитетно говорил другим,
Что губит каждый день людей вино.

Пойду еще бродить. Покуда солнце,
Покуда жар, покуда голова
Тупа и мысли вялы...

Сердце!

Ты будь вожатаем моим. И смерть
С улыбкой наблюдай. Само устанешь,
Не вынесешь такой веселой жизни,
Какую я веду. Такой любви
И ненависти люди не выносят,
Какую я в себе ношу.

Хочу,

Всегда хочу смотреть в глаза людские,
И пить вино, и женщин целовать,
И яростью желаний полнить вечер,
Когда жара мешает днем мечтать
И песни петь! И слушать в мире ветер!

Над озером

С вечерним озером я разговор веду
Высоким ладом песни. В тонкой чаше
Высоких сосен, с выступов песчаных,
Из-за могил и склепов, где огни
Лампад и сумрак дымно-сизый —
Влюбленные ему я песни шлю.

Оно меня не видит — и не надо.
Как женщина усталая, оно
Раскинулось внизу и смотрит в небо,
Туманится, и даль поит туманом,
И отняло у неба весь закат.
Все исполняют прихоти его:
Та лодка узкая, ласкающая гладь,
И тонкоствольный строй сосновой рощи,
И семафор на дальнем берегу,
В нем отразивший свой огонь зеленый —
Как раз на самой розовой воде.
К нему ползет трехглазая змея
Своим единственным стальным путем,
И, прежде свиста, озеро доносит
Ко мне — ее ползучий, хриплый шум.
Я на уступе. Надо мной — могила
Из темного гранита. Подо мной —
Белеющая в сумерках дорожка.
И кто посмотрит снизу на меня,
Тот испугается: такой я неподвижный,
В широкой шляпе, средь ночных могил,
Скрестивший руки, стройный и влюбленный в мир.
Но некому взглянуть. Внизу идут
Влюбленные друг в друга: нет им дела
До озера, которое внизу,
И до меня, который наверху.
Им нужны человеческие вздохи,

Мне нужны вздохи сосен и воды.
А озеру — красавице — ей нужно,

Чтоб я, никем не видимый, запел
Высокий гимн о том, как ясны зори,
Как стройны сосны, как вольна душа.

Прошли все пары. Сумерки синей,
Белей туман. И девичьего платья
Я вижу складки легкие внизу.
Задумчиво прошла она дорожку
И одиноко села на ступеньки
Могилы, не заметивши меня...
Я вижу легкий профиль. Пусть не знает,
Что знаю я, о чем пришла мечтать
Тоскующая девушка... Светлеют
Все окна дальних дач: там — самовары,
И синий дым сигар, и плоский смех...
Она пришла без спутников сюда...
Наверное, наверное прогонит
Затянутого в китель офицера
С вихляющим задом и ногами,
Завернутыми в трубочки штанов!
Она глядит как будто за туманы,
За озеро, за сосны, за холмы,
Куда-то так далеко, так далеко,
Куда и я не в силах заглянуть...

О, нежная! О, тонкая! — И быстро
Ей мысленно приискиваю имя:
Будь Аделиной! Будь Марией! Теклой!
Да, Теклой!.. — И задумчиво глядит
В клубящийся туман... Ах, как прогонит!..
А офицер уж близко: белый китель,
Над ним усы и пуговица-нос,
И плоский блин, приплюснутый фуражкой...
Он подошел... он жмет ей руку!.. смотрят
Его гляделки в ясные глаза!..
Я даже выдвинулся из-за склепа...
И вдруг... протяжно чмокает ее,
Дает ей руку и ведет на дачу!

Я хохочу! Вбегаю вверх. Бросаю
В них шишками, песком, визжу, пляшу
Среди могил — незримый и высокий...
Кричу: «Эй, Фёкла! Фёкла!» — И они
Испуганы, сконфужены, не знают,
Откуда шишки, хохот и песок...
Он ускоряет шаг, не забывая
Вихлять проворно задом, и она,
Прижавшись крепко к кителю, почти
Бегом бежит за ним...

Эй, доброй ночи!

И, выбегая на крутой обрыв,
Я отражаюсь в озере... Мы видим
Друг друга: «Здравствуй!» — я кричу...
И голосом красавицы — леса
Прибрежные отвечают мне: «Здравствуй!»
Кричу: «Прощай!» — они кричат: «Прощай!»
Лишь озеро молчит, влача туманы,
Но явственно на нем отражены
И я, и все союзники мои:
Ночь белая, и Бог, и твердь, и сосны...

И белая задумчивая ночь
Несет меня домой. И ветер свищет
В горячее лицо. Вагон летит...
И в комнате моей белеет утро.
Оно на всем: на книгах и столах,
И на постели, и на мягком кресле:
И на письме трагической актрисы:
«Я вся усталая. Я вся больная.
Цветы меня не радуют. Пишите...
Простите и сожгите этот бред...»

И томные слова... И длинный почерк,
Усталый, как ее усталый шлейф...
И томностью пылающие буквы,
Как яркий камень в черных волосах.

Шувалово

В Северном море

Что сделали из берега морского
Гуляющие модницы и франты?
Наставили столов, дымят, жуют,
Пьют лимонад. Потом бредут по пляжу,
Угрюмо хохоча и заражая
Соленый воздух сплетнями. Потом
Погонщики вывозят их в кибитках,
Кокетливо закрытых парусиной,
На мелководье. Там, переменяв
Забавные тальеры и мундиры
На легкие купальные костюмы,
И дряблость мускулов и грудей обнажив,
Они, визжа, влезают в воду. Шарят
Неловкими ногами дно. Кричат,
Стараясь показать, что веселятся.

А там — закат из неба сотворил
Глубокий многоцветный кубок. Руки
Одна заря закинула к другой,
И сестры двух небес прядут один —
То розовый, то голубой туман.
И в море утопающая туча
В предсмертном гневе мечет из очей
То красные, то синие огни.

И с длинного, протянутого в море,
Подгнившего, сереющего мола,
Прочтя все надписи: «Навек с тобой»,
«Здесь были Коля с Катей», «Диодор
Иеромонах и послушник Исидор
Здесь были. Дивны Божии дела», —
Прочтя все надписи, выходим в море
В пузатой и смешной моторной лодке.

Бензин пыхтит и пахнет. Два крыла
Бегут в воде за нами. Вьется быстрый след,
И, обогнув скучающих на пляже,

Рыбачьи лодки, узкий мыс, маяк,
Мы выбегаем многоцветной рябью
В просторную ласкающую соль.

На горизонте, за спиной, далёко
Безмолвным заревом стоит пожар.
Рыбачий «Вольный» остров распростерт
В воде, как плоская спина морского
Животного. А впереди, вдали —
Огни судов и сноп лучей бродячих
Прожектора таможенного судна.
И мы уходим в голубой туман.
Косым углом торчат над морем вехи,
Метелками фарватер оградив,
И далеко — от вехи и до вехи —
Рыбачьих шхун маячат паруса...

Над морем — штиль. Под всеми парусами
Стоит красавица — морская яхта.
На тонкой мачте — маленький фонарь,
Что камень драгоценной фероньеры,
Горит над матовым челом небес.

На острогрудой, в полной тишине,
В причудливых сплетениях снастей,
Сидят, скрестивши руки, люди в светлых
Панамах, сдвинутых на строгие черты.
А посреди, у самой мачты, молча,
Стоит матрос, весь темный, и глядит.

Мы огибаем яхту, как прилично,
И вежливо и тихо говорит
Один из нас: «Хотите на буксир?»
И с важной простотой нам отвечает
Суровый голос: «Нет. Благодарю».

И, снова обогнув их, мы глядим
С молитвенной и полной душою
На тихо уходящий силуэт

Красавицы под всеми парусами...
На драгоценный камень фероньеры,
Горящий в смуглых сумерках чела.

Сестрорецкий курорт

В дюнах

Я не люблю пустого словаря
Любовных слов и жалких выражений:
«Ты мой», «Твоя», «Люблю», «Навеки твой».
Я рабства не люблю. Свободным взором
Красивой женщине смотрю в глаза
И говорю: «Сегодня ночь. Но завтра —
Сияющий и новый день. Приди.
Бери меня, торжественная страсть.
А завтра я уйду — и запою».

Моя душа проста. Соленый ветер
Морей и смольный дух сосны
Ее питал. И в ней — всё те же знаки,
Что на моем обветренном лице.
И я прекрасен — нищей красотой
Зыбучих дюн и северных морей.

Так думал я, блуждая по границе
Финляндии, вникая в темный говор
Небритых и зеленоглазых финнов.
Стояла тишина. И у платформы
Готовый поезд разводил пары.
И русская таможенная стража
Лениво отдыхала на песчаном
Обрыве, где кончалось полотно.
Там открывалась новая страна —
И русский бесприютный храм глядел
В чужую, незнакомую страну.
Так думал я. И вот она пришла
И встала на откосе. Были рыжи

Ее глаза от солнца и песка.
И волосы, смолистые как сосны,
В отливах синих падали на плечи.
Пришла. Скрестила свой звериный взгляд
С моим звериным взглядом. Засмеялась
Высоким смехом. Бросила в меня
Пучок травы и золотую горсть
Песку. Потом — вскочила
И, прыгая, помчалась под откос...

Я гнал ее далёко. Исцарапал
Лицо о хвои, окровавил руки
И платье изорвал. Кричал и гнал
Ее, как зверя, вновь кричал и звал,
И страстный голос был как звуки рога.
Она же оставляла легкий след
В зыбучих дюнах и пропала в соснах,
Когда их заплела ночная синь.

И я лежу, от бега задыхаясь,
Один, в песке. В пылающих глазах
Еще бежит она — и вся хохочет:
Хохочут волосы, хохочут ноги,
Хохочет платье, вздутое от бега...
Лежу и думаю: «Сегодня ночь
И завтра ночь. Я не уйду отсюда,
Пока не затравлю ее, как зверя,
И голосом, зовущим, как рога,
Не прегражу ей путь. И не скажу:
«Моя! Моя!» — И пусть она мне крикнет:
«Твоя! Твоя!»

*Дюны
Июнь-июль 1907*

КНИГА ТРЕТЬЯ
(1907-1916)

СТРАШНЫЙ МИР
(1909-1916)

К Музе

Есть в напевах твоих сокровенных
Роковая о гибели весть.
Есть проклятье заветов священных,
Поругание счастья есть.

И такая влекущая сила,
Что готов я твердить за молвой,
Будто ангелов ты низводила,
Соблазняя своей красотой...

И когда ты смеешься над верой,
Над тобой загорается вдруг
Тот неяркий, пурпурово-серый
И когда-то мной виденный круг.

Зла, добра ли? — Ты вся — не отсюда.
Мудрено про тебя говорят:
Для иных ты — и Муза, и чудо.
Для меня ты — мученье и ад.

Я не знаю, зачем на рассвете,
В час, когда уже не было сил,
Не погиб я, но лик твой заметил
И твоих утешений просил?

Я хотел, чтоб мы были врагами,
Так за что ж подарила мне ты
Луг с цветами и твердь со звездами —
Всё проклятье своей красоты?

И коварнее северной ночи,
И хмельней золотого Аи,
И любви цыганской короче
Были страшные ласки твои...

И была роковая отрада
В попираньи заветных святынь,
И безумная сердцу услада —
Эта горькая страсть, как полынь!

1912

* * *

Под шум и звон однообразный,
Под городскую суету
Я ухожу, душою праздный,
В метель, во мрак и в пустоту.

Я обрываю нить сознания
И забываю, что и как...
Кругом — снега, трамваи, зданья,
А впереди — огни и мрак.

Что, если я, замороженный,
Сознания оборвавший нить,
Вернусь домой уничиженный, —
Ты можешь ли меня простить?

Ты, знающая дальней цели
Путеводительный маяк,
Простишь ли мне мои метели,
Мой бред, поэзию и мрак?

464

Иль можешь лучше: не прощая,
Будить мой колокола,
Чтобы распутица ночная
От родины не увела?

* * *

В эти желтые дни меж домами
Мы встречаемся только на миг.
Ты меня обжигашь глазами
И скрываешься в темный тупик...

Но очей молчаливым пожаром
Ты недаром меня обдаешь,
И склоняюсь я тайно недаром
Пред тобой, молчаливая ложь!

Ночи зимние бросят, быть может,
Нас в безумный и дьявольский бал,
И меня, наконец, уничтожит
Твой разящий, твой взор, твой кинжал!

* * *

Из хрустального тумана,
Из невиданного сна
Чей-то образ, чей-то странный...
(В кабинете ресторана
За бутылкою вина).

Визг цыганского напева
Налетел из дальних зал,
Дальних скрипок вопль туманный...
Входит ветер, входит дева
В глубь исчерченных зеркал.

Взор во взор — и жгуче-синий
Обозначился простор.

465

Магдалина! Магдалина!
Веет ветер из пустыни,
Раздувающий костер.

Узкий твой бокал и вьюга
За глухим стеклом окна —
Жизни только половина!
Но за вьюгой — солнцем юга
Опаленная страна!

Разрешенье всех мучений,
Всех хулений и похвал,
Всех змеящихся улыбок,
Всех просительных движений, —
Жизнь разбей, как мой бокал!

Чтоб на ложе долгой ночи
Не хватило страстных сил!
Чтоб в пустынном вопле скрипок
Перепуганные очи
Смертный сумрак погасил.

Двойник

Однажды в октябрьском тумане
Я бред, вспоминая напев.
(О, миг непроданных лобзаний!
О, ласки некупленных дев!)
И вот — в непроглядном тумане
Возник позабытый напев.

И стала мне молодость сниться,
И ты, как живая, и ты...
И стал я мечтой уноситься
От ветра, дождя, темноты...
(Так ранняя молодость снится.
А ты-то, вернешься ли ты?)

Вдруг вижу — из ночи туманной,
Шатаясь, подходит ко мне
Стареющий юноша (странно,
Не снился ли мне он во сне?),
Выходит из ночи туманной
И прямо подходит ко мне.

И шепчет: «Устал я шататься,
Промозглым туманом дышать,
В чужих зеркалах отражаться
И женщин чужих целовать...»
И стало мне странным казаться,
Что я его встречу опять...

Вдруг — от улыбнулся нахально, —
И нет близ меня никого...
Знаком этот образ печальный,
И где-то я видел его...
Быть может, себя самого
Я встретил на глади зеркальной?

Песнь ада

День догорел на сфере той земли,
Где я искал путей и дней короче.
Там сумерки лиловые легли.

Меня там нет. Тропой подземной ночи
Схожу, скользя, уступом скользких скал.
Знакомый Ад глядит в пустые очи.

Я на земле был брошен в яркий бал,
И в диком танце масок и обличий
Забыл любовь и дружбу потерял.

Где спутник мой? — О, где ты, Беатриче? —
Иду один, утратив правый путь,
В кругах подземных, как велит обычай,

Средь ужасов и мраков потонуть.
Поток несет друзей и женщин трупы,
Кой-где мелькнет молящий взор, иль грудь;

Пощады вопль, иль возглас нежный — скупю
Сорвется с уст; здесь умерли слова;
Здесь стянута бессмысленно и тупо

Кольцом железной боли голова;
И я, который пел когда-то нежно, —
Отверженец, утративший права!

Все к пропасти стремятся безнадежной,
И я вослед. Но вот, в прорыве скал,
Над пеною потока белоснежной,

Передо мною бесконечный зал.
Сеть кактусов и роз благоуханье,
Обрывки мрака в глубине зеркал;

Далеких утр неясное мерцанье
Чуть золотит поверженный кумир;
И душное спирается дыханье.

Мне этот зал напомнил страшный мир,
Где я бродил слепой, как в дикой сказке,
И где застиг меня последний пир.

Там — брошены зияющие маски;
Там — старцем соблазненная жена,
И наглый свет застал их в мерзкой ласке...

Но заалелся переплет окна
Под утренним холодным поцелуем,
И странно розовеет тишина.

В сей час в стране блаженной мы ночуем,
Лишь здесь бессилен наш земной обман,
И я смотрю, предчувствием волнуем,

В глубь зеркала сквозь утренний туман.
Навстречу мне, из паутины мрака,
Выходит юноша. Затянут стан;

Увядшей розы цвет в петлице фрака
Бледнее уст на лице мертвеца;
На пальце — знак таинственного брака —

Сияет острый аметист кольца;
И я смотрю с волненьем непонятым
В черты его отцветшего лица

И вопрошаю голосом чуть внятным:
«Скажи, за что томиться должен ты
И по кругам скитаться невозвратным?»

Пришли в смятенье тонкие черты,
Сожженный рот глотает воздух жадно,
И голос говорит из пустоты:

«Узнай: я предан муке беспощадной
За то, что был на горестной земле
Под тяжким игом страсти безотрадной.

Едва наш город скроется во мгле, —
Томим волной безумного напева,
С печатью преступления на челе,

Как падшая униженная дева,
Ищу забвенья в радостях вина...
И пробил час карающего гнева:

Из глубины невиданного сна
Всплеснулась, ослепила, засияла
Передо мной — чудесная жена!

В вечернем звоне хрупкого бокала,
В тумане хмельном встретившись на миг
С единственной, кто ласки презирала,

Я ликование первое постиг!
Я утопил в ее зеницах взоры!
Я испустил впервые страстный крик!

Так этот миг настал, неожиданно скорый.
И мрак был глух. И долгий вечер мглист.
И странно встали в небе метеоры.

И был в крови вот этот аметист.
И пил я кровь из плеч благоуханных,
И был напиток душен и смолист...

Но не кляни повествований странных
О том, как длился непонятный сон...
Из бездн ночных и пропастей туманных

К нам доносился погребальный звон;
Язык огня взлетел, свистя, над нами,
Чтоб сжечь ненужность прерванных времен!

И — сомкнутых безмерными цепями —
Нас некий вихрь увлек в подземный мир!
Окованный навек глухими снами,

Дано ей чужая боль и помнить пир,
Когда, что ночь, к плечам ее атласным
Тоскующий склоняется вампир!

Но мой удел — могу ль не звать ужасным?
Едва холодный и больной рассвет
Исполнит Ад сияньем безучастным,

Из зала в зал иду свершать завет,
Гоним тоскою страсти безначальной, —
Так сострадай и помни, мой поэт:

Я обречен в далеком мраке спальни,
Где спит она и дышит горячо,
Склонясь над ней влюбленно и печально,

Вонзить свой перстень в белое плечо!»

* * *

Поздней осенью из гавани
От заметенной снегом земли
В предназначенное плавание
Идут тяжелые корабли.

В черном небе означается
Над водой подъемный кран,
И один фонарь качается
На оснеженном берегу.

И матрос, на борт не принятый,
Идет, шатаясь, сквозь буран.
Всё потеряно, всё выпито!
Довольно — больше не могу...

А берег опустелой гавани
Уж первый легкий снег занес...
В самом чистом, в самом нежном саване
Сладко ли спать тебе, матрос?

На островах

Вновь оснежённые колонны,
Елагин мост и два огня.
И голос женщины влюбленный.
И хруст песка и храп коня.

Две тени, слитых в поцелуе,
Летят у полости саней.
Но не таясь и не ревнуя,
Я с этой новой — с пленной — с ней.

Да, есть печальная услада
В том, что любовь пройдет, как снег.
О, разве, разве клясться надо
В старинной верности навек?

Нет, я не первую ласкаю
И в строгой четкости моей
Уже в покорность не играю
И царств не требую у ней.

Нет, с постоянством геометра
Я числю каждый раз без слов
Мосты, часовню, резкость ветра,
Безлюдность низких островов.

Я чту обряд: легко заправить
Медвежью полость на лету,
И, тонкий стан обняв, лукавить,
И мчаться в снег и темноту,

И помнить узкие ботинки,
Влюбляясь в хладные меха...
Ведь грудь моя на поединке
Не встретит шпаги жениха...

Ведь со свечой в тревоге давней
Ее не ждет у двери мать...
Ведь бедный муж за плотной ставней
Ее не станет ревновать...

Чем ночь прошедшая сияла,
Чем настоящая зовет,
Всё только — продолженье бала,
Из света в сумрак переход...

* * *

С мирным счастьем покончены счета,
Не дразни, запоздалый уют.
Всюду эти щемящие ноты
Стерегут и в пустыню зовут.

Жизнь пустынна, бездомна, бездонна,
Да, я в это поверил с тех пор,

Как пропел мне сиреной влюбленной
Тот, сквозь ночь пролетевший, мотор.

* * *

Седые сумерки легли
Весной на город бледный.
Автомобиль пропел вдали
В рожок победный.

Глядись сквозь бледное окно,
К стеклу прижавшись плотно...
Глядись. Ты изменил давно,
Бесповоротно.

* * *

Дух пряный марта был в лунном круге,
Под талым снегом хрустел песок.
Мой город истаял в мокрой вьюге,
Рыдал, влюбленный, у чьих-то ног.

Ты прижималась всё суеверней,
И мне казалось — сквозь храп коня —
Венгерский танец в небесной черни
Звенит и плачет, дразня меня.

А шалый ветер, носясь над далью, —
Хотел он выжечь душу мне,
В лицо швыряя твоей вуалью
И запевая о старине...

И вдруг — ты, дальняя, чужая,
Сказала с молнией в глазах:
То душа, на последний путь вступаю,
Безумно плачет о прошлых снах.

Часовня на Крестовском острове

В ресторане

Никогда не забуду (он был, или не был,
Этот вечер): пожаром зари
Сожжено и раздвинуто бледное небо,
И на желтой заре — фонари.

Я сидел у окна в переполненном зале.
Где-то пели смычки о любви.
Я послал тебе черную розу в бокале
Золотого, как небо, Аи.

Ты взглянула. Я встретил смущенно и дерзко
Взор надменный и отдал поклон.
Обратясь к кавалеру, намеренно резко
Ты сказала: «И этот влюблен».

И сейчас же в ответ что-то грянули струны,
Иступленно запели смычки...
Но была ты со мной всем презрением юным,
Чуть заметным дрожаньем руки...

Ты рванулась движеньем испуганной птицы,
Ты прошла, словно сон мой легка...
И вздохнули духи, задремали ресницы,
Зашептались тревожно шелка.

Но из глубы зеркал ты мне взоры бросала
И, бросая, кричала: «Лови!..»
А монисто брэнчало, цыганка плясала
И визжала заре о любви.

Демон

Прижмись ко мне крепче и ближе,
Не жил я — блуждал средь чужих...
О, сон мой! Я новое вижу
В бреду поцелуев твоих!

В томленье твоим иступленным
Тоска небывалой весны
Горит мне лучом отдаленным
И тянется песней зурны.

На дымно-лиловые горы
Принес я на луч и на звук
Усталые губы и взоры
И плети изломанных рук.

И в горном закатном пожаре,
В разливах синеющих крыл,
С тобою, с мечтой о Тамаре,
Я, горный, навеки без сил...

И снится — в далеком ауле,
У склона бессмертной горы,
Тоскливо к нам в небо плеснули
Ненужные складки чадры...

Там стелется в пляске и плачет,
Пыль вьется и стонет зурна...
Пусть скачет жених — не доскачет!
Чеченская пуля верна.

* * *

Там человек сгорел.

Фет

Как тяжело ходить среди людей
И притворяться непогибшим,
И об игре трагической страстей
Повествовать еще не жившим.

И, вглядываясь в свой ночной кошмар,
Строй находить в нестройном вихре чувства,
Чтобы по бледным заревам искусства
Узнали жизни гибельный пожар!

* * *

Я коротаю жизнь мою.
Мою безумную, глухую:
Сегодня — трезво торжествую,
А завтра — плачу и пою.

Но если гибель предстоит?
Но если за моей спиной
Тот — необъятною рукою
Покрывший зеркало — стоит?..

Блеснет в глаза зеркальный свет,
И в ужасе, зажмуря очи,
Я отступлю в ту область ночи,
Откуда возвращенья нет...

* * *

Идут часы, и дни, и годы.
Хочу стряхнуть какой-то сон,
Взглянуть в лицо людей, природы,
Рассеять сумерки времен...

Там кто-то машет, дразнит светом
(Так зимней ночью, на крыльцо
Тень чья-то глянет силуэтом,
И быстро спрячется лицо).

Вот меч. Он был. Но он — не нужен.
Кто обессилил руку мне? —
Я помню: мелкий ряд жемчужин
Однажды ночью, при луне,

Больная, жалобная стужа,
И моря снеговая гладь...
Из-под ресниц сверкнувший ужас —
Старинный ужас (дай понять)...

Слова? — Их не было. — Что ж было? —
Ни сон, ни явь. Вдали, вдали
Звенело, гасло, уходило
И отделялось от земли...

И умерло. А губы пели.
Прошли часы, или года...
(Лишь телеграфные звенели
На черном небе провода...)

И вдруг (как памятно, знакомо!)
Отчетливо, издалека
Раздался голос: *Ecce homo!* —
Меч выпал. Дрогнула рука...

И перевязан шелком душным
(Чтоб кровь не шла из черных жил),
Я был веселым и послушным,
Обезоруженный — служил.

Но час настал. Припоминая,
Я вспомнил: *нет, я не слуга.*
Так падай, перевязь цветная!
Хлынь, кровь, и обагри снега!

Унижение

В черных сучьях деревьев обнаженных
Желтый зимний закат за окном.
(К эшафоту на казнь осужденных
Поведут на закате таком.)

Красный штоф полинялых диванов,
Пропыленные кисти портьер...
В этой комнате, в звоне стаканов,
Купчик, шулер, студент, офицер...

Этих голых рисунков журнала
Не людская касалась рука...

И рука *подлеца* нажимала
Эту грязную кнопку звонка...

Чу! По мягким коврам прозвенели
Шпоры, смех, заглушенный дверьми...
Разве дом этот — дом в самом деле?
Разве *так* суждено меж людьми?

Разве рад я сегодняшней встрече?
Что ты ликом бела, словно плат?
Что в твои обнаженные плечи
Бьет огромный холодный закат?

Только губы с запекшейся кровью
На иконе твоей золотой
(Разве *это* мы звали любовью?)
Преломились безумной чертой...

В желтом, зимнем, огромном закате
Утонула (так пышно!) кровать...
Еще тесно дышать от объятий,
Но ты свищешь опять и опять...

Он не весел — твой свист замогильный...
Чу! опять — бормотание шпор...
Словно змей, тяжкий, сытый и пыльный,
Шлейф твой с кресел ползет на ковер...

Ты смела! Так еще будь бесстрашной!
Я — не муж, не жених твой, не друг!
Так вонзай же, мой ангел вчерашний,
В сердце — острый французский каблук!

Авиатор

Летун отпущен на свободу.
Качнув две лопасти свои,
Как чудище морское в воду,
Скользнул в воздушные струи.

Его винты поют, как струны...
Смотри: недрогнувший пилот
К слепому солнцу над трибуной
Стремит свой винтовой полет...

Уж в вышине недостижимой
Сияет двигателя медь...
Там, еле слышный и незримый,
Пропеллер продолжает петь...

Потом — напрасно ищет око:
На небе не найдешь следа:
В бинокле, вскинутом высоко,
Лишь воздух — ясный, как вода...

А здесь, в колеблющемся зное,
В курящейся над лугом мгле,
Ангары, люди, все земное —
Как бы придавлено к земле...

Но снова в золотом тумане
Как будто — неземной аккорд...
Он близок, миг рукоплесканий
И жалкий мировой рекорд!

Все ниже спуск винтообразный,
Все круче лопастей извив,
И вдруг... нелепый, безобразный
В однообразьи перерыв...

И зверь с умолкшими винтами
Повис пугающим углом...
Ищи отцветшими глазами
Опоры в воздухе... пустом!

Уж поздно: на траве равнины
Крыла измятая дуга...
В сплетеньи проволок машины
Рука — мертвее рычага...

Зачем ты в небе был, отважный,
В свой первый и последний раз?
Чтоб львице светской и продажной
Поднять к тебе фиалки глаз?

Или восторг самозабвения
Губительный изведаль ты,
Безумно возалкал падения
И сам остановил винты?

Иль отравил твой мозг несчастный
Грядущих войн ужасный вид:
Ночной летун, во мгле ненастной
Земле несущий динамит?

1910-1912

* * *

Моей матери

Повеселясь на буйном пире,
Вернулся поздно я домой;
Ночь тихо бродит по квартире,
Храня уютный угол мой.

Слились все лица, все обиды
В одно лицо, в одно пятно;
И ветер ночной поет в окно
Напевы сонной панихиды...

Лишь соблазнитель мой не спит;
Он льстиво шепчет: «Вот твой скит.
Забудь о временном, о пошлом
И в песнях свято лги о прошлом».

Пляски смерти

1

Как тяжело мертвецу среди людей
Живым и страстным притворяться!
Но надо, надо в общество втираться,
Скрывая для карьеры лязг костей...

Живые спят. Мертвец встает из гроба,
И в банк идет, и в суд идет, в сенат...
Чем ночь белее, тем чернее злоба,
И перья торжествующе скрипят.

Мертвец весь день трудится над докладом.
Присутствие кончается. И вот —
Нашептывает он, виляя задом,
Сенатору скабрзный анекдот...

Уж вечер. Мелкий дождь зашлепал грязью
Прохожих, и дома, и прочий вздор...
А мертвеца — к другому безобразью
Скрежешущий несет таксомотор.

В зал многолюдный и многоколонный
Спешит мертвец. На нем — изящный фрак.
Его дарят улыбкой благосклонной
Хозяйка — дура и супруг — дурак.

Он изнемог от дня чиновной скуки,
Но лязг костей музыкой заглушон...
Он крепко жмет приятельские руки —
Живым, живым казаться должен он!

Лишь у колонны встретится очами
С подругою — она, как он, мертва.
За их условно-светскими речами
Ты слышишь настоящие слова:

«Усталый друг, мне странно в этом зале». —
«Усталый друг, могила холодна». —
«Уж полночь». — «Да, но вы не приглашали
На вальс NN. Она в вас влюблена...»

А там — NN уж ищет взором страстным
Его, его — с волнением в крови...
В ее лице, девически прекрасном,
Бессмысленный восторг живой любви...

Он шепчет ей незначащие речи,
Пленительные для живых слова,
И смотрит он, как розовеют плечи,
Как на плечо склонилась голова...

И острый яд привычно-светской злости
С нездешней злостью расточает он...
«Как он умен! Как он в меня влюблен!»

В ее ушах — нездешний, странный звон:
То кости лязгают о кости.

1912

2

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Всё будет так. Исхода нет.

Умрешь — начнешь опять сначала
И повторится всё, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

3

Пустая улица. Один огонь в окне.
Еврей-аптекарь охает во сне.

482

А перед шкапом с надписью *Venena*,
Хозяйственно согнув скрипучие колена,

Скелет, до глаз закутанный плащом,
Чего-то ищет, скалясь черным ртом...

Нашел... Но ненароком чем-то звякнул,
И череп повернул... Аптекарь крикнул,

Привстал — и на другой свалился бок...
А гость меж тем — заветный пузырек

Сует из-под плаща двум женщинам безносым
На улице, под фонарем белёсым.

4

Старый, старый сон. Из мрака
Фонари бегут — куда?
Там — лишь черная вода,
Там — забвенья навсегда.

Тень скользит из-за угла,
К ней другая подползла.
Плащ распахнут, грудь бела,
Алый цвет в петлице фрака.

Тень вторая — стройный латник,
Иль невеста от венца?
Шлем и перья. Нет лица.
Неподвижность мертвеца.

В воротах гремит звонок,
Глухо щелкает замок.
Переходят за порог
Проститутка и развратник...

Воет ветер леденящий,
Пусто, тихо и темно.

483

Наверху горит окно.
Всё равно.

Как свинец, черна вода.
В ней забвенья навсегда.
Третий призрак. Ты куда,
Ты, из тени в тень скользящий?

5

Вновь богатый зол и рад,
Вновь унижен бедный.
С кровель каменных громад
Смотрит месяц бледный,

Насылает тишину,
Оттеняет крутизну
Каменных отвесов,
Черноту навесов...

Все бы это было зря,
Если б не было царя,
Чтоб блюсти законы.

Только не ищи дворца,
Добродушного лица,
Золотой короны.

Он — с далеких пустырей
В свете редких фонарей
Появляется.

Шея скручена платком,
Под дырявым козырьком
Улыбается.

1914

* * *

Миры летят. Года летят. Пустая
Вселенная глядит в нас мраком глаз.
А ты, душа, усталая, глухая,
О счастья твердишь, — который раз?

Что счастье? Вечерние прохлады
В темнеющем саду, в лесной глуши?
Иль мрачные, порочные услады
Вина, страстей, гибели души?

Что счастье? Короткий миг и тесный,
Забвенья, сон и отдых от забот...
Очнешься — вновь безумный, неизвестный
И за сердце хватающий полет...

Вдохнул, глядишь — опасность миновала...
Но в этот самый миг — опять толчок!
Запущенный куда-то, как попало,
Летит, жужжит, торопится волчок!

И, уцепясь за край скользящий, острый,
И слушая всегда жужжащий звон, —
Не сходим ли с ума мы в смене пестрой
Придуманных причин, пространств, времен...

Когда ж конец? Назойливому звуку
Не станет сил без отдыха внимать...
Как страшно всё! Как дико! — Дай мне руку,
Товарищ, друг! Забудемся опять.

* * *

*Ночь без той, зовут кого
Светлым именем: Ленора.
Эдгар По*

Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный
Решал всё тот же я — мучительный вопрос,

Когда в мой кабинет, огромный и туманный,
Вошел тот джентльмен. За ним — лохматый пес.

На кресло у огня уселся гость устало,
И пес у ног его разлежся на ковер.
Гость вежливо сказал: «Ужель еще вам мало?
Пред Гением Судьбы пора смириться, сѳр».

«Но в старости — возврат и юности, и жара...» —
Так начал я... но он настойчиво прервал:
«Она — всё та ж: *Линор безумного Эдгара*.
Возврата нет. — Еще? Теперь я всё сказал».

И странно: жизнь была — восторгом, бурей, адом,
А здесь — в вечерний час — с чужим наедине —
Под этим деловым, давно спокойным взглядом,
Представилась она гораздо проще мне...

Тот джентльмен ушел. Но пес со мной бессменно.
В час горький на меня оставит добрый взор,
И лапу жесткую положит на колено,
Как будто говорит: *Пора смириться, сѳр*.

1912

* * *

Есть игра: осторожно войти,
Чтоб вниманье людей усыпить;
И глазами добычу найти;
И за ней незаметно следить.

Как бы ни был нечуток и груб
Человек, за которым следят, —
Он почувствует пристальный взгляд
Хоть в углах еле дрогнувших губ.

А другой — точно сразу поймет:
Вздрыгнут плечи, рука у него;

Обернется — и нет ничего;
Между тем — беспокойство растет.

Тем и страшен невидимый взгляд,
Что его невозможно поймать;
Чуешь ты, но не можешь понять,
Чьи глаза за тобою следят.

Не корысть, не влюбленность, не месть;
Так — игра, как игра у детей:
И в собрании каждом людей
Эти тайные *сыщики* есть.

Ты и сам иногда не поймешь,
Отчего так бывает порой,
Что собою ты к людям придешь,
А уйдешь от людей — не собой.

Есть дурной и хороший есть глаз,
Только лучше б ничей не следил:
Слишком много есть в каждом из нас
Неизвестных, играющих сил...

О, тоска! Через тысячу лет
Мы не сможем измерить души:
Мы услышим полет всех планет,
Громовые раскаты в тиши...

А пока — в неизвестном живем
И не ведаем сил мы своих,
И, как дети, играя с огнем,
Обжигаем себя и других...

* * *

Как растет тревога к ночи!
Тихо, холодно, темно.
Совесть мучит, жизнь хлопочет.

На луну взглянуть нет мочи
Сквозь морозное окно.

Что-то в мире происходит.
Утром страшно мне раскрыть
Лист газетный. Кто-то хочет
Появиться, кто-то бродит.
Иль — раздумал, может быть?

Гость бессонный, пол скрипучий?
Ах, не всё ли мне равно!
Вновь сдружусь с кабацкой скрипкой,
Монотонной и певучей!
Вновь я буду пить вино!

Всё равно не хватит силы
Дотащиться до конца
С трезвой, лживою улыбкой,
За которой — страх могилы,
Беспокойство мертвеца.

1913

* * *

Ну, что же? Устало заломлены слабые руки,
И вечность сама загляделась в погасшие очи,
И муки утикли. А если б и были высокие муки, —
Что нужды? — Я вижу печальное шествие ночи.

Ведь солнце, положенный круг обойдя, закатилось.
Открой мои книги: там сказано всё, что свершится.
Да, был я пророком, пока это сердце молилось, —
Молилось и пело тебя, но ведь ты — не царица.

Царем я не буду: ты власти мечты не делила.
Рабом я не стану: ты власти земли не хотела.
Вот новая ноша: пока не откроет могила
Сырые объяття, — тащиться без важного дела...

Но я — человек. И, паденье свое признавая,
Тревогу свою не смирю я: она всё сильнее.
То ревность по дому, тревогою сердце снедая,
Твердит неотступно: *Что делаешь, делай скорее.*

Жизнь моего приятеля

1

Весь день — как день: трудов исполнен малых
И мелочных забот.
Их вереница мимо глаз усталых
Ненужно проплывет.

Волнуешься, — а в глубине покорный:
Не выгорит — и пусть.
На дне твоей души, безрадостной и черной,
Безверие и грусть.

И к вечеру отхлынет вереница
Твоих дневных забот.
Когда ж в морозный мрак засмотрится столица
И полночь пропоет, —

И рад бы ты уснуть, но — страшная минута!
Средь всяких прочих дум —
Бессмысленность всех дел, безрадостность уюта
Придут тебе на ум.

И тихая тоска сожмет так нежно горло:
Ни охнуть, ни вздохнуть,
Как будто ночь на всё проклятие простерла,
Сам дьявол сел на грудь!

Ты вскочишь и бежишь на улицы глухие,
Но некому помочь:
Куда ни повернись — глядит в глаза пустые
И провожает — ночь.

Там ветер над тобой на сквозняках простонет
До бледного утра;
Городовой, чтоб не заснуть, отгонит
Бродягу от костра...

И, наконец, придет желанная усталость,
И станет всё равно...
Что? Совесть? Правда? Жизнь? Какая это малость!
Ну разве не смешно?

2

Поглядите, вот бессильный,
Не умевший жизнь спасти,
И она, как дух могильный,
Тяжко дремлет взаперти.

В голубом морозном своде
Так приплюснут диск больной,
Заплевавший всё в природе
Нестерпимой желтизной.

Уходи и ты. Довольно
Ты терпел, несчастный друг,
От его тоски невольной,
От его невольных мук.

То, что было, миновалось,
Ваш удел на все похож:
Сердце к правде порывалось,
Но его сломила ложь.

3

Всё свершилось по писаньям:
Остудился юный пыл,
И конец очарованиям
Постепенно наступил.

Был в чаду, не чуя чада,
Утешался *мукой ада*,
Перечислил все слова,
Но — болела голова...

Долго, жалобно болела,
Тело тихо холодело,
Пробудился: тридцать лет.
Хвать-похватъ, — а сердца нет.

Сердце — крашеный мертвец.
И, когда настал конец,
Он нашел весьма банальной
Смерть души своей печальной.

4

Когда невзначай в воскресенье
Он душу свою потерял,
В сыскное не шел отделение,
Свидетелей он не искал.

А было их, впрочем, не мало:
Дворовый щенок голосил,
В воротах старуха стояла,
И дворник на чай попросил.

Когда же он медленно вышел,
Подняв воротник, из ворот,
Таращил сочувственно с крыши
Глазищи обмызганный кот.

Ты думаешь, тоже свидетель?
Так он и ответит тебе!
В такой же гильбе
Его добродетель!

5

Пристал ко мне нищий дурак,
Идет по пятам, как знакомый.

«Где деньги твои?» — «Снес в кабак». —
«Где сердце?» — «Закинуто в омут».

«Чего ж тебе надо?» — «Того,
Чтоб стал ты, как я, откровенен,
Как я, в униженьи, смиренен,
А больше, мой друг, ничего».

«Что лезешь ты в сердце чужое?
Ступай, проходи, сторонись!» —
«Ты думаешь, милый, нас двое?
Напрасно: смотри, оглянись...»

И правда (ну, задал задачу!)
Гляжу — близь меня никого...
В карман посмотрел — ничего...
Взглянул в свое сердце... и плачу.

6

День проходил, как всегда:
В сумасшествии тихом.
Все говорили кругом
О болезнях, врачах и лекарствах.
О службе рассказывал друг,
Другой — о Христе,
О газете — четвертый.
Два стихотворца (*поклонники Пушкина*)
Книжки прислали
С множеством рифм и размеров.
Курсистка прислала
Рукопись с тучей эпиграфов
(*Из Надсона и символистов*).
После — под звон телефона —
Посыльный конверт подавал,
Надушенный чужими духами.
Розы поставьте на стол —
Написано было в записке,
И приходилось их ставить на стол...

После — собрат по перу,
До глаз в бороде утонувший,
О причитаньях у южных хорватов
Рассказывал долго.
Критик, громя *футуризм*,
Символизм шпынял,
Заключив *реализмом*.
В кинематографе вечером
Знатный барон целовался под пальмой
С барышней низкого звания,
Ее до себя возвышая...
Всё было в отменном порядке.

Он с вечера крепко уснул
И проснулся в другой стране.
Ни холод утра,
Ни слово друга,
Ни дамские розы,
Ни манифест футуриста,
Ни стихи пушкиньянца,
Ни лай собачий,
Ни грохот тележный —
Ничто, ничто
В мир возвратить не могло...

И что поделаешь, право,
Если отменный порядок
Милого дольного мира
В сны иногда погрузит,
И в снах этих многое снится...
И не всегда в них такой,
Как в мире, отменный порядок...

Нет, очнешься порой,
Взволнован, встревожен
Воспоминанием смутным,
Предчувствием тайным...
Буйно забьются в мозгу
Слишком светлые мысли...

И, укрощая их буйство,
Словно пугаясь чего-то, — *не лучше ль,*
Думаешь ты, чтоб и новый
День проходил, как всегда:
В сумасшествии тихом?

7

Говорят ЧЕРТИ:

Греши, пока тебя волнуют
Твои невинные грехи,
Пока красавицу колдуют
Твои греховные стихи.

На утешенье, на забаву
Пей искрометное вино,
Пока вино тебе по нраву,
Пока не тягостно оно.

Сверкнут ли дерзостные очи —
Ты их сверканий не отринь,
Грехам, вину и страстной ночи
Шепча заветное «аминь».

Ведь всё равно — очарованье
Пройдет, и в сумасшедший час
Ты, в испуленном покаянии,
Проклясть замыслишь бедных, нас.

И станешь падать — но толпою
Мы все, как ангелы, чисты,
Тебя подхватим, чтоб пятою
О камень не преткнулся ты...

8

Говорит СМЕРТЬ:

Когда осилила тревога,
И он в тоске обезумел...

Он разучился славить Бога
И песни грешные запел.

Но, оторопью обуянный,
Он прозревал, и смутный рой
Былых видений, образ странный
Его преследовал порой.

Но он измучился — и ранний
Жар юности простыл — и вот
Тщета святых воспоминаний
Пред ним медлительно встает.

Он больше ни во что не верит,
Себя лишь хочет обмануть,
А сам — к моей блаженной двери
Отыскивает вяло путь.

С него довольно славить Бога —
Уж он — не голос, только — стон.
Я отворю. Пускай немного
Еще помучается он.

Черная кровь

1

Вполоборота ты встала ко мне,
Грудь и рука твоя видится мне.

Мать запрещает тебе подходить,
Мне — искушенье тебя оскорбить!

Нет, опустил я напрасно глаза,
Дышит, преследует, близко — гроза...

Взор мой горит у тебя на щеке,
Трепет бежит по дрожащей руке...

Ширится круг твоего мне огня,
Ты, и не глядя, глядишь на меня!

Пеплом подернутый бурный костер —
Твой не глядящий, скользкий твой взор!

Нет! Не смирит эту черную кровь
Даже — свидание, даже — любовь!

2

Я гляжу на тебя. Каждый демон во мне
Притаился, глядит.
Каждый демон в тебе сторожит,
Притаясь в грозовой тишине...

И вздымается жадная грудь...
Этих демонов страшных вспугнуть?
Нет! Глаза отвратить, и не сметь, и не сметь
В эту страшную пропасть глядеть!

3

Даже имя твое мне презренно,
Но, когда ты сощуришь глаза,
Слышу, воеет поток многопенный,
Из пустыни подходит гроза.

Глаз молчит, золотистый и карий,
Горла тонкие ищут персты...
Подойди. Подползи. Я ударю —
И, как кошка, очеришься ты...

4

О, нет! Я не хочу, чтоб пали мы с тобой
В объятья страшные. Чтоб долго длились муки,
Когда — ни расплести сцепившиеся руки,
Ни разомкнуть уста — нельзя во тьме ночной!

Я слепнуть не хочу от молнии грозовой,
Ни слушать скрипок вой (неистовые звуки!),
Ни испытать прибой неизреченной скуки,
Зарывшись в пепел твой горящей головой!

Как первый человек, божественным сгорая,
Хочу вернуть навек на синий берег рая
Тебя, убив всю ложь и уничтожив яд...

Но ты меня зовешь! Твой ядовитый взгляд
Иной пророчит рай! — Я уступаю, зная,
Что твой змеиный рай — бездонной скуки ад.

5

Вновь у себя... Унижен, зол и рад.
Ночь, день ли там, в окне?
Вон месяц, как пауч, над кровлями громад
Гримасу корчит мне...

Дневное солнце — прочь, раскаяние — прочь!
Кто смеет мне помочь?
В опустошенный мозг ворвется только ночь,
Ворвется только ночь!

В пустую грудь один, один проникнет взгляд,
Вопьется жадный взгляд...
Всё отойдет навек, настанет *никогда*,
Когда ты крикнешь: *Да!*

6

Испугом схвачена, влекома
В водоворот...
Как эта комната знакома!
И всё навек пройдет?

И, в ужасе, несвязно шепчет...
И, скрыв лицо,

Пугливых рук свивает крепче
Певучее кольцо...

...И утра первый луч звенящий
Сквозь желтых штор...
И чертит Бог на теле спящей
Свой световой узор.

7

Ночь — как века, и томный трепет,
И страстный бред,
Уст о блаженно-странном лепет,
В окне — старинный, слабый свет.

Несбыточные уверенья,
Нет, не слова —
То, что теряет всё значенье,
Забрезжит бледный день едва...

Тогда — во взгляде глаз усталом —
Твоя в нем ложь!
Тогда мой рот извивом алым
На твой таинственно похож!

8

Я ее победил, наконец!
Я завлек ее в мой дворец!

Три свечи в бесконечной дали.
Мы в тяжелых коврах, в пыли.

И под смуглым огнем трех свеч
Смуглый бархат открытых плеч,

Буря спутанных кос, тусклый глаз,
На кольце — померкший алмаз,

И обугленный рот в крови
Еще просит пыток любви...

А в провале глухих окон
Смутный шелест многих знамен,

Звон, и трубы, и конский топ,
И качается тяжкий гроб.

— О, любимый, мы не одни!
О, несчастный, гаси огни!..

— Отгони непонятный страх —
Это кровь прощумела в ушах.

Близок вой похоронных труб,
Смутен вздох охладевших губ:

— Мой красавец, позор мой, бич...
Ночь бросает свой мглистый клич,

Гаснут свечи, глаза, слова...
— Ты мертва, наконец, мертва!

Знаю, выпил я кровь твою...
Я кладу тебя в гроб и пою, —

Мглистой ночью о нежной весне
Будет петь твоя кровь во мне!

9

Над лучшим созданием Божьим
Изведал я силу презренья.
Я палкой ударил ее.

Поспешно оделась. Уходит.
Ушла. Оглянулась пугливо
На сизые окна мои.

И нет ее. В сизые окна
Вливается вечер ненастный,
А дальше, за мраком ненастья,
Горит зарева кайма.

Далекие, влажные доли
И близкое, бурное счастье!
Один я стою и внимаю
Тому, что мне скрипки поют.

Поют они дикие песни
О том, что свободным я стал!
О том, что на лучшую долю
Я низкую страсть променял!

Демон

Иди, иди за мной — покорной
И верною моей рабой.
Я на сверкнувший гребень горный
Взлечу уверенно с тобой.

Я пронесу тебя над бездной,
Ее бездонностью дразня.
Твой будет ужас бесполезный —
Лишь вдохновеньем для меня.

Я от дождя эфирной пыли
И от круженья охраню
Всей силой мышц и сенью крылий
И, вознося, не уроню.

И на горах, в сверканьи белом,
На незапятнанном лугу,
Божественно-прекрасным телом
Тебя я странно обожгу.

Ты знаешь ли, какая малость
Та человеческая ложь,

Та грустная земная жалость,
Что дикой страстью ты зовешь?

Когда же вечер станет тише,
И, околдованная мной,
Ты полететь захочешь выше
Пустыней неба огневой, —

Да, я возьму тебя с собою
И вознесу тебя туда,
Где кажется земля звездой,
Землею кажется звезда.

И, онемев от удивленья,
Ты узришь новые миры —
Невероятные виденья,
Создания моей игры...

Дрожа от страха и бессилья,
Тогда шепнешь ты: отпусти...
И, распустив тихонько крылья,
Я улыбнусь тебе: лети.

И под божественной улыбкой,
Уничтожаясь на лету,
Ты полетишь, как камень зыбкий,
В сияющую пустоту...

Голос из хора

Как часто плачем — вы и я —
Над жалкой жизнью своей!
О, если б знали вы, друзья,
Холод и мрак грядущих дней!

Теперь ты милой руку жмешь,
Играешь с нею, шутя,
И плачешь ты, заметив ложь,

Или в руке любимой нож,
Дитя, дитя!

Лжи и коварству меры нет,
А смерть — далека.
Всё будет чернее страшный свет,
И всё безумней вихрь планет
Еще века, века!

И век последний, ужасней всех,
Увидим и вы и я.
Всё небо скроет гнусный грех,
На всех устах застынет смех,
Тоска небытия...

Весны, дитя, ты будешь ждать —
Весна обманет.
Ты будешь солнце на небо звать —
Солнце не встанет.
И крик, когда ты начнешь кричать,
Как камень, канет...

Будьте ж довольны жизнью своей,
Тише воды, ниже травы!
О, если б знали, дети, вы,
Холод и мрак грядущих дней!

1910-1914

ВОЗМЕЗДИЕ

(1908-1913)

* * *

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.

Но час настал, и ты ушла из дому.
Я бросил в ночь заветное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо.

Летели дни, крутясь проклятым роем...
Вино и страсть терзали жизнь мою...
И вспомнил я тебя пред аналоем,
И звал тебя, как молодость свою...

Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лил, но ты не снизошла.
Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла.

Не знаю, где приют своей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла...
Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий,
В котором ты в сырую ночь ушла...

Уж не мечтать о нежности, о славе,
Всё миновалось, молодость прошла!
Твое лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.

1908

Забывшие тебя

И час настал. Свой плащ скрутило время,
И меч блеснул, и стены разошлись.
И я пошел с толпой — туда, за всеми,
В туманную и злую высь.

За кручами опять открылись кручи,
Народ роптал, вожди лишились сил.
Навстречу нам шли грозовые тучи,
Их молний сноп дробил.

И руки повисали, словно плети,
Когда вокруг сжимались кулаки,
Грозящие громам, рыдали дети,
И жены кутались в платки.

И я, без сил, отстал, ушел из строя,
За мной — толпа сопутников моих,
Нам не сияло небо голубое,
И солнце — в тучах грозовых.

Скитались мы, беспомощно роптали,
И прежних хижин не могли найти,
И, у ночных костров сходясь, дрожали,
Надеясь отыскать пути...

Напрасный жар! Напрасные скитанья!
Мечтали мы, мечтанья разлюбя.
Так — суждена безрадостность мечтанья
Забывшему Тебя.

1908

* * *

Она, как прежде, захотела
Вдохнуть дыхание свое
В мое измученное тело,
В мое холодное жилье.

Как небо, встала надо мною,
А я не мог навстречу ей
Пошевелить больной рукою,
Сказать, что тосковал о ней...

Смотрел я тусклыми глазами,
Как надо мной она грустит,
И больше не было меж нами
Ни слов, ни счастья, ни обид...

Земное сердце уставало
Так много лет, так много дней...
Земное счастье запоздало
На тройке бешеной своей!

Я, наконец, смертельно болен,
Дышу иным, иным томлюсь,
Закатом солнечным доволен
И вечной ночи не боюсь...

Мне вечность заглянула в очи,
Покой на сердце низвела,
Прохладной влагой синей ночи
Костер волненья залила...

* * *

Ночь — как ночь, и улица пустынна.
Так всегда!
Для кого же ты была невинна
И горда?

507

Лишь сырая каплет мгла с карнизов.
Я и сам
Собираюсь бросить злобный вызов
Небесам.

Все на свете, все на свете знают:
Счастья нет.
И который раз в руках сжимают
Пистолет!

И который раз, смеясь и плача,
Вновь живут!
День — как день; ведь решена задача:
Все умрут.

* * *

Я сегодня не помню, что было вчера,
По утрам забываю свои вечера,
В белый день забываю огни,
По ночам забываю дни.

Но все ночи и дни наплывают на нас
Перед смертью, в торжественный час.
И тогда — в духоте, в тесноте
Слишком больно мечтать
О былой красоте
И не мочь:
Хочешь встать —
И ночь.

На смерть младенца

Когда под заступом холодным
Скрипел песок и яркий снег,
Во мне, печальном и свободном,
Еще смирялся человек.

Пусть эта смерть была понятна —
В душе, под песни панихид,
Уж проступали злые пятна
Незабываемых обид.

Уже с угрозой сжималась
Доселе добрая рука.
Уж подымалась и металась
В душе отравленной тоска...

Я подавлю глухую злобу,
Тоску забвению предаю.
Святому маленькому гробу
Молиться буду по ночам.

Но — быть коленопреклоненным,
Тебя благодарить, скорбя? —
Нет. Над младенцем, над *блаженным*,
Скорбеть я буду без Тебя.

Февраль 1909

* * *

Когда я прозревал впервые,
Навстречу жаждущей мечте
Лучи метнулись заревые
И трубный ангел в высоте.

Но торжества не выносила
Пустынной жизни суета,
Беззубым смехом исказила
Всё, чем жива была мечта.

Замолкли ангельские трубы,
Неотстывает дневная ночь.
Верни мне, жизнь, хоть смех беззубый,
Чтоб в тишине не изнемочь!

* * *

Дохнула жизнь в лицо могилой —
Мне страстной бурей не вздохнуть.
Одна мечта с упрямой силой
Последний открывает путь:

Пои, пои свои творенья
Незримым ядом мертвеца,
Чтоб гневной зрелостью презренья
Людские отравлять сердца.

* * *

Евг. Иванову

Когда, вступая в мир огромный,
Единства тщетно ищешь ты;
Когда ты смотришь в угол темный
И смерти ждешь из темноты;

Когда ты злобен, или болен,
Тоской иль страстию палим,
Поверь: тогда еще ты волен
Гордиться счастьем своим!

Когда ж ни скукой, ни любовью,
Ни страхом уж не дышишь ты,
Когда запятнаны мечты
Не юной и не быстрой кровью, —

Тогда — ограблен ты и наг:
Смерть не возможна без томленья,
А жизнь, не зная истребленья,
Так — только замедляет шаг.

* * *

Весенний день прошел без дела
У неумытого окна;
Скучала за стеной и пела,
Как птица пленная, жена.

Я, не спеша, собрал бесстрастно
Воспоминанья и дела;
И стало беспощадно ясно:
Жизнь прошумела и ушла.

Еще вернуться мысли, споры,
Но будет скучно и темно;
К чему спускать на окнах шторы?
День догорел в душе давно.

* * *

Какая дивная картина
Твоя, о, север мой, твоя!
Всегда бесплодная равнина,
Пустая, как мечта моя!

Здесь дух мой, злобный и упорный,
Тревожит смехом тишину;
И, откликаясь, ворон черный
Качает мертвую сосну;

Внизу клокочут водопады,
Точа гранит и корни дров;
И на камнях поют наяды
Беспольный гимн безмужних дев;

И в этом гуле вод холодных,
В постылом крике воронья,
Под рыбьим взором дев бесплодных
Тихонько тлеет жизнь моя!

* * *

Ты в комнате один сидишь.

Ты слышишь?

Я знаю: ты теперь не спишь...

Ты дышишь и не дышишь.

Зачем за дверью свет погас?

Не бойся!

Я твой давно забытый час,

Стучусь — откройся.

Я знаю, ты теперь в бреду,

Мятежный!

Я всё равно к тебе войду,

Старинный друг и нежный...

Не бойся вспоминать меня:

Ты был так молод...

Ты сел на белого коня,

И щеки жег осенний холод!

Ты полетел туда, туда —

В янтарь закатный!

Немудрый, знал ли ты тогда

Свой нищий путь возвратный?

Теперь ты мудр: не прекословь —

Что толку в споре?

Ты помнишь первую любовь

И зори, зори, зори?

Зачем склонился ты лицом

Так низко?

Утешься: ветер за окном —

То трубы смерти близкой!

Открой, ответь на мой вопрос:

Твой день был ярок?

Я саван царственный принес
Тебе в подарок!

* * *

Кольцо существования тесно:

Как все пути приводят в Рим,

Так нам заранее известно,

Что всё мы рабски повторим.

И мне, как всем, всё тот же жребий

Мерещится в грядущей мгле:

Опять — любить Ее на небе

И изменить ей на земле.

* * *

Чем больше хочешь отдохнуть,

Тем жизнь страшней, тем жизнь страшней,

Сырой туман ползет с полей,

Сырой туман вползает в грудь

По бархату ночей...

Забудь о том, что жизнь была,

О том, что будет жизнь, забудь...

С полей ползет ночная мгла...

Одно, одно —

Уснуть, уснуть...

Но всё равно —

Разбудит кто-нибудь.

Шаги Командора

В.А. Зоргенфредо

Тяжкий, плотный занавес у входа,

За ночным окном — туман.

Что теперь твоя постылая свобода,
Страх познавший Дон-Жуан?

Холодно и пусто в пышной спальне,
Слуги спят, и ночь глуха.
Из страны блаженной, незнакомой, дальней
Слышно пенье петуха.

Что изменнику блаженства звуки?
Миги жизни сочтены.
Донна Анна спит, скрестив на сердце руки,
Донна Анна видит сны...

Чьи черты жестокие застыли,
В зеркалах отражены?
Анна, Анна, сладко ль спать в могиле?
Сладко ль видеть неземные сны?

Жизнь пуста, безумна и бездонна!
Выходи на битву, старый рок!
И в ответ — победно и влюбленно —
В снежной мгле поет рожок...

Пролетает, брызнув в ночь огнями,
Черный, тихий, как сова, мотор,
Тихими, тяжелыми шагами
В дом вступает Командор...

Настежь дверь. Из непомерной стужи,
Словно хриплый бой ночных часов —
Бой часов: «Ты звал меня на ужин.
Я пришел. А ты готов?..»

На вопрос жестокий нет ответа,
Нет ответа — тишина.
В пышной спальне страшно в час рассвета,
Слуги спят, и ночь бледна.

В час рассвета холодно и странно,
В час рассвета — ночь мутна.

Дева Света! Где ты, донна Анна?
Анна! Анна! — Тишина.

Только в грозном утреннем тумане
Бьют часы в последний раз:
Донна Анна в смертный час твой встанет.
Анна встанет в смертный час.

1910-1912

* * *

Мой бедный, мой далекий друг!
Пойми, хоть в час тоски бессонной,
Таинственно и неуклонно
Снедающий меня недуг...
Зачем в моей стесненной груди
Так много боли и тоски?
И так ненужны маяки,
И так давно постыли люди,
Уныло ждущие Христа...
Лишь дьявола они находят...
Их лишь к отчаянью приводят
Извечно лгущие уста...
Все, кто намеренно шадит,
Кто без желанья ранит больно...
Иль — порываний нам довольно,
И лишь недуг — надежный щит?

* * *

Как свершилось, как случилось?
Был я беден, слаб и мал.
Но Великий неких тайна
Мне до времени открылась,
Я Высокое познал.

Недостойный раб, сокровищ
Мне врученных не храня,
Был я царь и страж случайный.
Сонмы лютые чудовищ
Налетели на меня.

Приручил я чарой лестью
Тех, кто первые пришли.
Но не счесть нам вражьей силы!
Ощетинившейся мезью
Остальные поползли.

И, покинув стражу, к ночи
Я пошел во вражий стан.
Ночь курилась, как кадило.
Ослепительные очи
Повлекли меня в туман.

Падший ангел, был я встречен
В стане их, как юный бог.
Как прекрасный небожитель,
Я царицей был замечен,
Я входил в ее чертог,

В тот чертог, который в пепел
Обратится на земле.
Но не спал мой грозный Мститель:
Лик Его был гневно-светел
В эти ночи на скале.

И рассвет мне в очи глянул,
Наступил мой скудный день.
Только крыл раздался трепет,
Кто-то мимо в небо канул,
Как разгневанная тень.

Было долгое томленье.
Думал я: не будет дня.

Бред безумный, страстный лепет,
Клятвы, пени, уверенья
Доносились до меня.

Но, тоской моей гонима,
Нежить сгинула, — и вдруг
День жестокий, день железный
Вкруг меня неумолимо
Очертил замкнутый круг.

Нет конца и нет начала,
Нет исхода — сталь и сталь.
И пустыней бесполезной
Душу бедную обстала
Прежде милая мне даль.

Не таюсь я перед вами,
Посмотрите на меня:
Я стою среди пожарищ,
Обожженный языками
Преисподнего огня.

Где же ты? не медли боле.
Ты, как я, не ждешь звезды.
Приходи ко мне, товарищ,
Разделить земной юдоли
Невеселые труды.

1913

ЯМБЫ
(1907-1914)

Fecit indignatio versum.

Iuven. Sat. I, 79¹

Посвящается

памяти

моей покойной сестры

АНГЕЛИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ БЛОК

1 Негодование рождает стих. Ювенал. Сатиры, I, 79 (*лат.*).

* * *

О, я хочу безумно жить:
Всё сущее — увековечить,
Безличное — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!

Пусть душит жизни сон тяжелый,
Пусть задыхаюсь в этом сне, —
Быть может, юноша веселый
В грядущем скажет обо мне:

*Простим угрюмство — разве это
Скрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!*

* * *

Я ухо приложил к земле.
Я муки криком не нарушу.
Ты слишком хриплым стоном душу
Бессмертную томишь во мгле!
Эй, встань и загорись и жги!
Эй, подними свой верный молот,
Чтоб молнией живой расколот
Был мрак, где не видать ни зги!
Ты роешься, подземный крот!
Я слышу трудный, хрипый голос...
Не медли. Помни: слабый колос
Под их секирой упадет...
Как зерна, злую землю рой
И выходи на свет. И ведай:
За их случайною победой
Роится сумрак гробовой.
Лелей, пои, таи ту новь,
Пройдет весна — над этой новью,
Вспоенная твоею кровью,
Созреет новая любовь.

1907

* * *

Тропами тайными, ночными,
При свете траурной зари,
Придут замученные ими,
Над ними встанут упыри.
Овеют призраки ночные
Их помышленья и дела,
И загниют еще живые
Их слишком сытые тела.
Их корабли в пучине водной
Не сыщут ржавых якорей,
И не успеть дочесть отходной
Тебе, пузатый иерей!
Довольных сытое обличье,
Сокройся в темные гроба!
Так нам велит *времен величье*
И *розоперстая судьба!*
Гроба, наполненные гнилью,
Свободный, сбрось с могучих плеч!
Всё, всё — да станет легкой пылью
Под солнцем, не уставшим жечь!

1907

* * *

В голодной и большой неволе
И день не в день, и год не в год.
Когда же всколосится поле,
Вздохнет униженный народ?

Что лето, шелестят во мраке,
То выпрямляясь, то клонясь
Всю ночь под тайным ветром, злаки:
Пора цветенья началась.

Народ — венец земного цвета,
Краса и радость всем цветам:

Не миновать Господня лета
Благоприятного – и нам.

1909

* * *

Не спят, не помнят, не торгуют.
Над черным городом, как стон,
Стоит, терзая ночь глухую,
Торжественный пасхальный звон.

Над человеческим созданием,
Которое он в землю вбил,
Над смрадом, смертью и страданием
Трезвонят до потери сил...

Над мировую чепухую;
Над всем, чему нельзя помочь;
Звонят над шубкой меховой,
В которой ты была в ту ночь.

Ревель

* * *

О, как смеялись вы над нами,
Как ненавидели вы нас
За то, что тихими стихами
Мы громко обличили вас!
Но мы – всё те же. Мы, поэты,
За вас, о вас тоскуем вновь,
Храня священную любовь,
Твердя старинные обеты...
И так же прост наш тихий храм,
Мы на стенах читаем сроки...
Так смейтесь, и не верьте нам,

И не читайте наши строки
О том, что под землей струи
Поют, о том, что бродят светлы...

Но помни Тютчева заветы:
Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои...

* * *

Я – Гамлет. Холодеет кровь,
Когда плетет коварство сети,
И в сердце – первая любовь
Жива – к единственной на свете.

Тебя, Офелию мою,
Увел далёко жизни холод,
И гибну, принц, в родном краю,
Клинком отравленным заколот.

* * *

Так. Буря этих лет прошла.
Мужик поплелся бороздою,
Сырой и черной. Надо мною
Опять звенят весны крыла...

И страшно, и легко, и больно;
Опять весна мне шепчет: *встань...*
И я целую богомольно
Ее невидимую ткань...

И сердце бьется слишком скоро,
И слишком молодеет кровь,
Когда за тучкой легкоперой
Сквозит мне первая любовь...

*Забудь, забудь о страшном мире,
Взмахни крылом, лети туда...
Нет, не один я был на пире!
Нет, не забуду никогда!*

* * *

Да. Так диктует вдохновенье:
Моя свободная мечта
Всё льнет туда, где униженье,
Где грязь, и мрак, и нищета.
Туда, туда, смиренней, ниже, —
Оттуда зримей мир иной...
*Ты видел ли детей в Париже,
Иль нищих на мосту зимой?*
На непроглядный ужас жизни
Открой скорей, открой глаза,
Пока великая гроза
Всё не смела в твоей отчизне, —
Дай гневу правому созреть,
Приготовляй к работе руки...
Не можешь — дай тоске и скуке
В тебе копиться и гореть...
Но только — лживой жизни этой
Румяна жирные сотри,
Как боязливый крот, от света
Заройся в землю — там замри,
Всю жизнь жестоко ненавидя
И презирая этот свет,
Пускай грядущего не видя, —
Дням настоящим молвив: *нет!*

1911

* * *

Когда мы встретились с тобой,
Я был больной, с душою ржавой.

526

Сестра, сужденная судьбой,
Весь мир казался мне Варшавой!
Я помню: днем я был «поэт»,
А ночью (призрак жизни вольной!) —
Над черной Вислой — черный бред...
Как скучно, холодно и больно!
Когда б из памяти моей
Я вычеркнуть имел бы право
Сырой притон тоски твоей
И скуки, мрачная Варшава!
Лишь ты, сестра, твердила мне
Своей волнующей тревогой
О том, что мир — жилище Бога,
О холоде и об огне.

* * *

Земное сердце стынет вновь,
Но стужу я встречаю грудью.
Храню я к людям на безлюдьи
Неразделенную любовь.

Но за любовью — зреет гнев,
Растет презренье и желанье
Читать в глазах мужей и дев
Печать забвенья, иль избранья.

Пускай зовут: *Забудь, поэт!*
Вернись в красивые уюты!
Нет! Лучше сгинуть в стуже лютой!
Уюта — нет. Покоя — нет.

* * *

В огне и холоде тревог —
Так жизнь пройдет. Запомним оба,
Что встретиться судил нам Бог
В час искупительный — у гроба.

527

Я верю: новый век взойдет
Средь всех несчастных поколений.
Недаром славят каждый род
Смертельно оскорбленный гений.

И все, как он, оскорблены
В своих сердцах, в своих певучих.
И всем — священный меч войны
Сверкает в неизбежных тучах.

Пусть день далек — у нас всё те ж
Заветы юношам и девам:
Презренье созревает гневом,
А зрелость гнева — есть мятеж.

Разыгрывайте жизнь, как фант.
Сердца поэтов чутко внемлют,
В их беспокойстве — воли дремлют;
Так точно — черный бриллиант

Спит сном неведомым и странным,
В очарованьи бездыханном,
Среди глубоких недр, — пока
В горах не запоет кирка.

1910-1914

ИТАЛЬЯНСКИЕ СТИХИ

(1909)

*Sic finit occulte sic multos decipit aetas
Sic venit ad finem quidquid in orbe manet
Heu heu praeteritum non est revocabile tempus
Heu propius tacito mors venit ipsa pede¹.*

Надпись под часами в церкви
Santa Maria Novella (Флоренция)

¹ Так незаметно многих уничтожают годы,
Так приходит к концу всё сущее в мире;
Увы, увы, невозвратно минувшее время,
Увы, торопится смерть неслышным шагом (*лат.*).

Равенна

Всё, что минутно, всё, что бrenно,
Похоронила ты в веках.
Ты, как младенец, спишь, Равенна,
У сонной вечности в руках.

Рабы сквозь римские ворота
Уже не ввозят мозаик.
И догорает позолота
В стенах прохладных базилик.

От медленных лобзаний влаги
Нежнее грубый свод гробниц,
Где зеленеют саркофаги
Святых монахов и цариц.

Безмолвны гробовые залы,
Тенист и хладен их порог,
Чтоб черный взор блаженной Галлы,
Проснувшись, камня не прожег.

Военной брани и обиды
Забут и стерт кровавый след,
Чтобы воскресший глас Плакиды
Не пел страстей протекших лет.

Далеко отступило море,
И розы оцепили вал,
Чтоб спящий в гробе Теодорих
О буре жизни не мечтал.

А виноградные пустыни,
Дома и люди — всё гроба.
Лишь медь торжественной латыни
Поет на плитах, как труба.

Лишь в пристальном и тихом взоре
Равеннских девушек, порой,
Печаль о невозвратном море
Проходит робкой чередой.

Лишь по ночам, склонясь к долинам,
Ведя векам грядущим счет,
Тень Данта с профилем орлиным
О Новой Жизни мне поет.

* * *

Почует в мире Теодорих,
И Дант не встанет с ложа сна.
Где прежде бушевало море,
Там — виноград и тишина.
В ласкающем и тихом взоре
Равеннских девушек — весна.

Здесь голос страсти невозможен,
Ответа нет моей мольбе!
О, как я пред тобой ничтожен!
Завидую твоей судьбе,
О, Галла! — страстию к тебе
Всегда взволнован и встревожен!

Девушка из Spoleto

Строен твой стан, как церковные свечи.
Взор твой — мечами пронзающий взор.
Дева, не жду ослепительной встречи —
Дай, как монаху, взойти на костер!

Счастья не требую. Ласки не надо.
Лаской ли грубой тебя оскорблю?
Лишь, как художник, смотрю за ограду,
Где ты срываешь цветы, — и люблю!

Мимо, всё мимо — ты ветром гонима —
Солнцем палима — Мария! Позволь
Взору — прозреть над тобой херувима,
Сердцу — изведать сладчайшую боль!

Тихо я в темные кудри вплетаю
Тайных стихов драгоценный алмаз.
Жадно влюбленное сердце бросаю
В темный источник сияющих глаз.

Венеция

1

С ней уходил я в море,
С ней покидал я берег,
С нею я был далёко,
С нею забыл я близких...

О, красный парус
В зеленой дали!
Черный стеклярус
На темной шали!

Идет от сумрачной обедни,
Нет в сердце крови...
Христос, уставший крест нести...

Адриатической любви —
Моей последней —
Прости, прости!

2

Евг. Иванову

Холодный ветер от лагуны.
Гондол безмолвные гроба.
Я в эту ночь — больной и юный —
Простерт у львиного столба.

На башне, с песнию чугуновой,
Гиганты бьют полночный час.
Марк утопил в лагуне лунной
Узорный свой иконостас.

В тени дворцовой галереи,
Чуть озаренная луной,
Таясь, проходит Саломея
С моей кровавой головой.

Всё спит — дворцы, каналы, люди,
Лишь призрака скользкий шаг,
Лишь голова на черном блюде
Глядит с тоской в окрестный мрак.

3

Слабеет жизни гул упорный.
Уходит вспять прилив забот.
И некий ветер сквозь бархат черный
О жизни будущей поет.

Очнусь ли я в другой отчизне,
Не в этой сумрачной стране?
И памятью об этой жизни
Вздохну ль когда-нибудь во сне?

Кто даст мне жизнь? Потомок дожа,
Купец, рыбак, иль иерей
В грядущем мраке делит ложе
С грядущей матерью моей?

Быть может, венецейской девы
Канцоной нежной слух плена,
Отец грядущий сквозь напевы
Уже предчувствует меня?

И неужель в грядущем веке
Младенцу мне — велит судьба
Впервые дрогнувшие веки
Открыть у львиного столба?

Мать, что поют глухие струны?
Уж ты мечтаешь, может быть,
Меня от ветра, от лагуны
Священной шалью оградить?

Нет! Всё, что есть, что было, — живо!
Мечты, виденья, думы — прочь!
Волна возвратного прилива
Бросает в бархатную ночь!

Перуджия

День полувеселый, полустрадный,
Голубая даль от Умбрских гор.
Вдруг — минутный ливень, ветер прохладный,
За окном открытым — громкий хор.

Там — в окне, под фреской Перуджино,
Черный глаз смеется, дышит грудь:
Кто-то смуглою рукой корзину
Хочет и не смеет дотянуть...

На корзине — белая записка:
«Questa sera... монастырь Франциска...»

Флоренция

1

Умри, Флоренция, Иуда,
Исчезни в сумрак вековой!
Я в час любви тебя забуду,
В час смерти буду не с тобой!

О, Bella, смейся над собою,
Уж не прекрасна больше ты!
Гнилой морщиной гробовую
Искажены твои черты!

Хрипят твои автомобили,
Твои уродливы дома,
Всеевропейской желтой пыли
Ты предала себя сама!

Звенят в пыли велосипеды
Там, где святой монах сожжен,
Где Леонардо сумрак ведал,
Беато снился синий сон!

Ты пышных Медичей тревожишь,
Ты топчешь лилии свои,
Но воскресить себя не можешь
В пыли торговой толчеи!

Гнусавой мессы стон протяжный
И трупный запах роз в церквах —
Весь груз тоски многоэтажный —
Сгинь в очистительных веках!

2

Флоренция, ты ирис нежный;
По ком томился я один
Любовью длинной, безнадежной,
Весь день в пыли твоих Кашин!

О, сладко вспомнить безнадежность:
Мечтать и жить в твоей глуши;
Уйти в твой древний зной и в нежность
Своей стареющей души...

Но суждено нам разлучиться,
И через дальние края
Твой дымный ирис будет сниться,
Как юность ранняя моя.

3

Страстью длинной, безмятежной
Занялась душа моя,
Ирис дымный, ирис нежный,
Благовония струя,
Переплыть велит все реки
На воздушных парусах,
Утонуть велит навеки
В тех вечерних небесах,
И когда предамся зною,
Голубой вечерний зной
В голубое голубою
Унесет меня волной...

4

Жгут раскаленные камни
Мой лихорадочный взгляд.
Дымные ирисы в пламени,
Словно сейчас улетят.
О, безысходность печали,
Знаю тебя наизусть!
В черное небо Италии
Черной душою гляжусь.

5

Окна ложные на небе черном,
И прожектор на древнем дворце.

Вот проходит она — вся в узорном
И с улыбкой на смуглом лице.

А вино уж мутит мои взоры
И по жилам огнем разлилось...
Что мне спеть в этот вечер, синьора?
Что мне спеть, чтоб вам сладко спалось?

6

Под зноем флорентийской лени
Еще беднее чувством ты:
Молчат церковные ступени,
Цветут нерадостно цветы.

Так береги остаток чувства,
Храни хоть творческую ложь:
Лишь в легком челноке искусства
От скуки мира уплывешь.

7

Голубоватым дымом
Вечерний зной возносится,
Долин тосканских царь...

Он мимо, мимо, мимо
Летучей мышью бросится
Под уличный фонарь...

И вот уже в долинах
Несметный сонм огней,
И вот уже в витринах
Ответный блеск камней,
И город скрыли горы
В свой сумрак голубой,
И тешатся синьоры
Канцоной площадной...

540

Дымится пыльный ирис,
И легкой пеной пенится
Бокал Христовых Слез...

Пляши и пой на пире,
Флоренция, изменница,
В венке спаленных роз!..

Сведи с ума канцоной
О преданной любви,
И сделай ночь бессонной,
И струны оборви,
И бей в свой бубен гулкий,
Рыдания тая!
В пустынном переулке
Скорбит душа твоя...

* * *

Вот девушка, едва развившись,
Еще не потупляясь, не краснея,
Непостижимо черным взглядом
Смотрит мне навстречу.
Была бы на то моя воля,
Просидел бы я всю жизнь в Сеттиньяно,
У выветрившегося камня Септимия Севера.
Смотрел бы я на камни, залитые солнцем,
На красивую загорелую шею и спину
Некрасивой женщины под дрожащими тополями.

Settignano

Madonna da Settignano

Встретив на горном тебя перевале,
Мой прояснившийся взор
Понял тосканские пыльные дали
И очертания гор.

541

Желтый платок твой разубран цветами —
Сонный то маковый цвет.
Смотришь большими, как небо, глазами
Бедному страннику вслед.

Дашь ли запреты забыть вековые
Вечному путнику — мне?
Страстно твердить твое имя, Мария,
Здесь, на чужой стороне?

Фьезоле

Стучит топор, и с кампанил
К нам флорентийский звон долинный
Плывет, доплыл и разбудил
Сон золотистый и старинный...

Не так же ли стучал топор
В нагорном Фьезоле когда-то,
Когда впервые взор Беато
Флоренцию приметил с гор?

Сиена

В лоне площади пологой
Пробивается трава.
Месяц острый, круторогий,
Башни — свечи божества.

О, лукавая Сиена,
Вся — колчан упругих стрел!
Вероломство и измена —
Твой таинственный удел!

От соседних лоз и пашен
Ограждая со всех сторон,
Острия церквей и башен
Ты вонзила в небосклон!

И томленьем дух влюбленный
Исполняют образа,
Где коварные мадонны
Щурят длинные глаза:

Пусть грозит младенцу буря,
Пусть грозит младенцу враг,
Мать глядится в мутный мрак,
Очи влажные сощуря!..

Сиенский собор

Когда страшишься смерти скорой,
Когда твои неярки дни, —
К плитам Сиенского собора
Свой натруженный взор склони.

Скажи, где место вечной ночи?
Вот здесь — Сивиллины уста
В безумном трепете пророчат
О воскресении Христа.

Свершай свое земное дело,
Довольный возрастом своим.
Здесь под резцом оцепенело
Всё то, над чем мы воежим.

Вот — мальчик над цветком и с птицей,
Вот — муж с пергаментом в руках,
Вот — дряхлый старец над гробницей
Склоняется на двух клюках.

Молчи, душа. Не мучь, не трогай,
Не понуждай и не зови:
Когда-нибудь придет он, строгий,
Кристалльно-ясный час любви.

* * *

Искусство — ноша на плечах,
Зато как мы, поэты, ценим
Жизнь в мимолетных мелочах!
Как сладостно предаться лени,
Почувствовать, как в жилах кровь
Переливается певуче,
Бросающую в жар любовь
Поймать за тучкою летучей,
И грезить, будто жизнь сама
Встает во всем шампанском блеске
В мурлыкающем нежно треске
Мигающего *cinéma*!
А через год — в чужой стране:
Усталость, город неизвестный,
Толпа, — и вновь на полотне
Черты француженки прелестной!..

Foligno

* * *

Глаза, опущенные скромно,
Плечо, закрытое фатой..
Ты многим кажешься святой,
Но ты, Мария, вероломна...

Быть с девой — быть во власти ночи,
Качаться на морских волнах..
И не напрасно эти очи
К мирянам ревновал монах:

Он в нише сумрачной церковной
Поставил с братией Ее —
Подальше от мечты греховной,
В молитвенное забытьё...

Однако, братьям надоело

.....
.....
.....
Конец преданьям и туманам!
Теперь — во всех церквах она
Равно — монахам и мирянам
На поруганье предана...

Но есть один вздыхатель тайный
Красы божественной — поэт..
Он видит твой необычайный,
Немеркнувший, Мария, свет!
Он на коленях в нише темной
Замолит страстные грехи,
Замолит свой восторг нескромный,
Свои греховные стихи!

И ты, чье сердце благосклонно,
Не гневайся и не дивись,
Что взглянет он порой влюбленно
В твою ласкающую высь!

Благовещение

С детских лет — видения и грезы,
Умбрии ласкающая мгла.
На оградах вспыхивают розы,
Тонкие поют колокола.

Слишком резвы милые подруги,
Слишком дерзок их открытый взор.
Лишь она одна в предвечном круге
Ткет и ткет свой шелковый узор.

Робкие томят ее надежды,
Грезятся несбыточные сны.

И внезапно — красные одежды
Дрогнули на золоте стены.

Всем лицом склонилась над шелками,
Но везде — сквозь золото ресниц —
Вихрь ли с многоцветными крылами,
Или ангел, распростертый ниц...

Темноликий ангел с дерзкой ветвью
Молвит: «Здравствуй! Ты полна красы!»
И она дрожит пред страстной вестью,
С плеч упали тяжких две косы...

Он поет и шепчет — ближе, ближе,
Уж над ней — шумящих крыл шатер...
И она без сил склоняет ниже
Потемневший, помутневший взор...

Трепеща, не верит: «Я ли, я ли?»
И рукою закрывает грудь...
Но чернеют пламенные дали —
Не уйти, не встать и не вздохнуть...

И тогда — незнаемую болью
Озарился светлый круг лица...
А над ними — символ своеволья —
Перуджийский гриф когтит тельца.

Лишь художник, занавесью скрытый, —
Он провидит страстной муки крест
И твердит: — Profani, procul ite,
Nis amoris locus sacer est¹.

Perugia - Spoleto

Успение

Ее спеленутое тело
Сложили в молодом лесу.
Оно от мук помолодело,
Вернув бывалую красу.
Уже не шумный и не ярый,
С волненьем, в сжатые персты
В последний раз архангел старый
Влагает белые цветы.

Златит далекие вершины
Прощальным отблеском заря,
И над туманами долины
Встают усопших три царя.

Их привела, как в дни былые,
Другая, поздняя звезда.
И пастухи, уже седые,
Как встарь, сгоняют с гор стада.

И стражей вечному покою
Долины заступила мгла.
Лишь меж звездой и зарею
Златятся нимбы без числа.

А выше, по крутым оврагам
Поет ручей, цветет миндаль,
И над открытым саркофагом
Могильный ангел смотрит вдаль.

Spoleto

¹ Идите прочь, непосвященные: здесь свято место любви (лат.).

Эпитафия Фра Филиппо Липпи¹

Здесь я покоюсь, Филипп, живописец навеки бессмертный,
Дивная прелесть моей кисти — у всех на устах.
Душу умел я вдохнуть искусными пальцами в краски,
Набожных души умел — голосом бога смутить.
Даже природа сама, на мои заглядевшись созданья,
Принуждена меня звать мастером равным себе.
В мраморном этом гробу меня упокоил Лаврентий
Медичи, прежде чем я в низменный прах обращусь.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ (1908-1916)

¹ Эпитафия сочинена Полицианом и вырезана на могильной плите художника в Сполетском соборе по повелению Лаврентия Великолепного.

За гробом

Божья Матерь *Утоли моя печали*
Перед гробом шла, светла, тиха.
А за гробом — в траурной вуали
Шла невеста, провожая жениха...

Был он только литератор модный,
Только слов кощунственных творец...
Но мертвец — родной душе народной:
Всякий свято чтит она конец.

И навстречу кланялись, крестили
Многодумный, многотрудный лоб.
А друзья и близкие пылили
На икону, на нее, на гроб...

И с какою бесконечной грустью
(Не о нем — бог весть о ком?)
Приняла она слова сочувствий
И венок случайный за венком...

Этих фраз избитых повторенья,
Никому не нужные слова —
Возвела она в венец творенья,
В тайную улыбку божества...

Словно здесь, где пели и кадили,
Где и грусть не может быть тиха,
Убралась она фатой от пыли
И ждала Иного Жениха...

Друзьям

Молчите, проклятые струны!

А. Майков

Друг другу мы тайно враждебны,
Завистливы, глухи, чужды,
А как бы и жить и работать,
Не зная извечной вражды!

Что делать! Ведь каждый старался
Свой собственный дом отравить,
Все стены пропитаны ядом,
И негде главы приклонить!

Что делать! Изверившись в счастье,
От смеху мы сходим с ума
И, пьяные, с улицы смотрим,
Как рушатся наши дома!

Предатели в жизни и дружбе,
Пустых расточители слов,
Что делать! Мы путь расчищаем
Для наших далеких сынов!

Когда под забором в крапиве
Несчастные кости сгниют,
Какой-нибудь поздний историк
Напишет внушительный труд...

Вот только замучит, проклятый,
Ни в чем не повинных ребят
Годами рожденья и смерти
И ворохом скверных цитат...

Печальная доля — так сложно,
Так трудно и празднично жить,
И стать достойным доцента,
И критиков новых плодить...

Зарыться бы в свежем бурьяне,
Забиться бы сном навсегда!
Молчите, проклятые книги!
Я вас не писал никогда!

1908

Поэты

За городом вырос пустынный квартал
На почве болотной и зыбкой.
Там жили поэты, — и каждый встречал
Другого надменной улыбкой.

Напрасно и день светозарный вставал
Над этим печальным болотом:
Его обитатель свой день посвящал
Вину и усердным работам.

Когда напивались, то в дружбе клялись,
Болтали цинично и пряно.
Под утро их рвало. Потом, запершись,
Работали тупо и рьяно.

Потом вылезали из будок, как псы,
Смотрели, как море горело.
И золотом каждой прохожей косы
Пленялись со знанием дела.

Разнежась, мечтали о веке златом,
Ругали издателей дружно.
И плакали горько над малым цветком,
Над маленькой тучкой жемчужной...

Так жили поэты. Читатель и друг!
Ты думаешь, может быть, — хуже
Твоих ежедневных бессильных потуг,
Твоей обывательской лужи?

Нет, милый читатель, мой критик слепой!
По крайности, есть у поэта
И косы, и тучки, и век золотой,
Тебе ж недоступно всё это!..

Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцой,
А вот у поэта — всемирный запой,
И мало ему конституций!

Пусть я умру под забором, как пес,
Пусть жизнь меня в землю втоптала, —
Я верю: то Бог меня снегом занес,
То вьюга меня целовала!

* * *

Когда замрут отчаянье и злоба,
Нисходит сон. И крепко спим мы оба
На разных полюсах земли.

Ты обо мне, быть может, гредишь в эти
Часы. Идут часы походкою столетий,
И сны встают в земной дали.

И вижу в снах твой образ, твой прекрасный,
Каким он был до ночи злой и страстной,
Каким являлся мне. Смотри:

Всё та же ты, какой цвела когда-то,
Там, над горой туманной и зубчатой,
В лучах немеркнущей зари.

* * *

Ты так светла, как снег невинный.
Ты так бела, как дальний храм.
Не верю этой ночи длинной
И безысходным вечерам.

Своей душе, давно усталой,
Я тоже верить не хочу.
Быть может, путник запоздалый,
В твой тихий терем постучу.

За те погибельные муки
Неверного сама простишь,
Изменнику протянешь руки,
Весной далекой наградишь.

* * *

Всё это было, было, было,
Свершился дней круговорот.
Какая ложь, какая сила
Тебя, прошедшее, вернет?

В час утра, чистый и хрустальный,
У стен Московского Кремля,
Восторг души первоначальный
Вернет ли мне моя земля?

Иль в ночь на Пасху, над Невою,
Под ветром, в стужу, в ледоход —
Старуха нищая клюкою
Мой труп спокойный шевельнет?

Иль на возлюбленной поляне
Под шелест осени седой
Мне тело в дождевом тумане
Расклевывает молодой?

Иль просто в час тоски беззвездной,
В каких-то четырех стенах,
С необходимостью железной
Усну на белых простынях?

И в новой жизни, непохожей,
Забуду прежнюю мечту,
И буду так же помнить дождей,
Как нынче помню Калиту?

Но верю – не пройдет бесследно
Всё, что так страстно я любил,
Весь трепет этой жизни бедной,
Весь этот непонятный пыл!

Сусальный ангел

На разукрашенную елку
И на играющих детей
Сусальный ангел смотрит в щелку
Закрытых наглухо дверей.

А няня топит печку в детской,
Огонь трещит, горит светло...
Но ангел тает. Он – немецкий.
Ему не больно и тепло.

Сначала тают крылья крошки,
Головка падает назад,
Сломались сахарные ножки
И в сладкой лужице лежат...

Потом и лужица засохла.
Хозяйка ищет – нет его...
А няня старая оглохла,
Ворчит, не помнит ничего...

Ломайтесь, тайте и умрите,
Создания хрупкие мечты,

Под ярким пламенем событий,
Под гул житейской суеты!

Так! Погибайте! Что в вас толку?
Пускай лишь раз, бывлым дыша,
О вас поплачет втихомолку
Шалунья девочка – душа...

Сон

Моей матери

Я видел сон: мы в древнем склепе
Схоронены; а жизнь идет
Вверху – всё громче, всё нелепей;
И день последний настаёт.

Чуть брезжит утро Воскресенья.
Труба далекая слышна.
Над нами – красные каменья
И мавзолеей из чугуна.

И он идет из дымной дали;
И ангелы с мечами – с Ним;
Такой, как в книгах мы читали,
Скучая и не веря им.

Под аркою того же свода
Лежит спокойная жена;
Но ей не дорога свобода:
Не хочет воскресать она...

И слышу, мать мне рядом шепчет:
«Мой сын, ты в жизни был силен:
Нажми рукою свод покрепче,
И камень будет отвален». –

«Нет, мать. Я задохнулся в гробе,
И больше нет бывалых сил.

Молитесь и просите обе,
Чтоб ангел камень отвалил».

Комета

Ты нам грозишь последним часом,
Из синей вечности звезда!
Но наши девы — по атласам
Выводят шелком миру: да!
Но будят ночь всё тем же гласом —
Стальным и ровным — поезда!

Всю ночь льют свет в твои селенья
Берлин, и Лондон, и Париж,
И мы не знаем удивленья,
Следя твой путь сквозь стекла крыш,
Бензол приносит исцеленья,
До звезд разносится матчиш!

Наш мир, раскинув хвост павлиний,
Как ты, исполнен буйством грез:
Через Симплон, моря, пустыни,
Сквозь алый вихрь небесных роз,
Сквозь ночь, сквозь мглу — стремят отныне
Полет стада — стальных стрекоз!

Грозись, грозись над головою,
Звезды ужасной красота!
Смолкай сердито за спиною,
Однообразный треск винта!
Но гибель не страшна герою,
Пока безумствует мечта!

1910

* * *

Ты помнишь? В нашей бухте сонной
Спала зеленая вода,
Когда кильватерной колонной
Вошли военные суда.

Четыре — серых. И вопросы
Нас волновали битый час,
И загорелые матросы
Ходили важно мимо нас.

Мир стал заманчивей и шире,
И вдруг — суда уплыли прочь.
Нам было видно: все четыре
Зарылись в океан и в ночь.

И вновь обычным стало море,
Маяк уныло замигал,
Когда на низком семафоре
Последний отдали сигнал...

Как мало в этой жизни надо
Нам, детям, — и тебе и мне.
Ведь сердце радоваться радо
И самой малой новизне.

Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран —
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман!

Aber-Wrath, Finistère. 1911

* * *

Благословляю всё, что было,
Я лучшей доли не искал.

О, сердце, сколько ты любило!
О, разум, сколько ты пылал!

Пускай и счастье и муки
Свой горький положили след,
Но в страстной буре, в долгой скуке —
Я не утратил прежний свет.

И ты, кого терзал я новым,
Прости меня. Нам быть — вдвоем.
Всё то, чего не скажешь словом,
Узнал я в облике твоём.

Глядят внимательные очи,
И сердце бьёт, волнуясь, в грудь,
В холодном мраке снежной ночи
Свой верный продолжая путь.

1912

Послания

Юрию Верховскому

(При получении «Идиллий и Элегий»)

Дождь мелкий, разговор неспешный,
Из-под цилиндра прядь волос,
Смех легкий и немножко грешный —
Ведь так при встречах повелось?

Но вот — какой-то светлый гений
С туманным факелом в руке
Занес ваш дар в мой дом осенний,
Где я — в тревоге и в тоске.

И в шуме осени суровом
Я вспомнил вас, люблю уже
За каждый ваш намек о новом
В старинном, грустном чертеже.

560

Мы посмеялись, пошутили,
И всем придется, может быть,
Сквозь резвость томную идиллий
В ночь скорбную элегий плыть.

1910

Валерию Брюсову

(При получении «Зеркала теней»)

И вновь, и вновь твой дух таинственный
В глухой ночи, в ночи пустой
Велит к твоей мечте единственной
Прильнуть и пить напиток твой.

Вновь причастись души неистовой,
И яд, и боль, и сладость пей,
И тихо книгу перелистывай,
Впиваясь в зеркало теней...

Пусть, несказанной мукой мучая,
Здесь бьется страсть, змеится грусть,
Восторженная буря случая
Сулит конец, убийство — пусть!

Что жизнь пытала, жгла, коверкала,
Здесь стало легкою мечтой,
И поле траурного зеркала
Прозрачной стынет красотой...

А красотой без слов повелено:
«Гори, гори. Живи, живи.
Пускай крыло души прострелено —
Кровь обагрит алтарь любви».

1912

561

Владимиру Бестужеву

(Ответ)

Да, знаю я: пронзили ночь отвеча
Незримые лучи.
Но меры нет страданию человека,
Ослепшего в ночи!

Да, знаю я, что в тайне — мир прекрасен
(Я знал Тебя, Любовь!),
Но этот шар над льдом жесток и красен,
Как гнев, как месть, как кровь!

Ты ведаешь, что некий свет струится,
Объемля всё до дна,
Что ищет нас, что в свисте ветра длится
Иная тишина...

Но страннику, кто снежной ночью полон,
Кто загляделся в тьму,
Приснится, что не в вечный свет вошел он,
А луч сошел к нему.

1912

Вячеславу Иванову

Был скрипок вой в разгаре бала.
Вином и кровию дыша,
В ту ночь нам судьбы диктовала
Восстанья страшная душа.

Из стран чужих, из стран далеких
В наш огонь вступивши снеговой,
В кругу безумных, томнооких
Ты золотою встал главой.

Слегка согбен, не стар, не молод,
Весь — излученье тайных сил,

О, скольких душ пустынный холод
Своим ты холодом пронзил!

Был миг — неведомая сила,
Восторгом разрывая грудь,
Сребристым звоном оглушила,
Секучим снегом ослепила,
Блаженством исказила путь!

И в этот миг, в слепящей вьюге,
Не ведаю, в какой стране,
Не ведаю, в котором круге,
Твой странный лик явился мне...

И я, дичившийся доселе
Очей пронзительных твоих,
Взглянул... И наши души спели
В те дни один и тот же стих.

Но миновалась ныне вьюга.
И горькой складкой те года
Легли на сердце мне. И друга
В тебе не вижу, как тогда.

Как в годы юности, не знаю
Бездонных чар твоей души...
Порой, как прежде, различаю
Песнь соловья в твоей глуши...

И много чар, и много песен,
И древних ликов красоты...
Твой мир, поистине, чудесен!
Да, царь самодержавный — ты.

А я, печальный, нищий, жесткий,
В час утра встретивший зарю,
Теперь на пыльном перекрестке
На царский поезд твой смотрю.

1912

АННЕ АХМАТОВОЙ

«Красота страшна», — Вам скажут, —
Вы накинете лениво
Шаль испанскую на плечи,
Красный розан — в волосах.

«Красота проста», — Вам скажут, —
Пестрой шалью неумело
Вы укроете ребенка,
Красный розан — на полу.

Но, рассеянно внимая
Всем словам, кругом звучащим,
Вы задумаетесь грустно
И твердите про себя:

«Не страшна и не проста я;
Я не так страшна, чтоб просто
Убивать; не так проста я,
Чтоб не знать, как жизнь страшна».

1913

* * *

И вновь — порывы юных лет,
И взрывы сил, и крайность мнений...
Но счастья не было — и нет.
Хоть в этом больше нет сомнений!

Пройди опасные года.
Тебя подстерегают всюду.
Но если выйдешь цел — тогда
Ты, наконец, поверишь чуду,

И, наконец, увидишь ты,
Что счастья и не надо было,

564

Что сей несбыточной мечты
И на полжизни не хватило,

Что через край перелилась
Восторга творческого чаша,
И всё уж не мое, а наше,
И с миром утвердилась связь, —

И только с нежною улыбкой
Порою будешь вспоминать
О детской той мечте, о зыбкой,
Что счастьем привыкли звать!

1912

Художник

В жаркое лето и в зиму метельную,
В дни ваших свадеб, торжеств, похорон,
Жду, чтоб спугнул мою скуку смертельную
Легкий, доселе не слышанный звон.

Вот он — возник. И с холодным вниманием
Жду, чтоб понять, закрепить и убить.
И перед зорким моим ожиданием
Тянет он еле приметную нить.

С моря ли вихрь? Или сирины райские
В листьях поют? Или время стоит?
Или осыпали яблони майские
Снежный свой цвет? Или ангел летит?

Длятся часы, мировое несущие.
Ширятся звуки, движенье и свет.
Прошлого страстно глядится в грядущее.
Нет настоящего. Жалкого — нет.

И, наконец, у предела зачатия
Новой души, неизведанных сил, —

565

Душу сражает, как громом, проклятие:
Творческий разум осилил — убил.

И замыкаю я в клетку холодную
Легкую, добрую птицу свободную,
Птицу, хотевшую смерть унести,
Птицу, летевшую душу спасти.

Вот моя клетка — стальная, тяжелая,
Как золотая, в вечернем огне.
Вот моя птица, когда-то веселая,
Обруч качает, поет на окне.

Крылья подрезаны, песни заучены.
Любите вы под окном постоять?
Песни вам нравятся. Я же, измученный,
Нового жду — и скучаю опять.

1913

* * *

О, нет! не расколдуешь сердца ты
Ни лестию, ни красотой, ни словом.
Я буду для тебя чужим и новым,
Всё призрак, всё мертвец, в лучах мечты.

И ты уйдешь. И некий саван белый
Прижмешь к губам ты, пребывая в снах.
Всё будет сном: что ты хоронишь тело,
Что ты стоишь три ночи в головах.

Упоена *красивыми* мечтами,
Ты укоризны будешь слать судьбе.
Украшишь ты нежнейшими цветами
Могильный холм, приснившийся тебе.

И тень моя пройдет перед тобою
В девятый день, и в день сороковой —

Неузнанной, *красивой*, неживою.
Такой ведь ты искала? — Да, такой.

Когда же грусть твою погасит время,
Захочешь жить, сначала робко, ты
Другими снами, сказками не теми...
И ты *простой* возжаждешь красоты.

И он придет, знакомый, долгожданный,
Тебя будить от *неземного* сна.
И в мир другой, на миг благоуханный,
Тебя умчит последняя весна.

А я умру, забытый и ненужный,
В тот день, когда придет твой новый друг,
В тот самый миг, когда твой смех жемчужный
Ему расскажет, что прошел *недуг*.

Забудешь ты мою могилу, имя...
И вдруг — очнешься: пусто; нет огня;
И в этот час, под ласками чужими,
Припомнишь ты и призовешь — меня!

Как исступленно ты протянешь руки
В глухую ночь, о, бедная моя!
Увы! Не долетают жизни звуки
К утешенным весной небытия.

Ты проклянешь, в мученьях невозможных,
Всю жизнь за то, что некого любить!
Но есть ответ в моих стихах тревожных:
Их тайный жар тебе поможет жить.

1913

Женщина

Памяти Августа Стриндберга

Да, я извела все муки,
Мечтала жадно о конце...
Но нет! Остановились руки,
Живу — с печалью на лице...

Весной по кладбищу бродила
И холмик маленький нашла.
Пусть неизвестная могила
Узнает всё, чем я жила!

Я принесла цветов любимых
К могиле на закате дня...
Но кто-то ходит, ходит мимо
И взглядывает на меня.

И этот взгляд случайно встретя,
Я в нем внимание прочла...
Нет, я одна на целом свете!..
Я отвернулась и прошла.

Или мой вид внушает жалость?
Или понравилась ему
Лица печального усталость?
Иль просто — скучно одному?..

Нет, лучше я глаза закрою:
Он строен, он печален; пусть
Не ляжет между ним и мною
Соединяющая грусть...

Но чувствую: он за плечами
Стоит, он подошел в упор...
Ему я гневными речами
Уже готовлюсь дать отпор, —

И вдруг, с мучительным усилием,
Чуть слышно произносит он:
«О, не пугайтесь. Здесь в могиле
Ребенок мой похоронен».

Я извинилась, выражая
Печаль наклоном головы;
А он, цветы передавая,
Сказал: «Букет забыли вы». —

«Цветы я в память встречи с вами
Ребенку вашему отдам...»
Он, холодно пожав плечами,
Сказал: «Они нужнее вам».

Да, я винюсь в своей ошибке,
Но... не прошу до смерти (нет!)
Той снисходительной улыбки,
С которой он смотрел мне вслед!

Перед судом

Что же ты потупилась в смущеньи?
Погляди, как прежде, на меня.
Вот какой ты стала — в униженьи,
В резком, неподкупном свете дня!

Я и сам ведь не такой — не прежний,
Недоступный, гордый, чистый, злой.
Я смотрю добрей и безнадежней
На простой и скучный путь земной.

Я не только не имею права,
Я тебя не в силах упрекнуть
За мучительный твой, за лукавый,
Многим женщинам суждённый путь...

Но ведь я немного по-другому,
Чем иные, знаю жизнь твою,

Более, чем судьям, мне знакомо,
Как ты очутилась на краю.

Вместе ведь по краю, было время,
Нас водила пагубная страсть,
Мы хотели вместе сбросить бремя
И лететь, чтобы потом упасть.

Ты всегда мечтала, что, сгорая,
Догорим мы вместе — ты и я,
Что дано, в объятьях умирая,
Увидать блаженные края...

Что же делать, если обманула
Та мечта, как всякая мечта,
И что жизнь безжалостно стегнула
Грубою веревкою кнута?

Не до нас ей, жизни торопливой,
И мечта права, что нам лгала. —
Всё-таки когда-нибудь счастливой
Разве ты со мною не была?

Эта прядь — такая золотая
Разве не от старого огня? —
Страстная, безбожная, пустая,
Незабвенная, прости меня!

1915

Антверпен

Пусть это время далеко,
Антверпен! — И за морем крови
Ты памятен мне глубоко...
Речной туман ползет с верховий
Широкой, как Нева, Эско.

570

И над спокойною рекой
В тумане теплом и глубоком,
Как взор фламандки молодой,
Нет счета мачтам, верфям, докам,
И пахнет снастью и смолой.

Тревожа водяную гладь,
В широко стелющемся дыме
Уж якоря готов отдать
Тяжелый двухмачтовый стимер:
Ему на Конго курс держать...

А ты — во мглу веков глядишь
В спокойном городском музее:
Там царствует Квентин Массис;
Там в складки платья Саломеи
Цветы из золота вплелись...

Но всё — притворство, всё — обман:
Взгляни наверх... В клочке лазури,
Мелькающем через туман,
Увидишь ты предвестье бури —
Кружащийся аэроплан.

1914

* * *

Похоронят, зароят глубоко,
Бедный холмик травой порастет,
И услышим: далёко, высоко
На земле где-то дождик идет.

Ни о чем уж мы больше не спросим,
Пробудясь от ленивого сна.
Знаем: если не громко — там осень,
Если бурно — там, значит, весна.

571

Хорошо, что в дремотные звуки
Не вступают восторг и тоска,
Что от муки любви и разлуки
Упасла гробовая доска.

Торопиться не надо, уютно;
Здесь, пожалуй, надумаем мы,
Что под жизнью беспутной и путной
Разумели людские умы.

* * *

На улице — дождик и слякоть,
Не знаешь, о чем горевать.
И скучно, и хочется плакать,
И некуда силы девать.

Глухая тоска без причины
И дум неотвязный угар.
Давай-ка наколем лучины,
Раздуем себе самовар!

Авось, хоть за чайным похмельем
Ворчливые речи мои
Затемят случайным весельем
Сонливые очи твои.

За верность старинному чину!
За то, чтобы жить не спеша!
Авось, и распарит кручину
Хлебнувшая чаю душа!

* * *

Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух,
Да, таким я и буду с тобой:
Не для ласковых слов я выковывал дух,
Не для дружб я боролся с судьбой.

Ты и сам был когда-то мрачней и смелей,
По звездам прочитав ты умел,
Что грядущие ночи — темней и темней,
Что ночам неизвестен предел.

Вот — свершилось. Весь мир одичал, и окрест
Ни один не мерцает маяк.
И тому, кто не понял вещания звезд, —
Нестерпим окружающий мрак.

И у тех, кто не знал, что прошедшее есть,
Что грядущего ночь не пуста, —
Затуманила сердце усталость и месть,
Отвращенье скривило уста...

Было время надежды и веры большой —
Был я прост и доверчив, как ты.
Шел я к людям с открытой и детской душой,
Не пугаясь людской клеветы...

А теперь — тех надежд не отыщешь следа,
Всё к далеким звездам унеслось.
И к кому шел с открытой душойю тогда,
От того отвернуться пришлось.

И сама та душа, что, пылая, ждала,
Треволнениям отдаться спеша, —
И враждой, и любовью она изошла,
И сгорела она, та душа.

И остались — улыбкой сведенная бровь,
Сжатый рот и печальная власть
Бунтовать ненасытную женскую кровь,
Зажигая звериную страсть...

Не стучись же напрасно у плотных дверей,
Тщетным стоном себя не томи:
Ты не встретишь участия у бедных зверей,
Называвшихся прежде людьми.

Ты — железною маской лицо закрывай,
Поклоняясь священным гробам,
Охраняя железом до времени рай,
Недоступный безумным рабам.

1916

АРФЫ И СКРИПКИ
(1908-1916)

* * *

Свирель запела на мосту,
И яблони в цвету.
И ангел поднял в высоту
Звезду зеленую одну,
И стало дивно на мосту
Смотреть в такую глубину,
В такую высоту.

Свирель поет: вошла звезда,
Пастух, гони стада...
И под мостом поет вода:
Смотри, какие быстрины,
Оставь заботы навсегда,
Такой прозрачной глубины
Не видел никогда...
Такой глубокой тишины
Не слышал никогда...

Смотри, какие быстрины,
Когда ты видел эти сны?..

* * *

Душа! Когда устанешь верить?
Весна, весна! Она томна,
Как тайна приоткрытой двери
В кумирню золотого сна...

Едва, подругу покидая,
Ушел я в тишину и тень,
И вот опять — зовет другая,
Другая вызывает день...

Но мглой весеннею повито
Всё, что кипело здесь в груди...
Не пой, не требуй, Маргарита,
В мое ты сердце не гляди...

* * *

И я любил. И я изведал
Безумный хмель любовных мук,
И пораженья, и победы,
И имя: *враг*, и слово: *друг*.

Их было много... Что я знаю?
Вспоминанья, тени сна...
Я только странно повторяю
Их золотые имена.

Их было много. Но одною
Чертой соединил их я,
Одной безумной красотой,
Чье имя: *страсть* и *жизнь* моя.

И страсти таинство свершая,
И поднимаясь над землей,
Я видел, как идет другая
На ложе страсти роковой...

И те же ласки, те же речи,
Постылый трепет жадных уст,
И примелькавшиеся плечи...
Нет! Мир бесстрастен, чист и пуст!

И, наполняя грудь весельем,
С вершины самых снежных скал
Я шлю лавину тем ущельям,
Где я любил и целовал!

* * *

Вл. Пясту

Май жестокий с белыми ночами!
Вечный стук в ворота: выходи!
Голубая дымка за плечами,
Неизвестность, гибель впереди!
Женщины с безумными очами,
С вечно смятой розой на груди! —
Пробудись! Пронзи меня мечами,
От страстей моих освободи!

Хорошо в лугу широким кругом
В хороводе пламенном пройти,
Пить вино, смеяться с милым другом
И венки узорные плести,
Раздарить цветы чужим подругам,
Страстью, грустью, счастьем изойти, —
Но достойней за тяжелым плугом
В свежих росах поутру идти!

Три послания

В.

1

Всё помнит о весле вздыхающем
Мое блаженное плечо...
Под этим взором убегающим
Не мог я вспомнить ни о чем...

Твои движения несмелые,
Неверный поворот руля...
И уходящий в ночи белые
Неверный призрак корабля...

И в ясном море утопающий
Печальный стан рыбацких шхун...
И в золоте восходном тающий
Бесцельный путь, бесцельный выюн...

2

Черный ворон в сумраке снежном,
Черный бархат на смуглых плечах.
Томный голос пением нежным
Мне поет о южных ночах.

В легком сердце — страсть и беспечность,
Словно с моря мне подан знак.
Над бездонным провалом в вечность,
Задыхаясь, летит рысак.

Снежный ветер, твое дыханье,
Опьяненные губы мои...
Валентина, звезда, мечтанье!
Как поют твои соловьи...

Страшный мир! Он для сердца тесен!
В нем — твоих поцелуев бред,

Темный морок цыганских песен,
Торопливый полет комет!

3

Знаю я твое льстивое имя,
Черный бархат и губы в огне,
Но стоит за плечами твоими
Иногда неизвестное мне.

И ложится упорная гневность
У меня меж бровей на челе:
Она жжет меня, черная ревность
По твоей незнакомой земле.

И, готовый на новые муки,
Вспоминаю те вьюги, снега,
Твои дикие слабые руки,
Бормотаний твоих жемчуга.

Встречной

Я только рыцарь и поэт,
Потомок северного скальда.
А муж твой носит томик Уайльда,
Шотландский плэд, цветной жилет...
Твой муж — презрительный эстет.

Не потому ль насмешлив он,
Что подозрителен без меры?
Следит, кому отдашь поклон...
А я... что мне его химеры!
Сегодня я в тебя влюблен!

Ты вероломством, лестью, ложью,
Как ризами, облечена...
Скажи мне, верная жена,
Дрожала ль ты заветной дрожью,
Была ли тайно влюблена?

И неужели этот сонный,
Ревнивый и смешной супруг
Шептал тебе: поедем, друг...
Тебя закутав в плаэд зеленый
От зимних петербургских выюг?

И неужели после бала
Твой не лукавил томный взгляд,
Когда воздушный свой наряд
Ты с плеч покатых опускала,
Изведав танца легкий яд?

Мэри

1

Опять у этой двери
Оставила коня
И пухом светлых прерий
Овеяла меня,
И профиль прежней Мэри
Горит на склоне дня.

Опять затепли свечи,
Укрась мое жильё,
Пусть будут те же речи
Про вольное житье,
Твои высокие плечи,
Безумие мое!

Последней страсти ярость,
В тебе величье есть:
Случающаяся старость
И близкой смерти весть...
О, зрелой страсти ярость,
Тебя не перенести!

2

Жениха к последней двери
Проводив,
О нежданной потере
Погрустив,
Встала Мэри у порога,
Грустно смотрит на дорогу,
Звезды ранние зажглись,
Мэри смотрит ввысь.

Вон о той звезде далекой,
Мэри, спой.
Спой о жизни одиноко прожитой...
Спой о том, что не свершил он,
Для чего от нас спешил он,
В незнакомый, тихий край,
В песнях, Мэри, вспоминай...

Тихо пой у старой двери,
Нежной песне мы поверим,
Погрустим с тобою, Мэри.

3

Косы Мэри распущены,
Руки опущены,
Слезы уронены,
Мечты похоронены.

И рассыпалась грусть
Жемчугами...
Мы о Мэри твердим наизусть
Золотыми стихами...

Мы о Мэри грустим и поем,
А вверху, в водоеме твоём,
Тихий Господи,
И не счесть светлых рос,

Не заплесть желтых кос
Тучки утренней.

* * *

Усните блаженно, заморские гости, усните,
Забудьте, что в клетке, где бьемся, темней и темнее...
Что падают звезды, чертя серебристые нити,
Что пляшут в стакане вина золотистые змеи...

Когда эти нити соткутся в блестящую сетку,
И винные змеи сплетутся в одну бесконечность,
Поднимут, закрутят и бросят ненужную клетку
В бездонную пропасть, в какую-то синюю вечность.

* * *

Я пригвожден к трактирной стойке.
Я пьян давно. Мне всё — равно.
Вон счастье мое — на тройке
В серебристый дым унесено...

Летит на тройке, потонуло
В снегу времен, в дали веков...
И только душу захлестнуло
Сребристой мглой из-под подков...

В глухую темень искры мечет,
От искр всю ночь, всю ночь светло...
Бубенчик под дугой лепечет
О том, что счастье прошло...

И только сбруя золотая
Всю ночь видна... Всю ночь слышна...
А ты, душа... душа глухая...
Пьяным-пьяна... пьяным-пьяна...

* * *

Не затем величал я себя паладином,
Не затем ведь и ты приходила ко мне,
Чтобы только рыдать над потухшим камином,
Чтобы только плясать при умершем огне!

Или счастье вправду неверно и быстро?
Или вправду я слаб уже, болен и стар?
Нет! В золе еще бродят последние искры,
Есть огонь, чтобы вспыхнул пожар!

* * *

Часовая стрелка близится к полночи.
Светлою волною всколыхнулись свечи.
Темною волною всколыхнулись думы.
С Новым годом, сердце! Я люблю вас тайно,
Вечера глухие, улицы немые.
Я люблю вас тайно, темная подруга
Юности порочной, жизни догоревшей.

* * *

Старинные розы
Несу, одиноки,
В снега и в морозы,
И путь мой далек.
И той же тропой,
С мечом на плече,
Идет он за мною
В туманном плаще.
Идет он и знает,
Что снег уже смят,
Что там догорит
Последний закат,
Что нет мне исхода

Всю ночь напролет,
Что больше свобода
За мной не пойдет.
И где, запоздалый,
Сыщу я ночлег?
Лишь розы на талый
Падают снег.
Лишь слезы на алый
Падают снег.
Тоскуя смертельно,
Помочь не могу.
Он розы бесцельно
Затопчет в снегу.

* * *

Уже над морем вечерет,
Уж ты мечтой меня томишь,
И с полуночи ветер веет
Через неласковый камыш.

Огни на мачтах зажигаю,
Уходят в море корабли,
А ты, ночная, ты, земная,
Опять уносишь от земли.

Ты вся пленительна и лжива,
Вся — в отступающих огнях,
Во мгле вечернего залива,
В легко-туманных пеленах.

Позволь и мне огонь прибрежный
Тебе навстречу развести,
В венок страстной и неизбежный —
Цветок влюбленности влести...

Обетование неложно:
Передо мною — ты опять.

Душе влюбленной невозможно
О сладкой смерти не мечтать.

* * *

Всё б тебе желать веселья,
Сердце, золото мое!
От похмелья до похмелья,
От приволья вновь к приволью —
Беспечальное житье!

Но низка земная келья,
Бледно золото твое!
В час разгульного веселья
Вдруг намашет страстной болью,
Черным крыльем воронье!

Всё размучен я тобою,
Подколотная змея!
Сине-черною косою
Мила друга оплетая,
Ты моя и не моя!

Ты со мной и не со мною —
Рвешься в дальние края!
Оплетешь меня косою
И услышишь, замирая,
Мертвый окрик воронья!

* * *

Я не звал тебя — сама ты
Подошла.
Каждый вечер — запах мяты,
Месяц узкий и шербагий,
Тишь и мгла.

Словно месяц встал из далей,
Ты пришла
В ткани легкой, без сандалий,
За плечами трепетали
Два крыла.

На траве, едва примятой,
Легкий след.
Свежий запах дикой мяты,
Неживой, голубоватый
Ночи свет.

И живу с тобою рядом,
Как во сне.
И живу под бледным взглядом
Долгой ночи,
Словно месяц там, над садом,
Смотрит в очи
Тишине.

* * *

Грустя и плача и смеясь,
Звенят ручки моих стихов
У ног твоих,
И каждый стих
Бежит, плетет живую вязь,
Своих не зная берегов.

Но сквозь хрустальные струи
Ты далека мне, как была...
Поют и плачут хрустали...
Как мне создать черты твои,
Чтоб ты прийти ко мне могла
Из очарованной дали?

* * *

Опустись, занавеска линиялая,
На больные герани мои.
Сгинь, цыганская жизнь небывалая,
Погаси, сомкни очи твои!

Ты ли, жизнь, мою горницу скудную
Убирала степным ковылем!
Ты ли, жизнь, мою сонь непробудную
Зеленым отравляла вином!

Как цыганка, платками узорными
Расстилалась ты предо мной,
Ой ли косами иссиня-черными,
Ой ли бурей страстей огневой!

Что рыдалось мне в шепоте, в забытии,
Неземные ль какие слова?
Сам не свой только был я, без памяти,
И ходила кругом голова...

Спалена моя степь, трава свалена,
Ни огня, ни звезды, ни пути...
И кого целовал — не моя вина,
Ты, кому обещался, — прости...

* * *

Мой милый, будь смелым
И будьешь со мной.

Я вишеньем белым
Качнусь над тобой.

Зеленой звездою
С востока блесну,

Студеной волною
На панцирь плесну,

Русалкою вольной
Явлюсь над ручьем,

Нам вольно, нам больно,
Нам сладко вдвоем.

Нам в темные ночи
Легко умереть

И в мертвые очи
Друг другу глядеть.

* * *

Не венчал мою голову траурный лавр
В эти годы пиров и скорбей.
Праздний слух был исполнен громами литавр,
Сердце — музыкой буйных страстей.

Светлой ангельской лжи не знавал я отрав,
Не бродил средь божественных чащ.
Сон мой длился века, все виденья собрав
В свой широкий, полунощный плащ.

И когда вам мерцает обманчивый свет,
Найдите — вновь он совется во тьму.
Беззакатного дня, легковверные, нет.
Я ночного плаща не снимаю.

* * *

Покойник спать ложится
На белую постель.
В окне легко кружится

Спокойная метель.
Пуховым ветром мчится
На снежную постель.

Снежинок легкий пух
Куда летит, куда?
Прошли, прошли года,
Прости, бессмертный дух,
Мятежный взор и слух!
Настало *никогда...*

И отдых, милый отдых
Легко прильнул ко мне.
И воздух, вольный воздух
Вздыхнул на простыне.
Прости, крылатый дух!
Лети, бессмертный пух!

* * *

Уж вечер светлой полосой
На хладных рельсах догорал.
Ты, стройная, с тугой косою
Прошла по черным пятнам шпал.
Твой быстрый взор огнем докучным
Меня обжег и ослепил.
Мгновенье... громом однозвучным
Нас черный поезд разделил...
Когда же чуть дрожащим звоном
Пропели рельсы: не забудь,
И семафор огнем зеленым
Мне указал свободный путь, —
Уж ты далёко уходила,
Уже теряла цвет трава...
Там пыль взвилась, там ночь вступила
В свои туманные права...
Тревожный свист и клубы дыма
За поворотом на горе...

Напрасный миг, проплывший мимо...
Огонь зеленый на заре.

* * *

Здесь в сумерки в конце зимы
Она да я — лишь две души.
«Останься, дай посмотрим мы,
Как месяц канет в камыши».
Но в легком свисте камыша,
Под налетевшим ветерком,
Прозрачным синеньким ледком
Подернулась ее душа...
Ушла — и нет другой души,
Иду, мурлычу: тра-ля-ля...
Остались: месяц, камыши,
Да горький запах миндаля.

Через двенадцать лет

К.М.С.

1

Всё та же озерная гладь,
Всё так же каплет соль с градирен.
Теперь, когда ты стар и мирен,
О чем волнуешься опять?

Иль первой страсти юный гений
Еще с душой не разлучен,
И ты навеки обручен
Той давней, незабвенной тени?

Ты позови — она придет:
Мелькнет, как прежде, профиль важный,
И голос, вкрадчиво-протяжный,
Слова бывалые шепнет.

2

В темном парке под ольхой
В час полуночи глухой

Белый лебедь от весла
Спрятал голову в крыла.

Весь я — память, весь я — слух,
Ты со мной, печальный дух,

Знаю, вижу — вот твой след,
Смытый бурей стольких лет.

В тенях траурной ольхи
Сладко дышат мне духи,

В листьях матовых шурша,
Шелестит еще душа,

Но за бурей страстных лет
Всё — как призрак, всё — как бред,

Всё, что было, всё прошло,
В прудовой туман ушло.

3

Когда мучительно восстали
Передо мной дела и дни,
И сном глубоким от печали
Забылся я в лесной тени, —

Не знал я, что в лесу девичьем
Проходит память прежних дней,
И, пробудясь в игре теней,
Услышал ясно в пеньи птичьим:

«Внимай страстям, и верь, и верь,
Зови их всеми голосами,

Стучись полночными часами
В блаженства замкнутую дверь!»

4

Синеокая, Бог тебя создал такой.
Гений первой любви надо мной,

Встал он тихий, дождями омытый,
Запевает осой ядовитой,

Разметает он прошлого след,
Ему легкого имени нет,

Вижу снова я тонкие руки,
Снова слышу гортанные звуки,

И в глубокую глаз синеву
Погружаюсь опять наяву.

Bad Nauheim. 1897-1909

5

Бывают тихие минуты:
Узор морозный на стекле;
Мечта невольно льнет к чему-то,
Скучая в комнатном тепле...

И вдруг – туман сырого сада,
Железный мост через ручей,
Вся в розах серая ограда,
И синий, синий плен очей...

О чем-то шепчущие струи,
Кружащаяся голова...
Твои, хохлушка, поцелуи,
Твои гортанные слова...

594

6

В тихий вечер мы встречались
(Сердце помнит эти сны).
Дерева едва венчались
Первой зеленью весны.

Ясным заревом алея,
Уводила вдоль пруда
Эта узкая аллея
В сны и тени навсегда.

Эта юность, эта нежность –
Что для нас она была?
Всех стихов моих мятежность
Не она ли создала?

Сердце занято мечтами,
Сердце помнит долгий срок,
Поздний вечер над прудами,
Раздушенный ваш платок.

Елагин остров

7

Уже померкла ясность взора,
И скрипка под смычок легла,
И злая воля дирижера
По арфам ветер пронесла...

Твой очерк страстный, очерк дымный
Сквозь сумрак ложи плыл ко мне.
И тенор пел на сцене гимны
Безумным скрипкам и весне...

Когда внезапно вздох недальний,
Домчавшись, кровь оледенил,
И кто-то бедный и печальный
Мне к сердцу руку прислонил...

595

Когда в гаданьи, еле зримый,
Встал предо мной, как редкий дым,
Тот призрак, тот непобедимый...
И арфы спели: *улетим.*

8

Всё, что память сберечь мне старается,
Пропадает в безумных годах,
Но горящим зигзагом взвивается
Эта повесть в ночных небесах.

Жизнь давно сожжена и рассказана,
Только первая снится любовь,
Как бесценный ларец перевязана
Накрест лентою алой, как кровь.

И когда в тишине моей горницы
Под лампадой томлюсь от обид,
Синий призрак умершей любовницы
Над кадилом мечтаний сквозит.

Утро в Москве

Упоительно встать в ранний час,
Легкий след на песке увидеть.
Упоительно вспомнить тебя,
Что со мною ты, прелесть моя.

Я люблю тебя, панна моя,
Беззаботная юность моя,
И прозрачная нежность Кремля
В это утро — как прелесть твоя.

* * *

Как прощались, страстно клялись
В верности любви...

Вместе Таин приобщались,
Пели соловьи...

Взял гитару на прощанье
И у струн исторг
Все признанья, обещанья,
Всей души восторг...

Да тоска заполонила,
Порвалась струна...
Не звала б да не манила
Дальняя сторона!

Вспоминай же, ради Бога,
Вспоминай меня,
Как седой туман из лога
Встанет до плетня...

* * *

Всё на земле умрет — и мать, и младость,
Жена изменит, и покинет друг.
Но ты учись вкушать иную сладость,
Глядясь в холодный и полярный круг.

Бери свой челн, плыви на дальний полюс
В стенах из льда — и тихо забывай,
Как там любили, гибли и боролись...
И забывай страстей бывалый край.

И к вздрагиваньям медленного хлада
Усталую ты душу приучи,
Чтоб было *здесь* ей ничего не надо,
Когда *оттуда* ринутся лучи.

На смерть Коммиссаржевской

Пришла порою полуночной
На крайний полюс, в мертвый край.
Не верили. Не ждали. Точно
Не таял снег, не веял май.

Не верили. А голос юный
Нам пел и плакал о весне,
Как будто ветер тронул струны
Там, в незнакомой вышине,

Как будто отступили зимы,
И буря твердь разорвала,
И струнно плачут серафимы,
Над миром расплескав крыла...

Но было тихо в нашем склепе,
И полюс — в хладном серебре.
Ушла. От всех великолепий —
Вот только: крылья на заре.

Что в ней рыдало? Что боролось?
Чего она ждала от нас?
Не знаем. Умер вешний голос,
Погасли звезды синих глаз.

Да, слепы люди, низки тучи...
И где нам ведать торжества?
Залег здесь камень бел-горючий,
Растет у ног плакун-трава...

Так спи, измученная славой,
Любовью, жизнью, клеветой...
Теперь ты с нею — с величавой,
С несбыточной твоей мечтой.

А мы — что мы на этой тризне?
Что можем знать, чему помочь?

Пускай хоть смерть понятней жизни,
Хоть погребальный факел — в ночь...

Пускай хоть в небе — Вера с нами
Смотри сквозь тучи: там она —
Развернутое ветром знамя,
Обетованная весна.

Февраль 1910

Голоса скрипок

Евг. Иванову

Из длинных трав встает луна
Щитом краснеющим героя,
И буйной музыки волна
Плеснула в море зарево.

Зачем же в ясный час торжеств
Ты злишься, мой смычок визгливый,
Врываясь в мировой оркестр
Отдельной песней торопливой?

Учись вниманью длинных трав,
Разлейся в море зорь бесцельных,
Протяжный голос свой послав
В отчизну скрипок запредельных.

На Пасхе

В сапогах бутылками,
Квасом припомажен,
С новой гармоникой
Стоит под крыльцом.

На крыльце вертявая,
Фартучек с кружевцом,

Каблучки постукивают,
Румяная лицом.

Ангел мой, барышня,
Что же ты смеешься,
Ангел мой, барышня,
Дай поцеловать!

Вот еще, стану я,
Мужик неумытый,
Стану я, беленькая,
Тебя целовать!

* * *

Когда-то гордый и надменный,
Теперь с цыганкой я в раю,
И вот — прошу ее смиренно:
«Спляши, цыганка, жизнь мою».

И долго длится пляс ужасный,
И жизнь проходит предо мной
Безумной, сонной и прекрасной
И отвратительной мечтой...

То кружится, закинув руки,
То поползет змеей, — и вдруг
Вся замерла в истоме скуки,
И бубен падает из рук...

О, как я был богат когда-то,
Да всё — не стоит пятака:
Вражда, любовь, молва и золото,
А пуще — смертная тоска.

* * *

Где отдается в длинных залах
Безумных троек тихий лёт,
Где вина теплится в бокалах, —
Там возникает хоровод.

Шурша, звеня, вийась, белея,
Идут по медленным кругам;
И скрипки, тая и слабея,
Сдаются бешеным смычкам.

Одна выходит прочь из круга,
Простерши руку в полумглу;
Избрав назначенного друга,
Цветок роняет на полу.

Не поднимай цветка: в нем сладость
Забвенья всех прошедших дней,
И вся неистовая радость
Грядущей гибели твоей!..

Там всё — игра огня и рока,
И только в горький час обид
Из невозвратного далёка
Печальный ангел просквозит...

* * *

Сегодня ты на тройке звонкой
Летишь, богач, гусар, поэт,
И каждый, проходя сторонкой,
Завистливо посмотрит вслед...

Но жизнь — проезжая дорога,
Неладно, жутко на душе:
Здесь всякой праздной голи много
Остаться хочет в барыше...

Ямщик — будь он в поддевке темной
С пером павлиньим напоказ,
Будь он мечтой поэта скромной, —
Не упускай его из глаз...

Задремлешь — и тебя в дремоте
Он острым полоснет клинком,
Иль на безлюдном повороте
К версте прикрутит кушаком,

И в час, когда изменит воля,
Тебе мигнет издалека
В кусте темнеющего поля
Лишь бедный светик светляка...

* * *

В неуверенном, зыбком полете
Ты над бездной взвился и повис.
Что-то древнее есть в повороте
Мертвых крыльев, подогнутых вниз.

Как ты можешь летать и кружиться
Без любви, без души, без лица?
О, стальная, бесстрастная птица,
Чем ты можешь прославить творца?

В серых сферах летай и скитайся,
Пусть оркестр на трибуне гремит,
Но под легкую музыку вальса
Остановится сердце — и винт.

* * *

Без слова мысль, волненье без названья,
Какой ты плешь мне знак,
Вдруг взбороздив мгновенной молнией знания
Глухой декабрьский мрак?

602

Всё призрак здесь — и праздность, и забота,
И горькие года...
Что б ни было, — ты помни, вспомни что-то,
Душа... (когда? когда?)

Что б ни было, всю ложь, всю мудрость века,
Душа, забудь, оставь...
Снам бытия ты предпочла отвеса
Несбыточную явь...

Чтобы сквозь сны бытийственных метаний,
Сбивающих с пути,
Со знаньем несказанных очертаний,
Как с факелом, пройти.

* * *

Ветр налетит, завоюет снег,
И в памяти на миг возникнет
Тот край, тот отдаленный берег...
Но цвет увял, под снегом никнет...

И шелестят травой сухой
Мои старинные болезни...
И ночь. И в ночь — тропой глухой
Иду к прикрытой снегом бездне...

Ночь, лес и снег. И я несу
Постылый груз воспоминаний...
Вдруг — малый домик на поляне,
И девочка поет в лесу.

* * *

Борису Садовскому

Шар раскаленный, золотой
Пошлет в пространство луч огромный,

603

И длинный конус тени темной
В пространство бросит шар другой.

Таков наш безначальный мир.
Сей конус — наша ночь земная.
За ней — опять, опять эфир
Планета плавит золотая...

И мне страшны, любовь моя,
Твои сияющие очи:
Ужасней дня, страшнее ночи
Сияние небытия.

* * *

Сквозь серый дым от краю и до краю
Багряный свет
Зовет, зовет к неслыханному раю,
Но рая — нет.

О чем в сей мгле безумной, красно-серой,
Колокола —
О чем гласят с несбыточной верой?
Ведь мгла — всё мгла.

И чем он громче спорит с мглою будней,
Сей праздный звон,
Тем кажется железней, непробудней
Мой мертвый сон.

* * *

Есть минуты, когда не тревожит
Роковая нас жизни гроза.
Кто-то на плечи руки положит,
Кто-то ясно заглянет в глаза...

И мгновенно житейское канет,
Словно в темную пропасть без дна...
И над пропастью медленно встанет
Семицветной дугой тишина...

И напев заглушенный и юный
В затаенной затронет тиши
Усыпленные жизнью струны
Напряженной, как арфа, души.

* * *

Болотистым пустынным лугом
Летим. Одни.
Вон, точно карты, полукругом
Расходятся огни.

Гадай, дитя, по картам ночи,
Где твой маяк...
Еще смелей нам хлынет в очи
Неотвратимый мрак.

Он морем ночи замкнут — дальный
Простор лугов!
И запах горький и печальный
Туманов и духов,

И кольца сквозь перчатки тонкой,
И строгий вид,
И эхо над пустыней звонкой
От цоканья копыт —

Всё говорит о беспредельном,
Всё хочет нам помочь,
Как этот мир, лететь беспечно
В сияющую ночь!

Испанке

Не лукавь же, себе признаваясь,
Что на миг ты был полон одной,
Той, что встала тогда, задыхаясь,
Перед редкой и сытой толпой...

Что была, как печаль, величава
И безумна, как только печаль...
Заревая господняя слава
Исполняла священную шаль...

И в бедро уперлася рукою,
И каблук застучал по мосткам,
Разноцветные ленты рекою
Буйно хлынули к белым чулкам...

Но, средь танца волшебств и наитий,
Высоко занесенной рукой
Разрывала незримые нити
Между редкой толпой и собой,

Чтоб неведомый северу танец,
Крик *Handa* и язык кастаньет
Понял только влюбленный испанец
Или видевший Бога поэт.

* * *

В небе — день, всех ночей суеверней,
Сам не знает, он — ночь или день.
На лице у подруги вечерней
Золотится неясная тень.

Но рыбак эти сонные струи
Не будил еще взмахом весла...
Огневые ее поцелуи
Говорят мне, что ночь — не прошла...

Легкий ветер повеял нам в очи...
Если можешь, костер потуши!
Потуши в сумасшедшие ночи
Распылавшийся уголь души!

* * *

В сыром ночном тумане
Всё лес, да лес, да лес...
В глухом сыром бурьяне
Огонь блеснул — исчез...
Опять блеснул в тумане,
И показалось мне:
Изба, окно, герани
Алеют на окне...
В сыром ночном тумане
На красный блеск огня,
На алые герани
Направил я коня...
И вижу: в свете красном
Изба в бурьян вросла,
Неведомо несчастным
Быльем поросла...
И сладко в очи глянул
Неведомый огонь,
И над бурьяном прынул
Испуганный мой конь...
«О, друг, здесь цел не будешь,
Скорей отсюда прочь!
Доедешь — всё забудешь,
Забудешь — канешь в ночь!
В тумане да в бурьяне,
Гляди, — продашь Христа
За жадные герани,
За алые уста!»

Седое утро

Утро туманное, утро седое...

Тургенев

Утреет. С Богом! По домам!
Позвякивают колокольцы.
Ты хладно жмешь к моим губам
Свои серебряные кольца,
И я — который раз подряд —
Целую кольца, а не руки...
В плече, откинутаго назад, —
Задор свободы и разлуки,
Но еле видная за мглой,
За дождевою, за докучной...
И взгляд — как уголь под золой,
И голос утренний и скучный...
Нет, жизнь и счастье до утра
Я находил не в этом взгляде!
Не этот голос пел вчера
С гитарой вместе на эстраде!..
Как мальчик, шаркнула; поклон
Отвешивает... «До свиданья...»
И звякнул о браслет жетон
(Какое-то воспоминанье)...
Я молча на нее гляжу,
Сжимаю пальцы ей до боли...
Ведь нам уж не встречаться боле...
Что ж на прощанье ей скажу?..
«Прощай, возьми еще колечко.
Оденешь рученьку свою
И смуглое свое сердечко
В серебряную чешую...
Лети, как пролетала, тая,
Ночь огневая, ночь былая...
Ты, время, память притуши,
А путь снежком запороши».

* * *

Есть времена, есть дни, когда
Ворвется в сердце ветер снежный,
И не спасет ни голос нежный,
Ни безмятежный час труда...

Испуганной и дикой птицей
Летишь ты, но заря — в крови...
Тоскою, страстью, огневицей
Идет безумие любви...

Полсердца — туча грозовая,
Под ней — всё глушь, всё немота,
И эта — прежняя, простая —
Уже другая, уж не та...

Темно, и весело, и душно,
И, задыхаясь, не дыша,
Уже во всем другой послушна
Доселе гордая душа!

* * *

Я вижу блеск, забытый мной,
Я различаю на мгновенье
За скрипками — иное пенье,
Тот голос низкий и грудной,

Каким ответила подруга
На первую любовь мою.
Его доньше узнаю
В те дни, когда бушует выюга,

Когда бывшее без следа
Прошло, и лишь чужие страсти
Напоминают иногда,
Напоминают мне — о счастье.

* * *

Ты говоришь, что я дремлю,
Ты унизительно хохочешь.
И ты меня заставить хочешь
Сто раз произнести: *люблю*.

Твой южный голос томен. Стан
Напоминает стан газели,
А я пришел к тебе из стран,
Где вечный снег и вой метели.

Мне странен вальса легкий звон
И душный облак над тобою.
Ты для меня — прекрасный сон,
Сквозящий пылью снеговой...

И я боюсь тебя назвать
По имени. Зачем мне имя?
Дай мне тревожно созерцать
Очами жадными моими

Твой южный блеск, забытый мной,
Напоминающий напрасно
День улетевший, день прекрасный,
Убитый ночью снеговой.

* * *

Ваш взгляд — его мне подстеречь...
Но уклоняете вы взгляды...
Да! Взглядом — вы боитесь сжечь
Меж нами вставшие преграды!

Когда же отойду под сень
Колонны мраморной угрюмо
И пожирающая дума
Мне на лицо нагонит тень,

Тогда — угрюмому скитальцу
Вослед скользнет ваш беглый взгляд,
Тревожно шелк зашевелят
Трепещущие ваши пальцы,

К ланитам хлынувшую кровь
Не скроет море кружев душных,
И я прочту в очах послушных
Уже ненужную любовь.

* * *

Натянулись гитарные струны,
Сердце ждет.
Только тронь его голосом юным —
Запоет!

И старик перед хором
Уже топнул ногой.
Обожги меня голосом, взором,
Ксюша, пой!

И гортанные звуки
Понеслись,
Словно в серебре смуглые руки
Обвились...

Бред безумья и страсти,
Бред любви...
Невозможное счастье!
На! Лови!

* * *

Ты — буйный зов рогов призывных,
Влекущий на неверный след,

Ты — серый ветер рек разливных,
Обманчивый болотный свет.

Люблю тебя, как посох — странник,
Как воин — милую в бою,
Тебя провижу, как изгнанник
Провидит родину свою.

Но лик твой мне незрим, неведом,
Твоя непостижима власть:
Ведя меня, как вождь, к победам,
Испепеляешь ты, как страсть.

* * *

Как день, светла, но непонятна,
Вся — явь, но — как обрывок сна,
Она приходит с речью внятной,
И вслед за ней — всегда весна.

Вот здесь садится и болтает.
Ей нравится дразнить меня
И намекать, что всякий знает
Про тайный вихрь ее огня.

Но я, не вслушиваясь строго
В ее порывистую речь,
Слежу, как ширится тревога
В сияньи глаз и в дрожи плеч.

Когда ж дойдут до сердца речи,
И опьянят ее духи,
И я влюблюсь в глаза и в плечи,
Как в вешний ветер, как в стихи, —

Сверкнет холодное запястье,
И, речь прервав, она сама
Уже твердит, что сила страсти —
Ничто пред холодом ума!..

* * *

Петербургские сумерки снежные.
Взгляд на улице, розы в дому..
Мысли — точно у девушки нежные,
А о чем — и сама не пойму.

Всё гляжусь в мое зеркало сонное...
(Он, должно быть, глядится в окно...)
Вон лицо мое — злое, влюбленное!
Ах, как мне надоело оно!

Запевания низкого голоса,
Снежно-белые руки мои,
Мои тонкие рыжие волосы, —
Как давно они стали ничьи!

Муж ушел. Свет такой безобразный...
Всё же кровь розовеет... на свет...
Посмотрю-ка, он там или нет?
Так и есть... ах, какой неотвязный!

* * *

Смычок запел. И облак душный
Над нами встал. И соловьи
Приснились нам. И стан послушный
Скользнул в объятия мои...
Не соловей — то скрипка пела,
Когда ж оборвалась струна,
Кругом рыдала и звенела,
Как в вешней роще, тишина...
Как там, в рыдающие звуки
Вступала майская гроза...
Пугливые сближались руки,
И жгли смеженные глаза...

* * *

Ты жил один! Друзей ты не искал
И не искал единоверцев.
Ты острый нож безжалостно вонзал
В открытое для счастья сердце.

«Безумный друг! Ты мог бы счастлив быть!..» —
«Зачем? Среди бурного ненастья
Мы, всё равно, не можем сохранить
Неумиряющего счастья!»

* * *

Превратила всё в шутку сначала,
Поняла — принялась укорять,
Головою красивой качала,
Стала слезы платком вытирать.

И, зубами дразня, хохотала,
Неожиданно всё позабыв.
Вдруг припомнила всё — зарыдала,
Десять шпилек на стол уронив.

Подурнела, пошла, обернулась,
Воротилась, чего-то ждала,
Проклинала, спиной повернулась
И, должно быть, навеки ушла...

Что ж, пора приниматься за дело,
За старинное дело свое, —
Неужели и жизнь отшумела,
Отшумела, как платье твое?

* * *

Та жизнь прошла,
И сердце спит,

Утомлено.
И ночь опять пришла,
Бесстрашная — глядит
В мое окно.

И выпал снег,
И не прогнать
Мне зимних чар...
И не вернуть тех нег,
И странно вспоминать,
Что был пожар.

* * *

Была ты всех ярче, верней и прелестней,
Не кляни же меня, не кляни!
Мой поезд летит, как цыганская песня,
Как те невозвратные дни...

Что было любимо — всё мимо, мимо,
Впереди — неизвестность пути...
Благословенно, неизгладимо,
Невозвратно... прости!

* * *

Разлетаясь по всему небосклону,
Огнекрасная туча идет.
Я пишу в моей келье мадонну,
Я пишу — моя дума растет.

Вот я вычертил лик ее нежный,
Вот под кистью рука расцвела,
Вот сияют красой белоснежной
Два небесных, два легких крыла...

Огнекрасные отсветы ярче
На суровом моем полотне...

Неотступная дума всё жарче
Обнимает, прильнула ко мне...

* * *

Он занесен — сей жезл железный —
Над нашей головой. И мы
Летим, летим над грозной бездной
Среди сгущающейся тьмы.

Но чем полет неукротимей,
Чем ближе веянье конца,
Тем лучезарнее, тем зримей
Сияние Ее лица.

И сквозь кружение вихревое,
Сынам отчаянья сквозя,
Ведет, уводит в голубое
Едва приметная стезя.

* * *

Пусть я и жил, не любя,
Пусть я и клятвы нарушу, —
Всё ты волнуешь мне душу,
Где бы ни встретил тебя!

О, эти дальние руки!
В тусклое это житье
Очарованье свое
Вносишь ты, даже в разлуке!

И в одиноком моем
Доме, пустом и холодном,
В сне, никогда не свободном,
Снится мне брошенный дом.

Старые снятся минуты,
Старые снятся года...
Видно, уж так навсегда
Думы тобою замкнуты!

Кто бы ни звал — не хочу
На суетливую нежность
Я променять безнадежность —
И, замыкаясь, молчу.

* * *

Протекли за годами года,
И слепому и глупому мне
Лишь сегодня приснилось во сне,
Что она не любила меня никогда...

Только встречным случайным я был,
Только встречным я был на пути,
Но остыл тот младенческий пыл,
И она мне сказала: прости.

А душа моя — той же любовью полна,
И минуты с другими отравлены мне,
Та же дума — и песня одна
Мне звучала сегодня во сне...

* * *

За горами, за лесами,
За дорогами пыльными,
За холмами могильными —
Под другими цветешь небесами...

И когда забелеет гора,
Дол оденется зеленью вешнюю,

Вспоминаю с печалью нездешнюю
Всё бывшее мое, как вчера...

В снах печальных тебя узнаю
И сжимаю руками моими
Чародейную руку твою,
Повторяя далекое имя.

КАРМЕН

(1914)

Л.А.Д.

* * *

*Как океан меняет цвет,
Когда в нагроможденной туче
Вдруг полыхнет мигнувший свет, —
Так сердце под грозой певучей
Меняет строй, боясь вздохнуть,
И кровь бросается в ланиты,
И слезы счастья душат грудь
Перед явленьем Карменситы.*

* * *

На небе — празелень, и месяца осколок
Омыт, в лазури спит, и ветер, чуть дыша,
Проходит, и весна, и лед последний колок,
И в сонный входит вихрь смятенная душа...

Что месяца нежней, что зорь закатных выше?
Знай про себя, молчи, друзьям не говори:
В последнем этаже, там, под высокой крышей,
Окно, горящее не от одной зари...

* * *

Есть демон утра. Дымно-светел он,
Золотокудрый и счастливый.
Как небо, синь струящийся хитон,
Весь — перламутра переливы.

Но как ночью тьмой сквозит лазурь,
Так этот лик сквозит порой ужасным,
И золото кудрей — червонно-красным,
И голос — рокотом забытых бурь.

* * *

Бушует снежная весна.
Я отвожу глаза от книги...
О, страшный час, когда она,
Читая по руке Цуниги,
В глаза Хозе метнула взгляд!
Насмешкой засветились очи,
Блеснул зубов жемчужный ряд,
И я забыл все дни, все ночи,
И сердце захлестнула кровь,
Смывая память об отчизне...
А голос пел: *Ценою жизни*
Ты мне заплатишь за любовь!

* * *

Среди поклонников Кармен,
Спешащих пестрою толпою,
Ее зовущих за собою,
Один, как тень у серых стен
Ночной таверны Лиллас-Пастья,
Молчит и сумрачно глядит,
Не ждет, не требует участия,
Когда же бубен зазвучит
И глухо зазвенят запястья, —
Он вспоминает дни весны,
Он среди бушующих созвучий
Глядит на стан ее певучий
И видит творческие сны.

* * *

Сердитый взор бесцветных глаз.
Их гордый вызов, их презренье.
Всех линий — таянье и пенье.
Так я Вас встретил в первый раз.

В партере — ночь. Нельзя дышать.
Нагрудник черный близко, близко...
И бледное лицо... и прядь
Волос, спадающая низко...
О, не впервые странных встреч
Я испытал немую жуткость!
Но этих нервных рук и плеч
Почти пугающая чуткость...
В движеньях гордой головы
Прямые признаки досады...
(Так на людей из-за ограды
Угрюмо взглядывают львы).
А там, под круглой лампой, там
Уже замолкла сегидилья,
И злость, и ревность, что не к Вам
Идет влюбленный Эскамильо,
Не Вы возьметесь за тесьму,
Чтобы убавить свет ненужный,
И не блеснет уж ряд жемчужный
Зубов — несчастному тому...
О, не глядеть, молчать — нет мочи,
Сказать — не надо и нельзя...
И вы уже (звездой средь ночи),
Скользящей поступью скользя,
Идете — в поступи истома,
И песня Ваших нежных плеч
Уже до ужаса знакома,
И сердцу суждено беречь,
Как память об иной отчизне, —
Ваш образ, дорогой навек...

А там: *Уйдем, уйдем от жизни,
Уйдем от этой грустной жизни!*
Кричит погибший человек...

И март наносит мокрый снег.

* * *

Вербы — это весенняя таль,
И чего-то нам светлого жаль,
Значит — теплится где-то свеча,
И молитва моя горяча,
И целую тебя я в плеча.

Этот колос ячменный — поля,
И залиvistый крик журавля,
Это значит — мне ждать у плетня
До заката горячего дня.
Значит — ты вспоминаешь меня.

Розы — страшен мне цвет этих роз,
Это — рыжая ночь твоих кос?
Это — музыка тайных измен?
Это — сердце в плену у Кармен?

* * *

Ты — как отзвук забытого гимна
В моей черной и дикой судьбе.
О, Кармен, мне печально и дивно,
Что приснился мне сон о тебе.

Вешний трепет, и лепет, и шелест,
Непробудные, дикие сны,
И твоя одичалая прелесть —
Как гитара, как бубен весны!

И проходишь ты в думах и грезах,
Как царица блаженных времен,
С головой, утопающей в розах,
Погруженная в сказочный сон.

Спишь, змеею склбываясь прихотливой,
Спишь в дурмане и видишь во сне

Даль морскую и берег счастливый,
И мечту, недоступную мне.

Видишь день беззакатный и жгучий
И любимый, родимый свой край,
Синий, синий, певучий, певучий,
Неподвижно-блаженный, как рай.

В том раю тишина бездыханна,
Только в куще сплетенных ветвей
Дивный голос твой, низкий и странный,
Славит бурю цыганских страстей.

* * *

О да, любовь вольна, как птица,
Да, всё равно — я твой!
Да, всё равно мне будет сниться
Твой стан, твой огневой!

Да, в хищной силе рук прекрасных,
В очах, где грусть измен,
Весь бред моих страстей напрасных,
Моих ночей, Кармен!

Я буду петь тебя, я небу
Твой голос передам!
Как иерей свершу я требу
За твой огонь — звездам!

Ты встанешь бурною волною
В реке моих стихов,
И я с руки моей не смою,
Кармен, твоих духов...

И в тихий час ночной, как пламя,
Сверкнувшее на миг,

Блеснет мне белыми зубами
Твой неотступный лик.

Да, я томлюсь надеждой сладкой,
Что ты, в чужой стране,
Что ты, когда-нибудь, украдкой
Помыслишь обо мне...

За бурей жизни, за тревогой,
За грустью всех измен, —
Пусть эта мысль предстанет строгой,
Простой и белой, как дорога,
Как дальний путь, Кармен!

* * *

Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь.
Так вот что так влекло сквозь бездну грустных лет,
Сквозь бездну дней пустых, чье бремя не избудешь.
Вот почему я — твой поклонник и поэт!

Здесь — страшная печать отверженности женской
За прелесть дивную — постичь ее нет сил.
Там — дикий сплав миров, где часть души
вселенской
Рыдает, исходя гармонией светил.

Вот — мой восторг, мой страх в тот вечер
в темном зале!

Вот, бедная, зачем тревожусь за тебя!
Вот чьи глаза меня так странно провожали,
Еще не угадав, не зная... не любя!

Сама себе закон — летишь, летишь ты мимо,
К созвездиям иным, не ведая орбит,
И этот мир тебе — лишь красный облак дыма,
Где что-то жжет, поет, тревожит и горит!

И в зареве его — твоя безумна младость...
Всё — музыка и свет: нет счастья, нет измен...
Мелодией одной звучат печаль и радость...
Но я люблю тебя: я сам такой, *Кармен*.

СОЛОВЬИНЫЙ САД
(1915)

Я ломаю слоистые скалы
В час отлива на илистом дне,
И таскает осел мой усталый
Их куски на мохнатой спине.

Донесем до железной дороги,
Сложим в кучу, — и к морю опять
Нас ведут волосатые ноги,
И осел начинает кричать.

И кричит, и трубит он, — отрадно,
Что идет налегке хоть назад.
А у самой дороги — прохладный
И тенистый раскинулся сад.

По ограде высокой и длинной
Лишних роз к нам свисают цветы.
Не смолкает напев соловьиный,
Что-то шепчут ручьи и листья.

Крик осла моего раздается
Каждый раз у садовых ворот,
А в саду кто-то тихо смеется,
И потом — отойдет и поет.

И, вникая в напев беспокойный,
Я гляжу, понукая осла,
Как на берег скалистый и знойный
Опускается синяя мгла.

2

Знойный день догорает бесследно,
Сумрак ночи ползет сквозь кусты;
И осел удивляется, бедный:
«Что, хозяин, раздумался ты?»

Или разум от зноя мутится,
Замечтался ли в сумраке я?
Только всё неотступнее снится
Жизнь другая — моя, не моя...

И чего в этой хижине тесной
Я, бедняк обездоленный, жду,
Повторяя напев неизвестный,
В соловьином звенящий саду?

Не доносятся жизни проклятья
В этот сад, обнесенный стеной,
В синем сумраке белое платье
За решеткой мелькает резной.

Каждый вечер в закатном тумане
Прохожу мимо этих ворот,
И она меня, легкая, манит
И круженьем, и пеньем зовет.

И в призывном круженье и пенье
Я забытое что-то ловлю,
И любить начинаю томленье,
Недоступность ограды люблю.

632

3

Отдыхает осел утомленный,
Брошен лом на песке под скалой,
А хозяин блуждает влюбленный
За ночью, за знойною мглой.

И знакомый, пустой, каменистый,
Но сегодня — таинственный путь
Вновь приводит к ограде тенистой,
Убегающей в синюю муть.

И томление всё безысходней,
И идут за часами часы,
И колючие розы сегодня
Опустились под тягой росы.

Наказанье ли ждет, иль награда,
Если я уклонюсь от пути?
Как бы в дверь соловьиного сада
Постучаться, и можно ль войти?

А уж прошлое кажется странным,
И руке не вернуться к труду:
Сердце знает, что гостем желанным
Буду я в соловьином саду...

4

Правду сердце мое говорило,
И ограда была не страшна.
Не стучал я — сама отворила
Неприступные двери она.

Вдоль прохладной дороги, меж лилий,
Однозвучно запели ручьи,
Сладкой песнью меня олушили,
Взяли душу мою соловьи.

633

Чуждый край незнакомого счастья
Мне открыли объятия те,
И звенели, спадая, запястья
Громче, чем в моей нищей мечте.

Опьяненный вином золотистым,
Золотым опаленный огнем,
Я забыл о пути каменистом,
О товарище бедном моем.

5

Пусть укрыла от дольного горя
Утонувшая в розах стена, —
Заглушить рокотание моря
Соловьиная песнь не вольна!

И вступившая в пенье тревога
Рокот волн до меня донесла...
Вдруг — виденье: большая дорога
И усталая поступь осла...

И во мгле благовонной и знойной
Обвиваясь горячей рукой,
Повторяет она беспокойно:
«Что с тобою, возлюбленный мой?»

Но, вперяясь во мглу сиротливо,
Надышаться блаженством спеша,
Отдаленного шума прилива
Уж не может не слышать душа.

6

Я проснулся на мглистом рассвете
Неизвестно которого дня.
Спит она, улыбаясь, как дети, —
Ей пригрезился сон про меня.

634

Как под утренним сумраком чарым
Лик, прозрачный от страсти, красив!..
По далеким и мерным ударам
Я узнал, что подходит прилив.

Я окно распахнул голубое,
И почудилось, будто возник
За далеким рычаньем прибора
Призывающий жалобный крик.

Крик осла был протяжен и долог,
Проникал в мою душу, как стон,
И тихонько задернул я полог,
Чтоб продлить очарованный сон.

И, спускаясь по камням ограды,
Я нарушил цветов забытье.
Их шипы, точно руки из сада,
Уцепились за платье мое.

7

Путь знакомый и прежде недлинный
В это утро кремнист и тяжел.
Я вступаю на берег пустынный,
Где остался мой дом и осел.

Или я заблудился в тумане?
Или кто-нибудь шутит со мной?
Нет, я помню камней очертанье,
Тощий куст и скалу над водой...

Где же дом? — И скользящей ногою
Споткаюсь о брошенный лом,
Тяжкий, ржавый, под черной скалою
Затянувшийся мокрым песком...

Размахнувшись движеньем знакомым
(Или все еще это во сне?),

635

Я ударил заржавленным ломом
По слоистому камню на дне...

И оттуда, где серые спруты
Покачнулись в лазурной щели,
Закарабкался краб всполохнутый
И присел на песчаной мели.

Я подвинулся, — он приподнялся,
Широко разевая клешни,
Но сейчас же с другим повстречался,
Подрались и пропали они...

А с тропинки, протоптанной мною,
Там, где хижина прежде была,
Стал спускаться рабочий с киркою,
Погоня чужого осла.

Р О Д И Н А
(1907-1916)

* * *

*Ты отошла, и я в пустыне
К песку горячему приник.
Но слова гордого отныне
Не может вымолвить язык.*

*О том, что было, не жалея,
Твою я понял высоту:
Да. Ты – родная Галилея
Мне – невоскресшему Христу.*

*И пусть другой тебя ласкает,
Пусть множит дикую молву:
Сын Человеческий не знает,
Где приклонить ему главу.*

Май 1907

* * *

В густой траве пропадешь с головой.
В тихий дом войдешь, не стучась...
Обнимет рукой, оплетет косой
И, статная, скажет: «Здравствуй, князь.

Вот здесь у меня — куст белых роз.
Вот здесь вчера — повилика вилаась.
Где был, пропал? что за весть принес?
Кто любит, не любит, кто гонит нас?»

Как бывало, забудешь, что дни идут,
Как бывало, простишь, кто горд и зол.
И смотришь — тучи вдали встают,
И слушаешь песни далеких сел...

Заплачет сердце по чужой стороне,
Запросится в бой — зовет и манит...
Только скажет: «Прощай. Вернись ко мне». —
И опять за травой колокольчик звенит...

1907

* * *

Задебренные лесом кручи:
Когда-то там, на высоте,
Рубили деды сруб горячий
И пели о своем Христе.

Теперь пастуший кнут не свистнет,
И песни не сплет свирель.
Лишь мох сырой с обрыва виснет,
Как ведьмы сбита кудель.

Навеки непробудной тенью
Ресницы мхов опушены,

640

Спят, убаюканные ленью
Людской врагини — тишины.

И человек печальной цапли
С болотной кочки не спугнет,
Но в каждой тихой, ржавой капле —
Зачало рек, озер, болот.

И капли ржавые, лесные,
Родясь в глуши и темноте,
Несут испуганной России
Весть о сжигающем Христе.

На поле Куликовом

1

Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.
О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь — стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

Наш путь — степной, наш путь — в тоске безбрежной —
В твоей тоске, о, Русь!
И даже мглы — ночной и зарубежной —
Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь...

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...

641

Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

И нет конца! Мелькают версты, кручи...
Останови!
Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!

Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...
Покоя нет! Степная кобылица
Несется вскачь!

2

Мы, сам-друг, над степью в полночь стали:
Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...

На пути — горячий белый камень.
За рекой — поганая орда.
Светлый стяг над нашими полками
Не зыграет больше никогда.

И, к земле склонившись головою,
Говорит мне друг: «Остри свой меч,
Чтоб недаром биться с татарвою,
За святое дело мертвым лечь!»

Я — не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна.
Помяни ж за раннюю обедней
Мила друга, светлая жена!

3

В ночь, когда Мамай залег с ордою
Степи и мосты,

В темном поле были мы с Тобою, —
Разве знала Ты?

Перед Доном темным и зловецим,
Средь ночных полей,
Слышал я Твой голос сердцем вещим
В криках лебедей.

С полуночи тучей возносились
Княжеская рать,
И вдали, вдали о стремя билась,
Голосила мать.

И, чертя круги, ночные птицы
Реяли вдали.
А над Русью тихие зарницы
Князя стерегли.

Орлий клёкот над татарским станом
Угрожал бедой,
А Непрядва убралась туманом,
Что княжна фатой.

И с туманом над Непрядвой спящей,
Прямо на меня
Ты сошла, в одежде свет струящей,
Не спугнув коня.

Серебром волны блеснула другу
На стальном мече,
Освежила пыльную кольчугу
На моем плече.

И когда, наутро, тучей черной
Двинулась орда,
Был в щите Твой лик нерукотворный
Светел навсегда.

Опять с вековой тоскою
Пригнулись к земле ковыли.
Опять за туманной рекою
Ты кличешь меня издали...

Умчались, пропали без вести
Степных кобылиц табуны,
Развязаны дикие страсти
Под игом ущербной луны.

И я с вековой тоскою,
Как волк под ущербной луной,
Не знаю, что делать с собою,
Куда мне лететь за тобой!

Я слушаю рокоты сечи
И трубные крики татар,
Я вижу над Русью далече
Широкий и тихий пожар.

Объятый тоскою могучей,
Я рыщу на белом коне...
Встречаются вольные тучи
Во мгlistой ночной вышине.

Вздвигаются светлые мысли
В растерзанном сердце моем,
И падают светлые мысли,
Сожженные темным огнем...

«Явись, мое дивное диво!
Быть светлым меня научи!»
Вздвигается конская грива...
За ветром взывают мечи...

*И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволокло.*

Вл. Соловьев

Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась мгла,
И, словно облаком суровым,
Грядущий день заволокла.

За тишиною непробудной,
За разливающейся мглой
Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молнии боевой.

Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!
Над вражьем станом, как бывало,
И плеск и трубы лебедей.

Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал. — Молись!

1908

Россия

Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеи,
И вязнут спицы росписные
В расхлябанные колеи...

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви!

Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет, —
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Ну что ж? Одной заботой боле —
Одной слезой река шумней,
А ты всё та же — лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..

1908

* * *

Вот он — ветер,
Звонящий тоскою острожной,
Над бескрайною топью
Огонь невозможный,
Распростершийся призрак
Ветлы придорожной...

Вот — что ты мне сулила:
Могила.

Осенний день

Идем по жнивью, не спеша,
С тобою, друг мой скромный,
И изливается душа,
Как в сельской церкви темной.

Осенний день высок и тих,
Лишь слышно — ворон глухо
Зовёт товарищей своих,
Да кашляет старуха.

Овин расстелет низкий дым,
И долго под овином
Мы взором пристальным следим
За лётном журавлиным...

Летят, летят косым углом,
Вожак звенит и плачет...
О чем звенит, о чем, о чем?
Что плач осенний значит?

И низких нищих деревень
Не счесть, не смерить оком,
И светит в потемневший день
Костер в лугу далеко...

О, нищая моя страна,
Что ты для сердца значишь?
О, бедная моя жена,
О чем ты горько плачешь?

1 января 1909

* * *

*Не уходи. Побудь со мною,
Я так давно тебя люблю.*

Дым от костра струею сизой
Струится в сумрак, в сумрак дня.
Лишь бархат алый алой ризой,
Лишь свет зари — покрыл меня.

Всё, всё обман, седым туманом
Ползет печаль угрюмых мест.
И ель крестом, крестом багряным
Кладет на даль воздушный крест...

Подруга, на вечернем пире
Помедли здесь, побудь со мной.
Забудь, забудь о страшном мире,
Вздыхни небесной глубиной.

Смотри с печальной услодой,
Как в свет зари вползает дым.
Я огражу тебя оградой —
Кольцом из рук, кольцом стальным.

Я огражу тебя оградой —
Кольцом живым, кольцом из рук.
И нам, как дым, струиться надо
Седым туманом — в алый круг.

* * *

Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?
Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма!
Эх, не пора ль разлучиться, раскаяться...
Вольному сердцу на что твоя тьма?

Знала ли что? Или в Бога ты верила?
Что там услышишь из песен твоих?

Чудь начудила, да Меря намерила
Гатей, дорог да столбов верстовых...

Лодки да грады по рекам рубила ты,
Но до Царьградских святынь не дошла...
Соколов, лебедей в степь распустила ты —
Кинулась из степи черная мгла...

За море Черное, за море Белое
В черные ночи и в белые дни
Дико глядится лицо онемелое,
Очи татарские мечут огни...

Тихое, долгое, красное зарево
Каждую ночь над становьем твоим...
Что же маячишь ты, сонное марево?
Вольным играешься духом моим?

1910

На железной дороге

Марии Павловне Ивановой

Под насыпью, во рву некошеном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы брошенном,
Красивая и молодая.

Бывало, шла походкой чинною
На шум и свист за ближним лесом.
Всю обойдя платформу длинную,
Ждала, волнуясь, под навесом.

Три ярких глаза набегающих —
Нежней румянец, круче локон:
Быть может, кто из проезжающих
Посмотрит пристальней из окон...

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели;
Молчали желтые и синие;
В зеленых плакали и пели.

Вставали сонные за стеклами
И обводили ровным взглядом
Платформу, сад с кустами блёклыми,
Ее, жандарма с нею рядом...

Лишь раз гусар, рукой небрежною
Облокотясь на бархат алый,
Скользнул по ней улыбкой нежною...
Скользнул — и поезд в даль умчалю.

Так мчалась юность бесполезная,
В пустых мечтах изнемогая...
Тоска дорожная, железная
Свистела, сердце разрывая...

Да что — давно уж сердце вынуто!
Так много отдано поклонюв,
Так много жадных взоров кинуто
В пустынные глаза вагонов...

Не подходите к ней с вопросами,
Вам всё равно, а ей — довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена — всё больно.

1910

Посещение

Голос

То не ели, не тонкие ели
На закате поднимают кресты,
То в дали снеговой заалели

650

Мои нежные, милый, персты.
Унесенная белой метелью
В глубину, в бездыханность мою, —
Вот я вновь над твоею постелью
Наклонилась, дышу, узнаю...
Я сквозь ночи, сквозь долгие ночи,
Я сквозь темные ночи — в венце.
Вот они — еще синие очи
На моем постаревшем лице!
В твоём голосе — возгласы моря,
На лице твоём — жала огня,
Но читаю в испуганном взоре,
Что ты помнишь и любишь меня.

Второй голос

Старый дом мой пронизан метелью,
И остыл одинокий очаг.
Я привык, чтоб над этой постелью
Наклонялся лишь пристальный враг.
И душа для видений ослепла,
Если вспомню, — лишь ветер налетит,
Лишь рубин раскаленный из пепла
Мой обугленный лик опалит!
Я не смею взглянуть в твои очи,
Всё, что было, — далёко оно.
Долгих лет нескончаемой ночи
Страшной памятью сердце полно.

с. Шахматово

1910

* * *

Там неба осветленный край
Средь дымных пятен.
Там разговор гусиных стай
Так внятен.

651

Свободен, весел и силен,
В дали любимой
Я слышу непомерный звон
Неуследимый.

Там осень сумрачным пером
Широко реет,
Там старый лес под топором
Редеет.

* * *

Приближается звук. И, покорна шемящему звуку,
Молодеет душа.
И во сне прижимаю к губам твою прежнюю руку,
Не дыша.

Снится — снова я мальчик, и снова любовник,
И овраг, и бурьян,
И в бурьяне — колючий шиповник,
И вечерний туман.

Сквозь цветы, и листья, и колючие ветки, я знаю,
Старый дом глянет в сердце мое,
Глянет небо опять, розовея от края до края,
И окошко твое.

Этот голос — он твой, и его непонятному звуку
Жизнь и горе отдам,
Хоть во сне твою прежнюю милую руку
Прижимая к губам.

1912

Сны

И пора уснуть, да жалко,
Не хочу уснуть!

652

Конь качается качалка,
На коня б скакнуть!

Луч лампадки, как в тумане,
Раз-два, раз-два, раз!..
Идет конница... а няня
Тянет свой рассказ...

Внемлю сказке древней, древней
О богатырях,
О заморской, о царевне,
О царевне... ах...

Раз-два, раз-два! Конник в латах
Трогает коня
И манит и мчит куда-то
За собой меня...

За моря, за океаны
Он манит и мчит,
В дымно-синие туманы,
Где царевна спит...

Спит в хрустальной, спит в кроватке
Долгих сто ночей,
И зеленый свет лампадки
Светит в очи ей...

Под парчами, под лучами
Слышно ей сквозь сны,
Как звенят и бьют мечами
О хрусталь стены...

С кем там бьется конник гневный,
Бьется семь ночей?
На седьмую — над царевной
Светлый круг лучей...

И сквозь дремные покровы
Стелятся лучи,

653

О тюремные засовы
Звякают ключи...

Сладко дремлет в кровати.
Дремлешь? — Внемлю... сплю.
Луч зеленый, луч лампадки,
Я тебя люблю!

1912

Новая Америка

Праздник радостный, праздник великий,
Да звезда из-за туч не видна...
Ты стоишь под метелицей дикой,
Роковая, родная страна.

За снегами, лесами, степями
Твоего мне не видно лица.
Только ль страшный простор пред очами,
Непонятная ширь без конца?

Утоная в глубоком сугробе,
Я на утлые санки сажусь.
Не в богатом покоишься гробе
Ты, убогая финская Русь!

Там прикинешься ты богомольной,
Там старушкой прикинешься ты,
Глас молитвенный, звон колокольный,
За крестами — кресты, да кресты...

Только ладан твой синий и росный
Просквозит мне порою иным...
Нет, не старческий лик и не постный
Под московским платочком цветным!

Сквозь земные поклоны, да свечи,
Ектеньи, ектеньи, ектеньи —

Шепотливые, тихие речи,
Запылавшие щеки твои...

Дальше, дальше... И ветер рванулся,
Черноземным летя пустырем...
Куст дорожный по ветру метнулся,
Словно дьякон взмахнул орарем...

А уж там, за рекой полноводной,
Где пригнулись к земле ковыли,
Тянет гарью горючей, свободной,
Слышны гуды в далекой дали...

Иль опять это — стан половецкий
И татарская буйная крепь?
Не пожаром ли фески турецкой
Забуянила дикая степь?

Нет, не видно там княжьего стяга,
Не шеломами черпают Дон,
И прекрасная внучка варяга
Не клянет половецкий полон...

Нет, не вьются там по ветру чубы,
Не пестреют в степях бунчуки...
Там чернеют фабричные трубы,
Там заводские стонут гудки.

Путь степной — без конца, без исхода,
Степь, да ветер, да ветер, — и вдруг
Многорусный корпус завода,
Города из рабочих лачуг...

На пустынном просторе, на диком
Ты всё та, что была, и не та,
Новым ты обернулась мне ликом,
И другая волнует мечта...

Черный уголь — подземный мессия,
Черный уголь — здесь царь и жених,

Но не страшен, невеста, Россия,
Голос каменных песен твоих!

Уголь стонет, и соль забелелась,
И железная воет руда...
То над степью пустой загорелась
Мне Америки новой звезда!

1913

* * *

Моей матери

Ветер стих, и слава заревая
Облекла вон те пруды.
Вон и схимник. Книгу закрывая,
Он смиренно ждет звезды.

Но бежит шоссе́нная дорога,
Убегает вбок...
Дай вздохнуть, помедли, ради бога,
Не хрусти, песок!

Славой золотеет заревою
Монастырский крест издалека.
Не свернуть ли к вечному покою?
Да и что за жизнь без клобука?..

И опять влечет неудержимо
Вдаль из тихих мест
Путь шоссе́нный, пробегая мимо,
Мимо инока, прудов и звезд...

Последнее напутствие

Боль проходит понемногу,
Не навек она дана.
Есть конец мятежным стонам.

656

Злую муку и тревогу
Побеждает тишина.

Ты смежил больные вежды,
Ты не ждешь — она вошла.
Вот она — с хрустальным звоном
Преисполнила надежды,
Светлым кругом обвела.

Слышишь ты сквозь боль мучений,
Точно друг твой, старый друг,
Тронул сердце нежной скрипкой?
Точно легких сновидений
Быстрый рой домчался вдруг?

Это — легкий образ рая,
Это — милая твоя.
Ляг на смертный одр с улыбкой,
Тихо грезить, замыкая
Круг постылый бытия.

Протянуться без желаний,
Улыбнуться навсегда,
Чтоб в последний раз проплыли
Мимо, сонно, как в тумане,
Люди, зданья, города...

Чтобы звуки, чуть тревожа
Легкой музыкой земли,
Прозвучали, потюмили
Над последним миром ложа
И в иное увлекли...

Лесть, коварство, слава, злато —
Мимо, мимо, навсегда...
Человеческая тупость —
Всё, что мучило когда-то,
Забавляло иногда...

И опять — коварство, слава,
Злато, лесть, всему венец —

657

Человеческая глупость,
Безысходна, величава,
Бесконечна... Что ж, конец?

Нет... еще леса, поляны,
И проселки, и шоссе,
Наша русская дорога,
Наши русские туманы,
Наши шелесты в овсе...

А когда пройдет всё мимо,
Чем тревожила земля,
Та, кого любил ты много,
Поведет рукой любимой
В Елисейские поля.

1914

* * *

Грешить бесстыдно, непробудно,
Счет потерять ночам и дням,
И, с головой от хмеля трудной,
Пройти сторонкой в Божий храм.

Три раза преклониться долу,
Семь — осенить себя крестом,
Тайком к заплеванному полу
Горячим прикоснуться лбом.

Кладя в тарелку грошик медный,
Три, да еще семь раз подряд
Поцеловать столетний, бедный
И зацелованный оклад.

А воротясь домой, обмерить
На тот же грош кого-нибудь,
И пса голодного от двери,
Икнув, ногою отпихнуть.

658

И под лампадой у иконы
Пить чай, отщелкивая счет,
Потом переслунить купоны,
Пузатый отворив комод,

И на перины пуховые
В тяжелом завалиться сне...
Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне.

1914

* * *

Петроградское небо мутилось дождем,
На войну уходил эшелон.
Без конца — взвод за взводом и штык за штыком
Наполнял за вагоном вагон.

В этом поезде тысячью жизней цвели
Боль разлуки, тревоги любви,
Сила, юность, надежда... В закатной дали
Были дымные тучи в крови.

И, садясь, запевали *Варяга* одни,
А другие — не в лад — *Ермака*,
И кричали *ура*, и шутили они,
И тихонько крестилась рука.

Вдруг под ветром взлетел опадающий лист,
Раскачнувшись, фонарь замигал,
И под черною тучей веселый горнист
Заиграл к отпавленью сигнал.

И военной славой заплакал рожок,
Наполняя тревогой сердца.
Громыханье колес и охрипший свисток
Заглушило *ура* без конца.

659

Уж последние скрылись во мгле буфера,
И сошла тишина до утра,
А с дождливых полей всё несло к нам ура,
В грозном клике звучало: *пора!*

Нет, нам не было грустно, нам не было жаль,
Несмотря на дождливую даль.
Это — ясная, твердая, верная сталь,
И нужна ли ей наша печаль?

Эта жалость — ее заглушает пожар,
Гром орудий и топот коней.
Грусть — ее застилает отравленный пар
С галицийских кровавых полей...

Сентября 1914

* * *

Я не предал белое знамя,
Оглушенный криком врагов,
Ты прошла ночными путями,
Мы с тобой — одни у валов.

Да, ночные пути, роковые,
Развели нас и вновь свели,
И опять мы к тебе, Россия,
Добрели из чужой земли.

Крест и насыпь могилы братской,
Вот где ты теперь, тишина!
Лишь щемящей песни солдатской
Издали несется волна.

А вблизи — всё пусто и немо,
В смертном сне — враги и друзья.
И горит звезда Вифлеема
Так светло, как любовь моя.

* * *

З.Н. Гинтус

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России —
Забить не в силах ничего.

Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы —
Кровавый отсвет в лицах есть.

Есть немота — то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота.

И пусть над нашим смертным ложем
Взовьется с криком воронье, —
Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят Царствие Твое!

1914

* * *

Дикий ветер
Стекла гнет,
Ставни с петель
Буйно рвет.

Час заутрени пасхальной,
Звон далекий, звон печальный,
Глухота и чернота.
Только ветер, гость нахальный,
Потрясает ворота.

За окном черно и пусто,
Ночь полна шагов и хруста,
Там река ломает лед,
Там меня невеста ждет...

Как мне скинуть злую дрёму,
Как мне гостя отогнать?
Как мне милую — чужому,
Проклятому не отдать?

Как не бросить всё на свете,
Не отчаяться во всем,
Если в гости ходит ветер,
Только дикий черный ветер,
Сотрясающий мой дом?

Что ж ты, ветер,
Стекла гнешь?
Ставни с петель
Дико рвешь?

Коршун

Чертя за кругом плавный круг,
Над сонным лугом коршун кружит
И смотрит на пустынный луг. —
В избушке мать над сыном тужит:
«На хлеба, на, на грудь, соси,
Расти, покорствуй, крест неси».

Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты всё та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней. —
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?

1916

О ЧЕМ ПОЕТ ВЕТЕР

(1913)

* * *

Мы забыты, одни на земле.
Посидим же тихонько в тепле.

В этом комнатном, теплом углу
Поглядим на октябрьскую мглу.

За окном, как тогда, огоньки.
Милый друг, мы с тобой старики.

Всё, что было и бурь и невзгод,
Позади. Что ж ты смотришь вперед?

Смотришь, точно ты хочешь прочесть
Там какую-то новую весть?

Точно ангела бурного ждешь?
Всё прошло. Ничего не вернешь.

Только стены, да книги, да дни.
Милый друг мой, привычны они.

Ничего я не жду, не ропшу,
Ни о чем, что прошло, не грушу.

Только вот принялась ты опять
Светлый бисер на нитки низать,

Как когда-то, ты помнишь тогда...
О, какие то были года!

Но, когда ты моложе была,
И шелка ты поярче брала,

И ходила рука побыстрей...
Так возьми ж и теперь попестрей,

Чтобы шелк, что вдеваешь в иглу,
Побеждал пестротой эту мглу.

* * *

Поет, поет...
Поет и ходит возле дома...
И грусть, и нежность, и истома,
Как прежде, за сердце берет...

Нетяжко бремя,
Всей жизни бремя прожитой,
И песнью длинной и простой
Баюкает и нежит время...

Так древни мы,
Так древен мира
Бег,
И лира
Поет нам снег
Седой зимы,
Поет нам снег седой зимы...

Туда, туда,
На снеговую грудь
Последней ночи...
Вздохнуть — и очи
Навсегда
Сомкнуть,
Сомкнуть в объятьях ночи...

Возврата нет
Страстям и думам...
Смотри, смотри:
С полночным шумом
Идет к нам ветер от зари...
Последний свет
Померк. Умри.
Померк последний свет зари.

* * *

Милый друг, и в этом тихом доме
Лихорадка бьет меня.
Не найти мне места в тихом доме
Возле мирного огня!

Голоса поют, вызывает вьюга,
Страшен мне уют...
Даже за плечом твоим, подруга,
Чьи-то очи стерегут!

За твоими тихими плечами
Слышу трепет крыл...
Бьет в меня светящими очами
Ангел бури — Азраил!

* * *

Из ничего — фонтаном синим
Вдруг брызнул свет.
Мы головы наверх закинем —
Его уж нет,
Рассыпался над черной далью
Златым пучком,
А здесь — опять, — дугой, спиралью,
Шаром, волчком,

Зеленый, желтый, синий, красный —
Вся ночь в лучах...
И, всполошив ее напрасно,
Зачах.

* * *

Вспомнил я старую сказку,
Слушай, подруга, меня.
Сказочник добрый и старый
Тихо сидел у огня.

Дождик стучался в окошко,
Ветер в трубе завывал.
«Плохо теперь бесприютным!» —
Сказочник добрый сказал.

В дверь постучались легонько,
Сказочник дверь отворил,
Ветер ворвался холодный,
Дождик порог окатил...

Мальчик стоит на пороге
Жалкий, озябший, нагой,
Мокрый колчан за плечами,
Лук с тетивой тугой.

И, усадив на колени,
Греет бедняжку старик.
Тихо доверчивый мальчик
К старому сердцу приник.

«Что у тебя за игрушки?» —
«Их подарила мне мать». —
«Верно, ты стрелы из лука
Славно умеешь пускать?»

Звонко в ответ засмеялся
Мальчик и на пол спрыгнул.

«Вот как умею!» — сказал он
И тетиву натянул...

В самое сердце попал он,
Старое сердце в крови...
Как неожиданно ранят
Острые стрелы любви!

Старик, терпи
Тяжкий недуг,
И ты, мой друг,
Терпи и спи,
Спи, спи,
Не забудешь никогда
Старика,
Провспоминаешь ты года,
Провспоминаешь ты века,
И средь растущей темноты
Припомнишь ты
И то и се,
Всё, что было,
Что манило,
Что цвело,
Что прошло, —
Всё, всё.

* * *

Было то в темных Карпатах,
Было в Богемии дальней...

Впрочем, прости... мне немного
Жутко и холодно стало;
Это — я помню неясно,
Это — отрывок случайный,
Это — из жизни *другой* мне
Жалобный ветер напел...

Верь, друг мой, сказкам: я привык
Вникать
В чудесный их язык
И постигать
В обрывках слов
Туманный ход
Иных миров,
И темный времени полет
Следить,
И вместе с ветром петь;
Так легче жить,
Так легче жизнь терпеть
И уповать,
Что темной думы рост
Нам в вечность перекинет мост,
Надеясь и ждать...
Жди, старый друг, терпи, терпи,
Терпеть недолго, крепче спи,
Всё равно всё пройдет,
Всё равно ведь никто не поймет,
Ни тебя не поймет, ни меня,
Ни что ветер поет
Нам, звеня...

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ
(1917-1921),
НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ
В ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

ДВЕНАДЦАТЬ

1

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер —
На всем Божьем свете!

Завивает ветер
Белый снежок.
Под снежком — ледок.
Скользко, тяжело,
Всякий ходок
Скользит — ах, бедняжка!

От здания к зданию
Протянут канат.
На канате — плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию!»
Старушка убивается — плачет,
Никак не поймет, что значит,
На что такой плакат,
Такой огромный лоскут?

Сколько бы вышло портянок для ребят,
А всякий — раздет, разут...

Старушка, как курица,
Кой-как перемотнулась через сугроб.
— Ох, Матушка-Заступница!
— Ох, большевики загонят в гроб!

Ветер хлесткий!
Не отстает и мороз!
И буржуй на перекрестке
В воротник упрятал нос.

А это кто? — Длинные волосы
И говорит вполголоса:
— Предатели!
— Погибла Россия!
Должно быть, писатель —
Вития...

А вон и долгополый —
Сторонкой — за сугроб...
Что нынче невеселый,
Товарищ поп?

Помнишь, как бывало
Брюхом шел вперед,
И крестом сияло
Брюхо на народ?..

Вон барыня в каракуле
К другой подвернулась:
— Ужь мы плакали, плакали...
Поскользнулась
И — бац — растянулась!

Ай, ай!
Тяни, подымай!

Ветер веселый
И зол, и рад.
Крутит подолы,
Прохожих косит,
Рвет, мнет и носит
Большой плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию»...
И слова доносит:

...И у нас было собрание...
...Вот в этом здании...
...Обсудили —
Постановили:
На время — десять, на ночь — двадцать пять...
...И меньше — ни с кого не брать...
...Пойдем спать...

Поздний вечер.
Пустеет улица.
Один бродяга
Сутулится,
Да свищет ветер...

Эй, бедняга!
Подходи —
Поцелуемся...

Хлеба!
Что впереди?
Проходи!

Черное, черное небо.

Злоба, грустная злоба
Кипит в груди...
Черная злоба, святая злоба...

Товарищ! Гляди
В оба!

Гуляет ветер, порхает снег.
Идут двенадцать человек.

Винтовок черные ремни,
Кругом — огни, огни, огни...

В зубах — цыгарка, примят картуз,
На спину б надо бубновый туз!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!

Тра-та-та!

Холодно, товарищи, холодно!

— А Ванька с Катькой — в кабаке...
— У ей керенки есть в чулке!

— Ванюшка сам теперь богат...
— Был Ванька наш, а стал солдат!

— Ну, Ванька, сукин сын, буржуй,
Мою, попробуй, поцелуй!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!
Катька с Ванькой занята —
Чем, чем занята?..

Тра-та-та!

Кругом — огни, огни, огни...
Оплечь — ружейные ремни...

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

Товарищ, винтовку держи, не трись!
Пальнем-ка пулей в Святую Русь —

В кондовую,
В избяную,
В толстозадую!

Эх, эх, без креста!

Как попли наши ребята
В красной гвардии служить —
В красной гвардии служить —
Буйну голову сложить!

Эх ты, горе-горькое,
Сладкое житье!
Рваное пальтишко,
Австрийское ружье!

Мы на горе всем буржуйам
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!

Снег крутит, лихач кричит,
Ванька с Катькою летит —
Електрический фонарик
На оглобелях...
Ах, ах, пади!..

Он в шинелишке солдатской
С физиономией дурацкой
Крутит, крутит черный ус,

Да покручивает,
Да пошучивает...

Вот так Ванька — он плечист!
Вот так Ванька — он речист!
Катку-дуру обнимает,
Заговаривает...

Запрокинулась лицом,
Зубки блещут жемчугом...
Ах ты, Катя, моя Катя,
Толстоморденькая...

5

У тебя на шее, Катя,
Шрам не зажил от ножа.
У тебя под грудью, Катя,
Та царапина свежа!

Эх, эх, попляши!
Больно ножки хороши!

В кружевном белье ходила —
Походи-ка, походи!
С офицерами блудила —
Поблуди-ка, поблуди!

Эх, эх, поблуди!
Сердце ёкнуло в груди!

Помнишь, Катя, офицера —
Не ушел он от ножа...
Аль не вспомнила, холера?
Али память не свежа?

Эх, эх, освежи,
Спать с собою положи!

678

Петры серые носила,
Шоколад Миньон жрала,
С юнкерьем гулять ходила —
С солдатьем теперь пошла?

Эх, эх, согрешил!
Будет легче для души!

6

...Опять навстречу несется вскачь,
Летит, вопит, орет лихач...

Стой, стой! Андрюха, помогай!
Петруха, сзади забегай!..

Трах, тарарах-тах-тах-тах-тах!
Вскрутился к небу снежный прах!..

Лихач — и с Ванькой — наутек...
Еще разок! Вводи курок!..

Трах-тарарах! Ты будешь знать,
.....
Как с девочкой чужой гулять!..

Утек, подлец! Ужо, постой,
Расправлюсь завтра я с тобой!

А Катька где? — Мертва, мертва!
Простреленная голова!

Что, Катька, рада? — Ни гу-гу...
Лежи ты, падаль, на снегу!

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

679

И опять идут двенадцать,
За плечами — ружьца.
Лишь у бедного убийцы
Не видать совсем лица...

Всё быстрее и быстрее
Уторапливает шаг.
Замотал платок на шею —
Не оправиться никак...

— Что, товарищ, ты не весел?
— Что, дружок, оторопел?
— Что, Петруха, нос повесил,
Или Катьку пожалел?

— Ох, товарищи, родные,
Эту девку я любил...
Ночки черные, хмельные
С этой девкой проводил...

— Из-за удали бедовой
В огневых ее очах,
Из-за родинки пунцовой
Возле правого плеча,
Загубил я, бестолковый,
Загубил я сгоряча... ах!

— Ишь, стервец, завел шарманку,
Что ты, Петька, баба, что ль?
— Верно, душу наизнанку
Вздумал вывернуть? Изволь!
— Поддержи свою осанку!
— Над собой держи контроль!

— Не такое нынче время,
Чтобы нянчиться с тобой!
Потяжеле будет время
Нам, товарищ дорогой!

И Петруха замедляет
Торопливые шаги...

Он головку вскидывает,
Он опять повеселел...

Эх, эх!
Позабавиться не грех!

Запирайте этажи,
Нынче будут грабежи!

Отмыкайте погреба —
Гуляет нынче голытьба!

Ох ты, горе-горькое!
Скука скучная,
Смертная!

Ужь я времячко
Проведу, проведу...

Ужь я темячко
Почешу, почешу...

Ужь я семячки
Полущу, полущу...

Ужь я ножичком
Полосну, полосну!..

Ты лети, буржуй, воробышком!
Выпью кровушку
За зазнобушку,
Чернобровушку...

Упокой, Господи, душу рабы Твоя...

Скучно!

9

Не слышно шуму городского,
Над невской башней тишина,
И больше нет городского —
Гуляй, ребята, без вина!

Стоит буржуй на перекрестке
И в воротник упрятал нос.
А рядом жметса шерстью жесткой
Поджавший хвост паршивый пес.

Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос.
И старый мир, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост.

10

Разыгралась чтой-то вьюга,
Ой, вьюга́, ой, вьюга́!
Не видать совсем друг друга
За четыре за шага!

Снег воронкой завился,
Снег столбушкой поднялся...

— Ох, пурга какая, Спасе!
— Петька! Эй, не завирайся!
От чего тебя упас
Золотой иконостас?
Бессознательный ты, право,
Рассуди, подумай здраво —

682

Али руки не в крови
Из-за Катькиной любви?
— Шаг держи революционный!
Близок враг неутомонный!

Вперед, вперед, вперед,
Рабочий народ!

11

...И идут без имени святого
Все двенадцать — вдаль.
Ко всему готовы,
Ничего не жаль...

Их винтовочки стальные
На незримого врага...
В переулочки глухие,
Где одна пылит пурга...
Да в сугробы пуховые —
Не утянешь сапога...

В очи бьется
Красный флаг.

Раздается
Мерный шаг.

Вот — проснется
Лютый враг...

И вьюга́ пылит им в очи
Дни и ночи
Напролет...

Вперед, вперед,
Рабочий народ!

683

...Вдаль идут державным шагом...

— Кто еще там? Выходи!

Это — ветер с красным флагом
Разыгрался впереди...

Впереди — сугроб холодный,
— Кто в сугробе — выходи!..

Только нищий пес голодный
Ковыляет позади...

— Отвяжись ты, шелудивый,
Я штыком щекекочу!
Старый мир, как пес паршивый,
Провались — поколочу!

...Скалит зубы — волк голодный —
Хвост поджал — не отстает —
Пес холодный — пес безродный...
— Эй, откликнись, кто идет?

— Кто там машет красным флагом?
— Приглядись-ка, эка тьма!
— Кто там ходит беглым шагом,
Хоронясь за все дома?

— Все равно, тебя добуду,
Лучше сдайся мне живьем!
— Эй, товарищ, будет худо,
Выходи, стрелять начнем!

Трах-тах-тах! — И только эхо
Откликается в домах...
Только вьюга долгим смехом
Заливается в снегах...

Трах-тах-тах!
Трах-тах-тах...

...Так идут державным шагом —
Позади — голодный пес,
Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Исус Христос.

Январь 1918

Скифы

*Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно.*

Вл(адимир) С(оловьев)

Миллионы — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, Скифы — мы! Да, азиаты — мы,
С раскосыми и жадными очами!

Для вас — века, для нас — единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас —
Монголов и Европы!

Века, века ваш старый горн ковал
И заглушал грома лавины,
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона и Мессины!

Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!

Вот — срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит,
И день придет — не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!..

Россия — Сфинкс! Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя
И с ненавистью, и с любовью!..

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забьли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!

Мы любим всё — и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

Мы помним всё — парижских улиц ад,
И венецьянские пролады,
Лимонных рощ далекий аромат,
И Кельна дымные громады...

Мы любим плоть — и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах...
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

Привыкли мы, хватая под уздцы
Играющих коней ретивых,
Ломать коням тяжелые крестцы
И усмирять рабынь строптивых...

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!
Пока не поздно — старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем — братья!

А если нет — нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Века, века — вас будет проклинять
Больное позднее потомство!

Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!

Идите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит интеграл,
С монгольской дикою ордою!

Но сами мы — отныне — вам — не щит,
Отныне в бой не вступим сами,
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.

Не сдвинемся, когда свирепый Гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..

В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

30 января 1918

На поле Куликовом

1. Ария для кантаты Ю. Шапорина

(Невеста ждет жениха)

Я живу в отдаленном скиту
В дни, когда опадают листья.
Выхожу и стою на мосту
И смотрю на речные цветы.

И смотрю за туманы и гарь,
Как из той из туманной дали
Чередой потянулись, как встарь,
Гуси, лебеди да журавли...

Дайте вольные крылья свои,
Гуси, лебеди да журавли...
Ах, когда на призывы мои
Он вернется из дальней дали?

Боже, в черные ночи и дни
Ты храни жениха моего,
Упаси Ты от вражьей стрелы,
Сохрани Ты от сабли его...

3.XI.1919

2. Хор татар для кантаты

Идут века...
Бежит река...

Земля тяжка, черна, пусты поля...
Шумят пиры...
Трещат костры...

Гудит вдали, крутит в пыли, дрожит земля...
И жар костров

В разгар пиров —
И дальний зов — на бой — на бой — рази врагов!

В лязге сабель, в ржанье коней, в блеске брони
За сраженным, за сметенным — в погоню, в погоню,
в погоню!

Мечи стрелу в ночную мглу!..
Добей врага, гони, лети, скачи!..
Рази, руби, коли, стегай, хлещи!..

14.XI.1919

В альбом Чуковскому

Нет, клянусь, довольно Роза
Истошала кошелек!
Верь, безумный, он — не проза,
Свыше данный нам паек!
Без него теперь и Поза
Прострелил бы свой висок.
Вялой прозой стала роза,
Соловьиный сад поблек,
Пропитанию угроза —
Уж железных нет дорог,
Даже (вследствие мороза?)
Прекращен трамвайный ток,
Ввоза, вывоза, подвоза —
Ни на юг, ни на восток,
В свалку всякого навоза
Превратился городок, —
Где же дальше Совнархоза
Голубой искать цветок?

В этом мире, где так пусто,
Ты ищи его, найди,
И, найдя, зови капустой,
Ежедневно в щи клади,

Не взыщи, что щи не густы —
Будут жиже впереди,
Не ропщи, когда в Прокруста
Превратят — того гляди
(«Книг чтоб не было в шкапу ста!»
Скажет Брюсов, погоди),
И, когда придет Локуста,
К ней в объятья упади.

Имена цветка не громки,
Реквизируют — как раз,
Но носящему котомки
И капуста — ананас,
Как с прекрасной незнакомки,
Он с нее не сводит глаз,
А далекие потомки
И за то похвалят нас,
Что не хрупки мы, не ломки,
Здравствуем и посеи час
(Да-с).

Иль стихи мои не громки?
Или плохо рвет постромки
Романтический Пегас,
Запряженный в тарантас?

6.XII.1919

Пушкинскому дому

Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук!
Звук понятный и знакомый,
Не пустой для сердца звук!

Это — звоны ледохода
На торжественной реке,
Переключка парохода
С пароходом вдалеке.

Это — древний Сфинкс, глядящий
Вслед медлительной волне,
Всадник бронзовый, летящий
На недвижимом скакуне.

Наши страстные печали
Над таинственной Невои,
Как мы черный день встречали
Белой ночью огневой.

Что за пламенные дали
Открывала нам река!
Но не эти дни мы звали,
А грядущие века.

Пропускали дней гнетущих
Кратковременный обман,
Прозревали дней грядущих
Сине-розовый туман.

Пушкин! *Тайную свободу*
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?

Вот зачем такой знакомый
И родной для сердца звук —
Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук.

Вот зачем, в часы заката
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.

5 февраля 1921

НАБРОСКИ 1917 г.

* * *

И шел и шел

Затерян в безднах
Души скудельной
Тоски смертельной

Бросаясь в вихорь вихревой

Всадник мне навстречу
Смерть (4 раза)

Женщина с лошади — в пруд
И каждая вена чернеет
весной
Из фонтана всем телом дрожа...

* * *

В своих мы прихотях невольны,
Невольны мы в своей крови.
Дитя, как горестно и больно
Всходить по лестнице любви.

(Сребристый) месяц, лед хрустящий,
Окно в вечерней вышине,
И верь душе, и верь звенящей
И верь натянутой струне.

И начиная восхождение
Мы только слышим без конца
пенье
лица

* * *

На белой льдине — моржий клык

* * *

К стене приемного покоя
Носилки прислонил

Русский бред

Зачинайся, русский бред...

...Древний образ в темной раке,
Перед ним — подлец во фраке,
В лентах, звездах и крестах...

Воз скрипит по колее,
Поп идет по солее...

Три жиды в автомобиле...

Есть одно, что в ней скончалось
Безвозвратно
Но нельзя его оплакать
И нельзя его почитать,
Потому что там и тут,
В кучу сбившиеся тупо
Толстопузые мещане
Злобно чтут
Дорогую память трупа —
Там и тут,
Там и тут...

Так звени стрелой в тумане,
Гневный стих и гневный вздох,
Плач заказан, снов не свяжешь
Бредовым

* * *

Ты не получишь ничего,
Но быть дала ты обещанье
Хозяйкой дома моего

Шум смерти

Цыганка, стиснув зубы и качаясь, поет «для них»

Я вошел туда. Толпа гудела
На эстраде,
Стиснув зубы и качаясь, пела
Старая цыганка о былом.
В голосе гортанном и гнусавом
Я услышал тот степной напев.
И опять,

Стиснув зубы, и сложивши руки,
И качаясь, также погляжу,
И, припомнив молодость от скуки,
приворожу

ВОЗМЕЗДИЕ

Юность — это возмездие.
Ибсен

Пролог

Жизнь — без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
Над нами — сумрак неминуемый,
Иль ясность Божьего лица.
Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты знай,
Где стерегут нас ад и рай.
Тебе дано бесстрастной мерой

Измерить всё, что видишь ты.
Твой взгляд — да будет тверд и ясен.
Сотри случайные черты —
И ты увидишь: мир прекрасен.
Познай, где свет, — поймешь, где тьма.
Пускай же всё пройдет неспешно,
Что в мире свято, что в нем грешно,
Сквозь жар души, сквозь хлад ума.
Так Зигфрид правит меч над горном:
То в красный уголь обратит,
То быстро в воду погрузит —
И зашипит, и станет черным
Любимцу вверенный клинок...
Удар — он блещет, Нотунг верный,
И Миме, карлик лицемерный,
В смятеньи падает у ног!

Кто меч скует? — Не знавший страха.
А я беспомощен и слаб,
Как все, как вы, — лишь умный раб,
Из глины созданный и праха, —
И мир — он страшен для меня.
Герой уж не разит свободно —
Его рука — в руке народной,
Стоит над миром столб огня,
И в каждом сердце, в мысли каждой —
Свой произвол и свой закон...
Над всей Европою дракон,
Разинув пасть, томится жаждой...
Кто нанесет ему удар?..
Не ведаем: над нашим станом,
Как встарь, повита даль туманом,
И пахнет гарью. Там — пожар.

Но песня — песнью всё пребудет,
В толпе всё кто-нибудь поет.
Вот — голову его на блюде

Царю плясунья подает;
Там — он на эшафоте черном
Слагает голову свою;
Здесь — именем клеймят позорным
Его стихи... И я пою, —
Но не за вами суд последний,
Не вам замкнуть мои уста!
Пусть церковь темная пуста,
Пусть пастырь спит; я до обедни
Пройду росистую межу,
Ключ ржавый поверну в затворе
И в алом от зари притворе
Свою обедню отслужу.

Ты, поразившая Денницу,
Благослови на здешний путь!
Позволь хоть малую страницу
Из книги жизни повернуть.
Дай мне неспешно и нелживо
Поведать пред Лицом Твоим
О том, что мы в себе таим,
О том, что в здешнем мире живо,
О том, как зреет гнев в сердцах,
И с гневом — юность и свобода,
Как в каждом дышит дух народа.
Сыны отражены в отцах:
Коротенький обрывок рода —
Два-три звена — и уж ясны
Заветы темной старины:
Созрела новая порода —
Угль превращается в алмаз.
Он, под киркой трудолюбивой,
Восстав из недр неторопливо,
Предстанет — миру напоказ!
Так бей, не знай отдохновенья,
Пусть жила жизни глубока:
Алмаз горит издалека —
Дроби, мой гневный ямб, камня!

Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век!
Тобою в мрак ночной, беззвездный
Беспечный брошен человек!
В ночь умозрительных понятий,
Матерьялистских малых дел,
Бессильных жалоб и проклятий,
Бескровных душ и слабых тел!
С тобой пришли чуме на смену
Нейрастения, скука, сплин,
Век расшибанья лбов о стену
Экономических доктрин,
Конгрессов, банков, федераций,
Застольных спичей, красных слов,
Век акций, рент и облигаций,
И мало действенных умов,
И дарований половинных
(Так справедливей — пополам!),
Век не салонов, а гостиных,
Не Рекамье, — а просто дам...
Век буржуазного богатства
(Растущего незримо зла!).
Под знаком равенства и братства
Здесь зрели темные дела...
А человек? — Он жил безвольно:
Не он — машины, города,
«Жизнь» так бескровно и безбольно
Пытала дух, как никогда...
Но тот, кто двигал, управляя
Марионетками всех стран, —
Тот знал, что делал, насылая
Гуманистический туман:
Там, в сером и гнилом тумане,
Увяла плоть, и дух погас,
И Ангел сам священной брани,
Казалось, отлетел от нас:
Там — распри кровные решают

Дипломатическим умом,
Там — пушки новые мешают
Сойтись лицом к лицу с врагом,
Там — вместо храбрости — нахальство,
А вместо подвигов — «психоз»,
И вечно ссорится начальство,
И длинный громоздкóй обоз
Волóчит за собой команда,
Штаб, интендантов, грязь кляня,
Рожком горниста — рог Роланда
И шлем — фуражкой заменя...
Тот век немало проклинали
И не устанут проклинать.
И как избыть его печали?
Он мягко стлал — да жестко спать...

Двадцатый век... еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).
Пожары дымные заката
(Пророчества о нашем дне),
Кометы грозной и хвостатой
Ужасный призрак в вышине,
Безжалостный конец Мессины
(Стихийных сил не превозмочь),
И неустанный рев машины,
Кующей гибель день и ночь,
Сознание страшное обмана
Всех прежних малых дум и вер,
И первый взлет аэроплана
В пустыню неизвестных сфер...
И отвращение от жизни,
И к ней безумная любовь,
И страсть, и ненависть к отчизне...
И черная, земная кровь
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслышанные перемены,

Невиданные мятежи...
Что ж, человек? — За ревом стали,
В огне, в пороховом дыму,
Какие огненные дали
Открылись взору твоему?
О чем — машин немолчный скрежет?
Зачем — пропеллер, воя, режет
Туман холодный — и пустой?

Теперь — за мной, читатель мой,
В столицу севера большую,
На отдаленный финский брег!
Уж осень семьдесят восьмью
Дотягивает старый век.
В Европе спорится работа,
А здесь — по-прежнему в болото
Глядит унылая заря...
Но в половине сентября
В тот год, смотри, как солнца много!
Куда народ валит с утра?
И до заставы всю дорогу
Горохом сыплется *ура*,
И Забалканский, и Сенная
Кишат полицией, толпой,
Крик, давка, ругань площадная...
За самой городской чертой,
Где светится Золотоглавый
Новодевичий монастырь,
Заборы, бойни и пустырь
Перед Московскою заставой, —
Стена народу, тьма карет,
Пролетки, дрожки и коляски,
Султаны, кивера и каски,
Царица, двор и высший свет!
И пред растроганной царицей,
В осенней солнечной пыли,
Войска проходят вереницей
От рубежей чужой земли...

Идут, как будто бы с парада.
Иль не оставили следа
Недавний лагерь у Царьграда,
Чужой язык и города?
За ними — снежные Балканы,
Три Плевны, Шипка и Дубняк,
Незаживающие раны,
И хитрый, и неслабый враг...
Вон — павловцы, вон — гренадеры
По пыльной мостовой идут;
Их лица строги, груди серы,
Блестит Георгий там и тут,
Разрезаны их батальоны,
Но уцелевшие в бою
Теперь под рваные знамена
Склонили голову свою...
Конец тяжелого похода,
Незабываемые дни!
Пришли на родину они,
Они — средь своего народа!
Чем встретит их родной народ?
Сегодня — прошлому забвенью,
Сегодня — тяжкие виденья
Войны — пусть ветер разнесет!
И в час торжественный возврата
Они забыли обо всем:
Забыли жизнь и смерть солдата
Под неприятельским огнем,
Ночей, для многих — без рассвета,
Холодную, немую твердь,
Подстерегающую где-то —
И наступающую смерть,
Болезнь, усталость, боль и голод,
Свист пуль, тоскливый вой ядра,
Зальдевших ложементов холод,
Негреющий огонь костра,
И даже — бремя вечной розни
Среди штабных и строевых,
И (может, горше всех других)

Забыли интендантов козни...
Иль не забыли, может быть? —
Их с хлебом-солью ждут подносы,
Им речи будут говорить,
На них — цветы и папиросы
Летят из окон всех домов...
Да, дело трудное их — свято!
Смотри: у каждого солдата
На штык надет букет цветов!
У батальонных командиров —
Цветы на седлах, чепраках,
В петлицах выцветших мундиров,
На конских челках и в руках.

Идут, идут... Едва к закату
Придут в казармы: кто — сменить
На ранах корпию и вату,
Кто — на вечер лететь, пленять
Красавиц, щеголять крестами,
Слова небрежные ронять,
Лениво шевеля усами
Перед униженным «штрюком»,
Играя новым темляком
На алой ленточке, — как дети...

Иль, в самом деле, люди эти
Так интересны и умны?
За что они вознесены
Так высоко, за что в них вера? —
В глазах любого офицера
Стоят видения войны.
На их, обычных прежде, лицах
Горят заемные огни.
Чужая жизнь свои страницы
Перевернула им. Они
Все крещены огнем и делом;
Их речи об одном твердят:
Как Белый Генерал на белом
Коне, средь вражеских гранат,

Стоял, как призрак невредимый,
Шутя спокойно над огнем;
Как красный столб огня и дыма
Взвился над Горным Дубняком;
О том, как полковое знамя
Из рук убитый не пускал;
Как пушку горными тропами
Тащить полковник помогал;
Как царский конь, храпя, запылся
Пред искалеченным штыком,
Царь посмотрел и отвернулся,
И заслонил глаза платком...
Да, им известны боль и голод
С простым солдатом наравне...
Того, кто побыл на войне,
Порой пронизывает холод —
То роковое *всё равно*,
Которое подготавливает
Чреду событий мировых
Лишь тем одним, что не мешает...
Всё отразится на таких
Полубезумною насмешкой...
И власть торопится скорей
Всех тех, кто перестал быть пешкой,
В тур превращать, или в коней...

А нам, читатель, не пристало
Считать коней и тур никак,
С тобой нас нынче затесало
В толпу глазееющих зевак,
Нас вовсе ликование это
Заставило забыть вчера...
У нас в глазах пестрит от света,
У нас в ушах гремит *ура!*
И многие, забывшись слишком,
Ногами штатскими пылят,
Подобно уличным мальчишкам,
Близ марширующих солдат,
И этот чувств прилив мгновенный

Здесь — в петербургском сентябре!
Смотри: глава семьи почтенный
Сидит верхом на фонаре!
Его давно супруга кличет,
Напрасной ярости полна,
И, чтоб услышал, зонтик тычет,
Куда не след, ему она.
Но он и этого не чувствует
И, несмотря на общий смех,
Сидит, и в ус себе не дует,
Каналья, видит лучше всех!..
Прошли... В ушах лишь стонет эхо,
А всё — не разогнать толпу;
Уж с бочкой водовоз проехал,
Оставив мокрую тропу,
И ванька, тумбу огибая,
Напер на барыню — орет
Уже по этому случаю
Бегущий подсобить народ
(Городовой — свистки дает)...
Проследовали экипажи,
В казармах сыграна заря, —
И сам отец семейства даже
Полез послушно с фонаря,
Но, расходясь, все ждуг чего-то...

Да, нынче, в день возврата их,
Вся жизнь в столице, как пехота,
Гремит по камню мостовых,
Идет, идет — нелепым строем,
Великолепна и шумна...

Пройдет одно — придет другое,
Вглядись — уже не та она,
И той, мелькнувшей, нет возврата,
Ты в ней — как в старой старине...

Замедлил бледный луч заката
В высоком, невзначай, окне.

Ты мог бы в том окне приметить
За рамой — бледные черты,
Ты мог бы некий знак заметить,
Которого не знаешь ты,
Но ты проходишь — и не взглянешь,
Встречаешь — и не узнаешь,
Ты за другими в сумрак канешь,
Ты за толпой вослед пройдешь.
Ступай, прохожий, без вниманья,
Свой ус лениво беребя,
Пусть встречный человек и зданье —
Как все другие — для тебя.
Ты занят всякими делами,
Тебе, конечно, невдомек,
Что вот за *этими* стенами
И твой скрываться может рок...
(Но, если б ты умом раскинул,
Забыв жену и самовар,
Со страху ты бы рот разинул
И сел бы прямо на троттуар!..)

Смеркается. Спустились шторы.
Набита комната людьми,
И за прикрытыми дверьми
Идут глухие разговоры,
И эта сдержанная речь
Полна заботы и печали.
Огня еще не зажигали
И вовсе не спешат зажечь.
В вечернем мраке тонут лица,
Вглядись — увидишь ряд один
Теней неясных, вереницу
Каких-то женщин и мужчин.
Собрание не многоречиво,
И каждый гость, входящий в дверь,
Упорным взглядом молчаливо
Осматривается, как зверь.
Вот кто-то вспыхнул папироской:
Средь прочих — женщина сидит:

Большой ребячий лоб не скрыт
Простой и скромною прической,
Широкий белый воротник
И платье черное — всё просто,
Худая, маленького роста,
Голубоокий детский лик,
Но, как бы что найдя за далью,
Глядит внимательно, в упор,
И этот милый, нежный взор
Горит отвагой и печалью...
Кого-то ждут... Гремит звонок.
Неспешно отворяя двери,
Гость новый входит на порог:
В своих движениях уверен
И статен; мужественный вид;
Одет совсем как иностранец,
Изысканно; в руке блестит
Высокого цилиндра глянец;
Едва приметно затемнен
Взгляд карих глаз сурово-кроткий;
Наполеоновской бородкой
Рот беспокойный обрамлен;
Большеголовый, темновласый —
Красавец вместе и урод:
Тревожный передернут рот
Меланхолической гримасой.

И сонм собравшихся затих...
Два слова, два рукопожатья —
И гость к ребенку в черном платье
Идет, минуя остальных...
Он смотрит долго и любовно,
И крепко руку жмет не раз,
И молвит: «Поздравляю вас
С побегом, Соня... Софья Львовна!
Опять — на смертную борьбу!»
И вдруг — без видимой причины —
На этом странно-белом лбу
Легли глубоко две морщины...

Заря погасла. И мужчины
Вливают в чашу ром с вином,
И пламя синим огоньком
Под полной чашей побежало.
Над ней кладут крестом кинжалы.
Вот пламя ширится — и вдруг,
Взбежав над жженкой, задрожало
В глазах столпившихся вокруг...
Огонь, борясь с толпою мраков,
Лилово-синий свет бросал,
Старинной песни гайдамаков
Напев согласный зазвучал,
Как будто — свадьба, новоселье,
Как будто — всех не ждет гроза,
Такое детское веселье
Зажгло суровые глаза...

Прошло одно — идет другое,
Проходит пестрый ряд картин.
Не замедляй, художник: вдвое
Заплатишь ты за миг один
Чувствительного промедленья,
И, если в этот миг тебя
Грозит покинуть вдохновенье, —
Пеняй на самого себя!
Тебе единым на потребу
Да будет — *пристальность* твоя.

В те дни под петербургским небом
Живет дворянская семья.
Дворяне — все родня друг другу,
И приучили их века
Глядеть в лицо другому кругу
Всегда немного свысока.
Но власть тихонько ускользала
Из их изящных белых рук,
И записались в либералы
Честнейшие из царских слуг,
А всё, в безразличности природной,

Меж волей царской и народной
Они испытывали боль
Нередко от обеих волей.
Всё это может показаться
Смешным и устарелым нам,
Но, право, может только хам
Над русской жизнью издеваться,
Она всегда — меж двух огней,
Не всякий может стать героем,
И люди лучшие — не скроем —
Бессильны часто перед ней,
Так неожиданно сурова
И вечных перемен полна;
Как вешняя река, она
Внезапно тронуться готова,
На льдины льдины громоздить
И на пути своем крушить
Виновных, как и невиновных,
И нечиновных, как чиновных...

Так было и с моей семьей:
В ней старина еще дышала
И жить по-новому мешала,
Вознаграждая тишиной
И благородством запоздалым
(Не так в нем вовсе толку мало,
Как думать принято теперь,
Когда в любом семействе дверь
Открыта настежь зимней выюге,
И ни малейшего труда
Не стоит изменить супруге,
Как муж, лишившийся стыда).
И *нигилизм* здесь был беззлобен,
И дух естественных наук
(Властей ввергающий в испуг)
Здесь был религии подобен.
«Семейство — вздор, семейство — блажь», —
Любили здесь примолвить гневно,
А в глубине души — всё та ж

«Княгиня Марья Алексевна»...
Живая память старины
Должна была дружить с неверьем —
И были все часы полны
Каким-то новым «двоеверьем»,
И заколдован был сей круг:
Свои словечки и привычки,
Над всем чужим — всегда кавычки,
И даже иногда — испуг;
А жизнь меж тем кругом менялась,
И зашаталось всё кругом,
И ветром новое врывалось
В гостеприимный старый дом:
То нигилист в косоворотке
Придет и нагло спросит водки,
Чтоб возмутить семьи покой
(В том видя долг гражданский свой),
А то — и гость весьма чиновный
Вбежит совсем не хладнокровно
С «Народной Волею» в руках —
Советоваться впопыхах,
Что неурядиц всех причиной?
Что предпринять пред «годовщиной»?
Как урезонить молодежь,
Опять поднявшую галдеж? —
Всем ведомо, что в доме этом
И обласкают, и поймут,
И благородным мягким светом
Всё осветят и обольют...

Жизнь старших близится к закату.
(Что ж, как полудня ни жалей,
Не остановишь ты с полей
Ползущий дым голубоватый).
Глава семьи — сороковых
Годов соратник; он поныне,
В числе людей передовых,
Хранит гражданские святыни,
Он с николаевских времен

Стоит на страже просвещения,
Но в буднях нового движенья
Немного заплутался он...
Тургеневская безмятежность
Ему сродни; еще вполне
Он понимает толк в вине,
В еде ценить умеет нежность;
Язык французский и Париж
Ему своих, пожалуй, ближе
(Как всей Европе: поглядишь —
И немец грезит о Париже),
И — ярый западник во всем —
В душе он — старый барин русский,
И убеждений склад французский
Со многим не мирится в нем;
Он на обедах у Бореля
Брюжжит не плоше Щедрина:
То — недоварены форели,
А то — уха им не жирна.
Таков закон судьбы железной:
Нежданный, как цветок над бездной,
Очаг семейный и уют...

В семье нечопорно растут
Три дочки: старшая — томится
И над кипсэком мужа ждет,
Второй — всегда не лень учиться,
Меньшая — скачет и поет,
Велит ей нрав живой и страстный
Дразнить в гимназии подруг
И косоцветкой ярко-красной
Вводит начальницу в испуг...
Вот подросли: их в гости водят,
В карете возят их на бал;
Уж кто-то возле окон ходит,
Меньшой записку подослал
Какой-то юнкер шаловливый —
И первых слез так сладок пыл,
А старшей — чинной и стыдливой —

Внезапно руку предложил
Вихрастый идеальный малый;
Ее готовят под венец...
«Смотри, он дочку любит мало, —
Ворчит и хмурится отец, —
Смотри, не нашего он круга...»
И втайне с ним согласна мать,
Но ревность к дочке друг от друга
Они стараются скрывать...
Торопит мать наряд венчальный,
Приданое поспешно шьют,
И на обряд (обряд печальный)
Знакомых и родных зовут...
Жених — противник всех обрядов
(Когда «страдает так народ»)
Невеста — точно тех же взглядов:
Она — с ним об руку пойдет,
Чтоб вместе бросить луч прекрасный,
«Луч света в царство тьмы»
(И лишь венчаться не согласна
Без флёр д'оранжа и фаты).
Вот — с мыслью о гражданском браке,
С челом мрачнее сентября,
Нечесаный, в нескладном фраке
Он предстоит у алтаря,
Вступая в брак «принципиально», —
Сей новоявленный жених.
Священник старый, либеральный,
Рукой дрожащей крестит их,
Ему, как жениху, невняты
Произносимые слова,
А у невесты — голова
Кружится; розовые пятна
Пылают на ее щеках,
И слезы тают на глазах...

Пройдет неловкая минута —
Они воротятся в семью,
И жизнь, при помощи уютга,

В свою вернется колею;
Им рано в жизнь; еще не скоро
Здоровым горбиться плечам;
Не скоро из ребячьих споров
С товарищами по ночам
Он выйдет, честный, на соломе
В мечтах почиющий жених...
В гостеприимном добром доме
Найдется комната для них,
А разрушение уклада
Ему, пожалуй, не к лицу:
Семейство просто будет радо
Ему, как новому жильцу,
Всё обойдется понемногу:
Конечно, младшей по нутру
Народницей и недотрогой
Дразнить замужнюю сестру,
Второй — краснеть и заступаться,
Сестру резоня и уча,
А старшей — томно забываться,
Склонясь у мужнина плеча;
Муж в это время спорит втуне,
Вступая в разговор с отцом
О социализме, о коммуне,
О том, что некто — «подлецом»
Отныне должен называться
За то, что совершил донос...
И вечно будет разрешаться
«Проклятый и большой вопрос»...

Нет, вешний лед круша, не смоем
Их жизни быстрая река:
Она оставит на покое
И юношу, и старика —
Смотреть, как будет лед носиться,
И как ломаться будет лед,
И им обоим будет сниться,
Что их «народ зовет вперед»...
Но эти детские химеры

Не помешают наконец
Кой-как приобрести манеры
(От этого не прочь отец),
Косоворотку на манишку
Сменить, на службу поступить,
Произвести на свет мальчишку,
Жену законную любить,
И, на посту не стоя «славном»,
Прекрасно исполнять свой долг
И быть чиновником исправным,
Без взяток видя в службе толк...
Да, этим в жизнь — до смерти рано;
Они похожи на ребят:
Пока не крикнет мать, — шалят;
Они — «не моего романа»:
Им — всё учиться, да болтать,
Да услаждать себя мечтами,
Но им навеки не понять
Тех, с обреченными глазами:
Другая стать, другая кровь —
Иная (жалкая) любовь...

Так жизнь текла в семье. Качали
Их волны. Вешняя река
Неслась — темна и широка,
И льдины грозно нависали,
И вдруг, помедлив, огибали
Сию старинную ладью...
Но скоро пробил час туманный —
И в нашу дружную семью
Явился незнакомец странный.

Встань, выйди поутру на луг:
На бледном небе ястреб кружит,
Чертя за кругом плавный круг,
Высматривая, где похуже
Гнездо припрятано в кустах...
Вдруг — птичий щебет и движение...
Он слушает... еще мгновение —

Слетает на прямых крылах...
Тревожный крик из гнезд соседних,
Печальный писк птенцов последних,
Пух нежный по ветру летит —
Он жертву бедную когтит...
И вновь, взмахнув крылом огромным,
Взлетел — чертить за кругом круг,
Несытым оком и бездомным
Осматривать пустынный луг...
Когда ни взглянешь, — кружит, кружит...

Россия-мать, как птица, тужит
О детях; но — ее судьба,
Чтоб их терзали ястреба.

На вечерах у Анны Вревской
Был общества отборный цвет.
Больной и грустный Достоевский
Ходил сюда на склоне лет
Суровой жизни скрасить бремя,
Набраться сведений и сил
Для «Дневника». (Он в это время
С Победоносцевым дружил.)
С простертой дланью вдохновенно
Полонский здесь читал стихи.
Какой-то экс-министр смиренно
Здесь исповедывал грехи.
И ректор университета
Бывал ботаник здесь Бекетов,
И многие профессора,
И слуги кисти и пера,
И также — слуги царской власти,
И недруги ее отчасти,
Ну, словом, можно встретить здесь
Различных состояний смесь.
В салоне этом без утайки,
Под обаянием хозяйки,
Славянофил и либерал
Взаимно руку пожимал

(Как, впрочем, водится издавна
У нас, в России православной:
Всем, слава богу, руку жмут).
И всех — не столько разговором,
Сколь оживленностью и взором, —
Хозяйка в несколько минут
К себе привлечь могла на диво.
Она, действительно, слыла
Обворожительно-красивой,
И вместе — добрая была.
Кто с Анной Павловной был связан, —
Всяк помянет ее добром
(Пока еще молчать обязан
Язык писателей о том).
Вмещал немало молодежи
Ее общественный салон:
Иные — в убежденьях схожи,
Тот — попросту в нее влюблен,
Иной — с конспиративным делом...
И всем нужна она была,
Все приходили к ней, — и смело
Она участие брала
Во всех вопросах без изъятья,
Как и в опасных предприятиях... —
К ней также из семьи моей
Всех трех возили дочерей.

Средь пожилых людей и чинных,
Среди зеленых и невинных —
В салоне Вревской был, как свой,
Один ученый молодой.
Непринужденный гость, привычный —
Он был со многими на «ты».
Его отмечены черты
Печатью не совсем обычной.
Раз (он гостиной проходил)
Его заметил Достоевский.
«Кто сей красавец? — он спросил
Негромко, наклонившись к Вревской: —

Похож на Байрона». — Слово
Крылатое все подхватили,
И все на новое лицо
Свое вниманье обратили.
На сей раз милостив был свет,
Обыкновенно — столь упрямый;
«Красив, умен», — твердили дамы,
Мужчины морщились: «поэт»...
Но, если морщатся мужчины,
Должно быть, зависть их берет,
А чувств прекрасной половины
Никто, сам черт, не разберет...
И дамы были в восхищеньи:
«Он — Байрон, значит — демон...» — Что ж?
Он впрямь был с гордым лордом схож
Лица надменным выраженьем
И чем-то, что хочу назвать
Тяжелым пламенем печали...
(Вообще, в нем странность замечали —
И всем хотелось замечать.)
Пожалуй, не было, к несчастью,
В нем только *воли* этой... Он
Одной какой-то тайной страстью,
Должно быть, с лордом был сравнен:
Потомок поздний поколений,
В которых жил мятежный пыл
Нечеловеческих стремлений, —
На Байрона он походил,
Как брат болезненный на брата
Здорового порой похож:
Тот самый отсвет красноватый,
И выраженья власти то ж,
И то же порыванье к бездне.
Но — тайно околдован дух
Усталым холодом болезни,
И пламень действенный потух,
И воли бешеной усилья
Отягчены сознанием.

Так —

Вращает хищник мутный зрак,
Больные расправляя крылья.

«Как интересен, как умен», —
За общим хором повторяет
Меньшая дочь. И уступает
Отец. И в дом к ним приглашен
Наш новоявленный Байрон.
И приглашенье принимает.

В семействе принят, как родной,
Красивый юноша. Вначале
В старинном доме над Невой
Его, как гостя, привечали,
Но скоро стариков привлек
Его дворянский склад старинный,
Обычай вежливый и чинный:
Хотя свободен и широк
Был новый лорд в своих воззрениях,
Но вежливость он соблюдал
И дамам ручки целовал
Он без малейшего презренья.
Его блестящему уму
Противоречия прощали,
Противоречий этих тьму
По доброте не замечали,
Их затмевал таланта блеск,
В глазах какое-то горенье...
(Ты слышишь сбитых крыльев треск? —
То хищник напрягает зренье...)
С людьми его еще тогда
Улыбка юности роднила,
Еще в те ранние года
Играть легко и можно было...
Он тьмы своей не ведал сам...

Он в доме запросто обедал
И часто всех по вечерам

Живой и пламенной беседой
Пленял. (Хоть он юристом был,
Но поэтическим примером
Не брезговал: Констан дружил
В нем с Пушкиным, и Штейн — с Флобером.)
Свобода, право, идеал —
Всё было для него не шуткой,
Ему лишь было втайне жутко:
Он, утверждая, отрицал
И утверждал он, отрицая.
(Всё б — в крайностях бродить уму —
А середина золотая
Всё не давалась ему!)
Он ненавистное — любовью
Искал порою окружить,
Как будто труп хотел налить
Живой, играющею кровью...
«Талант», — твердили все вокруг, —
Но, не гордясь (не уступая),
Он странно омрачался вдруг...
Душа больная, но младая,
Страшась себя (она права),
Искала утешенья: чужды
Ей становились все слова...
(О, пыль словесная! Что нужды
В тебе? — Утешишь ты едва ль,
Едва ли разрешишь ты муки!) —
И на покорную рояль
Властительно ложились руки,
Срывая звуки, как цветы,
Безумно, дерзостно и смело,
Как женских тряпок лоскуты
С готового отдаться тела...
Прядь упала на чело...
Он сотрясался в тайной дрожи...
(Всё, всё — как в час, когда на ложе
Двоих желание сплело...)
И там — за бурей музыкальной —
Вдруг возникал (как и тогда)

Какой-то образ — грустный, дальний,
Непостижимый никогда...
И крылья белые в лазури,
И неземная тишина...
Но эта тихая струна
Тонула в музыкальной буре...

Что ж стало? — Всё, что быть должно:
Рукопожатья, разговоры,
Потупленные долу взоры...
Грядущее отделено
Едва приметною чертою
От настоящего... Он стал
Своим в семье. Он красотою
Меньшую дочь очаровал.
И царство (царством не владея)
Он обещал ей. И ему
Она поверила, бледнея...
И дом ее родной в тюрьму
Он превратил (хотя нимало
С тюрьмой не сходствовал сей дом...).
Но чуждо, пусто, дико стало
Всё, прежде милое, кругом —
Под этим странным обаяньем
Сулящих новое речей,
Под этим демонским мерцаньем
Сверлящих пламенем очей...
Он — жизнь, он — счастье, он — стихия,
Она нашла героя в нем, —
И вся семья, и все родные
Претят, мешают ей во всем,
И всё ее волненье множит...
Она не ведает сама,
Что уж кокетничать не может.
Она — почти сошла с ума...
А он? —

Он медлит; сам не знает,
Зачем он медлит, для чего?
И ведь нимало не прельщает

Армейский демонизм его...
Нет, мой герой довольно тонок
И прозорлив, чтобы не знать,
Как бедный мучится ребенок,
Что счастье ребенку дать —
Теперь — в его единой власти...
Нет, нет... но замерли в груди
Доселе пламенные страсти,
И кто-то шепчет: погоди...
То — ум холодный, ум жестокий
Вступил в неожиданные права...
То — муку жизни одинокой
Предугадала голова...
«Нет, он не любит, он играет, —
Твердит она, судьбу кляня, —
За что терзает и пугает
Он беззащитную, меня...
Он объясненья не торопит,
Как будто сам чего-то ждет...»
(Смотри: так хищник силы копит:
Сейчас — больным крылом взмахнет,
На луг опустится бесшумно
И будет пить живую кровь
Уже от ужаса — безумной,
Дрожащей жертвы...) — Вот — любовь
Того вампирственного века,
Который превратил в калек
Достойных званья человека!

Будь трижды проклят, жалкий век!
Другой жених на этом месте
Давно отряс бы прах от ног,
Но мой герой был слишком честен
И обмануть ее не мог:
Он не гордился нравом странным,
И было знать ему дано,
Что демоном и Дон-Жуаном
В тот век вести себя — смешно...
Он много знал — себе на горе,

Сльвя не даром «чудаком»
В том дружном человечьем хоре,
Который часто мы зовем
(Промеж себя) — бараньим стадом...
Но — «глас народа — Божий глас»,
И это чаще помнить надо,
Хотя бы, например, сейчас:
Когда б он был глупей немного
(Его ль, однако, в том вина?), —
Быть может, лучшую дорогу
Себе избрать могла она,
И, может быть, с такою нежной
Дворянской девушкой связав
Свой рок холодный и мятежный, —
Герой мой был совсем не прав...

Но всё пошло неотвратимо
Своим путем. Уж лист, шурша,
Крутился. И неудержимо
У дома старилась душа.
Переговоры о Балканах
Уж дипломаты повели,
Войска пришли и спать легли,
Нева закуталась в туманах,
И штатские пошли дела,
И штатские пошли вопросы:
Аресты, обыски, доносы
И покушенья — без числа...
И книжной крысой настоящей
Мой Байрон стал средь этой мглы;
Он диссертацией блестящей
Стяжал отменные хвалы
И принял кафедру в Варшаве...
Готовясь лекции читать,
Запуганный в гражданском праве,
С душой, начавшей уставать, —
Он скромно предложил ей руку,
Связал ее с своей судьбой
И в даль увез ее с собой,

Уже питая в сердце скуку, —
Чтобы жена с ним до звезды
Делила книжные труды...

Прошло два года. Грянул взрыв
С Екатеринына канала,
Россию облаком покрыв.
Все издалёка предвещало,
Что час свершится роковой,
Что выпадет такая карта...
И этот века час дневной —
Последний — назван *первым марта*.

В семье — печаль. Упразднена,
Как будто, часть ее большая:
Всех веселила дочь меньшая,
Но из семьи ушла она,
А жить — и путанно, и трудно:
То — над Россией дым стоит...
Отец, седея, в дым глядит...
Тоска! От дочки вести скудны...
Вдруг — возвращается она...
Что с ней? Как стан прозрачный тонок!
Худа, измучена, бледна...
И на руках лежит ребенок.

ВТОРАЯ ГЛАВА
Вступление

I

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи,
А только — тень огромных крыл;
Он дивным кругом очертил

Россию, заглянув ей в очи
Стеклянным взором колдуна;
Под умный говор сказки чудной
Уснуть красавице не трудно, —
И затуманилась она,
Заспав надежды, думы, страсти...
Но и под игом темных чар
Ланиты красил ей загар:
И у волшебника во власти
Она казалась полной сил,
Которые рукой железной
Зажаты в узел бесполезный...
Колдун одной рукой кадил,
И струйкой синей и кудрявой
Курился росный ладан... Но —
Он клал другой рукой костлявой
Живые души под сукно.

II

В те незапамятные годы
Был Петербург еще грозней,
Хоть не тяжеле, не серей
Под крепостью катила воды
Необозримая Нева...
Штык светил, плакали куранты,
И те же барыни и франты
Летели здесь на острова,
И так же конь чуть слышным смехом
Коню навстречу отвечал,
И черный ус, мешаясь с мехом,
Глаза и губы щекотал...
Я помню, так и я, бывало,
Летал с тобой, забыв весь свет,
Но... право, проку в этом нет,
Мой друг, и счастья в этом мало...

III

Востока страшная заря
В те годы чуть еще алела...
Чернь петербургская глазела
Подобострастно на царя...
Народ толпился в самом деле,
В медалях кучер у дверей
Тяжелых горячил коней,
Городовые на панели
Сгоняли публику... «Ура»
Заводит кто-то голосистый,
И царь, огромный, водянистый,
С семейством едет со двора...
Весна, но солнце светит глупо,
До Пасхи — целых семь недель,
А с крыш холодная капель
Уже за воротник мой тупо
Сползает, спину холодя...
Куда ни повернись, всё ветер...
«Как тошно жить на белом свете», —
Бормочешь, лужу обходя;
Собака под ноги суется,
Калоши сыщика блестят,
Вонь кислая с дворов несется,
И «князь» орет: «Халат, халат!»
И, встретившись лицом с прохожим,
Ему бы в рожу наплевал,
Когда б желанья того же
В его глазах не прочитал...

IV

Но перед майскими ночами
Весь город погружался в сон,
И расширялся небосклон;
Огромный месяц за плечами
Таинственно румянил лик

Перед зарей необозримой...
О, город мой неуловимый,
Зачем над бездной ты возник?..
Ты помнишь: выйдя ночью белой
Туда, где в море сфинкс глядит,
И на обтесанный гранит
Склонясь главой отяжелелой,
Ты слышать мог: вдали, вдали,
Как будто с моря, звук тревожный,
Для Божьей тверди невозможный
И необычный для земли...
Провидел ты всю даль, как Ангел
На шпигеле крепостном; и вот —
(Сон, или явь): чудесный флот,
Широко развернувший флаги,
Внезапно заградил Неву...
И Сам Державный Основатель
Стоит на головном фрегате...
Так снилось многим наяву...
Какие ж сны тебе, Россия,
Какие бури суждены?..
Но в эти времена глухие
Не всем, конечно, снились сны...
Да и народу не бывало
На площади в сей дивный миг
(Один любовник запоздалый
Спешил, поднявши воротник)...
Но в алых струйках за кормами
Уже грядущий день сиял,
И дремлющими вымпелами
Уж ветер утренний играл,
Раскинулась необозримо
Уже кровавая заря,
Гроза Артуром и Цусимой,
Гроза Девятым января...

Не чувствуя ни нужды, ни охоты заканчивать поэму, полную революционных предчувствий, в год, когда революция уже произошла, я хочу предпослать наброску последней главы рассказ о том, как поэма родилась, каковы были причины ее возникновения, откуда произошли ее ритмы.

Интересно и бесполезно и для себя, и для других припомнить историю собственного произведения. К тому же нам, счастливейшим или несчастливейшим детям своего века, приходится помнить всю свою жизнь; все годы наши резко окрашены для нас, и — увы! забыть их нельзя — они окрашены слишком неизгладимо, так что каждая цифра кажется написанной кровью; мы и не можем забыть этих цифр; они написаны на наших собственных лицах.

Поэма «Возмездие» была задумана в 1910 году и в главных чертах была набросана в 1911 году. Что это были за годы? 1910 год — это смерть Коммиссаржевской, смерть Врубеля и смерть Толстого. С Коммиссаржевской умерла лирическая нота на сцене; с Врубелем — громадный личный мир художника, безумное упорство, ненасытность исканий — вплоть до помешательства. С Толстым умерла человеческая нежность — мудрая человечность.

Далее, 1910 год — это кризис символизма, о котором тогда очень много писали и говорили как в лагере символистов, так и в противоположном. В этом году явственно дали о себе знать направления, которые встали во враждебную позицию и к символизму, и друг к другу: акмеизм, эгофутуризм и первые начатки футуризма. Лозунгом первого из этих направлений был человек — но какой-то уже другой человек, вовсе без человечности, какой-то «первозданный» Адам.

Зима 1911 года была исполнена глубокого внутреннего мужественного напряжения и трепета. Я помню ночные разговоры, из которых впервые выросло сознание нераздельности и неслиянности искусства, жизни и политики. Мысль, которую, по-видимому, будили сильные толчки

извне, одновременно стучалась во все эти двери, не удовлетворяясь более слиянием всего воедино, что было легко и возможно в истинном мистическом сумраке годов, предшествовавших первой революции, а также — в неистинном мистическом похмелье, которое наступило вслед за нею.

Именно мужественное веянье преобладало: трагическое сознание неслиянности и нераздельности всего — противоречий непримиримых и требовавших примирения. Ясно стал слышен северный жесткий голос Стриндберга, которому остался всего год жизни. Уже был ощутим запах гари, железа и крови. Весной 1911 года П. Н. Милоков прочел интереснейшую лекцию под заглавием «Вооруженный мир и сокращение вооружений». В одной из московских газет появилась пророческая статья: «Близость большой войны». В Киеве произошло убийство Андрея Ющинского, и возник вопрос об употреблении евреями христианской крови. Летом этого года, исключительно жарким, так что трава горела на корню, в Лондоне происходили грандиозные забастовки железнодорожных рабочих, в Средиземном море — разыгрался знаменательный эпизод «Пантера-Агадир».

Неразрывно со всем этим для меня связан расцвет французской борьбы в петербургских цирках; тысячная толпа проявляла исключительный интерес к ней; среди борцов были истинные художники; я никогда не забуду борьбы безобразного русского тяжеловеса с голландцем, мускульная система которого представляла из себя совершеннейший музыкальный инструмент редкой красоты.

В этом именно году, наконец, была в особенной моде у нас авиация; все мы помним ряд красивых воздушных пелетей, полетов вниз головой — падений и смертей талантливых и бездарных авиаторов.

Наконец, осенью в Киеве был убит Столыпин, что знаменовало окончательный переход управления страной из рук полудворянских, получиновничьих в руки департамента полиции. Все эти факты, казалось бы, столь различные, для меня имеют один музыкальный смысл. Я привык сопоставлять факты из всех областей жизни, доступных моему

зрению в данное время, и уверен, что все они вместе всегда создают единый музыкальный напор.

Я думаю, что простейшим выражением ритма того времени, когда мир, готовившийся к неслыханным событиям, так усиленно и планомерно развивал свои физические, политические и военные мускулы, был ямб. Вероятно, поэтому повлекло и меня, издавна гонимого по миру бичами этого ямба, отдаться его упругой воле на более продолжительное время.

Тогда мне пришлось начать постройку большой поэмы под названием «Возмездие». Ее план представлялся мне в виде концентрических кругов, которые становились все *уже и уже*, и самый маленький круг, съезжившись до предела, начинал опять жить своею самостоятельной жизнью, расширяться и раздвигать окружающую среду и, в свою очередь, действовать на периферию. Такова была жизнь чертежа, который мне рисовался — в сознание и на слова я это стараюсь перевести лишь сейчас; тогда это присутствовало преимущественно в понятии музыкальном и мускульном; о мускульном сознании я говорю недаром, потому что в то время всё движение и развитие поэмы для меня тесно соединилось с развитием мускульной системы. При систематическом ручном труде развиваются сначала мускулы на руках, так называемые бицепсы, а потом уже — постепенно — более тонкая, более изысканная и более редкая сеть мускулов на груди и на спине под лопатками. Вот такое ритмическое и постепенное нарастание мускулов должно было составлять ритм всей поэмы. С этим связана и ее основная идея, и тема.

Тема заключается в том, как развиваются звенья единой цепи рода. Отдельные отпрыски всякого рода развиваются до положенного им предела и затем вновь поглощаются окружающей мировой средой; но в каждом отпрыске зреет и отлагается нечто новое и нечто более острое, ценю бесконечных потерь, личных трагедий, жизненных неудач, падений и т. д.; ценою, наконец, потери тех бесконечно высоких свойств, которые в свое время сияли, как лучшие алмазы в человеческой короне (как, например, свойства гуманные, добродетели, безупречная честность, высокая нравственность и проч.)

Словом, мировой водоворот засасывает в свою воронку почти всего человека; от личности почти вовсе не остается следа, сама она, если остается еще существовать, становится неузнаваемой, обезображенной, искалеченной. Был человек — и не стало человека, осталась дрянная вялая плоть и тлеющая душонка. Но семя брошено, и в следующем первенце растет новое, более упорное; и в последнем первенце это новое и упорное начинает, наконец, ощутительно действовать на окружающую среду; таким образом, род, испытавший на себе возмездие истории, начинает, в свою очередь, творить возмездие; последний первенец уже способен огрызаться и издавать львиное рычание; он готов ухватиться своей человеческой ручонкой за колесо, которым движется история человечества. И, может быть, ухватится-таки за него...

Что же дальше? Не знаю, и никогда не знал; могу сказать только, что вся эта концепция возникла под давлением всё растущей во мне ненависти к различным теориям прогресса. Такую идею я хотел воплотить в моих «Rougon-Macquart'ax» в малом масштабе, в коротком обрывке рода русского, живущего в условиях русской жизни: «Два-три звена, и уже видны заветы темной старины»... Путем катастроф и падений мои «Rougon-Macquart'ы» постепенно освобождаются от русско-дворянского *éducation sentimentale*¹, «утоль превращается в алмаз», Россия — в новую Америку; в новую, а не в старую Америку.

Поэма должна была состоять из пролога, трех больших глав и эпилога.

Каждая глава обрамлена описанием событий мирового значения; они составляют ее фон. Первая глава развивается в 70-х годах прошлого века, на фоне русско-турецкой войны и народофильского движения, в просвещенной либеральной семье; в эту семью является некий «демон», первая ласточка «индивидуализма», человек, похожий на Байрона, с какими-то нездешними порываниями и стремлениями, притупленными, однако, болезнью века, начинающимся *fin de siècle*².

1 чувствительного воспитания (фр.).

2 концом века (фр.).

Вторая глава, действие которой развивается в конце XIX и начале XX века, так и не написанная, за исключением вступления, должна была быть посвящена сыну этого «демона», наследнику его мятежных порывов и болезненных падений, — *бесчувственному* сыну нашего века. Это — тоже лишь одно из звеньев длинного рода; от него тоже не останется, по-видимому, ничего, кроме искры огня, заброшенной в мир, кроме семени, кинутого им в страстную и грешную ночь в лоно какой-то тихой и женственной дочери чужого народа.

В третьей главе описано, как кончил жизнь отец, что случилось с бывшим блестящим «демоном», в какую бездну упал этот яркий когда-то человек. Действие поэмы переносится из русской столицы, где оно до сих пор развивалось, в Варшаву — кажущуюся сначала «задворками России», а потом призванную, по-видимому, играть некую мессианскую роль, связанную с судьбами забытой богом и истерзанной Польши. Тут, над свежей могилой отца, заканчивается развитие и жизненный путь сына, который уступает место собственному отпрыску, третьему звену всё того же высоко взлетающего и низко падающего рода.

В эпилоге должен быть изображен младенец, которого держит и баюкает на коленях простая мать, затерянная где-то в широких польских клеверных полях. Но она баюкает и кормит грудью сына, и сын растет; он начинает уже играть, он повторяет по складам вслед за матерью: «И я пойду навстречу солдатам... И я брошусь на их штыки... И за тебя, моя свобода, взойду на черный эшафот». Вот, по-видимому, круг человеческой жизни, съездившийся до предела, последнее звено длинной цепи; тот круг, который сам, наконец, начинает топорщиться, давить на окружающую среду, на периферию; вот отпрыск рода, который, может быть, наконец, ухватится ручонкой за колесо, движущее человеческую историю.

Вся поэма должна сопровождаться определенным лейтмотивом «возмездия»; этот лейтмотив есть *мазурка*, танец, который носил на своих крыльях Марину, мечтавшую о русском престоле, и Костюшку с протянутой к небесам десницей, и Мицкевича на русских и парижских балах. В первой

главе этот танец легко доносится из окна какой-то петербургской квартиры — глухие 70-е годы; во второй главе танец гремит на балу, смешиваясь со звоном офицерских шпор, подобный пене шампанского fin de siècle, знаменитой veuve Cliquot; еще более глухие — цыганские, апухтинские годы; наконец, в третьей главе мазурка разгулялась: она звенит в снежной вьюге, проносащейся над ночной Варшавой, над занесенными снегом польскими клеверными полями. В ней явственно слышится уже голос Возмездия.

Июля 1919

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Отец лежит в «Аллее Роз»¹,
Уже с усталостью не споря,
А сына поезд мчит в мороз
От берегов родного моря...
Жандармы, рельсы, фонари,
Жаргон и пейсы вековые, —
И вот — в лучах больной зари
Задворки польские России...
Здесь всё, что было, всё, что есть,
Надуто мстительной химерой;
Коперник сам лелеет мечь,
Склоняясь над пустою сферой...
«Мечь! Мечь!» — в холодном чугуне
Звенит, как эхо, над Варшавой:
То Пан-Мороз на злом коне
Бряцает шпорою кровавой...
Вот оттепель: блеснет живей
Край неба желтизной ленивой,
И очи панн чертят смелей
Свой круг ласкательный и льстивый...
Но всё, что в небе, на земле,
По-прежнему полно печалью...

1 Улица в Варшаве. (Примеч. А. Блока)

Лишь рельс в Европу в мокрой мгле
Поблескивает честной сталью.

Вокзал заплеванной; дома,
Коварно преданные вьюгам;
Мост через Вислу — как тюрёма;
Отец, сраженный злым недугом, —
Всё внове баловню судеб;
Ему и в этом мире скудном
Мечтается о чем-то чудном;
Он хочет в камне видеть хлеб,
Бессмертья знак — на смертном ложе,
За тусклым светом фонаря
Ему мерещится заря
Твоя, забывший Польшу, Боже! —
Что здесь он с юностью своей?
О чем у ветра жадно просит? —
Забывтый лист осенних дней
Да пыль сухую ветер носит!
А ночь идет, ведя мороз,
Усталость, сонные желанья...
Как улиц гадостны названья!
Вот, наконец, «Аллея Роз»!.. —
Неповторимая минута:
Больница в сон погружена, —
Но в раме светлого окна
Стоит, оборотясь к кому-то,
Отец... и сын, едва дыша,
Глядит, глазам не доверяя...
Как будто в смутном сне душа
Его застыла молодая,
И злую мысль не отогнать:
«Он жив еще!.. В чужой Варшаве
С ним разговаривать о праве,
Юристов с ним критиковать!..»
Но всё — одной минуты дело:
Сын быстро ищет ворота
(Уже больница заперта),
Он за звонок берется смело

И входит... Лестница скрипит...
Усталый, грязный от дороги
Он по ступенькам вверх бежит
Без жалости и без тревоги...
Свеча мелькает... Господин
Загородил ему дорогу
И, всматриваясь, молвит строго:
«Вы — сын профессора?» — «Да, сын...»
Тогда (уже с любезной миной):
«Прошу вас. В пять он умер. Там...»

Отец в гробу был сух и прям.
Был нос прямой — а стал орлиный.
Был жалок этот смятый одр,
И в комнате, чужой и тесной,
Мертвец, собравшийся на смотр,
Спокойный, желтый, бессловесный...
«Он славно отдохнет теперь», —
Подумал сын, спокойным взглядом
Смотря в отворенную дверь...
(С ним кто-то неотлучно рядом
Глядел туда, где пламя свеч,
Под веяньем неосторожным
Склоняясь, озарит тревожно
Лик желтый, туфли, узость плеч, —
И, выпрямляясь, слабо чертит
Другие тени на стене...
А ночь стоит, стоит в окне...)
И мыслит сын: «Где ж праздник Смерти?
Отцовский лик так странно тих...
Где язвы дум, морщины муки,
Страстей, отчаянья и скуки?
Иль смерть смела бесследно их?»
Но все утомлены. Покойник
Сегодня может спать один.
Ушли родные. Только сын
Склонен над трупом... Как разбойник,
Он хочет осторожно снять
Кольцо с руки оцепенелой...

(Неопытному трудно смело
У мертвых пальцы разгибать).
И только преклонил колени
Над самой грудью мертвеца,
Увидел он, *какие* тени
Легли вдоль этого лица...
Когда же с непокорных пальцев
Кольцо скользнуло в жесткий гроб,
Сын окрестил отцовский лоб,
Прочтя на нем печать скитальцев,
Гонимых по миру судьбой...
Поправил руки, образ, свечи,
Взглянул на вскинутые плечи
И вышел, молвив: «Бог с тобой».

Да, сын любил тогда отца
Впервой — и, может быть, в последний,
Сквозь скуку панихид, обедней,
Сквозь пошлость жизни без конца...
Отец лежал не очень строго:
Торчал измятый клок волос;
Всё шире с тайною тревогой
Вскрывался глаз, сгибался нос;
Улыбка жалкая кривила
Неплотно сжатые уста...
Но разложение — красота
Неизъяснимо победила...
Казалось, в этой красоте
Забыл он долгие обиды
И улыбался суете
Чужой военной панихиды...
А чернь старалась, как могла:
Над гробом говорили речи;
Цветками дама убрала
Его приподнятые плечи;
Потом на ребра гроба лег
Свинец полоскою беспорной
(Чтоб он, воскреснув, встать не мог).
Потом, с печалью непритворной,

От паперти казенной прочь
Тащили гроб, давя друг друга...
Бесснежная визжала вьюга.
Злой день сменяла злая ночь.

По незнакомым площадям
Из города в пустое поле
Все шли за гробом по пятам...
Кладбище называлось: «Воля».
Да! Песнь о *воле* слышим мы,
Когда могильщик бьет лопатой
По глыбам глины желтоватой;
Когда откроют дверь тюрьмы;
Когда мы изменяем женам,
А жены — нам; когда, узнав
О поруганьи чьих-то прав,
Грозим министрам и законам
Из запертых на ключ квартир;
Когда проценты с капитала
Освободят от идеала;
Когда... — На кладбище был мир.
И впрямь пахнуло чем-то вольным:
Кончалась скука похорон.
Здесь радостный галдеж ворон
Сливался с гулом колокольным...
Как пусты ни были сердца,
Все знали: эта жизнь — сгорела...
И даже солнце поглядело
В могилу бедную отца.

Глядел и сын, найти пытаясь
Хоть в желтой яме что-нибудь...
Но всё мелькало, расплываясь,
Слепя глаза, стесняя грудь...
Три дня, как три тяжелых года!
Он чувствовал, как стынет кровь...
Людская пошлость? Иль — погода?
Или — сыновняя любовь?
Отец от первых лет сознания

В душе ребенка оставлял
Тяжелые воспоминанья.
Отца он никогда не знал.
Они встречались лишь случайно,
Живя в различных городах,
Столь чуждые во всех путях
(Быть может, кроме самых тайных).
Отец ходил к нему, как гость,
Согбенный, с красными кругами
Вкруг глаз. За вялыми словами
Нередко шевелилась злость...
Внушал тоску и мысли злые
Его циничный, тяжкий ум,
Грязня туман сыновних дум.
(А думы глупые, младые...)
И только добрый льстивый взор,
Бывало, упал украдкой
На сына, странною загадкой
Врываясь в нудный разговор...
Сын помнит: в детской, на диване
Сидит отец, куря и злясь;
А он, безумно распался,
Вертится пред отцом в тумане...
Вдруг (злое, глупое дитя!) —
Как будто бес его толкает,
И он стремглав отцу вонзает
Булавку около локтя...
Растерян, побледнев от боли,
Тот дико вскрикнул...

Этот крик
С внезапной яркостью возник
Здесь, над могилой, на «Воле», —
И сын очнулся... Вьюги свист;
Толпа; могильщик холм ровняет;
Шуршит и бьется бурый лист...
И женщина навзрыд рыдает
Неудержимо и светло...
Никто с ней не знаком. Чело
Покрыто траурной фатою.

Что там? Небесной красотой
Оно сияет? Или — там
Лицо старухи некрасивой,
И слезы катятся лениво
По провалившимся щекам?
И не она ль тогда в больнице
Гроб вместе с сыном стерегла?..
Вот, не открыв лица, ушла...
Чужой народ кругом толпится...
И жаль отца, безмерно жаль:
Он *тоже* получил от детства
Флобера странное наследство —
Education sentimentale.
От панихид и от обедней
Избавлен сын; но в отчий дом
Идет он. Мы туда пойдем
За ним и бросим взгляд последний
На жизнь отца (чтобы уста
Поэтов не хвалили мира!).
Сын входит. Пасмурна, пуста
Сырая, темная квартира...
Привыкли чудачком считать
Отца — на то имели право:
На всем покоилась печать
Его тоскующего нрава;
Он был профессор и декан;
Имел ученые заслуги;
Ходил в дешевый ресторан
Поесть — и не держал прислуги;
По улице бежал бочком
Поспешно, точно пес голодный,
В шубенке никуда не годной
С потрепанным воротником;
И видели его сидевшим
На груди почернелых шпал;
Здесь он нередко отдыхал,
Вперяясь взглядом опустевшим
В прошедшее... Он «свел на нет»
Всё, что мы в жизни ценим строго:

Не освежалась много лет
Его убогая берлога;
На мебели, на грудях книг
Пыль стлалась серыми слоями;
Здесь в шубе он сидеть привык
И печку не топил годами;
Он всё берег и в кучу нес:
Бумажки, лоскутки материй,
Листочки, корки хлеба, перья,
Коробки из-под папирос,
Белья нестиранного груды,
Портреты, письма дам, родных
И даже то, о чем в своих
Стихах рассказывать не буду...
И наконец — убогий свет
Варшавский падал на кiotы
И на повестки и отчеты
«Духовно-нравственных бесед»...
Так, с жизнью счет сводя печальный,
Презревши молодости пыль,
Сей Фауст, когда-то радикальный,
«Правел», слабел... и *всё* забыл;
Ведь жизнь уже не жгла — чадила,
И однозвучны стали в ней
Слова: «свобода» и «еврей»...
Лишь музыка — одна будила
Отяжелевшую мечту:
Брюзжащие смолкали речи;
Хлам превращался в красоту;
Прямились сгорбленные плечи;
С нежданной силой пел рояль,
Будя неслыханные звуки:
Проклятия страстей и скуки,
Стыд, горе, светлую печаль...
И наконец — чахотку злую
Своею волей нажил он,
И слег в лечебницу плохую
Сей современный Гарпагон...

Так жил отец: скупцом, забытым
Людьми, и Богом, и собой,
Иль псом бездомным и забитым
В жестокой давке городской.
А сам... Он знал иных мгновений
Незабываемую власть!
Недаром в скуку, смрад и страсть
Его души — какой-то гений
Печальный залетал порой;
И Шумана будили звуки
Его озлобленные руки,
Он ведал холод за спиной...
И, может быть, в преданьях темных
Его слепой души, впотьмах —
Хранилась память глаз огромных
И крыл, изломанных в горах...
В ком смутно брезжит память эта,
Тот странен и с людьми не схож:
Всю жизнь его — уже поэта
Священная объемлет дрожь,
Бывает глух, и слеп, и нем он,
В нем почивает некий бог,
Его опустошает Демон,
Над коим Врубель изнемог...
Его прозрения глубоки,
Но их глушит ночная тьма,
И в снах холодных и жестоких
Он видит «Горе от ума».

Страна — под бременем обид,
Под игом наглого насилья —
Как Ангел, опускает крылья,
Как женщина, теряет стыд.
Безмолвствует народный гений,
И голоса не подает,
Не в силах сбросить ига лени,
В полях затерянный народ.
И лишь о сыне, ренегате,
Всю ночь безумно плачет мать,

Да шлет отец врагу проклятье
(Ведь старым нечего терять!..).
А сын — он изменил отчизне!
Он жадно пьет с врагом вино,
И ветер ломится в окно,
Взывая к совести и к жизни...

Не также ль и тебя, Варшава,
Столица гордых поляков,
Дремать принудила орава
Военных русских пошляков?
Жизнь глухо кроется в подпольи,
Молчат магнатские дворцы...
Лишь Пан-Мороз во все концы
Свирепо рыщет на раздольи!
Неистово взлетит над вами
Его седая голова,
Иль откидные рукава
Взметутся бурей над домами,
Иль конь заржет — и звоном струн
Ответит телеграфный провод,
Иль вздернет Пан взбешённый повод,
И четко повторит чугун
Удары мерзлого копыта
По опустелой мостовой...
И вновь, поникнув головой,
Безмолвен Пан, тоской убитый...
И, странствуя на злом коне,
Бряцает шпорою кровавой...
Мечь! Мечь! — Так эхо над Варшавой
Звонит в холодном чугуне!

Еще светлы кафэ и бар'ы,
Торгует телом «Новый свет»,
Кишат бесстыдные троттуары,
Но в переулках — жизни нет,
Там тьма и выюги завыванье...
Вот небо сжалилось — и снег
Глушит трескучей жизни бег,

Несет свое очарованье...
Он вьется, стелется, шуршит,
Он — тихий, вечный и старинный...
Герой мой милый и невинный,
Он и тебя запорошит,
Пока бесцельно и тоскливо,
Едва похоронив отца,
Ты бродишь, бродишь без конца
В толпе больной и похотливой...
Уже ни чувств, ни мыслей нет,
В пустых зеницах нет сиянья,
Как будто сердце от скитанья
Состарилось на десять лет...
Вот робкий свет фонарь роняет...
Как женщина, из-за угла
Вот кто-то льстиво подползает...
Вот — подольстилась, подползла,
И сердце торопливо сжала
Невыразимая тоска,
Как бы тяжелая рука
К земле пригнула и прижала...
И он уж не один идет,
А точно с кем-то новым вместе...
Вот быстро под гору ведет
Его «Краковское Предместье»;
Вот Висла — снежной бури ад...
Ища защиты за домами,
Стуча от холода зубами,
Он повернул опять назад...
Опять над сферою Коперник
Под снегом в думу погружен...
(А рядом — друг или соперник —
Идет тоска...) Направо он
Поворотил — немного в гору...
На миг скользнул ослепший взор
По православному собору.
(Какой-то очень важный вор,
Его построив, не достроил...)
Герой мой быстро шаг удвоил,

Но скоро изнемог опять —
Он начинал уже дрожать
Непобедимой мелкой дрожью,
(В ней всё мучительно сплелось:
Тоска, усталость и мороз...)
Уже часы по бездорожью
По снежному скитался он
Без сна, без отдыха, без цели...
Стихает злобный визг метели,
И на Варшаву сходит сон...
Куда ж еще идти? Нет мочи
Бродить по городу всю ночь. —
Теперь уж некому помочь!
Теперь он — в самом сердце ночи!
О, черен взор твой, ночи тьма,
И сердце каменное глухо,
Без сожаленья и без слуха,
Как те ослепшие дома!..
Лишь снег порхает — вечный, белый,
Зимой — он площадь оснежит,
И мертвое засыпет тело,
Весной — ручьями побежит...
Но в мыслях моего героя
Уже почти несвязный бред...
Идет... (По снегу вьется след
Один, но их, как было, двое...)
В ушах — какой-то смутный звон...
Вдруг — бесконечная ограда
Саксонского, должно быть, сада...
К ней тихо прислонился он.

Когда ты загнан и забит
Людьми, заботой иль тоскою;
Когда под гробовой доскою
Всё, что тебя пленяло, спит;
Когда по городской пустыне,
Отчаявшийся и больной,
Ты возвращаешься домой,
И тяжелит ресницы иней,

Тогда — остановись на миг
Послушать тишину ночную:
Постигнешь слухом жизнь иную,
Которой днем ты не постиг;
По-новому окинешь взглядом
Даль снежных улиц, дым костра,
Ночь, тихо ждущую утра
Над белым запущённым садом,
И небо — книгу между книг;
Найдешь в душе опустошенной
Вновь образ матери склоненный,
И в этот несравненный миг —
Узоры на стекле фонарном,
Мороз, оледенивший кровь,
Твоя холодная любовь —
Всё вспыхнет в сердце благодарном,
Ты всё благословишь тогда,
Поняв, что жизнь — безмерно боле,
Чем *q u a n t u m s a t i s*¹ Бранда воли,
А мир — прекрасен, как всегда.

1910-1921

ПЬЕСЫ

1 Должная мера, сколько нужно (*лат.*).

БАЛАГАНЧИК

Посвящается
Всеволоду Эмильевичу Мейерхольду

Действующие лица

КОЛОМБИНА.

ПЬЕРО.

АРЛЕКИН.

МИСТИКИ обоого пола в сюртуках и модных платьях, а потом в масках и маскарадных костюмах.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ МИСТИЧЕСКОГО СОБРАНИЯ.

ТРИ ПАРЫ ВЛЮБЛЕННЫХ.

ПАЯЦ.

АВТОР.

Обыкновенная театральная комната с тремя стенами, окном и дверью.

У освещенного стола с сосредоточенным видом сидят мистики обою пола — в стютах и модных платьях. Несколько поодаль, у окна, сидит ПЬЕРО в белом балахоне, мечтательный, расстроенный, бледный, безусый и безбровый, как все Пьеро. Мистики некоторое время молчат.

Первый мистик

Ты слушаешь?

Второй мистик

Да.

Третий мистик

Наступит событие.

ПЬЕРО

О, вечный ужас, вечный мрак!

Первый мистик

Ты ждешь?

Второй мистик

Я жду.

Третий мистик

Уж близко прибытие:

За окном нам ветер подал знак.

ПЬЕРО

Неверная! Где ты? Сквозь улицы сонные
Протянулась длинная цепь фонарей,
И, пара за парой, идут влюбленные,
Согретые светом любви своей.

Где же ты? Отчего за последней парой
Не вступить и нам в назначенный круг?

Я пойду брэнчать печальной гитарой

Под окно, где ты пляшешь в хоре подруг!

Нарумяню лицо мое, лунное, бледное,

Нарисую брови и усы приклею,

Слышишь ты, Коломбина, как сердце бедное

Тянет, тянет грустную песню свою?

Пьеро размечтался и оживился.

Но из-за занавеса сбоку вылезает обеспокоенный АВТОР.

АВТОР

Что он говорит? Почтеннейшая публика! Спешу уверить, что этот актер жестоко насмеялся над моими авторскими правами. Действие происходит зимой в Петербурге. Откуда же он взял окно и гитару? Я писал мою драму не для балагана... Уверю вас...

Внезапно застыдившись своего неожиданного появления, прячется обратно за занавес.

ПЬЕРО

(Он не обратил внимания на автора. Сидит и мечтательно вздыхает)

Коломбина!

Первый мистик

Ты слушаешь?

Второй мистик

Да.

Третий мистик

Приближается дева из дальней страны.

ПЕРВЫЙ МИСТИК
О, как мрамор — черты!
ВТОРОЙ МИСТИК
О, в очах — пустота!

ТРЕТИЙ МИСТИК
О, какой чистоты и какой белизны!

ПЕРВЫЙ МИСТИК
Подойдет — и мгновенно замрут голоса.

ВТОРОЙ МИСТИК
Да. Молчанье наступит.

ТРЕТИЙ МИСТИК
Надолго ли?

ПЕРВЫЙ МИСТИК
Да.

ВТОРОЙ МИСТИК
Вся бела, как снега.

ТРЕТИЙ МИСТИК
За плечами — коса.

ПЕРВЫЙ МИСТИК
Кто ж она?

Второй наклоняется и что-то шепчет на ухо первому.

ВТОРОЙ МИСТИК
Ты не выдашь меня?

ПЕРВЫЙ МИСТИК
(в неподдельном ужасе)

Никогда!

Автор опять испуганно высовывается, но быстро исчезает, как будто его оттянул кто-то за фалды.

ПЬЕРО
(по-прежнему, мечтательно)
Коломбаина! Приди!

ПЕРВЫЙ МИСТИК
Тише! Слышишь шаги!
ВТОРОЙ МИСТИК
Слышу шелест и вздохи.

ТРЕТИЙ МИСТИК
О, кто среди нас?

ПЕРВЫЙ МИСТИК
Кто в окне?

ВТОРОЙ МИСТИК
Кто за дверью?

ТРЕТИЙ МИСТИК
Не видно ни зги.

ПЕРВЫЙ МИСТИК
Посвети. Не она ли пришла в этот час?

Второй мистик поднимает свечу.

Совершенно неожиданно и непонятно откуда, появляется у стола необыкновенно красивая девушка с простым и тихим лицом матовой белизны. Она в белом. Равнодушен взор спокойных глаз.

За плечами лежит заплетенная коса. Девушка стоит неподвижно. Восторженный Пьеро молитвенно опускается на колени. Заметно, что слезы душат его. Все для него — неизреченно. Мистики в ужасе откинулись на спинки стульев. У одного беспомощно болтается нога. Другой производит странные движения рукой. Третий выкатил глаза. Через некоторое время очнувшись, громко шепчут:

— Прибыла!
— Как бела ее одежда!
— Пустота в глазах ее!
— Черты бледны, как мрамор!
— За плечами коса!
— Это — смерть!

Пьеро услышал. Медленно поднявшись, он подходит к девушке, берет ее за руку и выводит на середину сцены. Он говорит голосом звонким и радостным, как первый удар колокола.

ПЬЕРО

Господа! Вы ошибаетесь! Это — Коломбина! Это — моя невеста!

Общий ужас. Руки всплеснулись. Фалды сюртуков раскачиваются. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОБРАНИЯ торжественно подходит к Пьеро.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Вы с ума сошли. Весь вечер мы ждали событий. Мы дождались. Она пришла к нам — тихая избавительница. Нас посетила смерть.

ПЬЕРО

(звонким, детским голосом)

Я не слушаю сказок. Я — простой человек. Вы не обманете меня. Это — Коломбина. Это — моя невеста.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Господа! Наш бедный друг сошел с ума от страха. Он никогда не думал о том, к чему мы готовились всю жизнь. Он не измерил глубин и не приготовился встретить покорно Бледную Подругу в последний час. Простим великодушно простеца. *(Обращается к Пьеро.)* Брат, тебе нельзя оставаться здесь. Ты помещаешь нашей последней вечере. Но, прошу тебя, взгляди еще раз в ее черты: ты видишь, как бела ее одежда; и какая бледность в чертах; о, она бела, как снега на вершинах! Очи ее отражают зеркальную пустоту. Неужели ты не видишь косы за плечами? Ты не узнаешь смерти?

ПЬЕРО

(по бледному лицу бродит растерянная улыбка)

Я ухожу. Или вы правы, и я — несчастный сумасшедший. Или вы сошли с ума, и я — одинокий, непонятый вздыхатель. Носи меня, вьюга, по улицам! О вечный ужас! Вечный мрак!

КОЛОМБИНА

(идет к выходу вслед за Пьеро)

Я не оставлю тебя.

Пьеро остановился, растерян.
Председатель умоляюще складывает руки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Легкий призрак! Мы всю жизнь ждали тебя! Не покидай нас!

Появляется стройный юноша в платье Арлекина. На нем серебристыми голосами поют бубенцы.

АРЛЕКИН

(подходит к Коломбине)

Жду тебя на распятыях, подруга,
В серых сумерках зимнего дня!
Над тобою поет моя вьюга,
Для тебя бубенцами звеня!

Он кладет руку на плечо Пьеро. — Пьеро свалился навзничь и лежит без движения в белом балахоне. Арлекин уводит Коломбину за руку. Она улыбнулась ему. Общий упадок настроения. Все безжизненно повисли на стульях. Рукава сюртуков вытянулись и закрыли кисти рук, будто рук и не было. Головы ушли в воротники. Кажется, на стульях висят пустые сюртуки. Вдруг Пьеро вскочил и убежал. Занавес сдвигается. В ту же минуту на подмостки перед занавесом выскакивает вздероженный и взволнованный АВТОР.

АВТОР

Милостивые государи и государыни! Я глубоко извиняюсь перед вами, но снимаю с себя всякую ответственность! Надо мной издеваются! Я писал реальнейшую пьесу, сущность которой считаю долгом изложить перед вами в немногих словах: дело идет о взаимной любви двух юных душ! Им преграждает путь третье лицо; но преграды наконец падают, и любящие навеки соединяются законным браком! Я никогда не рядил моих героев в шутовское платье! Они без моего ведома разыгрывают какую-то старую легенду! Я не признаю никаких легенд, никаких мифов и прочих пошлостей! Тем более — аллегорической игры словами: неприлично называть

косой смерти женскую косу! Это порочит дамское
сословие! Милостивые государи...

*Высунувшаяся из-за занавеса рука хватается автора за шиворот.
Он с криком исчезает за кулисой. Занавес быстро раздергива-
ется. Бал. Маски кружатся под тихие звуки танца. Среди них
прогуливаются другие маски, рыцари, дамы, паяцы.
Грустный ПЬЕРО сидит среди сцены на той скамье,
где обыкновенно целуются Венера и Тангейзер.*

ПЬЕРО

Я стоял меж двумя фонарями
И слушал их голоса,
Как шептались, закрывшись плащами,
Целовала их ночь в глаза.

И свила серебристая вьюга
Им венчальный перстень-кольцо.
И я видел сквозь ночь — подруга
Улыбнулась ему в лицо.

Ах, тогда в извозчичьи сани
Он подругу мою усадил!
Я бродил в морозном тумане,
Издали за ними следил.

Ах, сетями ее он опутал
И, смеясь, звенел бубенцом!
Но когда он ее закутал, —
Ах, подруга свалилась ничком!

Он ее ничем не обидел,
Но подруга упала в снег!
Не могла удержаться, сидя!..
Я не мог сдержать свой смех!..

И под пляску морозных игол
Вкруг подруги картонной моей
Он звенел и высоко прыгал,
Я за ним плясал вкруг саней!

И мы пели на улице сонной:
«Ах, какая стряслась беда!»
А вверху — над подругой картонной —
Высоко зеленела звезда.

И всю ночь по улицам снежным
Мы брели — Арлекин и Пьеро...
Он прижался ко мне так нежно,
Щекотало мне нос перо!

Он шептал мне: «Брат мой, мы вместе,
Неразлучны на много дней...
Погрустим с тобой о невесте,
О картонной невесте твоей!»

*Пьеро грустно удаляется. Через некоторое время на той же ска-
мье обнаруживается пара влюбленных. Он в голубом, она в
розовом, маски — цвета одежд. Они вообразили себя в церкви и
смотрят вверх, в купола.*

ОНА

Милый, ты шепчешь — «склонись...»
Я, лицом опрокинута, в купол смотрю.

ОН

Я смотрю в непомерную высь —
Там, где купол вечернюю принял зарю.

ОНА

Как вверху позолота ветха.
Как мерцают вверху образа.

ОН

Наша сонная повесть тиха.
Ты безгрешно закрыла глаза.

Поцелуй.

ОНА

...Кто-то темный стоит у колонны
И мигает лукавым зрачком!
Я боюсь тебя, влюбленный!
Дай закрыться твоим плащом!

Молчание.

Он

Посмотри, как тихи свечи,
Как заря в куполах занялась.

Она

Да. С тобою сладки нам встречи.
Пусть я сама тебе предалась.

Прижимается к нему. Первую пару скрывает от зрителей тихий танец масок и паяцов. В середине танца врывается вторая пара влюбленных. Впереди — она в черной маске и вьющемся красном плаще. Позади — он — весь в черном, гибкий, в красной маске и черном плаще. Движения стремительны. Он гонится за ней, то настигая, то обгоняя ее. Вихрь плащей.

Он

Оставь меня! Не мучь, не преследуй!
Участи темной мне не пророчь!
Ты торжествуешь свою победу!
Снимешь ли маску? Канешь ли в ночь?

Она

Иди за мной! Настигни меня!
Я страстней и грустней невесты твоей!
Гибкой рукой обними меня!
Кубок мой темный до дна испей!

Он

Я клялся в страстной любви — другой!
Ты мне сверкнула огненным взглядом,
Ты завела в переулок глухой,
Ты отравила смертельным ядом!

Она

Не я манила — плащ мой летел
Вихрем за мной — мой огненный друг!
Ты сам вступить захотел
В мой очарованный круг!

Он

Смотри, колдунья! Я маску сниму!
И ты узнаешь, что я безлик!

754

Ты смела мне черты, завела во тьму,
Где кивал, кивал мне — черный двойник!

Она

Я — вольная дева! Путь мой — к победам!
Иди за мной, куда я веду!
О, ты пойдешь за огненным следом
И будешь со мной в бреду!

Он

Иду, покорен участи строгой,
О, вейся, плащ, огневой проводник!
Но трое пойдут зловещей дорогой:
Ты — и я — и мой двойник!

Исчезают в вихре плащей. Кажется, за ними вырвался из толпы кто-то третий, совершенно подобный влюбленному, весь — как гибкий язык черного пламени.

В среде танцующих обнаружилась третья пара влюбленных. Они сидят посреди сцены.

Средневековье. Задумчиво склонившись, она следит за его движениями. — Он, весь в строгих линиях, большой и задумчивый, в картонном шлеме, — чертит перед ней на полу круг огромным

деревянным мечом.

Он

Вы понимаете пьесу, в которой мы играем не последнюю роль?

Она

(как тихое и внятное эхо)

Роль.

Он

Вы знаете, что маски сделали нашу сегодняшнюю встречу чудесной?

Она

Чудесной.

Он

Так вы верите мне? О, сегодня вы прекрасней, чем всегда.

755

Она

Всегда.

Он

Вы знаете все, что было и что будет. Вы поняли значение начертанного здесь круга.

Она

Круга.

Он

О, как пленительны ваши речи! Разгадчица души моей! Как много ваши слова говорят моему сердцу!

Она

Сердцу.

Он

О Вечное Счастье! Вечное Счастье!

Она

Счастье.

Он

(со вздохом облегчения и торжества)

Близок день. На исходе — эта зловещая ночь.

Она

Ночь.

В эту минуту одному из паяцов пришло в голову выкинуть штуку. Он подбегает к влюбленному и показывает ему длинный язык. Влюбленный бьет с размаху паяца по голове тяжким деревянным мечом. Паяц перегнулся через рампу и повис. Из головы его брызжет струя клюквенного сока.

Паяц

(пронзительно кричит)

Помогите! Истекаю клюквенным соком!

Поболтавшись, удаляется.

Шум. Суматоха. Веселые крики: «Факелы! Факелы! Факельное шествие!» Появляется хор с факелами. Маски толпятся, смеются, прыгают.

Хор

В сумрак — за каплей капля смолы
Падает с легким треском!
Лица, скрытые облаком мглы,
Озаряются тусклым блеском!
Капля за каплей, искра за искрой!
Чистый, смолистый дождь!
Где ты, сверкающий, быстрый,
Пламенный вождь!

Арлекин выступает из хора, как корифей.

Арлекин

По улицам сонным и снежным
Я таскал глупца за собой!
Мир открылся очам мятежным,
Снежный ветер пел надо мной!
О, как хотелось юной грудью
Широко вздохнуть и выйти в мир!
Совершить в пустом безлюдьи
Мой веселый весенний пир!
Здесь никто понять не смеет,
Что весна плывет в вышине!
Здесь никто любить не умеет,
Здесь живут в печальном сне!
Здравствуй, мир! Ты вновь со мною!
Твоя душа близка мне давно!
Иду дышать твоей весною
В твоё золотое окно!

Прыгает в окно. Даль, видимая в окне, оказывается нарисованной на бумаге. Бумага лопнула. Арлекин полетел вверх ногами в пустоту.

В бумажном разрыве видно одно светящееся небо. Ночь истекает, копошится утро. На фоне занимающейся заги стоит, чуть колеблемая дорассветным ветром, — Смерть, в длинных белых пеленах, с матовым женственным лицом и с косой на плече. Лезвие серебрится, как опрокинутый месяц, умирающий утром. Все бросились в ужасе в разные стороны. Рыцарь споткнулся на деревянный меч. Дамы разорвали цветы по всей сцене. Маски,

неподвижно прижавшись, как бы распятые у стен, кажутся куклами из этнографического музея. Любовницы спрятали лица в плащи любовников. Профиль голубой маски тонко вырезывается на утреннем небе. У ног ее испуганная, коленопреклоненная розовая маска прижалась к ее руке губами.

Как из земли выросший ПЬЕРО медленно идет через всю сцену, простирая руки к СМЕРТИ. По мере его приближения черты Ее начинают оживать. Румянец заиграл на матовости щек. Серебряная коса теряется в стелющемся утреннем тумане. На фоне зафи, в нише окна, стоит с тихой улыбкой на спокойном лице красивая девушка – КОЛОМБИНА.

В ту минуту, как Пьеро подходит и хочет коснуться ее руки своей рукой, – между ним и Коломбиной просовывается торжествующая голова автора.

АВТОР

Почтеннейшая публика! Дело мое не проиграно!
Права мои восстановлены! Вы видите, что преграды рухнули! Этот господин провалился в окошко!
Вам остается быть свидетелями счастливого свиданья двух влюбленных после долгой разлуки! Если они потратили много сил на преодоление препятствий, то теперь зато они соединяются навек!

Автор хочет соединить руки Коломбины и Пьеро. Но внезапно все декорации взрываются и улетают вверх. Маски разбегаются. Автор оказывается склоненным над одним только Пьеро, который беспомощно лежит на пустой сцене в белом балахоне своем с красными пуговицами.

Заметив свое положение, автор убегает стремительно.

ПЬЕРО

(приподнимается и говорит жалобно и мечтательно)

Куда ты завел? Как угадать?
Ты предал меня коварной судьбе.
Бедняжка Пьеро, довольно лежать,
Пойди, поищи невесту себе.

(Помолчав.)

Ах, как светла — та, что ушла
(Звенящий товарищ ее увел).
Упала она (из картона была).
А я над ней смеяться пришел.

Она лежала ничком и бела.
Ах, наша пляска была весела!
А встать она уж никак не могла.
Она картонной невестой была.

И вот стою я, бледен лицом,
Но вам надо мной смеяться грешно.
Что делать! Она упала ничком...
Мне очень грустно. А вам смешно?

Пьеро задумчиво вынул из кармана дудочку и заиграл песню о своем бледном лице, о тяжелой жизни и о невесте своей Коломбине.

1906

НЕЗНАКОМКА

На портрете была изображена действительно необыкновенной красоты женщина. Она была сфотографирована в черном шелковом платье чрезвычайно простого и изящного фасона; волосы, по-видимому, темно-русые, были убраны просто, по-домашнему; глаза темные, глубокие, лоб задумчивый; выражение лица страстное и как бы высокомерное. Она была несколько худа лицом, может быть, и бледна...

Достоевский

— А как вы узнали, что это я? Где вы меня видели прежде? Что это, в самом деле, я как будто его где-то видела?

— Я вас тоже будто видел где-то?

— Где? — Где?

— Я ваши глаза точно где-то видел... да этого быть не может! Это я так... Я здесь никогда и не был. Может быть, во сне...

Достоевский

Действующие лица

Незнакомка.

Голубой.

Звездочет.

Поэт.

Посетители кабачка и гостиной.

Два дворника.

ПЕРВОЕ ВИДЕНИЕ

Уличный кабачок. Подрагивает бело-матовый свет ацетиленового фонаря в смятом колпачке. На обоях изображены совершенно одинаковые корабли с огромными флагами. Они взрезают по-сами голубые воды. За дверью, которая часто раскрывается, впуская посетителей, и за большими окнами, украшенными плющом, идут прохожие в шубах и девушки в платочках — под голубым вечерним снегом.

За прилавком, на котором водружена бочка с гномом и надписью «Кружка-бокал», — двое совершенно похожих друг на друга: оба с коками и проборами, в зеленых фартуках; только у хозяина усы вниз, а у брата его, пологового, усы вверх. У одного окна, за столиком, сидит пьяный старик — вылитый Верлэн, у другого — безусый бледный человек — вылитый Гауптман. Несколько пьяных компаний.

Разговор в одной компании

Один

Купил я эту шубу за двадцать пять рублей. А тебе, Сашка, меньше тридцати ни за что не уступлю.

Другой

(убедительно и с обидой)

Да врешь ты!.. Да вот поди ж ты... Я тебе...

Третий

(усатый, кричит)

Молчать! Не ругаться! Еще бутылочку, любезный.

Половой подбегает. Слышно, как булькает пиво. Молчание. Одинокий ПОСЕТИТЕЛЬ поднимается из угла и неверной походкой идет к прилавку. Начинает шарить в блестящей посудине с вареными раками.

Хозяин

Позвольте, господин. Так нельзя. Вы у нас всех раков руками переберете. Никто кушать не станет.

Посетитель, мыча, отходит.

Разговор в другой компании

СЕМИНАРИСТ

И танцевала она, милый друг ты мой, скажу я тебе, как небесное создание. Просто взял бы ее за белые ручки и прямо в губки, скажу тебе, поцеловал...

СОБУТЫЛЬНИК
(визгливо хохочет)

Эка, эка, Васинька-то наш, размечтался, заалел, как маков цвет! А что она тебе за любовь-то? За любовь-то что?.. А?..

Все визгливо хохочут.

СЕМИНАРИСТ
(совсем красный)

И, милый друг ты мой, скажу тебе, нехорошо смеяться. Так бы вот взял ее и унес бы от нескромных взоров, и на улице плясала бы она передо мной на белом снегу... как птица, летала бы. И откуда мои крылья взялись — сам полетел бы за ней, над белыми снегами...

Все хохочут.

ВТОРОЙ СОБУТЫЛЬНИК

Ты, Васька, смотри, того, по первопутку-то не очень полетишь...

ПЕРВЫЙ СОБУТЫЛЬНИК

Тебе бы по морозцу-то легче, а то с твоей милой как раз в грязь угодишь...

ВТОРОЙ СОБУТЫЛЬНИК

Мечтатель.

СЕМИНАРИСТ

(совсем осоловел)

Эх, милые друзья, в семинарии не учась, скажу я вам, вы нежных чувств не понимаете. А впрочем, еще бы пивца...

БЕРЛЭН

(бормочет громко сам с собою)

Каждому свое. Каждому свое...

Гауптман делает выразительные знаки половому. Входят рыжий мужчина и девушка в платочке.

ДЕВУШКА

(половому)

Бутылку портеру, Миша. *(Продолжает быстро рассказывать мужчине.)* ...только она, милый мой, вышла, хватъ — забыла хозяйку пивом угостить. Сейчас — назад, а уж он комод открыл, да и роется, все перерыл, все перерыл, думал — не скоро вернется... Она, милый мой, кричать, а он, милый мой, ей рот зажимать. Ну, все-таки хозяйка прибежала, да сама кричать, да дворника позвала; так его, милый мой, сейчас в участок... *(Быстро прерывает.)* Дай двугривенный.

Мужчина хмуро вынимает двугривенный.

ДЕВУШКА

Тебе нешто жалко?

МУЖЧИНА

Пей, да помалкивай.

Молчат. Пьют. Вбегает молодой человек и радостно бросается к Гауптману.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Костя, друг, она у дверей дожидает!..

ГАУПТМАН

Ладно. Пошляется еще. Давай выпьем.

ВЕРЛЭН

(громко бормочет)

И всем людям — свое занятие... И каждому — свое беспокойство.

Входит Поэт. Подзывает полового.

Поэт

Угостить вас?

Половой

(прирожденный юморист)

Великая честь-с... От знаменитого лица-с...

Убегают за пивом. Поэт вынимает записную книжку. Тишина.

Ацетилен шипит. Похрустывают бублики.

Половой приносит Поэту бутылку пива и садится на край стула против него.

Поэт

Вы послушайте только. Бродить по улицам, ловить отрывки незнакомых слов. Потом — прийти вот сюда и рассказать свою душу подставному лицу.

Половой

Непонятно-с, но весьма утонченно-с...

Срывается со стула и бежит на зов посетителя.

Поэт пишет в книжке.

ДЕВУШКА

(напевает)

Как люблю я ее...

А она за любовь...

Половой возвращается к Поэту.

Поэт

(пьет)

Видеть много женских лиц. Сотни глаз, больших и глубоких, синих, темных, светлых. Узких, как глаза рыси. Открытых широко, младенчески. Любить их. Желать их. Не может быть человека, который не любит. И вы их должны любить.

Половой

Слушаю-с.

Поэт

И среди этого огня взоров, среди вихря взоров, возникнет внезапно, как бы расцветет под голубым снегом — одно лицо: единственно прекрасный лик Незнакомки под густою, темной вуалью... Вот качаются перья на шляпе... Вот узкая рука, стянутая перчаткой, держит шелестящее платье... Вот медленно проходит она... проходит она...

Жадно пьет.

ВЕРЛЭН

(бормочет)

И все проходит. И каждому — своя забота.

СЕМИНАРИСТ

(заплетающимся языком)

Танцевала она, как небесный, скажу вам, ангел, а вы, черти и разбойники, не стойте ее мизинца. А впрочем, выпьем.

СОБУТЫЛЬНИК

Мечтатель. Оттого и пьешь. И все мы — мечтатели. Поцелуй меня, дружок.

Обнимаются.

СЕМИНАРИСТ

И никто ее так не полюбит, как я. И будем мы на белом снегу свою грустную жизнь доживать. Она — плясать, а я — на шарманке играть. И полетим. И под самый серебряный месяц залетим. И туда, черт возьми, скажу я вам, дурацким вашим грязным носам, милые друзья, не соваться. И все-таки я очень вас люблю и высоко ставлю. Кто из одной бутылки не пивал, тот и дружбы не видал.

Все хохочут.

СОБУТЫЛЬНИК

Ай да Васька! Уж очень складно! Поцелуемся, дружок.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

(Гауптману)

Однако ж будет. Что ей столько на морозе дожидать? Замерзнет совсем. Пойдем, брат Костя.

ГАУПТМАН

Брось. Если женскому нраву потакать, так от мужчины ничего не останется — только ему в рожу плюнуть. Пусть пошляется, а мы еще посидим.

Молодой человек послушался. Все посетители пьют и хмелеют. ЧЕЛОВЕК в желтом трепаном пальто, сидевший отдельно, встает и обращается к честной компании с речью.

ЧЕЛОВЕК В ПАЛЬТО

Государи мои! Есть у меня небольшая вещица — весьма ценная миниатюра. (*Вытаскивает из кармана камею.*) Вот-с, не угодно ли: с одной стороны — изображение эмблемы, а с другой — приятная дама в тюнике на земном шаре сидит и над этим шаром держит скипетр: подчиняйтесь, мол, повинуйтесь — и больше ничего!

Все одобрительно смеются. Некоторые подходят и рассматривают камею.

ПОЭТ

(захмелевший)

Вечная сказка. Это Она — Мироправительница. Она держит жезл и повелевает миром. Все мы очарованы Ею.

ЧЕЛОВЕК В ПАЛЬТО

Рад служить русской интеллигенции. Дешево продам, хотя досталось не дешево, но уж, как говорится, только по дружбе. Вижу, что любитель. Ну, так по рукам.

Поэт дает ему монету. Берет камею, рассматривает ее. Человек в пальто садится на свое место. Разговор продолжается только между двумя, сидящими за отдельным столиком.

ПЕРВЫЙ

(берет юмористический журнал)

А теперь пришло время нам повеселиться. Ну, Ваня, слушай (*торжественно развертывает журнал и читает*): «Любящие супруги. Муж: — Ты, милочка, зайди сегодня к мамаше и попроси ее...»

Заранее отчаянно хохочет.

ВТОРОЙ

Ишь, черт возьми, здорово!

ПЕРВЫЙ

(продолжает читать)

«...И попроси ее... подарить Катеньке куколку...»

Страшно хохочет.

ПЕРВЫЙ

(читает)

«Жена: — Что ты, милочка! Катеньке уж скоро двадцать лет. (*Еле может прочесть от смеха.*) Ей уж не куколку, а женишка пора подарить».

Громовой хохот.

ВТОРОЙ

Вот так здорово!

ПЕРВЫЙ

Что называется отбрила!

ВТОРОЙ

Черт их дери, ловко пишут!..

И опять одинокий посетитель шарит в посудине. Он вытаскивает красных раков за клешни. Подержит и положит. И опять хозяин отгоняет его.

ПОЭТ

(рассматривает камею)

Вечное возвращение. Снова Она объемлет шар земной. И снова мы подвластны Ее очарованию. Вот

Она кружит свой процветающий жезл. Вот Она кружит меня... И я кружусь с Нею... Под голубым... под вечерним снегом...

СЕМИНАРИСТ

Танцует... Танцует... Я на шарманке, а она под шарманку. *(Делает пьяные жесты, как будто что-то ловит.)* Вот, не поймал... опять не поймал... но и вам, черти, не поймать, если уж мне не поймать...

Медленно, медленно начинают кружиться стены кабачка. Потолок наклоняется, один конец его протягивается вверх бесконечно. Корабли на обоях, кажется, плывут близко, а все не могут доплыть. Сквозь смутный общий говор человек в пальто, уже присоединившийся к кому-то, кричит.

ЧЕЛОВЕК В ПАЛЬТО

Нет-с, я любитель! Люблю острый сыр, знаете, такой круглый! *(Делает кругообразные жесты.)* Забыл название.

ЕГО СОБЕСЕДНИК

(неуверенно)

А вы... пробовали?

ЧЕЛОВЕК В ПАЛЬТО

Что пробовал? Вы думаете, нет? Я рошефор кушал!

СОБЕСЕДНИК

(под которым качается стул)

А знаете... Люксембургский... так пахнет нехорошо... и шевелится, шевелится... *(Чмокает губами, шевелит пальцами.)*

ЧЕЛОВЕК В ПАЛЬТО

(вдохновенно встает)

Швейцарский!.. Вот что-с! *(Щелкает пальцами.)*

СОБЕСЕДНИК

(мигает и сомневается)

Ну, этим не удивите...

ЧЕЛОВЕК В ПАЛЬТО
(громко, как ружейный залп)

Бри!

СОБЕСЕДНИК

Ну это... это... знаете...

ЧЕЛОВЕК В ПАЛЬТО

(угрожающе)

Что знаете?

СОБЕСЕДНИК

(уничтожен)

Все вертится, кажется, перевернется сейчас. Корабли на обоях плывут, вспенивая голубые воды. Одну минуту кажется, что все стоит вверх ногами.

ВЕРЛЭН

(бормочет)

И всему свой черед... И всем пора идти домой...

ГАУПТМАН

(орет)

Шлюха она, ну и пусть шляется! А мы выпьем!

ДЕВУШКА

(поет в ухо мужчине)

Прощай, желанный мой...

СЕМИНАРИСТ

Снег танцует. И мы танцуем. И шарманка плачет. И я плачу. И мы все плачем.

ПОЭТ

Синий снег. Кружится. Мягко падает. Синие очи. Густая вуаль. Медленно проходит Она. Небо открылось. Явись! Явись!

Весь кабачок как будто нырнул куда-то. Стены расступаются. Окончательно наклонившийся потолок открывает небо – зимнее, синее, холодное. В голубых вечерних снегах открывается –

ВТОРОЕ ВИДЕНИЕ

Тот же вечер. Конец улицы на краю города. Последние дома, обрываясь внезапно, открывают широкую перспективу: темный пустынный мост через большую реку. По обеим сторонам моста дремлют тихие корабли с сигнальными огнями. За мостом тянется бесконечная, прямая, как стрела, аллея, обрамленная цепочками фонарей и белыми от инея деревьями. В воздухе порхает и звездится снег.

ЗВЕЗДОЧЕТ

(на мосту)

Ночь полнозвездная светла.
У взора — только два крыла.
Но счет звездам вести нельзя —
Туманна млечная стезя,
И бедный взор туманится...
Кто этот пьяница?

Два дворника волокут под руки пьяного Поэта.

РАЗЪЯРЕННЫЕ ДВОРНИКИ

Он — посетитель кабачка,
И с ним расправа коротка!
Эй, Ванька, дай ему щелчка!
Эй, Васька, дай ему толчка!

Волокут Поэта дальше.

ЗВЕЗДОЧЕТ

Восходит новая звезда.
Всех ослепительней она.
Недвижна темная вода,
И в ней звезда отражена.
Ах! падает, летит звезда...
Лети сюда! сюда! сюда!

По небу, описывая медленную дугу, скатывается яркая и тяжелая звезда. Через миг по мосту идет прекрасная женщина в черном, с удивленным взором расширенных глаз. Все становится сказочным — темный мост и дремлющие голубые корабли. Незнакомка застывает у перил моста, еще храня свой бледный па-

дучий блеск. Снег, вечно юный, одевает ее плечи, опушает стан.

Она, как статуя, ждет.

Такой же ГОЛУБОЙ, как она, восходит на мост из темной аллеи. Также в снегу. Также прекрасен. Он колеблется, как тихое, синее пламя.

ГОЛУБОЙ

В блеске зимней ночи тающая,
Обрати ко мне твой лик.
Ты, снегами тихо веющая,
Подари мне легкий снег.

Она обращает очи к нему.

НЕЗНАКОМКА

Очи — звезды умирающие,
Уклонившись от пути.
О тебе, мой легковеющий,
Я грустила в высоте.

Его голубой плащ осыпан снежными звездами.

ГОЛУБОЙ

В синеве твоей морозной
Много звезд.
Под рукой моей железной
Светлый меч.

НЕЗНАКОМКА

Опусти в руке железной
Светлый меч.
В синеве моей морозной
Звезд не счесть.

Голубой дремлет в бледном свете. На фоне плаща его светится луч, как будто он оперся на меч.

ГОЛУБОЙ

Протекали столетья, как сны.
Долго ждал я тебя на земле.

Незнакомка

Протекали столетья, как миги.
Я звездой в пространствах текла.

Голубой

Ты мерцала с твоей высоты
На моем голубом плаще.

Незнакомка

Ты гляделся в мои глаза.
Часто на небо смотришь ты?

Голубой

Больше взора поднять не могу:
Тобою, падучей, скован мой взор.

Незнакомка

Ты можешь сказать мне земные слова?
Отчего ты весь в голубом?

Голубой

Я слишком долго в небо смотрел:
Оттого — голубые глаза и плащ.

Незнакомка

Кто ты?

Голубой

Поэт.

Незнакомка

О чем ты поешь?

Голубой

Всё о тебе.

Незнакомка

Давно ли ты ждешь?

Голубой

Много столетий.

Незнакомка

Ты мертв или жив?

Голубой

Не знаю.

Незнакомка

Ты юн?

Голубой

Я красив.

Незнакомка

Падучая дева-звезда
Хочет земных речей.

Голубой

Только о тайнах знаю слова,
Только торжественны речи мои.

Незнакомка

Знаешь ты имя мое?

Голубой

Не знаю — и лучше не знать.

Незнакомка

Видишь ты очи мой?

Голубой

Вижу. Как звезды — они.

Незнакомка

Ты видишь мой стройный стан?

Голубой

Да. Ослепительна ты.

В голосе Ее просыпается земная страсть.

Незнакомка

Ты хочешь меня обнять?

Голубой

Я коснуться не смею тебя.

Незнакомка

Ты можешь коснуться уст.

Плащ Голубого колеблется, исчезая под снегом.

Незнакомка

Ты знаешь ли страсть?

Голубой
(тихо)

Кровь молчалива моя.

Незнакомка
Ты знаешь вино?

Голубой
(еще тише)

Звездный напиток — слаще вина.

Незнакомка
Ты любишь меня?

Голубой молчит.

Незнакомка
Кровь запекает во мне.

Тишина.

Незнакомка
Ядом исполнено сердце.
Я стройнее всех ваших дев.
Я красивее ваших дам.
Я страстнее ваших невест.

Голубой дремлет, весь осыпанный снегом.

Как сладко у вас на земле!

Голубого больше нет. Закрутился голубоватый снежный столб, и кажется, на этом месте и не было никого. Зато рядом с Незнакомкой проходящий господин приподнимает котелок.

Господин
Вы с кем-то беседу вели?
Но здесь не видать никого.
Прелестный ваш голос звучал
В пространстве пустом...

Незнакомка
Где он?

Господин

О да, без сомнения, вы
Кого-то ждали сейчас!
Позвольте — нескромный вопрос...
Кто был ваш незримый друг?

Незнакомка
Он был красив. В голубом плаще.

Господин
О, романтика женской души!
И на улице видите вы
Мужчин в голубых плащах!
Но как же звали его?

Незнакомка
Он назвал себя: поэт.

Господин
Я тоже поэт! я тоже поэт!
По крайней мере, смотря
В прекрасные ваши глаза,
Я мог спеть вам куплет:
«Ах, как ты хороша!»

Незнакомка
Ты хочешь любить меня?

Господин
О да! И очень не прочь.

Незнакомка
Ты можешь обнять меня?

Господин
Хотел бы знать, почему
Не могу я тебя обнять?

Незнакомка
И, уст касаясь моих,
Ты будешь ласкать меня?

Господин
Пойдем, красotka моя!
«Исполню все, что велишь»,

Как сказал старичок Шекспир...
Ты видишь теперь, что и я
Поэзии очень не чужд!

Незнакомка покорно дает ему руку.

Господин
Как имя твое?

Незнакомка
Постой.
Дай вспомнить. В небе, средь звезд,
Не носила имени я...
Но здесь, на синей земле,
Мне нравится имя «Мария»...
«Мария» — зови меня.

Господин
Как хочешь, красотка моя.
Ведь мне лишь только бы знать,
Что ночью тебе шептать.

*Уводит Незнакомку под руку. След их замечает голубой снег.
Звездочет снова на мосту. Он — в тоске. Простирает руки в
небо. Поднял взоры.*

Звездочет
Нет больше прекрасной звезды!
Синяя бездна пуста!
Я ритмы утратил
Астральных песен моих!
Отныне режут мне слух
Дребезжащие песни светил!
Сегодня в башне моей
Скорбной рукой занесу
В длинные свитки мои
Весть о паденьи светлейшей звезды...
И тихо ее назову
Именем дальним,
Именем, нежащим слух:
«Мария» — да будет имя ее.
В желтых свитках

Начертано будет
Моей одинокой рукой:
«Пала Мария — звезда.
Больше не будет смотреть мне в глаза.
Звездочет остался один!»

Тихо плачет. Поэт поднимается на мост из аллеи.

Поэт
О, заклинаю вас всем святым!
Вашей тоской!
Вашей невестой, когда
Есть невеста у вас!
Скажите, была ли здесь
Высокая женщина в черном?

Звездочет
Грубые люди! Оставьте меня.
Я женщин не вижу с тех пор,
Как пала моя звезда.

Поэт
Понятна мне ваша скорбь.
Я так же, как вы, одинок.
Вы, верно, как я, — поэт.
Случайно, не видели ль вы
Незнакомку в снегах голубых?

Звездочет
Не помню. Здесь многие шли,
И очень прискорбно мне,
Что вашей не мог я узнать...

Поэт
О, если б видели вы, —
Забьли б свою звезду!

Звездочет
Не вам говорить о звездах;
Чересчур легкомысленны вы,
И я попросил бы вас
В мою профессию нос не совать.

Поэт

Все ваши обиды снесу!
Поверьте, унижен я
Ничуть не меньше, чем вы...
О, если б я не был пьян,
Я шел бы следом за ней!
Но двое тащили меня,
Когда я заметил ее...
Потом я упал в сугроб,
Они, ругаясь, ушли,
Решившись бросить меня...
Не помню, долго ль я спал...
Проснувшись, вспомнил, что снег
Замел ее нежный след!

Звездочет

Я смутно припомнить могу
Печальную вещь для вас;
Действительно, вас вели,
Вам давали толчки и пинки,
И был неуверен ваш шаг...
Потом я помню сквозь сон,
Как на мост дама взошла,
И к ней подошел голубой господин...

Поэт

О нет!.. Голубой господин...

Звездочет

Не знаю, о чем говорили они.
Я больше на них не смотрел.
Потом они, верно, ушли...
Я так был занят своим...

Поэт

И снег замел их следы!..
Мне больше не встретить Ее!
Встречи такие
Бывают в жизни лишь раз...

Оба плачут под голубым снегом.

Звездочет

Стоит ли плакать об этом?
Гораздо глубже горе мое:
Я утратил астральный ритм!

Поэт

Я ритм души потерял.
Надеюсь, это — важней!

Звездочет

Скорбь занесет в мои свитки:
«Пала звезда — Мария!»

Поэт

Прекрасное имя: «Мария»!
Я буду писать в стихах:
«Где ты, Мария?
Не вижу зари я».

Звездочет

Ну, ваше горе пройдет!
Вам надо только стихи
Как можно длинней сочинять!
О чем же плакать тогда?

Поэт

А вам, господин звездочет,
Довольно в свитки свои
На пользу студентам вписать:
«Пала Мария — Звезда!»

Оба грустят под голубым снегом. Пропадают в нем. И снег грустит. Он запорошил уже и мост, и корабли. Он построил белые стены на канве деревьев, вдоль стен домов, на телеграфных проволоках. И даль земная, и даль речная поднялись белыми стенами, так что все бело, кроме сигнальных огней на кораблях и освещенных окон домов. Снежные стены уплотняются. Они кажутся близкими одна к другой. Понемногу открывается —

ТРЕТЬЕ ВИДЕНИЕ

Большая гостиная комната с белыми стенами, на которых ярко горят электрические лампы. Дверь в переднюю открыта. Тоненький звонок часто извещает о приходе гостей. На диванах, креслах и стульях уже сидят хозяева и гости; хозяйка дома — пожилая дама, как бы проглотившая аршин; перед нею — корзина с бисквитами, ваза с фруктами и чашка дымящегося чаю; против нее — глухой старик с глупым лицом жует и хлебает. Молодые люди, в безукоризненных смокингах, частью разговаривают с другими дамами, частью толпятся стадами в углах.

Общий гул бессмысленных разговоров.

Хозяин дома встречает гостей в передней и каждому сначала деревянным голосом кричит: «А-а-а!», а потом говорит пошлость.

В настоящий момент он занят тем же.

Хозяин дома

(в передней)

А-а-а! Ну и закутались же вы, батюшка!

Голос гостя

И холод же, доложу я вам! В шубе — и то замерз.

Гость сморкается. Так как разговор в гостиной почему-то исчерпался, слышно, как хозяин конфиденциально говорит гостю:

Хозяин

А где шили?

Гость

У Шевалье.

Из двери торчат фалды хозяйского сюртука.

Хозяин рассматривает шубу.

Хозяин

А сколько платили?

Гость

Тысячу.

Хозяйка, стараясь замять разговор, кричит:

Хозяйка

Серж¹ Иван Павлович! Идите скорее! Только вас и ждали! Вот Аркадий Романович обещался нам сегодня спеть!

Аркадий Романович, подходя к хозяйке, делает различные жесты, долженствующие показать, что он невысокого о себе мнения. Хозяйка жестами же старается показать ему обратное.

Молодой человек Жорж

Совершенная дура твоя Серпантини, Миша. Так танцевать, как она вчера, значит — не иметь никакого стыда.

Молодой человек Миша

Ты, Жорж, ровно ничего не понимаешь! Я совершенно влюблен. Это — для немногих. Вспомни, у нее совсем классическая фигура — руки, ноги...

Жорж

Я пошел туда затем, чтобы наслаждаться искусством. На ножки я могу смотреть и в другом месте.

Хозяйка

О чем это вы там, Георгий Николаевич? Ах, о Серпантини! Какой ужас, не правда ли? Во-первых — интерпретировать музыку — это уж одно — наглость. Я так страстно люблю музыку и ни за что, ни за что не допущу, чтоб над ней надругались. Потом — танцевать без костюма — это... это я не знаю, что! Я увела мою дочь.

Жорж

Я совершенно согласен с вами. А вот Михаил Иванович — другого мнения...

Хозяйка

Что вы, Михаил Иванович! По-моему, здесь двух мнений не может быть! Я понимаю, молодые людям свойственно увлекаться, но на публичном концерте... когда ногами изображают Баха... Я сама

¹ Дорогой (франц.).

музыкантша... страстно люблю музыку... Как хоте-
те...

*Старик, сидящий против хозяйки, неожиданно и просто
выпаливает:*

СТАРИК

Публичный дом.

*Продолжает хлебать чай и жевать бисквиты.
Хозяйка краснеет и обращается к одной из дам.*

МИША

Ах, Жорж, все вы ничего не понимаете! Разве это —
интерпретация музыки? Серпантини сама — вопло-
щение музыки. Она плывет на волнах звуков, и ка-
жется, сам плывешь за нею. Неужели тело, его ли-
нии, его гармонические движения — сами по себе
не поют так же, как звуки? Тот, кто истинно чувству-
ет музыку, не оскорбляется за нее. У вас отвлечен-
ное отношение к музыке...

ЖОРЖ

Мечтатель! Завел машину. Строишь какие-то тео-
рии и ничего не слушаешь и не видишь. Я о музыке
даже не говорю, и мне в конце концов наплевать! И
я был бы очень рад видеть все это в отдельном ка-
бинете. Но согласись же, не объявить на афише,
что Серпантини будет завернута в одну тряпку, —
это значит поставить всех в пренеловкое положен-
ие. Если б я знал, я не повел бы туда мою невесту.
(*Миша рассеянно шарит в корзинке с бисквитами.*) По-
слушай, оставь бисквиты. Ведь противно есть, если
все перетрогаешь. Смотри, как на тебя смотрит ку-
зина. А все оттого, что ты рассеян. Эх, мечтатели.

Миша, сконфуженно мыча, удаляется в другой угол.

СТАРИК

(внезапно, хозяйке)

Нина! Сиди смирно. У тебя на спине платье рас-
стегнулось.

ХОЗЯЙКА

(вспыхнув)

Да полно, дядя, нельзя же при всех! Вы слишком...
откровенны...

*Старается незаметно застегнуть платье. В комнату впархи-
вает МОЛОДАЯ ДАМА, за ней идет ОГРОМНЫЙ РЫЖИЙ ГОС-
ПОДИН.*

ДАМА

Ах, здравствуйте, здравствуйте! Вот, позвольте вас
познакомить: мой жених.

РЫЖИЙ ГОСПОДИН

Очень приятно.

Угрюмо удаляется в угол.

ДАМА

Пожалуйста, не обращайтесь на него внимания. Он
очень застенчив. Ах, представьте, какой случай!..

*Торопливо пьет чай и шепотом рассказывает хозяйке что-то
пикантное, судя по тому, что обе ерзают по дивану
и хихикают.*

ДАМА

(вдруг оборачивается к жениху)

У тебя мой платок?

Жених угрюмо вытаскивает платок.

ДАМА

Тебе жалко, что ли?

РЫЖИЙ ГОСПОДИН

(неожиданно угрюмо)

Пей, да помалкивай.

*Молчат. Пьют. Вбегает МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК и радостно
бросается к другому. В последнем легко узнать того,
кто увел незнакомку.*

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Костя, друг, да она у двери дожидается...

Запинается на полуслове. Все становится необычайно странным. Как будто все внезапно вспомнили, что где-то произносились те же слова и в том же порядке. Михаил Иванович смотрит странными глазами на Поэта, который входит в эту минуту. Поэт, бледный, делает общий поклон на пороге притихшей гостиной.

Хозяйка

(с натянутым видом)

Мы только вас и ждали. Надеюсь, вы прочтете нам что-нибудь. Сегодня престранный вечер! Наша мирная беседа не клеится.

Старик

(выталивает)

Точно кто-нибудь умер. Богу душу отдал.

Хозяйка

Ах, дядя, перестаньте! Вы всех окончательно спугнете... Господа! Обновим наш разговор... *(Поэту.)* Вы прочтете нам что-нибудь, не правда ли?

Поэт

С удовольствием... если это займет...

Хозяйка

Господа! Молчание! Наш прекрасный поэт прочтет нам свое прекрасное стихотворение, и, надеюсь, опять о прекрасной даме...

Все замолкают. Поэт становится у стены, прямо против двери в переднюю, и читает:

Поэт

Уже сбежали с плит снега,
Блестели, обнажаясь крыши,
Когда в соборе, в темной нише,
Ее блеснули жемчуга.
И от иконы в нежных розах
Медлительно сошла Она...

Тоненький звонок в передней. Хозяйка умоляюще складывает руки по направлению к Поэту. Он прерывает чтение.

Все с любопытством заглядывают в переднюю.

Хозяин

Сию минуту. Прошу извинения.

*Выходит в переднюю, но не кричит там: «А-а-а!»
Молчание.*

Голос хозяина

Чем могу служить?

Женский голос отвечает что-то. Хозяин появляется на пороге.

Хозяин

Ниночка, какая-то дама. Ничего не могу разобрать. Вероятно, к тебе. Извините, господа, извините...

Сконфуженно улыбается во все стороны. Хозяйка идет в переднюю и запирает за собой дверь. Гости шепчутся.

Молодой человек

(в углу)

Да не может быть...

Другой

(прычась за него)

Да уверяю тебя... вот скандал!.. Я слышал ее голос...

*Поэт стоит неподвижно против дверей. Двери открываются.
Хозяйка вводит Незнакомку.*

Хозяйка

Господа, приятный сюрприз. Моя очаровательная новая знакомая. Надеюсь, мы примем ее с радостью в наш дружеский кружок. Мария... извините, я не расслышала, как вас называть?

Незнакомка

Мария.

Хозяйка

Но... ваше отчество?

Незнакомка

Мария. Я зову себя: Мария.

Хозяйка

Хорошо, милочка. Я буду звать вас: Мэри. В вас есть некоторая эксцентричность, не правда ли? Но тем веселее мы проведем сегодняшний вечер с нашей восхитительной гостьей. Не правда ли, господа?

Все сконфужены. Неловкое молчание. Хозяин замечает, что один из гостей проскользнул в переднюю, и выходит за ним. Слышен извиняющийся шепот, слова: «не совсем здоров». Поэт стоит неподвижно.

Хозяйка

Итак, может быть, наш прекрасный поэт продолжит прерванное чтение? Дорогая Мэри, когда вы вошли, наш известный поэт как раз читал нам... читал нам.

Поэт

Простите. Позвольте мне прочесть в другой раз. Я так извиняюсь.

Никто не выражает неудовольствия. Поэт подходит к хозяйке, которая некоторое время делает умоляющие жесты, но скоро перестает. Поэт спокойно садится в дальний угол. Задумчиво смотрит на Незнакомку.

Горничная разносит, что полагается. Из общего бессмысленного говора вырывается хохот, отдельные слова и целые фразы:

Нет, как она танцевала! Да ты послушай! Русская интеллигенция...

Кто-то

(особенно громко)

Да и вам не поймать! Да и вам не поймать!

Все забыли о Поэте. Он медленно поднимается со своего места. Он проводит рукою по лбу. Делает несколько шагов назад и вперед по комнате. По лицу его заметно, что он с мучительным усилием напоминает что-то. В это время из общего говора доносятся слова: «рокфор», «камамбер». Вдруг толстый человек, в страшном увлечении, делая кругообразные жесты, выскакивает на середину комнаты с криком:

Бри!

Поэт сразу останавливается. Мгновение кажется, что он вспомнил все. Он делает несколько быстрых шагов в сторону Незнакомки. Но дорогу ему заслоняет Звездочет в голубом вицмундире, входящий из передней.

Звездочет

Извините, я в вицмундире и запоздал. Прямо из заседания. Пришлось делать доклад. Астрономия...

Поднимает палец кверху.

Хозяин

(подходя)

Вот и мы только что говорили о гастрономии. Ничночка, не пора ли ужинать?

Хозяйка

(встает)

Господа, прошу вас!

Все выходят вслед за нею. В потемневшей гостиной остаются некоторое время Незнакомка, Звездочет и Поэт. Поэт и Звездочет стоят в дверях, готовые выйти. Незнакомка медлит в глубине у темной полукрытой занавеси окна.

Звездочет

Нам опять привелось встретиться с вами. Я очень рад. Но пусть обстоятельства нашей первой встречи останутся между нами.

Поэт

Прошу о том же и вас.

Звездочет

Я только что сделал доклад в астрономическом обществе — о том, чему вы были невольным свидетелем. Поразительный факт: звезда первой величины...

Поэт

Да, это очень интересно.

ЗВЕЗДОЧЕТ
(восторженно)

Да! Я занес в мои списки новый параграф: «Пала звезда Мария!» Наука в первый раз... Ах, извините, что я не спрашиваю вас о результатах ваших поисков...

ПОЭТ

Поиски мои были безрезультатны.

Он оборачивается в глубь комнаты. Безнадежно смотрит. На лице его — томление, в глазах — пустота и мрак. Он шатается от страшного напряжения. Но он все забыл.

ХОЗЯЙКА
(на пороге)

Господа! Идите же в столовую! Я не вижу Мэри...

Грозит им пальцем.

Ах, молодые люди! Вы спрятали куда-нибудь мою Мэри?

Всматривается в глубь комнаты.

Где же Мэри? Да где же Мэри?

У темной занавеси уже нет никого. За окном горит яркая звезда. Падают голубой снег, такой же голубой, как вицмундир исчезнувшего Звездочета.

1906

РОЗА И КРЕСТ

Посвящается ***

Действующие лица

ГРАФ АРЧИМБАУТ (владелец замка в Лангедоке).

КАПЕЛЛАН.

ДОКТОР.

ПОВАР.

ПЕРВЫЙ РЫЦАРЬ.

ВТОРОЙ РЫЦАРЬ.

АЛИСКАН, паж.

БЕРТРАН, по прованию *Рыцарь-Несчастие*, сторож замка.

ГАЭТАН, сеньор Трауменска, трувер.

РЫБАК.

ИЗОРА, жена графа.

АЛИСА, ее придворная дама.

РЫЦАРИ, ВАССАЛЫ, ГОСТИ, ПРИДВОРНЫЕ ДАМЫ, ПОВАРЯТА И ПРОЧАЯ ЧЕЛЯДЬ, КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕВУШКИ, МЕНЕСТРЕЛИ И ЖОНГЛЕРЫ.

Действие происходит в начале XIII столетия; первое, третье и четвертое — в Лангедоке; второе — в Бретани.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА I

Двор замка. Сумерки.

БЕРТРАН
(глухо поет)

«Всюду беда и утраты,
Что тебя ждет впереди?
Ставь же свой парус косматый,
Меть свои крепкие латы
Знаком креста на груди».

Странная песня о море
И о кресте, горящем над вьюгой...
Смысла ее не постигнет
Рыцаря разум простой.
Голос мой глух и бессилен
Темный напев передать.
Всюду со мной неудача!
Песни любимой Изоры
Я не могу повторить...

Яблони старый ствол,
Распатанный бурей февральской!
Жадно ждешь ты весны...

Теплый ветер дохнет, и нежной травую
Зазеленеет замковый вал...
Чем ты, старый, ответишь тогда
Ручьям и птицам певучим?
Лишь две-три бледно-розовых ветви протянешь
В воздух, омытый дождями,
Черный, бурей измученный ствол!

Так и ты, несчастный Бертран,
Урод, осмеянный всеми!
Начнутся пиры и турниры,
Зазвенит охотничий рог,
Вновь взволнует ей сердце жонглер
Непонятною песнью о море...
Чем ты, старый, ответишь весне?
Лишь волнением любви безнадежной?

О любовь, тяжела ты, как щит!
Одно страданье несешь ты,
Радости нет в тебе никакой!
Что ж пророчит странная песня?
«Сердцу закон непреложный —
Радость — Странданье одно!»
Как может страданье радостью быть?
«Радость, о Радость-Странданье,
Боль неизведанных ран...»

АЛИСА
(в окне)

Кто здесь поет и бормочет?

БЕРТРАН

Сторож замка.

АЛИСА

Ах, это вы, Рыцарь-Несчастье! Прошу вас, отойдите от окна! Моя госпожа нездорова, ее расстраивает ваше пенье.

БЕРТРАН

Я отойду.

СЦЕНА II

Переход в замке.

АЛИСА

Святой отец, как вы меня перепугали!

КАПЕЛЛАН

Я не хотел вас пугать, прекрасная дама.

АЛИСА

Вы, верно, ждете графа?

КАПЕЛЛАН

Нет, не графа.

АЛИСА

Или, чтобы паж передал графине...

КАПЕЛЛАН

И не граф, и не графиня, и не паж... вы не очень проникательны, моя красавица...

АЛИСА

Святой отец, я теряюсь в догадках...

КАПЕЛЛАН

(обнимая ее)

Дело проще, чем вы думаете, дорогая Алиса.

АЛИСА

Ваш сан, ваш возраст...

КАПЕЛЛАН

Ну, это я сам знаю, плутовка... ты не откажешься от маленького подарка...

АЛИСА

Кто-то идет сюда... оставьте меня, я буду кричать!

КАПЕЛЛАН

(убегая)

Святой Иаков! Хорошо же, я вам это припомню...

АЛИСКАН

Кто здесь шепчется в темноте?

АЛИСА

Это я... прекрасный паж... мне страшно... мне почудилось, что здесь кто-то есть...

АЛИСКАН

Без сомнения, Алиса. Сейчас в эту дверь шмыгнуло Его Преподобие.

АЛИСА

Гадкий старикашка!

АЛИСКАН

Что он вам сделал?

АЛИСА

Он покушался на мою честь... ах, Алискан, я теряю сознание... я падаю... помогите мне...

АЛИСКАН

Что ж я могу сделать? Жалуйтесь графу.

АЛИСА

И вы не поможете мне, прекрасный паж?

АЛИСКАН

Я не понимаю даже, о чем вы говорите, придворная дама. Проводите меня к вашей госпоже. Она жаждет звуков моей лютни.

СЦЕНА III

Покои Изоры.

ИЗОРА

(напевает)

«Кружится снег...

Мчится мгновенный век...

Снится блаженный брег...»

Не помню дальше... странная песня! «Радость-Страданье... сердцу закон непреложный...» Помогите вспомнить, Алиса!

АЛИСА

Чем я могу вам помочь, госпожа, если даже доктор не помогает.

ДОКТОР

Все средства испробованы, но не принесли облегчения больной. Тем не менее я продолжаю утверждать, вслед за Галленом и Гиппократом, что болезнь называется меланхолией...

ИЗОРА

Оставь меня, доктор, ты все равно ничего не поймешь.

Доктор уходит.

«Сердцу закон непреложный...» любить и ждать.
«Радость-Страдание...» да, и страдание — радость с милым!.. Не так ли, Алиса?

АЛИСА

(взглядывая на Алискана)

Да, госпожа, мне тоже кажется, что так.

ИЗОРА

Тоска, тоска, Алиса! Дай сюда шахматы! Паж, песню!

АЛИСКАН

Спеть вам сегодня песню, которую поют при Аррасском дворе?

ИЗОРА

Пой, что хочешь.

АЛИСКАН

(поет)

«День веселый, час блаженный.
Нежная весна.
Стукнул перстень драгоценный
В переплет окна.
Над долиной благовонной
Томный запах роз.
Соловей тебе влюбленный

Счастье принес...

Аэлис, о, роза, внемли,
Внемли соловью...
Все отдам Святыне Земли
За любовь твою...»

АЛИСА

Ваш ход, госпожа моя.

ИЗОРА

(играет королевой)

Ах!

АЛИСА

Опять задумались вы?
Томной песни звуки так сладки...

ИЗОРА

Какая песня?

АЛИСКАН

Если б знал я причину печали...

ИЗОРА

Я не знаю сама.

АЛИСКАН

Правда, не прежняя вы...
Что простой соловей для розы из роз!..

ИЗОРА

Как сказать ты умеешь краснó!
Верно, фея тебя научила
Объясняться в любви!

АЛИСКАН

Вы опять надо мной смеетесь...
Разве знал я фей, кроме вас?

ИЗОРА

Что мне в лстивых речах?
Разве яркая бабочка я?
Горек мне мед твоих слов!

АЛИСА
Шах королеве и королю!

ИЗОРА
Слава богу!
Довольно скучать над игрой!
Чем мне, мой паж чернокудрый,
Горю помочь твоему?

АЛИСКАН
Вспомните прежние игры!
Вспомните: только весной
Мы на поляне зеленой
В плясках беспечных
Коротали легкую жизнь...

ИЗОРА
Паж, не забудь: я — твоя госпожа!

АЛИСА
Она больна, Алискан.

ИЗОРА
(напевает)
«Сердцу закон непреложный...
Радость-Страданье...»

АЛИСКАН
Вы песню твердите,
Которую пел кривляка наемный.

ИЗОРА
Пусть! песню он пел не свою...

АЛИСКАН
Какой-нибудь жалкий рыбак
Из чужой и дикой Бретани
Непонятную песню сложил...

ИЗОРА
Паж, ты ревнуешь?
Успокойся... его я не знаю...
Ах... кто знает? вернется пора,
Может быть, на зеленой поляне

К нам вернется прежняя радость...
Нет!.. Теперь — все постыло и дико...
Жизнь такая не явь и не сон!

Уходит.

АЛИСКАН
Она положительно сходит с ума...

АЛИСА
Я думаю, это уже случилось... предпочесть вам... ко-
го же?..

АЛИСКАН
И нам придется проскучать всю зиму...

АЛИСА
Вам грустно, прекрасный паж?

АЛИСКАН
Она не придет сюда?

АЛИСА
Нет, в этот час, вы знаете, она всегда мечтает... и ви-
дит сны... В этот час никто не придет сюда.

Обнимает Алискана.

СЦЕНА IV

Покои Графа.

ГРАФ
Клянусь святым Иаковом Кампостельским, они при-
водят меня в бешенство! Ты знаешь, Оттон чуть
дышит!

КАПЕЛЛАН
Ваша милость, ума не приложу, о чем вы волнуе-
тесь. Пошлите новый отряд рыцарей, и непокор-
ные виланы будут уничтожены.

ГРАФ

Давно ли беднягу Клари до полусмерти исколотили дубьем?

КАПЕЛЛАН

У вас есть вассалы получше Оттона и Клари. К тому же, говорят, граф Симон Монфор уже идет из Парижа помочь нам сломить еретиков...

ГРАФ

Когда еще дойдет Монфор!..
Позвать Бертрана!

Входит БЕРТРАН.

Ну, какие вести?

БЕРТРАН

Плохие, Ваша Светлость. Граф Раймунд
В Тулузе войско снарядил...

ГРАФ

Убийца!

КАПЕЛЛАН

И греховодник к тому же: пять жен — и ни одного
законного сына...

БЕРТРАН

Под знамя их встал Монсегюр...

ГРАФ

Сосед мой!

БЕРТРАН

Епископу их новому присягу
Принес он, а именье роздал нищим...

ГРАФ

Мошенник! Вот кто оскорбил Клари!

БЕРТРАН

Не думаю. Враги нам эти люди,
Но все же чтут Евангелье они
И рыцарей чужих не убивают
Исподтишка...

ГРАФ

Одна все это шайка!
И мужичье с дубьем, и сюзерены,
Забывшие и Господа, и папу,
И их вассалы-оборванцы...

БЕРТРАН

Но...

ГРАФ

Молчи! Ты сам, пожалуй, той же масти,
Как все вы, неудачники и трусы,
Которых выбивают из седла
На первом же турнире...

БЕРТРАН

Ваша Светлость,
Монфор, сказали мне, теперь в Лионе...

ГРАФ

Ты думаешь, нам этого довольно?

БЕРТРАН

Вы знаете, всегда готов служить я
И госпоже моей, и вам...

ГРАФ

Что ж, Рыцарь-
Несчастье! Хоть раз нам докажи,
Что рыцарь, а не трус ты! Нынче ночью
Узнать ты едешь, близко ли теперь
Симона доблестное войско!

БЕРТРАН

Еду.

ГРАФ

Да приноси, смотри, получше вести.
И не накаркивай нам новых бед. Ступай!

Бертран уходит.

КАПЕЛЛАН

Что верно, то верно! Это не рыцарь, а ворона в рыцарских перьях...

ГРАФ
Почтенный духовник, у меня голова идет кругом...

КАПЕЛЛАН
Э, не беспокойтесь, Ваша милость. С дьяволовыми ткачами мы сладим. Обратите лучше внимание на то, что делается в замке...

ГРАФ
Измена?

КАПЕЛЛАН
Нет... но...

ГРАФ
Говори!

КАПЕЛЛАН
Isora, coniunx vestra, aliquantulum male sobria est¹.

ГРАФ
Ничего не понимаю! Говори по-человечески!

КАПЕЛЛАН
Супруга Вашей милости...

ГРАФ
Моя жена!

КАПЕЛЛАН
На столе у ее постели лежит роман о Флоре...

ГРАФ
Что же из этого?

КАПЕЛЛАН
И о Бланшефлёре... вместо молитвенника. А вы знаете, что романы сочиняют враги Святой Церкви?

ГРАФ
Крамольники!

КАПЕЛЛАН
Ну да. Самозванного папу чтут люди, которые бьют ваших рыцарей. А людей, которые бьют рыцарей, хвалят сочинители романов...

¹ Изора, супруга ваша, несколько помутилась рассудком (*лат.*).

ГРАФ
Я говорил, что это все — одна шайка!

КАПЕЛЛАН
И всему этому учит вашу супругу ее придворная дама...

ГРАФ
Проклятие! Если бы я знал это прежде!

КАПЕЛЛАН
Спокойствие, Ваша милость. Она идет сюда. Расспросите ее, не показывая вида, будто что-нибудь знаете.

Входит Алиса.

АЛИСА
Ваша Светлость, госпожа моя больна...

ГРАФ
Вот как! Давно ли?

АЛИСА
Сегодня с утра она не принимает пищи...

КАПЕЛЛАН
Слышите, Ваша милость...

ГРАФ
Вы звали доктора?

АЛИСА
Доктор сказал, что болезнь происходит от меланхолии; а там, где избыток меланхолии, тело испорчено, и легко лишиться рассудка...

ГРАФ
Помоги нам, святой Иаков!

АЛИСА
Госпожа сильно скучает днем, а по ночам мечется, кусает подушки и твердит чье-то имя...

ГРАФ
Чье имя?

АЛИСА

Я не могла расслышать... кажется, она бормочет:
«Странник».

ГРАФ

«Странник»?

АЛИСА

Так зовут рыцаря... сочинителя песни...

КАПЕЛЛАН

Вот видите, Ваша милость: роман родит песню,
песня родит рыцаря, а рыцарь родит...

АЛИСА

Госпожа не может забыть песни с тех пор, как у нас
пели жонглеры...

ГРАФ

О чем там поется?

КАПЕЛЛАН

Это известно заранее: о соловье и о розе.

АЛИСА

Нет, о розе и о соловье там нет ни слова. Я совсем
не понимаю песни, хотя госпожа не раз повторя-
ла ее.

ГРАФ

В таком случае, может быть, она сошла с ума!

АЛИСА

Мне самой приходило это на ум, Ваша Светлость.

ГРАФ

Изменники! Позвать сюда доктора!

Входит доктор.

Что с моей женой?

ДОКТОР

Melancholia regnat...¹

¹ Меланхолия царствует (*лат.*).

ГРАФ

Тысяча проклятий! Они все говорят поллатыни, ко-
гда дело касается моей жены!

ДОКТОР

Ваша милость, супруга ваша подвержена меланхо-
лии, которая холодна, суха и горька. Царство ме-
ланхолии длится от августовских до февральских
ид...

ГРАФ

Святой Иаков! Да ведь февраль уже на дворе!

ДОКТОР

Ничего не поделаешь, придется еще подождать, Ва-
ша милость. Скоро начнет прибывать кровь; а когда
крови накопится слишком много, мы выпустим ее
через нос, как учат древние мудрецы Галлен и Гип-
пократ...

КАПЕЛЛАН

Здесь скрывается иносказание...

ГРАФ

Святой Иаков, я сам лишаюсь рассудка! Святой
отец, что теперь делать?

КАПЕЛЛАН

Положитесь на меня, ваша милость, я дам добрый
совет...

ДОКТОР

Idem — melancholia regnat...¹

ГРАФ

Доктор, ты дождешься виселицы!

¹ Все то же — меланхолия царствует (*лат.*).

СЦЕНА V

Покои Изоры.

АЛИСА

Госпожа, будьте осторожней, ради бога. Граф встревожен; он, кажется, догадывается, за нами подсматривают. Ваша болезнь — зимняя скука, не более.

ИЗОРА

Нет, в сердце моем — весна.
Но за семнадцатой этой весной
В сердце повеял мне холод сырой,
Точно туманом дохнул
Яблони ствол за окном...
Видишь, старые, черные ветви
В небе дождливом, как крест...
Сердце, как яблоня, плачет...
«Радость-Страданье...»
Сердцу закон непреложный...»

АЛИСА

Все это вам набормотал Рыцарь-Несчастье. Поверьте, весна возвратит вам здоровье и радость...

ИЗОРА

Слушай, Алиса!
Нынешней ночью
Странный приснился мне сон...
Будто сплю я в лунном луче
И слышу, как плещется море,
И запахом смол незнакомых
Воздух кругом напоен...
Внезапно, из-под земли,
Словно из темного гроба,
Встал предо мною неведомый рыцарь...
Кудри, светлее льна,
Рассыпались по плечам...
Сердце так бьется, так бьется...
И, упав на колени, в восторге
Я вскричала: «Неведомый гость!
Имя свое назови!..»

Он безответен...

Прикоснуться к нему не смею,
Но странно и сладко молиться ему!
И черная роза — чернее крови —
Горит на светлой груди...
«Странник! Странник!» — вскрикнула я...
Слышу странный звон, вижу свет,
И очнулась в слезах...
А в ушах — тот самый напев,
Но иначе, чем пел жонглер...
Видела ты, что подушку мою
Я зубами рвала!
И рубашку рвала на плече!
Слышишь ты, как сердце стучит...
И в ушах — этот вечный напев:
«Радость-Страданье...»
Нет, не могу повторить!..

АЛИСА

Тише, во имя всех святых! Здесь кто-то есть...

КАПЕЛЛАН

(открывая дверь)

Так вот какие сны вам снятся! Все передам графу!
Вам хватит времени на чтение романов в Круглой башне!

Уходит.

ИЗОРА

Что он сказал?

АЛИСА

Он грозил заточеньем...

ИЗОРА

Святой Видиан! Что делать теперь?

АЛИСА

Не знаю... ждать... поклониться...

ИЗОРА

Проклятие! Я разорву им сердце! Недаром в сердце матери мой течет испанская кровь!

АЛИСА

Госпожа, тише... кто-то под окном...

ИЗОРА

(смотрит в окно)

Бертран!.. Рыцарь! Войдите! Осторожней!

АЛИСА

(плачет)

Чему поможет этот урод... несчастные мы...

БЕРТРАН

(входит)

Госпожа, чем могу вам служить?

ИЗОРА

(вкрадчиво)

Вы исполнить могли бы
Порученье, рыцарь, мое?

БЕРТРАН

(удивленный)

Госпожа, все, что в силах моих...
Приказанья жду я, не просьбы...
Но смогу ли?
Граф на север послал меня...

ИЗОРА

На север!

БЕРТРАН

Да. Сегодня в ночь.

ИЗОРА

О!.. Рыцарь! Вы преданы мне?

БЕРТРАН

Напрасный вопрос...

ИЗОРА

Время не терпит!
Мне заточенье грозит...

БЕРТРАН

Не терзайте сердца
Признаньем жестоким...

806

ИЗОРА

Вы — сторож замка.
Знаете Круглую башню?

БЕРТРАН

Знаю давно.
«Башней Вдовы Неутешной» зовется она...

ИЗОРА

Есть там ход потайной?

БЕРТРАН

Есть! В углу, прикрытый плитой...
Для вылазки был он когда-то пробит...

ИЗОРА

Дальше!
Дорог мне каждый миг!
Есть рыцарь... есть песня...
Песня мне спать не дает...

БЕРТРАН

Госпожа, я знаю ту песню!

ИЗОРА

Знаете вы!
Вы должны мне певца отыскать,
Хотя бы пришлось
Все страны снегов и туманов пройти!
«Странник» — имя ему...
Черною розой отмечена грудь...
Так открылось мне в вешем сне!

БЕРТРАН

Госпожа! Порученье ваше
Похоже на детскую сказку...
Но — недаром жизнь сурова со мной:
Знаю, в детских снах
Больше правды, чем думают люди!
Погибну или исполню:
Странник будет у вас!

ИЗОРА

Клянитесь теперь молчанье хранить
Обо всем, что сказано здесь!

807

БЕРТРАН

Чем клясться?..
Надо ли клясть?..
Я клялся бы розой,
Вы — краше всех роз...

ИЗОРА
(удивленная)

О! И вы учились учтивым словам?
Нет, бóльшим клянитесь!

БЕРТРАН

Бóльших клятв не смеет
Бедный рыцарь давать...

ИЗОРА
(жестоко)

Клянитесь, клянитесь!

БЕРТРАН

Клянусь, что живым не вернусь,
Если Рыцаря я не найду!..
Вечной верностью Даме клянусь!

ИЗОРА
(с любопытством)

Рыцарь, кто ваша дама?

БЕРТРАН

Имя не смею сказать...

ИЗОРА

Я приказать вам могу...

БЕРТРАН

Отпустите в далекий путь...

ИЗОРА
(лукаво)

Нет, нет... только имя одно...

Бертран преклоняет колено.

Встань, Бертран, мой верный вассал!
Теперь — я верю тебе.

808

Отходит от него.

О, как сильна и прекрасна любовь!
Даже этой породе,
Низкой, смешной и ничтожной,
Рыцаря верность дает...

БЕРТРАН
(про себя)

Ну, урод несчастный!
Ступай, не жди, не надейся.
Страсти чужой послужи.

Входит Граф, грохоча ржавым ключом.

ГРАФ

Ни слова, изменница! Я знаю все!

(Бертрану)

Зачем ты здесь?

АЛИСА

Ваша Светлость, он сам ворвался сюда!..

ГРАФ

Негодяй! Я убил бы тебя на месте, если б ты не был так жалок! Урод! Собака! Какой прекрасный вкус для придворной дамы!..

АЛИСА

Ваша Светлость...

ГРАФ

Молчите! Низкая тварь! Вот чем занимаетесь вы, вместо того, чтобы следить за нею! Вы разделите участь вашей госпожи!

(Изоре)

Или вы хотите вернуться в свои Толозанские Муки?
За все заботы вы платите мне золотом Тулузы!

ИЗОРА

Мой повелитель, я послушна вам.

809

ГРАФ

Вы поняли, что спорить со мной бесполезно! Сейчас, не медля — в Башню Неутешной Вдовы! И да поможет вам исправиться святой Иаков Кампостельский! Ступайте!

Изофа и Алиса уходят.

А ты, несчастный урод, умеешь только каркать, как ворона, и приставать к придворным дамам! Ты забыл, может быть, мое порученье!

БЕРТРАН

Я еду, как вы сказали, сегодня в ночь.

ГРАФ

Все узнай! Я буду ждать месяц, два месяца! Если вести твои будут также плохи — не сносить тебе головы! Если же ты привезешь мне доброе о графе Монфоре, я прощу тебя, Рыцарь-Несчастье!

Уходит вслед Изофе.

БЕРТРАН

Прекрасная обманщица!
Пускай умру, я должен ей помочь.
Что б ни было — вперед! На север, в ночь!

Уходит.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА I

Берег океана.

БЕРТРАН *(на коне)*

Куда я заехал? Снег слепит глаза, ветер свистит в уши! Безумец! Все равно — вперед, усталый конь!

Скрывается за камнем.

ГАЭТАН

(поет)

«Не верь безумию любви!
За радостью — страданье!
За радостью — страданье!»

РЫБАК

(поет)

«Не спи, король, не спи, Граллон,
Твой город в воду погружен!
Кэр-Ис лежит на дне морей,
Проклятье дочери твоей!»

ГАЭТАН

«Проклятье дочери твоей!»

Эй, рыбак!

РЫБАК

С нами крестная сила! За снегом ничего не разобрать! Был рыцарь, теперь — ты! Я думал, это мой голос раздастся в скалах. Или ты призрак?

ГАЭТАН

Ты кричишь на меня, однако поешь мою песню.

РЫБАК

Какую твою песню? Сумасшедший ты, что ли? Эту песню поют и в Плугасну, и в Плүээеке, и у нас, в Плугерно.

ГАЭТАН

А где был город Кэр-Ис?

РЫБАК

Да, говорят, здесь неподалеку. Видишь ту кучу камней на берегу?

ГАЭТАН

Вижу. Впереди — лев, потом — конь...

РЫБАК

Никакого там нет коня, а просто — камни, и в камнях — заводь. Туда летом заплывают самые жир-

ные крабы. Вот там, говорят, и ходит каждый со-
чельник святой Гвеннолэ. А тебя откуда Бог не-
сет?

ГАЭТАН

Я — из Трауменека.

РЫБАК

Трауменека? Не слышал что-то.

ГАЭТАН

Ведь здесь недалеко Аберврак?

РЫБАК

Ну да, монастырь...

ГАЭТАН

Так мимо монастырского сада — к колодцу, от ко-
лодца — в гору, до первых домов Ландеда...

РЫБАК

Кто же не знает Ландеда! Мы все туда на праздник
ходим...

ГАЭТАН

Поверни, не доходя до церкви, налево, полем, там
скоро и будет Трауменек.

РЫБАК

Этот замок называется — Трауменек?

ГАЭТАН

Ну, разумеется, да.

РЫБАК

Так это — Трауменек... И чужак же, должно быть, та-
мошний сеньер!

ГАЭТАН

Почему ты думаешь?

РЫБАК

Не я один, все так; он, говорят, сам пасет свое
стадо; а стадо у него всего-навсего три петуха.
Живет бедно, должно быть, скупой. Другие рыца-

ри пируют и дерутся на турнирах, а этот знай бро-
дит да рассказывает сказки... А ты чем там занима-
ешься?

ГАЭТАН

Признаться, рыбак, ведь это я и есть сеньер Трау-
менека.

РЫБАК

С нами крестная сила! Не подумайте, сеньер, что я —
в насмешку, мало ли чего у нас...

ГАЭТАН

Это правда, рыбак. У меня — крест на груди, а крест
дается не для забавы...

РЫБАК

Крест на груди, а я-то и не разобрал сразу... Конеч-
но, господин, для богатых людей закон не писан...

БЕРТРАН

(возвращается)

Опять тот же камень! — Кто там? Эй, бродяга!

ГАЭТАН

Не кричи зря на людей. Сам ты кто?

БЕРТРАН

Рыцарь.

ГАЭТАН

А я — сеньер.

БЕРТРАН

Ты что-то не похож на сеньера.

ГАЭТАН

Я докажу тебе, что это правда! Берись за меч!

Сражаются.

РЫБАК

(убегая)

Спаси, Господи! Эти рыцари вечно дерутся!

БЕРТРАН

Плохо ты бьешься, сеньер! Проси пощады, или я отрублю тебе голову!

ГАЭТАН
(снимая шлем)

Прошу пощады. Ты видишь, я стар.

БЕРТРАН

Не стоило мне тупить свой меч, старик! Обещай исполнить то, о чем я тебя попрошу.

ГАЭТАН

Ты нравишься мне, и я исполню, что ты попросишь. Не откажись отдохнуть у меня в Трауменеке.

БЕРТРАН

Спасибо. Я не устал, но конь мой устал от долгого пути.

СЦЕНА II

Двор Трауменека.

ГАЭТАН

...И старый король уснул...
Тогда коварная дочь,
Украв потихоньку ключи,
Открыла любовнику дверь...
Но дверь в плотине была,
Хлынул в нее океан...
Так утонул Кэр-Ис,
И старый король погиб...

БЕРТРАН

Где же был этот город Кэр-Ис?

ГАЭТАН

Вон там, в этих черных камнях...
Слушай дальше: проклятие ей!
За то же святой Гвеннолэ

Превратил ее в фею морскую...
И, когда шумит океан,
Влажным гребнем чешет злая Моргана
Золото бледных кудрей.
Она поет, но голос ее
Печален, как плеск волны...

БЕРТРАН

Станный ты человек!
О сиренах, о королях,
О городах подводных
Много ты мне рассказал!
Но не знаю, кто же ты сам?
Не думал я, когда бился с тобой,
Что под шлемом твоим
Серебрятся кудри седые.
Правда, ты слаб,
Но, как мальчик дерзкий, ты бьешься,
Правда, бела у тебя голова,
Но звончее рога твой голос,
Как у юноши, взор твой горит!

ГАЭТАН

Не думал и я, что в твоих волосах
Так много прядей седых!
Верно, ты жизнью обижен?
Но, хоть голос твой
Глух и печален,
Лик твой, добрый мой гость,
Несказанно нравится мне!

БЕРТРАН

Спасибо за ласку!
Да, правда, нужда и горе
В жизни достались мне.
Тем нежнее сердца коснулось
Доброе слово твое.
Я — Бертран из Тулузы.
Ни о чем не напомнит тебе
Это темное имя.
Ты же, верно, богат был и знатен?

По речам и осанке — ты рыцарь...
Верно, Гроб защищал ты Господень?
Выщвел крест на груди у тебя...

ГАЭТАН

Нет, я тоже рыцарь безвестный,
И не плавал я в Землю Святую,
Хоть похож на странника я...
Что ты смотришь так пристально, друг?

БЕРТРАН

Назови мне имя твое.

ГАЭТАН

Гаэтаном зовусь я.
Из Арморики милой я родом...
Видишь, вот — все владенья мои:
Чуть заря, у меня в Трауменеке
Начинают петь петухи...
И другие — там, за холмами,
И еще, и еще... и последним
Запоет монастырский петух...
А я, пробудясь с петухами,
Слышу, как сквозь туман родимый
Сеет прохладный дождь,
И шумный зовет океан...
Снова дрогнули брови твои!..

БЕРТРАН

Чудным словам твоим внемля,
Вспомнил я дело одно...
Что же, сеньер Трауменека,
Давай расскажем друг другу
О жизни нашей... Союз,
Заклученный в звоне мечей,
Словом мы крепче скрепим!

ГАЭТАН

Больше, чем другом,
Братом твоим
Назваться хочу!
Начинай ты первым рассказ!

БЕРТРАН

Гаэтан, печальна
Будет повесть моя.
Сыном простого ткача из Тулузы,
С малых лет я на службу попал.
И за долгую службу в замке
Граф меня опоясал мечом...
Однажды, во время турнира,
Подлым ударом плохого бойца
Выбит я был из седла...
Великан неуклюжий с дельфином в гербе
Наступил мне ногою на грудь...
Но махнула платком госпожа —
И пощадили меня...
О, как горел я стыдом и гневом!
Как умолял я мне сердце пронзить!
Но жизнь оставили, подлые, мне...

ГАЭТАН

Низкое время!
Рыцарей лучших не ценят!

БЕРТРАН

Никто с той поры не дает мне проходу,
Все мне смеются в лицо...
И она смеется, я знаю,
В своем высоком окне...
Но привет, или тень привета,
Видел я от нее одной...
Как травка от розы, далек от нее я...
Да и может ли рыцаря ум
Проникнуть в тайну женской души!

ГАЭТАН

Печален, брат, твой рассказ...
Глупые, злые люди!..
Сам я сейчас испытал
Пламень ударов твоих!
Как заехал ты к нам, скажи...

БЕРТРАН

Два порученья есть у меня:

Должен узнать я, скоро ль Монфор
Нам поможет восстане смирить...

ГАЭТАН

И у нас говорят о Монфоре,
Но, если б они и позвали меня,
Я под их орифламму не встану...

БЕРТРАН

Брат, значит ты веришь,
Что в жилах у нас
Одна — святая французская кровь?..
Жестокий Монфор тем самым мечом,
Которым неверных рубил,
Братскую кровь проливает...
Под чье же ты знамя пойдешь?

ГАЭТАН

Знамени нет для меня.
Я останусь один.

БЕРТРАН

Тебе легко говорить,
А я ведь на службе... Что́ я могу,
Пышного замка сторож несчастный!
Лишь сам не участвую я
В охотах на нищих крестьян...

ГАЭТАН

Ты должен покинуть тот край!

БЕРТРАН

Покинуть! Нет, ты не понял меня!
Я, как ты, не верю в новый поход,
Меч Монфора — не в Божьей руке...
Но разве могу изменить,
Чему всю жизнь я служил?
Измена — даже неправде —
Все изменой зовется она!
Я там умру, где сердце осталось!
Недаром «Несчастьем» прозвали меня!

ГАЭТАН

Службой связан ты, бедный?
Тяжки, должно быть,
Цепи земные...
Я их не носил никогда...
Так же ли трудно другое твое порученье?

БЕРТРАН

Пусть напрасно заехал я в ваши туманы,
С Толозанской дороги свернув!
Рыцаря долг —
Тайну Дамы свято хранить.
Я не отвечу тебе.

ГАЭТАН

Непонятны мне речи твои...

БЕРТРАН

Нетерпением горю я
Выслушать повесть твою!
Странное чувство
Твой взор и твой голос
Рождают во мне!
Не верю в предчувствия я,
Но сдастся,
Что послан ты мне
В награду за долгий путь!

ГАЭТАН

Слушай! Я стар,
И жизнь одинока моя,
Но трижды прекрасна жизнь!

БЕРТРАН

И трижды превратна она!

ГАЭТАН

Возле синего озера юная мать
Вечером поздним, в тумане,
Отошла от моей колыбели...
Фея — младенца меня
Унесла в свой чертог озерной

И в туманном плену воспитала...
И венком из розовых роз
Украсила кудри мои...

БЕРТРАН

Ты мне сказки опять говоришь...

ГАЭТАН

Разве в сказке не может быть правды?

БЕРТРАН

Да, правда в сказках бывает подчас...
Прости, мой разум беден и прост...
Верно, есть в твоих странных речах
Скрытый, неясный мне смысл...
Дальше, прошу тебя...

ГАЭТАН

Слушай дальше!
Рыцарем стать я хотел...
Фея долго в объятьях сжимала меня
И, покрыв волосами, плакала долго...
Не знаю, о чем
Гадала над прялкой своей...
И сказала: «Иди теперь
В мир дождливый,
В мир туманный...
Туда пряжа Парки ведет...»

БЕРТРАН

(вслушиваясь)

Куда пряжа Парки ведет?

ГАЭТАН

И еще сказала она:
«Мира восторг беспредельный
В сердце твое я вложу!
Песням внимай океана,
В алые зори глядись!
Любям будешь ты зовом бесцельным!
Быть может, тронешь ты
Сердце девы земной,
Но никем не тронется

Сердце твое...
Оно — во власти моей...
Странником в мире ты будешь!
В этом — твое назначение,
Радость-Страданье твое!»

БЕРТРАН

«Радость-Страданье»!
Что́ это значит?

ГАЭТАН

«Сердцу — закон непреложный», —
Так говорила она,
И в слезах повторяла:
«Путь твой грядущий — скитанье!
Что тебя ждет впереди?
Меть свои крепкие латы
Знаком креста на груди!»
Грудь я крестом отметил,
И в мир туманный пришел...

БЕРТРАН

Постой!
Верить сказкам
Я не умею!
Рассказ твой на песню похож!

ГАЭТАН

Все ты, Бертран, мне не веришь!
Да, рыбаки и жонглеры
Всюду поют мои песни,
Песни о жизни моей...

БЕРТРАН

Чудно мне верить!
Бред или явь?
Светлая радость
Наполнила сердце...
Ты эту песню сложил?

ГАЭТАН

Эту — и много других!

БЕРТРАН

Ты — Странник?

ГАЭТАН

Так Фея меня назвала...

БЕРТРАН

Ты мне дороже сокровищ мира!
Жизни дороже мне, брат!
Тебя, тебя одного
В снежных туманах ищу!
Очнись, несчастный Бертран!
Яркий твой бред
С правдою жизни жестокой несхож!..

ГАЭТАН

Если ты счастлив,
О чем же ты плачешь,
Милый мой гость?

БЕРТРАН

Прости, прости меня, друг!
Слишком жизнь унижала меня,
И я радость встречаю слезами!..
Первая радость, что встретил тебя,
Кого и в мире не думал найти!
Радость вторая — прости за нее,
Вижу — не юноша ты:
Лучше услышит песню Изора,
Не смущаясь низкой мужскою красой,
Свято внемля песне одной!

СЦЕНА III

Берег океана.

ГАЭТАН и БЕРТРАН на конях.

ГАЭТАН

Теперь — подводный город недалёко.
Ты слышишь звон колоколов?

БЕРТРАН

Я слышу,

Как море шумное поет.

ГАЭТАН

А видишь,

Седая риза Гвеннолэ несется
Над морем?

БЕРТРАН

Вижу, как седой туман
Расходится.

ГАЭТАН

Теперь ты видишь,
Как розы заиграли на волнах?

БЕРТРАН

Да. Это солнце всходит за туманом.

ГАЭТАН

Нет! то сирены злобной чешуя!..
Моргана мчится по волнам... Смотри:
Над нею крест заносит Гвеннолэ!

БЕРТРАН

Туман опять сгустился.

ГАЭТАН

Слышишь, стоны?

Сирена вероломная поет...

БЕРТРАН

Я слышу только волн печальный голос.
Не медли, друг! Через туман — вперед!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА I

Покои Графа.

ГРАФ

Итак, своими видел ты глазами
Войска Его Святейшества?

БЕРТРАН

Да, видел.

ГРАФ

И орифламму славную Монфора?

БЕРТРАН

Да. В красном поле — лев из серебра.
Хвост с четырьмя кистями. Все четыре
Захвачены узлом.

ГРАФ

Святой Иаков,

Хвала тебе!

БЕРТРАН

Они теперь в Безье,
Жгут, избивают жителей: «Всех режьте! —
Сказал легат: — Господь Своих узнаёт!»

ГРАФ

Так им и надо! Молодцы! Теперь
Монфор недалеко!

БЕРТРАН

На Толозанской
Дороге, Ваша Светлость.

ГРАФ

Так, Бертран!

Ты хорошо исполнил порученье!
Проси награды! Я тебя прощаю!

БЕРТРАН

Могу ли я просить не о себе?

ГРАФ

Проси, что хочешь!

БЕРТРАН

Ваша Светлость! Завтра
Наступит май. У нас во всей округе
Привыкли песнями встречать весну.
Отметьте же и вы священный праздник...

ГРАФ

К чему ты гнешь? Я сам об этом думал!

БЕРТРАН

Со мной жонглер приехал, Ваша Светлость,
Он песни новые привез с собой...

ГРАФ

Да ты разве селить нас всех задумал?
Послушаем, охотник я до песен!

БЕРТРАН

Освободите юную графиню,
Которая томится в башне...

ГРАФ

Что?

Ты о моей супруге говоришь?

БЕРТРАН

Вы обещали...

ГРАФ

Да, и обещаний

Я не беру назад. С чего тебе взбрело
Просить об этом?

БЕРТРАН

Первый день весенний,
Вы знаете, он первый года день.
Так пусть его не омрачает тень.

СЦЕНА II

Кухня замка. Поварята безобразничают.

ПОВАР

Он, говорят, так и спит — с ключом от башни. С тех пор никому у нас нельзя громко слова сказать.

ДОКТОР

А видел ты, что у него на голове? Как у черта на картинке. Два месяца не стригся. Когда улыбается, скалит зубы по-собачьи. Никому не верит, кроме Его Преподобия. А между нами говоря, святой отец...

ПОВАР

Потише, потише, здесь и у стен есть уши. Да замолчите ли вы, сорванцы? Ну, готово теперь, что еще?

ДОКТОР

Теперь подсыпь немного ивовой коры...

КАПЕЛЛАН

(входит)

Святители, какой пирог! Для кого же это?

ПОВАР

Для Ее Светлости, графини Изоры.

КАПЕЛЛАН

Постой, постой... Что ты здесь толчешься, доктор?

ДОКТОР

Немного *salix alba*...¹ от меланхолии..

КАПЕЛЛАН

Это — яд?

ДОКТОР

Простое слабительное, Ваше Преподобие...

КАПЕЛЛАН

Дай-ка мне отведать.

АЛИСКАН

(входя)

Ваше Преподобие, я ищу вас всюду.

КАПЕЛЛАН

(жуя)

Что вам от меня надо, молодой человек?

АЛИСКАН

Сегодня я встаю на ночную стражу...

Незаметно сует повару записку.

Записку в пирог, получишь червонец.

КАПЕЛЛАН

А приняли вы очистительную ванну?

АЛИСКАН

Принял, Ваше Преподобие.

КАПЕЛЛАН

А сколько времени вы постились?

АЛИСКАН

Два месяца, Ваше Преподобие.

КАПЕЛЛАН

Идите в капеллу, молодой человек: завтра за обедней мы посвятим вас в рыцари.

АЛИСКАН

Я готов.

ПОВАР

Готово, Ваше Преподобие.

ДОКТОР

А ты прибавил коры?

КАПЕЛЛАН

Закрывай блюдо и неси за мной.

¹ Белой ивы (*лат.*).

СЦЕНА III

Башня Неутешной Вдовы.

ИЗОРА

Боже Милосердный! Легче быть рабыней у армянина, лучше таскать камни и бревна! Алиса! Подойди сюда!

АЛИСА

Что вам угодно, госпожа?

ИЗОРА

Я умираю с тоски, Алиса.

АЛИСА

Терпите. Ярость любого дракона можно смягчить кротостью.

ИЗОРА

Все твои утешения я знаю наизусть. Давай поиграем лучше.

АЛИСА

В шахматы или в шашки?

ИЗОРА

Нет... представь себе: я слушаю мессу, а он переоделся клерком; в церкви темно... негодяй следит за мною... Клерк подходит с молитвенником... дай сюда книгу!

АЛИСА

Вот — роман о Флоре.

ИЗОРА

Подойди, как он... вот так. Что он шепнет, пока я целую молитвенник?

АЛИСА

Конечно, он вздохнет прежде всего...

ИЗОРА

Вот, я целую молитвенник... он сказал: «Ах»; что же мне отвечать?

АЛИСА

Сначала надо ответить осторожно, например: «Что с вами, рыцарь?»

ИЗОРА

Ну да... «Что с вами, рыцарь?» — Что же он?

АЛИСА

Он говорит: «Умираю».

ИЗОРА

(входя в роль)

«Отчего?»

АЛИСА

«От любви».

ИЗОРА

«Вы любите?.. Кого?..»

АЛИСА

«Вас».

ИЗОРА

(отпуская глаза)

«Что я могу?»

АЛИСА

«Исцелить меня».

ИЗОРА

«Как?»

АЛИСА

«Хитростью».

ИЗОРА

«Я надеюсь на вас...»

АЛИСА

«Я готов».

ИЗОРА

«На что?»

АЛИСА

«Я приду...»

ИЗОРА
«Куда?»

АЛИСА
«В Башню Неутешной Вдовы...»

ИЗОРА
«Как?»

АЛИСА
«Потайным ходом».

ИЗОРА
«Когда?»

Стук в дверь.

АЛИСА
Граф!

ИЗОРА
(увлекшись)
«Когда? Когда?» Боже! Он слышал все!

Убегает. Входят ГРАФ и КАПЕЛЛАН.

ГРАФ
Дай пирог!

Открывает крышку.

Где же верх пирога?

КАПЕЛЛАН
Я скушал его, заботясь о вашей чести...

ГРАФ
Изменник! При чем тут моя честь?

КАПЕЛЛАН
Во-первых, в пироги иногда кладут яд. Во-вторых, кушанья служат средством для передачи записок...

ГРАФ
Святой отец! Ты предусмотрительней меня! Прости, что я тебя оскорбил! Где жена?

АЛИСА
Она совершает вечернюю молитву.

ГРАФ
Пускай помолится — и да поможет ей святой Иаков.

АЛИСА
Ваша Светлость, на что вы похожи! В два месяца так перемениться!

ГРАФ
Я знаю, что делаю... лучше припрятать молодую жену в надежное место, чем попусту терять время и труд... Как чувствует она себя?

АЛИСА
День ото дня теряет сон и аппетит.

ГРАФ
Ей, пожалуй, опять что-нибудь снится?

АЛИСА
Еще вчера... рыцарь...

ГРАФ
Опять!

АЛИСА
Прекрасный, как святой Губерт...

ГРАФ
Проклятие!

АЛИСА
И притом, черты его напоминали ваши черты...

ГРАФ
Мои? Это хорошо. Очевидно, дело идет на лад, если ей начинают сниться такие сны!

АЛИСА
У госпожи есть одно смиренное желание, она не смеет вам признаться...

ГРАФ
Говорите и не бойтесь! Арчимбаут щедр!

АЛИСА
Увещения святого отца помогли ей... она хотела бы помолиться в церкви... мы только что говорили об этом...

ГРАФ
Доволен ты, святой отец?

КАПЕЛЛАН
Если моя смиренная молитва помогла заблудшему чаду...

ИЗОРА
(входит)
Мой повелитель здесь...

ГРАФ
Святой Иаков!
Какие волосы! Супруг примерный
Давно бы их остриг! Ну-ну, не плачьте...
Я пошутил...

ИЗОРА
Что сделала я вам,
Что вы меня томите в этой клетке?

ГРАФ
Романов разве не читали вы?
О рыцарях вам разве сны не снились?

ИЗОРА
Грехи сторицей искупила я...
Я так слаба... Я умереть готова...

ГРАФ
Вы, говорят, просились в церковь?

ИЗОРА
В церковь?

Алиса делает ей знак.

Ах, да... к молитвеннику приложиться...

ГРАФ
Мне эта просьба нравится.

ИЗОРА
(плачет)
Жестоко
Меня оклеветали!

ГРАФ
Завтра май,
А первый день весны — день первый года,
Вы знаете?

ИЗОРА
Что мне до мая?

ГРАФ
Ждите,
Я вас кой-чем развеселить сумею.
Вот ужин вам пока! Клянусь, пирог
На славу испечен, он приведет вас
В хорошее расположение духа!

Уходит с Капелланом.

ИЗОРА
Чудовище! Который раз — обман!

АЛИСА
Однако он сговорчивей, чем прежде...

ИЗОРА
(глядя на розу в окне)
Вот такой был цветок
У него на груди!
Вчерашний бледный бутон
Стал сегодня черным, как кровь!
Завтра увянет
С жизнью моей...

АЛИСА
Украсьте волосы розой...

ИЗОРА
На что украшать мне себя?
Все изменили, все обманули,

Даже урод, влюбленный в меня!
К чему теперь ход потайной,
Если так жалок посол!

АЛИСА
Может быть, скоро вернется он...

ИЗОРА
Нет надежды!
Давай хоть ужинать, Алиса! Разрежь пирог...

АЛИСА
(*режет пирог*)
Ах!

ИЗОРА
Что с тобой? Что ты там прячешь?

АЛИСА
Нет, ничего...

ИЗОРА
(*вырывая записку*)
Дай сюда! Вот он, наконец!

АЛИСА
Госпожа...

ИЗОРА
(*читает*)
«Дама, чьи уста алее розы, чей голос звонче соловьиного пения, дайте мне знак. Я буду ждать восхода луны...» О, как сладостен язык его любви! Какого же знака он ждет?

АЛИСА
Опомнитесь... это не вам...

ИЗОРА
Сон или счастье?.. Честный Бертран!.. Или все — сон?.. Алиса, у тебя будут шелковые ткани, драгоценные камни... и самый красивый валет... Святой Видиан! Какой это знак?

СЦЕНА IV

Розовая заросль.

БЕРТРАН
Переночуй здесь, в розовых кустах.
Тебя никто не тронет.

ГАЭТАН
Значит, завтра
Я буду петь у короля?

БЕРТРАН
У графа,
Сказать хотел ты?

ГАЭТАН
Так она — не дочь
Граллона старого?

БЕРТРАН
Все это сказки!
Не короля, а дочь простой швеи
Из Толозанских Мук.

ГАЭТАН
Простой швеи!
И старика, однако, погубила!

БЕРТРАН
Напротив, он ей зла желал. Он запер
Ее в высокой башне.

ГАЭТАН
Понимаю!
Я должен златокудрую из плена
Освободить!

БЕРТРАН
Она — смугла. И косы
Чернее ночи у нее.

ГАЭТАН
Но все же
Ее зовут Морганой? Или нет?

БЕРТРАН

Тебе ведь все равно, кого ты будешь
Освобождать своею песней. Верь мне.

ГАЭТАН

Я верю, брат.

БЕРТРАН

Ты рассказал мне много
Прекрасных сказок, много песен спел...
Прости меня, мой разум прост... не знаю,
Где вымысел, где правда у тебя...
Так ты воспитан феей?

ГАЭТАН

Да. Ты видишь,
Она дала мне этот крест.

БЕРТРАН

И песне
Она тебя учила?

ГАЭТАН

Да. Она — и море.

БЕРТРАН

Что ж эта песня значит? Объясни мне,
Как радостью страданье может стать?

ГАЭТАН

Ты знаешь песню. Что сказать мне больше?

БЕРТРАН

Мне брезжит смысл, но ум простой и темный,
Всей светлой глубины постичь не может...
Ты завтра будешь петь. Наряд красивый
Я принесу тебе сюда с утра.
Теперь прощай. На стражу мне пора.

СЦЕНА V

Башия Неутешной Вдовы.
Вдали — перекличка ночных сторожей.

АЛИСА

Полночь прошла, госпожа. Я задвину бесполезную
плиту. Граф может войти и увидеть...

ИЗОРА

Делай, что хочешь, мне не на что больше надеяться.

АЛИСА

Ведь я говорила, что записка не к вам...

ИЗОРА

Кто посмеет писать записки другим?

АЛИСА

Госпожа... валет прислал ее мне...

ИЗОРА

Не лги! Меня все равно не утетишь...

АЛИСА

Я задвигаю плиту...

ИЗОРА

Заклинаю тебя ангелами, архангелами, всеми сила-
ми небесными, ты придешь ко мне! Святой Видиан,
сжалься надо мною!

АЛИСА

Госпожа... вы больны... ложитесь...

ИЗОРА

Оставь меня, уйди!

Алиса уходит.

Как бьется сердце!
Бейся, сожги мне грудь!
Святой Видиан! Я сгораю!
Чу! Шорох в розовых кустах...
Святыми заклинаю! Это ты!..

*Падает на колени. В лунном луче, над плитой,
является образ Газтана.*

Ты! Ты! Ты сон или нет?
Странник! Где роза твоя?
На груди твоей — крест горит!..
О, не пугай крестом суровым!
Мать учила молиться меня,
Но песня твоя — не о том...
Что молчишь ты,
Неба посланник?
Сладко молиться тебе!..
Громче, громче пой песню твою!
О, соловьиный голос!
Ни один соловей
Родины бедной
Не пел нежнее тебя!
Да... Радость, радость... любить...
Страданье... не знать любви!..
Ты смолкнул опять,
Только сердце стучит...
Тот самый лик любимый!
Кудри светлее льна
И синее пламя очей...
Не пугай же крестом,
Дай коснуться тебя!..

АЛИСА
(за дверью)

Госпожа, госпожа...

ИЗОРА
(срывая розу в окне)

Возьми эту розу!
Так черна моя кровь, как она!
Не уходи! С ума сойду я!
Ближе, ближе ко мне подойди!..
Дай страшный твой крест
Черною розой закрыть!..

Падает без чувств. Дверь открывается. Образ исчезает.

Входят АЛИСА и ГРАФ.

ГРАФ

Что с ней?

АЛИСА

Вы слышали крик? Она лишилась рассудка! Вот до чего довела ее тюрьма!

ГРАФ

Воды! Приведите ее в чувство! Еще! Она приходит в себя! Она свободна, — скажите ей! Завтра — май! Бертран привез жонглера! Мы развеселим ее! Только приведите ее в чувство!

СЦЕНА VI

Двор замка.

БЕРТРАН

Как ночь тревожна! Воздух напряжен,
Как будто в нем — полет стрелы жужжащей...
Иль мне мерещится, и ночь без сна
Измучила мое воображенье?
Окно пустое. Из него она
Звала меня, и больше не зовет.
А ты, товарищ старый, рад весне?
Отцветшие протягиваешь ветви
В окно пустое... Наконец, светает...
О, Господи, пошли ей мирный сон...
Освободи от образов туманных
Изоры юной пламенную грудь...

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА I

Цветущий луг. Рассвет.

АЛИСКАН

(с цветком в руке)

Тяжела ты, стража ночная!
В сумраке синем капеллы
Всю ночь я глаз не сомкнул...
Май, ласкаешь ты томное сердце!
Как прозрачен утренний воздух!
О, как сладко поют соловьи!

Эта глупая дама, может быть, думает, что я в ней нуждаюсь! Она не могла не получить записки... и однако... я ждал всю ночь... знака не было! Хорошо же, она раскается! Да, по правде сказать, мне смертельно надоела ее навязчивость...

О, как сладко поют соловьи!..
Благоухание роз, как дыханье Изоры...
Этим ли пальцам красивым сжимать
Грубое древко копья?
Нет, не на то я рожден!
Куда, говорят, в счастливом Аррасе
Вежливей люди, обычаи тоньше и моды
красивей!

Там столы утопают
В фиалках и розах!
Там льется рекою
Душистый кларет!
Дамы знают науку учтивой любви!
Разве стал бы там старый ревнивец
Нарушать веселье придворных?
«Ревность — отсталое чувство», —
Сказано, помнится, в книге латинской,
Что отец мне из Рима привез...
Смотрится в пруд.
Эти нежные губы подобны

Прихотливому луку Амура,
Или — алым Изоры устам...
Их мне прятать под маской железной!
Этот розовый ноготь ломать
Рукоятью железной меча!
Нет! Другие бы люди и моды —
Проводил бы я в розах с Изорой
Не одну соловьиною ночь!..

СЦЕНА II

Розовая заросль.

БЕРТРАН

(несет одежду жонглера)

О весна, как волнуешь ты кровь!
О любовь, ты тяжеле счита!
Спит странник старый...
Не слышит он соловьев...
Что чернеет
На кресте у него? —
Роза! — Черная роза!

ГАЭТАН

(во сне)

Моргана! Оставь! Не души!

БЕРТРАН

Гаэтан, проснись!

ГАЭТАН

(просытаясь)

Дочь, отца пощади!..
Брат, это ты...
Мне снилось... коварная дочь...
Отомкнула плотины!..

БЕРТРАН

Запах роз душил тебя, друг.
Что у тебя на груди?

ГАЭТАН

Смотри-ка, роза
Упала с куста
Сонному мне на грудь...

БЕРТРАН

Красные розы
Все над тобой...
Откуда же черный цветок
Попал на сердце тебе?

ГАЭТАН

Откуда ж еще
Мог он упасть?

БЕРТРАН

Скажи мне: помнишь ли ты,
Что́ когда-то мне обещал,
Когда я убить собирался тебя?

ГАЭТАН

Помню. Исполню все просьбы твои...

БЕРТРАН

Отдай же мне розу!

ГАЭТАН

Легкая просьба!
Возьми, если хочешь!
Разве мало кругом цветов?

БЕРТРАН

(прячет розу под панцирь)

Младенец старый, не знаешь,
Что сделал ты для меня!
Спасибо! Вот красивый наряд:
В нем менестрелем сегодня
На луг цветущий явишься ты!

СЦЕНА III

Цветущий луг.

ДЕВУШКИ

(с майским деревом, поют)

Вот он, май, светлый май,
Вот он, светлый май!

Эй, хозяйка, ради Бога,
Не гони нас от порога,
Кошелек тугой нам дай!
Нам не есть, нам не пить,
Нам бы свечку засветить,
Пречистой Деве угодить!

Вот он, май, светлый май!
Вот он, светлый май!

Все поля полны пшеницей,
Иисус воздаст сторицей,
Жди спасенья, жди награды
За хлеба и виноград!
Христа молим, Бога молим,
Пусть его святая воля
Вам подаст пресветлый рай!

Вот он, май, светлый май,
Вот он, светлый май!

*Во время песни собираются все участники праздника – от
обедни: Граф с придворными, вассалами, гостями и рыцарями,
Изофа с дамами. Трубы.*

ГРАФ

Бароны и богатеи!
И на нашей улице праздник!
Май принес нам счастливую весть!
Монфор, герой Палестины,
Маккавею подобный
Доблестью львиной,

Жжет и громит вероломных ткачей
И скоро будет сюда!
Не бойтесь, рыцари, больше
Ни вил, ни дубья!
Мы вновь — господа
Земель и замков богатых!
Беззаботно отпразднуем ныне
Наступленье веселой весны!

БЕРТРАН

(выходя из толпы)

Одно слово, Ваша Светлость!

ГРАФ

Ты что-то осмелел, Рыцарь-Несчастье! По лицу твоему вижу, что ты собираешься говорить некстати! Нам и так весело, едва ли ты прибавишь веселья!

БЕРТРАН

Господин Монфор далеко...

ГРАФ

Ты сам сказал, на Толозанской дороге!

БЕРТРАН

Толозанская дорога длинна... Народ волнуется...

ГРАФ

(указывая на девушек)

Вот наш народ!

БЕРТРАН

Альби, Каркассон, Валь д'Аран объаты восстань-ем...

ГРАФ

Довольно! Шуты веселей тебя! Я больше не слушаю! Трубы! Пускай приблизится сюда наш верный Алискан!

Бертран уходит в толпу. Алискан преклоняет колено, Граф наносит ему легкий удар мечом плашмя. Рыцари привязывают золотые шпоры.

АЛИСКАН

Дама, позвольте ли мне быть вашим рыцарем?

*Изора рассеянно протягивает руку для поцелуя,
Алискан садится у ее ног.*

ГРАФ

Завтра — турнир, и ты покажешь пример всем рыцарям! Теперь — пускай усладят нам слух певцы.

Первый менестрель выходит из толпы.

ИЗОРА

(Алисе)

Это новый менестрель?

АЛИСА

Нет. Другой.

АЛИСКАН

Прошлогодний.

ИЗОРА

Рыцарь, я не просила вас шутить.

МЕНЕСТРЕЛЬ

(поет)

Люблю я дыханье прекрасной весны
И яркость цветов и дерев;
Я слушать люблю средь лесной тишины
Пернатых согласный напев
В сплетенье зеленых ветвей;
Люблю я палаток белеющий ряд,
Там копы и шлемы на солнце горят,
Разносится ржанье коней,
Сердца крестоносцев под тяжестью лат
Без усталы бьются и боем горят.

Люблю я гонцов неизбежной войны,
О, как веселится мой взор!
Стада с пастухами бегут, смятены,
И трубный разносится хор
Сквозь топот тяжелых коней!

На замо́к свой дружный напор устрелят,
И рушатся башни, и стены трещат,
И вот — на просторе полей —
Могил одиноких задумчивый ряд,
Цветы полевые над ними горят.

Люблю, как вассалы, отваги полны,
Сойдутся друг с другом в упор!
Их племя разбиты, мечи их красны,
И мчится на вольный простор
Табун одичалых коней!
Героем умрет, кто героем зачат!
О, как веселится мой дух и мой взгляд!
Пусть в звоне щитов и мечей
Все славною кровью цветы обагрят,
Никто пред врагом не отступит назад!

Граф

Что-то уж очень воинственна твоя песня, жонглер!
Военные заботы и так утомили нас! Пускай другой
споеет что-нибудь повеселее!

ВТОРОЙ МЕНЕСТРЕЛЬ
(поет)

Через лес густой
Вешнею порой
Майским вечерком
Ехал я верхом
Из Дуэ в Аррас!
Доренло, в Аррас!

Вдруг — красотки две
В злаках и цветах,
Венок на голове,
Светлый май в руках —
Встречу мне как раз!
Доренло, как раз!

Светлый дар весне,
Май несут оне,

846

Светлый май несут,
Пляшут и поют:
Доренло, я люблю!
Доренло, я люблю!

Я с коня сошел,
К ним я подошел.
«Можно мне идти?
С вами по пути?»
Доренло, я люблю!
Доренло, я люблю!

Резвись и шутя,
И венки плетя,
Шли все вместе мы...
Где ты, мой Аррас!
Где ты, мой Аррас!

Я венки сплетал,
Пел и танцевал,
Вместе пели мы:
Как люблю я вас!
Как люблю я вас!

Граф

Певцу за сладкую песню лучшее платье с моего плеча!
Пей и ешь с нами, рассказывай нам сказки все лето!

ИЗОРА

Где же новый менестрель?

АЛИСА

Вот он выходит из круга...

ИЗОРА

Который?

АЛИСА

Видите, одежда блестит...

ИЗОРА

Этот маленький, в бубенчиках?

847

АЛИСКАН

Да он ростом с великана...

ИЗОРА

Рыцарь, не говорите со мной! Стройный, светлоку-
дрый?

АЛИСА

Нет, седые волосы блестят на солнце...

ИЗОРА

(равнодушно откидываясь на спинку скамьи)

Старик!

ГАЭТАН

(поет)

Ревет ураган,
Поет океан,
Кружится снег,

Мчится мгновенный век,
Снится блаженный брег!

В темных расселинах ночи
Прялка жужжит и поет.
Пряха незримая в очи
Смотрит и судьбы прядет.

Смотрит чертой огневою
Рыцарю в очи закат,
Да над судьбой роковой
Звездные ночи горят.

Мира восторг беспредельный
Сердцу певучему дан.
В путь роковой и бесцельный
Шумный зовет океан.

Сдайся мечте невозможной,
Сбудется, что суждено.
Сердцу закон непреложный —
Радость-Страданье одно!

Путь твой грядущий — скитанье,
Шумный поет океан.
Радость, о Радость-Страданье —
Боль неизведанных ран!

Всюду — беда и утраты,
Что тебя ждет впереди?
Ставь же свой парус косматый,
Меть свои крепкие латы
Знаком креста на груди!

Ревет ураган,
Поет океан,
Кружится снег,

Мчится мгновенный век,
Снится блаженный брег!

*Во время песни Изора, волнуясь, наклоняется вперед и незаметно
для себя опирается на плечо Алискана.*

АЛИСА

Ей дурно, помогите!

АЛИСКАН

Помогите!

ИЗОРА

(лишаясь чувств)

Этот голос мне снился!

ГРАФ

Старик, или ты забыл, что в природе — весна? Твоя
песня пахнет мокрым февралем, как твои седины!
Нечего сказать, веселого скомороха привез нам
Рыцарь-Несчастье!

Газтан пропадает в толпе.

ИЗОРА

(приходя в себя)

«Радость-Страданье»... страданье...

АЛИСА
Госпожа бредит!

ИЗОРА
Нет... мне легко... где старик?

АЛИСКАН
Старик исчез.

ИЗОРА
Паж... рыцарь! Помогите мне.

ГРАФ
Трубачи, трубите! Шутов сюда!

Выбегают ЖОНГЛЕРЫ.

ПЕРВЫЙ ЖОНГЛЕР
Рыцари, бароны и прекрасные дамы! Я расскажу о славном короле Артуре...

ВТОРОЙ ЖОНГЛЕР
Не слушайте его, благородные рыцари! Я играю на цитре и жожу на голове!..

ИЗОРА
Рыцарь, снились вам странные сны?

АЛИСКАН
Дама, есть лекарство от странных снов:
Запах роз и фиалок,
Звон лютни, преданный рыцарь у ног...

ГРАФ
Веселей, шуты, старайтесь, выходите из себя!

ПЕРВЫЙ ЖОНГЛЕР
Я спою о верных любовниках: о Геро и о Леандре!
О Елене и о Парисе!

ВТОРОЙ ЖОНГЛЕР
А я пляшу на канате, прыгаю в обруч, играю ножами!

АЛИСКАН
Как Нарцисс влюбленный,
Отражаюсь в ваших очах...

ИЗОРА
Вы льстите мне, рыцарь...

ПЕРВЫЙ ЖОНГЛЕР
А вот как Нарцисс смотрел в воду и утонул...

ВТОРОЙ ЖОНГЛЕР
Вам угодно шлемов для зайцев? Уздечек для коров?
Перчаток для собак? Имейте в виду, я ставлю также
банки быкам и пускаю кровь кошкам!

АЛИСКАН
Что красавицы Арраса
Перед светом ваших очей!

ИЗОРА
Дамы, закройте меня
От взоров гостей и вассалов...

АЛИСКАН
Чудо красы такое
К чему от света скрывать?

ИЗОРА
Ах, у туфли распустилась шнуровка.
Зашнуруйте мне, рыцарь...
Издали доносятся звуки труб.

РЫЦАРЬ
Ваша Светлость! Враги! Крест на красном поле!

ГРАФ
Знамя Тулузы! Поднимите мост!

ВАССАЛЫ
На коней! К оружию! Ткачи! Во имя Бога и Мон-
фора!

БЕРТРАН
(бросаясь в битву)
Святая Роза!

СЦЕНА IV

Переход в замке.

ПЕРВЫЙ РЫЦАРЬ

Да войско ль это? Граф Раймунд согнал
Оборванных ткачей со всей Тулузы!

ВТОРОЙ РЫЦАРЬ

Я рыцарей, однако, видел сам:
Тот великан с дельфином на щите...

ПЕРВЫЙ РЫЦАРЬ

Которого Бертран свалил на землю?

ВТОРОЙ РЫЦАРЬ

Да, я тому свидетель. Наш Бертран
С ним бился долго; наконец, ударом
Решительным свалил его с седла
И наступил ему на грудь, заставив
Просить пощады... Дрогнули тогда
Войска Раймунда и бежать пустились!..
«Несчастьем» звали мы того, кто бился
Храбрее всех и бой решил...

ПЕРВЫЙ РЫЦАРЬ

Он ранен?

ВТОРОЙ РЫЦАРЬ

Да, он не то, что новый рыцарь наш...

ПЕРВЫЙ РЫЦАРЬ

А правда, Алискан не вышел в поле...

Входят Граф и вассалы.

ГРАФ

Мечи в ножны, вассалы! Бой за нами!
Широкий путь расчищен для Монфора!
Бегут, как зайцы, жалкие ткачи!

ВАССАЛЫ

Да здравствуют Монфор и Арчимбаут!

ВТОРОЙ РЫЦАРЬ

Победой мы обязаны Бертрану...

ГРАФ

Бертрану? Да, он славно бился нынче,
Но велика ль заслуга разогнать
Разбойников?

ПЕРВЫЙ РЫЦАРЬ

Ткачей тулузских шайку,
Мечами не умеющих владеть!..

ВТОРОЙ РЫЦАРЬ

Однако ранен он...

ГРАФ

Так что же? Раны —
Честь Рыцарю! А впрочем, пусть сегодня
Он отдохнет! Свободен он от стражи!
Теперь, вассалы, на покой! Пусть завтра
Возобновится праздник наш! Турнир,
А за турниром — пир! Покойной ночи!

Все расходятся.

АЛИСА

(входит)

Святой отец!

КАПЕЛЛАН

Что, дочь моя?

АЛИСА

Душа моя больна...

КАПЕЛЛАН

Завтра, завтра, уж поздно, какая теперь исповедь...

АЛИСА

Но, отец мой...

КАПЕЛЛАН

Впрочем, сегодня, близ полуночи, я буду на дворе...

АЛИСА
Я тоже буду там, святой отец...

Расходятся.

БЕРТРАН
(*входит*)
Как ночь черна. Темно в глазах.

ВТОРОЙ РЫЦАРЬ
Бертран,
Вы ранены?

БЕРТРАН
Пустое.

ВТОРОЙ РЫЦАРЬ
Граф сегодня
От стражи вас освобождает.

БЕРТРАН
Рыцарь,
Я благодарен графу за заботу.

ВТОРОЙ РЫЦАРЬ
Сегодня спать имеете вы право:
Вы нас спасли от ярости Раймунда...

БЕРТРАН
Благодарю вас, друг. Покойной ночи.

Рыцарь уходит.

Отдых... или отдых вечный?
О, как рана сердце жжет!
Прямо в розу на груди
Тот удар меча пришелся...

ИЗОРА
(*появляется на верху лестницы*)
Это вы, Бертран? Все спят?

БЕРТРАН
Спят. Уж поздно, госпожа.

ИЗОРА
Бились вы, как храбрый воин.

БЕРТРАН
Госпожа, лишь вы не спите.
Разве все еще вам снятся
Эти сны тяжелые?..

ИЗОРА
Спать мешает мне весна.
Сны — их больше нет... Исчезли
Те виденья страшные...
Правда, был он только сном?

БЕРТРАН
Только сном. Мечтою вашей.

ИЗОРА
Только сном... Моей мечтой...
Что сжимаете вы в пальцах
На груди своей, Бертран?

БЕРТРАН
Розу верности моей.

ИЗОРА
Розу верности... о да!
Всех спасла нас верность ваша!

БЕРТРАН
Только долг я свой исполнил.

ИЗОРА
Вам Господь воздаст за это...
Вас, Бертран, он создал верным,
Вероломною — меня...
Рыцарь, разве я виновна,
Что теперь в природе май?..

БЕРТРАН
Нет. Ни в чем вы не виновны.

ИЗОРА
Рыцарь... ночью — вы на страже?

БЕРТРАН

Если я вам нужен — да.

ИЗОРА

Он придет ко мне... поймите...
Вы один... кругом враги...
Вы должны подать мне знак...
Звон меча — не больше... Рыцарь!
Май прекрасен!

БЕРТРАН

Да. Как вы.

ИЗОРА

Рыцарь, вот моя рука...
Знаю, вам наград не надо...

БЕРТРАН

Госпожа моя! Священна
Ваша воля для меня.
Я коснуться недостойн
Вашей розовой руки.

СЦЕНА V

Двор замка.

БЕРТРАН

Тише, сюда, осторожней!
В тень, где не светит луна!
Видишь яблони ствол?
Ветви ее
С окном наравне.

АЛИСКАН

Как же мне взобраться по голому стволу?

ИЗОРА

(в окне)

Ты, Алискан?

АЛИСКАН

Я.

ИЗОРА

Ко мне! Сюда!

БЕРТРАН

Встань на плечи мне! —
Так! Дальше взобраться не трудно.

ИЗОРА

Возлюбленный! Лик твой сияет!
Весь ты — страсть и весна!
Разве видела прежде тебя я?
В первый раз такой красотой
Лик твой горит!
О вот они,
Земные горячие руки!
Вот они, земные уста!
Не призрак, не сон ты!
Счастье! Счастье!
Кто там внизу?

АЛИСКАН

Это — Рыцарь-Несчастье. Благодарю вас, Бертран!

ИЗОРА

Бертран, это вы?

БЕРТРАН

Я, госпожа.

ИЗОРА

Как ночь прекрасна!

БЕРТРАН

Да, госпожа.

ИЗОРА

Рыцарь! А просьба моя?

БЕРТРАН

Госпожа, я на страже — всю ночь.
Вы услышите звон меча.

ИЗОРА

Спасибо, верный слуга...
Но... отойдите теперь от окна...

БЕРТРАН

Я отойду.

Становится в тень у стены.

Счастлива будь, Изора!
Мальчик красивый
Лучше туманных и страшных снов!
Пусть найдет
Покой и усладу
Бурное сердце твое!
О как далек от тебя, Изора,
Тот, феей данный,
Тот выцветший крест! —
Цвети, о роза,
В саду заветном,
Благоухай, пока над миром
Плывет священная весна!
Храни, Изора,
Душу младую
На черные дни.
Слышу я, слышу,
Волны бушуют,
Ревет океан,
Крест горит над вьюгой,
Зовет тебя в снежную ночь!
Раны болят...
Силы слабеют!
Тверже стой на страже, Бертран!
Обопрись на меч!
Не увянет роза твоя.

ИЗОРА

(в окне)

Рыцарь! Со мною! Со мною!
Жаркая кровь!
Благоуханная ночь!
Счастье вернулось опять!
Страшные сны миновались!
Сны мне снились
Лишь о тебе!

Нет, молчи, я знаю...
Разве до снов нам!
Разве до песен теперь...

Скрывается в окне.

БЕРТРАН

Тверже стой на страже, Бертран!
Проклятые раны,
Не жгите мне сердца!
Роза, гори, гори!
Чу! Трубы!..
Из рокота волн
Рожденные трубы
Громче, все громче зовут!
Розовый свет блеснул
На гребнях белых
Свинцовых ночных валов!
О, какая мука!
И сладость — за мукою вслед!
Неземная сладость
Повеяла в сердце!
Как ночь прекрасна!

Входят Капеллан и Алиса.

КАПЕЛЛАН

Теперь вы не откажетесь от этого подарка, красавица...

АЛИСА

Ах! какой красивый перстень!

КАПЕЛЛАН

Драгоценный, плутовка...

АЛИСА

Святой отец, ваш сан...

КАПЕЛЛАН

А чем я хуже рыцаря?

АЛИСА

Ах, рыцари такие обманщики...

КАПЕЛЛАН

О, я вас не обману... — Тише! Слышите... шопот? И
будто... звук поцелуя...

АЛИСА

Да...

КАПЕЛЛАН

Послушаем еще.

Луна освещает Бертрانا.

АЛИСА

Святые угодники!.. Там сторож... у стены...

КАПЕЛЛАН

Да... он.

АЛИСА

Уйдем...

КАПЕЛЛАН

Зачем он здесь?

АЛИСА

Не ходите, святой отец... я боюсь... не знаю чего...
смотрите... он неподвижен... лицо блее холста...
черное пятно на груди...

КАПЕЛЛАН

Уйдем... разбудим графа...

Уходят.

БЕРТРАН

Как ночь прекрасна!
Чу, в торжественный голос труб
Врывается шелест...
Нет, опять тишина...
Больше ничем не нарушен покой.
Боже, твою тишину громовую
Явственно слышит
Бедный твой раб!

Рана открылась,
Силы слабеют мои...
Роза, гори!
Смерть, умудряешь ты сердце...
Я понял, понял, Изора:
«Сердцу закон непреложный —
Радость-Страданье одно...
Радость, о Радость-Страданье,
Боль неизведанных ран!..»

ИЗОРА

(в окне)

Слаще мне жизни милой,
Ярче мне утра
Твои поцелуи!
Ночь бледнеет... смотри...

Бертран со звоном роняет меч на плиты.

Ты слышишь... удар меча...
Прощай! До завтра... беги!..

Алисан быстро спускается по стволу яблони и бежит.

Рыцарь! Рыцарь!
Разве что-нибудь слышали вы?

*Слышны голоса, Изора скрывается в окне.
Входят ГРАФ, КАПЕЛЛАН, АЛИСА, ДОКТОР, РЫЦАРИ.*

ГРАФ

Что случилось? Зачем ты разбудил меня?

КАПЕЛЛАН

Ваша милость, мне почудилось недоброе...

АЛИСА

Подозрительно... в окне у госпожи...

ГРАФ

Бертран! Рыцарь-Несчастье! Сторож! Ты спишь?

ДОКТОР

Ваша Светлость, он мертв.

ИЗОРА
(в окне)

Зачем меня будят так рано?

ГРАФ

Это вы? Вы не спите?

ИЗОРА

Если вы не верите мне, можете обыскать мои покои... Что случилось?

ГРАФ

Сторож умер здесь на дворе...

ДОКТОР

Сколько крови! Сколько крови!

ГРАФ

Какая досада! Кто же теперь будет стеречь замок?
Изора, что с вами? Вы плачете?

ИЗОРА

Мне жаль его. Он был все-таки верным слугой.

1912

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

НАРОД И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

На первом собрании религиозно-философского общества (в 1908 году) был прочитан доклад Германа Баронова «О демеизме» (обожествление народа в «Исповеди» Максима Горького).

Баронов говорит: «Когда общественное возбуждение улеглось и река общественной жизни вступила в свои берега, на берегах осталось много сора. Этот сор разделяется на «честный» и «нечестный». К «честному» сору относятся только те, кто сам себя сознал «сором», кто томительно ищет живого Бога; к «нечестному» — вся та часть интеллигентного общества, которая прямо или косвенно склоняется на сторону той или другой партии».

Основываясь на некоторых цитатах из «Исповеди» Горького, Баронов отождествляет мировоззрение этого писателя с мировоззрением социал-демократов, в частности Луначарского; докладчик упрекает Луначарского и Горького за то, что они обожествляют народ, отождествляют религиозный процесс с процессом хозяйственным, надевают «седло религии» на «корову науки».

Не опровергая положений Баронова по существу и признавая всю важность затронутого им вопроса, я хочу сначала определить свое воззрение на творчество Горького (с воззрением Баронова несогласное) и перейти затем к важнейшему для меня вопросу об отношениях между ин-

телигенцией и народом. Эти отношения представляются мне не только ненормальными, не только недолжными. В них есть нечто жуткое; душа занимается страхом, когда внимательно приглядишься к ним; страшно становится, когда интеллигент начинает чувствовать себя «животным общественным», как только сознает он, что существует некоторая *круговая порука* среди «людей культуры», что каждый член культурного общества, без различия партий, литературных направлений или классов, — представляет из себя *одно из слагаемых* какого-то целого. Это общественное чувство, перешедшее в сознание, и заставляет интеллигента почувствовать ответственность свою перед целым, хочет он или не хочет, подойти к вопросам о болезнях всероссийских; и мне думается, да и сама действительность показывает, что насущнейшим из таких вопросов является вопрос об «интелигенции» и «народе».

Баронов разрешает этот вопрос одною фразой; его разрешение не удовлетворяет меня. Я хотел бы поставить вопрос резче и беспощаднее: это самый больной, самый лихорадочный для многих из нас вопрос. Боюсь даже, вопрос ли это? Не свершается ли уже, пока мы говорим здесь, какое-то страшное и безмолвное дело? Не обречен ли уже кто-либо из нас бесповоротно на гибель?

Но я — интеллигент, литератор, и оружие мое — слово. Боясь слов, я их произношу. Боясь «словесности», боясь «литературщины», я жду, однако, ответов словесных; есть у всех нас тайная надежда, что не вечна пропасть между словами и делами, что есть слово, которое переходит в дело.

Прежде всего — несколько слов о Горьком. Рассуждение Баронова о «демотеизме» интересно как критический разбор «Исповеди». Я думаю, что упреки, обращенные Бароновым к Горькому, идут мимо Горького; несмотря на хороший подбор цитат, Баронову не удалось доказать «обожествления народа» у Горького; ибо, если в выводах своих Горький соприкасается с Луначарским, то в своих подходах к делу, в размахе души, в бессознательном — он бесконечно дальше и выше Луначарского. Горький — русский художник, и Луначарский — теоретик социал-демократии, — несоизмеримые величины.

Есть факты неоспоримые, но сами по себе не имеющие никакого значения; например: Бэкон Веруламский — взятчик, Спиноза — стекольщик, Гаршин — переплетчик, Горький — социал-демократ. «Социал-демократизм» Горького говорит мне гораздо меньше, чем, например, землепашество Толстого или медицинская практика Чехова. Бледная повесть Горького «Мать» — только один из этапов его длинного и сложного пути от «Мальвы» и «Челкаша» к «Исповеди».

Горький никогда не был «догматичен» ни в теоретическом, ни в практическом смысле этого слова. Догматов теоретических он всегда инстинктивно боялся; это делает его родным всей русской литературе, которая всегда — от славянофила до западника, от общественника до эстета — питала некоторую инстинктивную ненависть к сухому и строгому мышлению, стремилась переплеснуться через логику.

Отношение Горького к догматам дурного, практического свойства, к догматам быта общественного и государственного слишком известно; многие выражения его, вроде «строителей жизни», стали выражениями обиходными, вошли в поговорку.

Если свою «Исповедь» Горький и заканчивает молитвой к какому-то народу, то пафос его повести лежит гораздо глубже. Вслед за русской литературой Горький отказывается проповедовать; он только смятенно ищет.

Если бы Горький говорил о *найденном* Боге, совсем иначе звучал бы его голос. Он звучал бы торжественной хвалой. Но еще недавно Горький задыхался от злобы; если теперь присоединилось к этой злобе какое-то иное чувство, которым и нова его последняя повесть, то это никак не чувство человека, нашего что-то, чего не нашли другие. В этом чувстве нет пока ничего конкретного. К нам Горький неизменно обращен лицом художника; мы сомневаемся, есть ли у него иное лицо. Именно таково мнение широкой публики, которая верила Горькому до тех пор, пока он не ударился в публицистику, и готова опять слушать его, когда он заговорит художественным языком.

В «Исповеди» слышится еще отзвук публицистической проповеди; но он безмерно слабее основной, все возраста-

ющей ноты, и гораздо слабее, чем в предыдущих произведениях. Вульгарная публицистика и наивная проповедь, может быть, милая сердцу Горького, но ничего не говорящая нам, уходит от него, как уходит от героя «Исповеди» монахиня, «черная, как обрывок тучи в ветреный день». Вместе с нею уходит его бездейственная злоба, проклятия, никуда не попавшие, которые он произносил с пеной у рта. Очищается его глубокое и прозрачное, как река, сердце, которому мы верим больше, чем разуму — случайным обрывкам темных облаков, пролетающих над рекой.

Вот почему возражения Баронова не попадают в цель. В «Исповеди» Горького ценно в действительности то, о чем Баронов молчит; ценно то, что роднит Горького не с Луначарским, а с Гоголем; не с духом современной «интеллигенции», но с духом «народа». Это и есть любовь к России в целом, которую, может быть, и «обожеествляет» разум Горького, попавший в тенета интеллигентских противоречий и высокопарных «боевых» фраз, свойственных Луначарскому; сердце же Горького тревожится и любит, не обожествляя, требовательно и сурово, по-народному, как можно любить мать, сестру и жену в едином лице родины — России. Это конкретная, если можно так выразиться — «ограниченная» любовь к родным лохмотьям, к тому, чего «не поймет и не заметит гордый взор иноплеменный». Любовь эту знали Лермонтов, Тютчев, Хомяков, Некрасов, Успенский, Полонский, Чехов.

Я остановился на Горьком и на «Исповеди» его потому, что положение Горького исключительно и знаменательно; это писатель, вышедший из народа, таких у нас немного. Может быть, более чем кто-либо из современных писателей, достойных внимания, Горький запутался в интеллигентстве, в торопливых, противоречивых и отвлеченных построениях; зато, может быть, он принадлежит к тем немногим, кому не опасен яд этой торопливости и отвлеченности, у кого есть противоядие, «хорошая кровь — вещество, из коего образуется гордая душа».

«Хорошая кровь — вещество, из коего образуется гордая душа», — внятно говорит отец Антоний в «Исповеди» и смеется. «Близость к Богу отводит далеко от людей», — дога-

дывается *про себя* герой повести. «Неподвижны сомнения этого человека, ибо мертвы они... да и зачем полумертвому Бог?.. Бог есть сон твоей души, повторяю я, но спорить с этим нужды не чувствую, — легкая мысль», — соображает опять-таки *про себя* тот же герой «Исповеди».

Горький всегда больше всего любил таких сдержанно смеющихся людей «себе на уме», умеющих в пору помолчать и в пору вернуть разрушительное словечко, притом непременно обладающих большой физической силой, которая все время чувствуется. Поговорите с таким человеком; никогда нет уверенности, что он, вместо словесного возражения, не двинет попросту кулаком в зубы или не обругает. В период упадка, который пережил Горький, его герои стали неожиданно сентиментальны; теперь они опять вернулись к прежнему, к молчанию и усмешке «себе на уме».

Что же, «свои» это люди или «не свои»?

С екатерининских времен проснулось в русском интеллигенте народолюбие и с той поры не оскудевало. Собирали и собирают материалы для изучения «фольклора»; загромождают книжные шкафы сборниками русских песен, былин, легенд, заговоров, причитаний; исследуют русскую мифологию, обрядности, свадьбы и похороны; печалуются о народе; ходят в народ, исполняются надеждами и отчаиваются; наконец, погибают, идут на казнь и на голодную смерть за народное дело. Может быть, наконец, *поняли даже душу народную*; но как поняли? Не значит ли понять *все* и полюбить *все* — даже враждебное, даже то, что требует отречения от самого дорогого для себя, — не значит ли это ничего не понять и *ничего* не полюбить?

Это — со стороны «интеллигенции». Нельзя сказать, чтобы она всегда сидела сложа руки. Волю, сердце и ум положила она на изучение народа.

А с другой стороны — та же все легкая усмешка, то же молчание «себе на уме», та благодарность за «учение» и извинение за свою «темноту», в которых чувствуется «до поры, до времени». Страшная лень и страшный сон, как нам всегда казалось; или же медленное пробуждение великана, как нам все чаще начинает казаться. Пробуждение с какой-

то усмешкой на устах. Интеллигенты не так смеются, не смотря на то, что знают, кажется, все виды смеха; но перед усмешкой мужика, ничем не похожей на ту иронию, которой научили нас Гейне и еврейство, на гоголевский смех сквозь слезы, на соловьевский хохот, — умрет мгновенно всякий наш смех; нам станет страшно и не по себе.

Действительно ли это все так, как я говорю, не придумано ли, не создано ли праздным воображением страшное разделение? Иногда сомневаешься в этом, но, кажется, это действительно так, то есть действительно не только два понятия, но две реальности: народ и интеллигенция; полтора миллиона с одной стороны и несколько сот тысяч — с другой; люди, взаимно друг друга не понимающие в самом основном.

Среди сотен тысяч происходит торопливое брожение, непрестанная смена направлений, настроений, боевых знамен. Над городами стоит гул, в котором не разобраться и опытному слуху; такой гул, какой стоял над татарским станом в ночь перед Куликовской битвой, как говорит сказание. Скрипят бесчисленные телеги за Непрядвой, стоит людской вопль, а на туманной реке тревожно плещутся и кричат гуси и лебеди.

Среди десятка миллионов царствуют как будто сон и тишина. Но и над станом Дмитрия Донского стояла тишина; однако заплакал воевода Боброк, припав ухом к земле: он услышал, как неутешно плачет вдовица, как мать бьется о стремя сына. Над русским станом польхала далекая и зловещая зарница.

Есть между двумя станами — между народом и интеллигенцией — некая черта, на которой сходятся и сговариваются те и другие. Такой соединительной черты не было между русскими и татарами, между двумя станами, явно враждебными; но как тонка эта нынешняя черта — между станами враждебными тайно! Как странно и необычно схождение на ней! Каких только «племен, наречий, состояний» здесь нет! Сходятся рабочий, и сектант, и босяк, и крестьянин — с писателем и с общественным деятелем, с чиновником и с

революционером. Но тонка черта; по-прежнему два стана не видят и не хотят знать друг друга, по-прежнему к тем, кто желает мира и сговора, большинство из народа и большинство из интеллигенции относятся как к изменникам и перебежчикам.

Не так ли тонка эта черта, как туманная речка Непрядва? Ночью перед битвой вилась она, прозрачная, между двух станов; а в ночь после битвы и еще семь ночей подряд она текла, красная от русской и татарской крови.

На тонкой согласительной черте между народом и интеллигенцией вырастают подчас большие люди и большие дела. Эти люди и эти дела всегда как бы свидетельствуют, что вражда исконна, что вопрос о сближении не есть вопрос отвлеченный, но практический, что разрешать его надо каким-то особым, нам еще неизвестным, путем. Люди, выходящие из народа и являющие глубины народного духа, становятся немедленно враждебны нам; враждебны потому, что в чем-то самом сокровенном непонятны.

Ломоносов, как известно, был в свое время ненавидим и гоним ученой коллегией; народные сказители представляются нам забавной диковиной; начала славянофильства, имеющие глубокую опору в народе, всегда были роковым образом помехой «интеллигентским» началам; прав был Самарин, когда писал Аксакову о «недоступной черте», существующей между «славянофилами» и «западниками». На наших глазах интеллигенция, давшая Достоевскому умереть в нищете, относилась с явной и тайной ненавистью к Менделееву.

По-своему она была права; между ними и ею была та самая «недоступная черта» (пушкинское слово), которая определяет трагедию России. Эта трагедия за последнее время выразилась всего резче в непримиримости двух начал — менделеевского и толстовского; эта противоположность даже гораздо острее и тревожнее, чем противоположность между Толстым и Достоевским, указанная Мережковским.

Последним знаменательным явлением на черте, связующей народ с интеллигенцией, было явление Максима Горького. Еще раз подтверждает он, что страшно и непонят-

но интеллигентам то, что он любит и как он любит. Любит он ту же Россию, которую любим и мы, но иной и непонятной любовью. Его герои, в которых живет его любовь, — чужие нам; это — молчаливые люди «себе на уме», с усмешкой, сулящей неизвестное. Горький по духу — не интеллигент; «мы» любим одно, но разной любовью; и от разлагающих ядов «нашей» любви у него есть противоядие — «здоровая кровь».

Реферат Баронова, «литературный» по преимуществу, говорит о том, что не надо обоготворять народа; я думаю, мало людей, которые обоготворяют его; мы не дикари, чтобы творить божество из неизвестного и страшного. Но если мы давно не поклоняемся народу, то мы не можем и отступить или махнуть рукой: ибо искони тянутся туда наша любовь и наши помыслы.

Что же делать?

«Не обоготворять народ надо, а просто работать над ним, вытаскивать его (прежде всего, конечно, вытащив себя самого) из всероссийского трупного болота», — говорит Баронов.

Это и есть единственная сверхлитературная часть его доклада. Путь и способов действия здесь никаких не указано. Да путей этих, которых только и ищет русская литература, и не может указать один человек.

Нужно любить Россию, нужно «проездить по России», писал перед смертью Гоголь. Как полюбить братьев? Как полюбить людей? Душа хочет любить одно прекрасное, а бедные люди так несовершенны и так в них мало прекрасного! Как же сделать это? Поблагодарите Бога прежде всего за то, что вы — русский. Для русского теперь открывается этот путь, и этот путь — есть сама Россия. Если только возлюбит русский Россию, — возлюбит и все, что ни есть в России. К этой любви нас ведет теперь сам Бог. Без болезней и страданий, которые в таком множестве накопились внутри ее и которых виною мы сами, не почувствовал бы никто из нас к ней сострадания. А сострадание есть уже «начало любви»... «Монастырь наш — Россия! Облеките же себя умственно рясой чернеца и, всего себя

умертивши для себя, но не для нее, ступайте подвизаться в ней. Она теперь зовет сынов своих еще крепче, нежели когда-либо прежде. Уже душа в ней болит, и раздается крик ее душевной болезни. — Друг мой! или у вас бесчувственно сердце, или вы не знаете, что такое для русского Россия!»

Понятны ли эти слова интеллигенту? Увы, они и теперь покажутся ему предсмертным бредом, вызовут все тот же истерический бранный крик, которым кричал на Гоголя Белинский, «отец русской интеллигенции».

В самом деле, нам непонятны слова о сострадании как начале любви, о том, что к любви ведет Бог, о том, что Россия — монастырь, для которого нужно «умертвить всего себя для себя». Непонятны, потому что мы уже не знаем той любви, которая рождается из сострадания, потому что вопрос о Боге — кажется, «самый нелюбопытный вопрос в наши дни», как писал Мережковский, и потому что, для того чтобы «умертвить себя», отречься от самого дорогого и личного, нужно знать, во имя чего это сделать. То и другое и третье непонятно для «человека девятнадцатого века», о котором писал Гоголь, а тем более для человека двадцатого века, перед которым вырастает только «один исполинский образ скуки, достигая с каждым днем неизмеримейшего роста»... «Черствее и черствее становится жизнь... Все глухо, могила повсюду» (Гоголь).

Или действительно непереступима черта, отделяющая интеллигенцию от России? Пока стоит такая застава, интеллигенция осуждена бродить, двигаться и вырождаться в заколдованном круге; ей незачем отречься от себя, пока она не верит, что есть в таком отречении прямое жизненное требование. Не только отречься нельзя, но можно еще утверждать свои слабости — вплоть до слабости самоубийства. Что возражу я человеку, которого привели к самоубийству требования индивидуализма, демонизма, эстетики или, наконец, самое неотвлеченное, самое обыденное требование *отчаянья и тоски*, — если сам я люблю эстетику, индивидуализм и отчаянье, говоря короче — если я сам *интеллигент*? Если во мне самом нет ничего, что любил бы я

больше, чем свою влюбленность индивидуалиста и свою тоску, которая, как тень, всегда и неотступно следует за такою влюбленностью?

Интеллигентных людей, спасающихся положительными началами науки, общественной деятельности, искусства, — все меньше; мы видим это и слышим об этом каждый день. Это естественно, с этим ничего не поделаешь. Требуется какое-то иное, высшее, начало. Раз его нет, оно заменяется всяческим бунтом и буйством, начиная от вульгарного «богоборчества» декадентов и кончая неприметным и откровенным самоуничтожением — развратом, пьянством, самоубийством всех видов.

В народе нет ничего подобного. Человек, обрекающий себя на одно из перечисленных дел, тем самым выходит из стихии народной, становится интеллигентом по духу. Самой душе народной подобное дело до безразличности противно. Если интеллигенция все более пропитывается «волею к смерти», то народ искони носит в себе «волю к жизни». Понятно в таком случае, почему и неверующий бросается к народу, ищет в нем жизненных сил: просто — по инстинкту самосохранения; бросается и наталкивается на усмешку и молчание, на презрение и снисходительную жалость, на «недоступную черту»; а может быть, на нечто еще более страшное и неожиданное.

Гоголь и многие русские писатели любили представлять себе Россию как воплощение тишины и сна; но этот сон кончается; тишина сменяется отдаленным и возрастающим гулом, непохожим на смешанный городской гул.

Тот же Гоголь представлял себе Россию летящей тройкой. «Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ». Но ответа нет, только «чудным звоном заливаются колокольчик».

Тот гул, который возрастает так быстро, что с каждым годом мы слышим его ясней и ясней, и есть «чудный звон» колокольчика тройки. Что, если тройка, вокруг которой «гремит и становится ветром разорванный воздух», — *летит прямо на нас?* Бросаясь к народу, мы бросаемся прямо под ноги бешеной тройке, на верную гибель.

Отчего нас посещают все чаще два чувства: самозабвение восторга и самозабвение тоски, отчаянья, безразли-

чия? Скоро иным чувствам не будет места. Не оттого ли, что вокруг уже господствует тьма? Каждый в этой тьме уже не чувствует другого, чувствует только себя одного. Можно уже представить себе, как бывает в страшных снах и кошмарах, что тьма происходит оттого, что над нами повисла косматая грудь коренника и готовы опуститься тяжелые копыта.

Ноябрь 1908

О НАЗНАЧЕНИИ ПОЭТА

*Речь, произнесенная в Доме литераторов
на торжественном собрании
в 84-ю годовщину смерти Пушкина*

Наша память хранит с малолетства веселое имя: Пушкин. Это имя, этот звук наполняет собою многие дни нашей жизни. Сумрачные имена императоров, полководцев, изобретателей орудий убийства, мучителей и мучеников жизни. И рядом с ними — это легкое имя: Пушкин.

Пушкин так легко и весело умел нести свое творческое бремя, несмотря на то, что роль поэта — не легкая и не веселая; она трагическая; Пушкин вел свою роль широким, уверенным и вольным движением, как большой мастер; и, однако, у нас часто сжимается сердце при мысли о Пушкине: праздничное и триумфальное шествие поэта, который не мог мешать внешнему, ибо дело его — внутреннее — культура, — это шествие слишком часто нарушалось мрачным вмешательством людей, для которых печной горшок дороже бога.

Мы знаем Пушкина — человека, Пушкина — друга монархии, Пушкина — друга декабристов. Все это бледнеет перед одним: Пушкин — поэт.

Поэт — величина неизменная. Могут устареть его язык, его приемы; но сущность его дела не устаревает.

Люди могут отворачиваться от поэта и от его дела. Сегодня они ставят ему памятники; завтра хотят «сбросить его с корабля современности». То и другое определяет только этих людей, но не поэта; сущность поэзии, как всякого искусства, неизменна; то или иное отношение людей к поэзии в конце концов безразлично.

Сегодня мы чтим память величайшего русского поэта. Мне кажется уместным сказать по этому поводу о *назначении поэта* и подкрепить свои слова мыслями Пушкина.

Что такое поэт? Человек, который пишет стихами? Нет, конечно. Он называется поэтом не потому, что он пишет стихами; но он пишет стихами, т. е. приводит в гармонию слова и звуки, потому что он — сын гармонии, поэт.

Что такое гармония? Гармония есть согласие мировых сил, порядок мировой жизни. Порядок — космос, в противоположность беспорядку — хаосу. Из хаоса рождается космос, мир, учили древние. Космос — родной хаосу, как упругие волны моря — родные грядам океанских валов. Сын может быть не похож на отца ни в чем, кроме одной тайной черты; но она-то и делает похожими отца и сына.

Хаос есть первобытное, стихийное безначалие; космос — устроенная гармония, культура; из хаоса рождается космос; стихия таит в себе семена культуры; из безначалия создается гармония.

Мировая жизнь состоит в непрестанном созидании новых видов, новых пород. Их баюкает безначальный хаос; их взращивает, между ними производит отбор культура; гармония дает им образы и формы, которые вновь расплываются в безначальный туман. Смысл этого нам непонятен; сущность темна; мы утешаемся мыслью, что новая порода лучше старой; но ветер гасит эту маленькую свечку, которой мы стараемся осветить мировую ночь. Порядок мира тревожен, он — родное дитя беспорядка и может не совпадать с нашими мыслями о том, что хорошо и что плохо.

Мы знаем одно: что порода, идущая на смену другой, нова; та, которую она сменяет, стара; мы наблюдаем в мире вечные перемены; мы сами принимаем участие в сменах пород; участие наше большей частью бездейтельно: вырожд-

даемся, стареем, умираем; изредка оно деятельно: мы занимаем какое-то место в мировой культуре и сами способствуем образованию новых пород.

Поэт — сын гармонии; и ему дана какая-то роль в мировой культуре. Три дела возложены на него: во-первых, освободить звуки из родной безначальной стихии, в которой они пребывают; во-вторых — привести эти звуки в гармонию, дать им форму; в-третьих — внести эту гармонию во внешний мир.

Похищенные у стихии и приведенные в гармонию звуки, внесенные в мир, сами начинают творить свое дело. «Слова поэта суть уже его дела». Они проявляют неожиданное могущество; они испытывают человеческие сердца и производят какой-то отбор в горах человеческого шлага; может быть, они собирают какие-то части старой породы, носящей название «человек»; части, годные для создания новых пород; ибо старая, по-видимому, быстро идет на убыль, вырождается и умирает.

Нельзя сопротивляться могуществу гармонии, внесенной в мир поэтом; борьба с нею превышает и личные и соединенные человеческие силы. «Когда бы все так чувствовали силу гармонии!» — томится одинокий Сальери. Но ее чувствуют все, только смертные — иначе, чем бог — Моцарт. От знака, которым поэзия отмечает на лету, от имени, которое она дает, когда это нужно, — никто не может уклониться, так же как от смерти. Это имя дается безошибочно.

Так, например, никогда не заслужат от поэта дурного имени те, кто представляют из себя простой осколок стихии, те, кому нельзя и не дано понимать. Не называются чернью люди, похожие на землю, которую они нащупают, на клочок тумана, из которого они вышли, на зверя, за которым охотятся. Напротив, те, которые не желают понять, хотя им должно многое понять, ибо и они служат культуре, — те клеймятся позорной кличкой: *чернь*; от этой клички не спасает и смерть; кличка остается и после смерти, как осталась она за графом Бенкендорфом, за Тимковским, за Булгариным — за всеми, кто мешал поэту выполнять его миссию.

На бездонных глубинах духа, где человек перестает быть человеком, на глубинах, недоступных для государства и общества, созданных цивилизацией, — катятся звуковые волны, подобные волнам эфира, объемлющим вселенную; там идут ритмические колебания, подобные процессам, образующим горы, ветры, морские течения, растительный и животный мир.

Эта глубина духа заслонена явлениями внешнего мира. Пушкин говорит, что она заслонена от поэта, может быть, более, чем от других людей: «среди детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он».

Первое дело, которое требует от поэта его служение, — бросить «заботы суетного света» для того, чтобы поднять внешние покровы, чтобы открыть глубину. Это требование выводит поэта из ряда «детей ничтожных мира».

Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы.

Дикий, суровый, полный смятенья, потому что вскрытие духовной глубины так же трудно, как акт рождения. К морю и в лес потому, что только там можно в одиночестве собрать все силы и приобщиться к «родимому хаосу», к безначальной стихии, катящейся звуковые волны.

Таинственное дело совершилось: покров снят, глубина открыта, звук принят в душу. Второе требование Аполлона заключается в том, чтобы поднятый из глубины и чужеродный внешнему миру звук был заключен в прочную и осязательную форму слова; звуки и слова должны образовать единую гармонию. Это — область мастерства. Мастерство требует вдохновения так же, как приобщение к «родимому хаосу»; «вдохновение, — сказал Пушкин, — есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, следовательно и объяснению оных»; поэтому никаких точных границ между первым и вторым делом поэта провести нельзя; одно совершенно связано с другим; чем больше поднято покровов, чем напряженнее приобщение к хаосу, чем труднее рождение звука, — тем более ясную

форму стремится он принять, тем он протяжней и гармоничней, тем неотступней преследует он человеческий слух.

Наступает очередь для третьего дела поэта: принятые в душу и приведенные в гармонию звуки надлежит внести в мир. Здесь происходит знаменитое столкновение поэта с чернью.

Вряд ли когда бы то ни было чернью называлось простонародье. Разве только те, кто сам был достоин этой клички, применяли ее к простому народу. Пушкин собирал народные песни, писал простонародным складом; близким существом для него была деревенская няня. Поэтому нужно быть тупым или злым человеком, чтобы думать, что под чернью Пушкин мог разуметь простой народ. Пушкинский словарь выяснит это дело — если русская культура возродится.

Пушкин разумел под именем черни приблизительно то же, что и мы. Он часто присоединял к этому существительному эпитет «светский», давая собирательное имя той родовой придворной знати, у которой не осталось за душой ничего, кроме дворянских званий; но уже на глазах Пушкина место родовой знати быстро занимала бюрократия. Эти чиновники и суть наша чернь, чернь вчерашнего и сегодняшнего дня: не знать и не простонародье; не звери, не комья земли, не обрывки тумана, не осколки планет, не демоны и не ангелы. Без прибавления частицы «не» о них можно сказать только одно: они люди; это — не особенно лестно; люди — дельцы и пошляки, духовная глубина которых безнадежно и прочно заслонена «заботами суетного света».

Чернь требует от поэта служения тому же, чему служит она: служения внешнему миру; она требует от него «пользы», как просто говорит Пушкин; требует, чтобы поэт «сметал сор с улиц», «просвещал сердца собратьев» и пр.

Со своей точки зрения, чернь в своих требованиях права. Во-первых, она никогда не сумеет воспользоваться плодами того несколько большего, чем сметание сора с улиц, дела, которое требуется от поэта. Во-вторых, она инстинктивно чувствует, что это дело так или, иначе, быстро

или медленно, ведет к ее ущербу. Испытание сердец гармонией не есть занятие спокойное и обеспечивающее ровное и желательное для черни течение событий внешнего мира.

Сословие черни, как, впрочем, и другие человеческие сословия, прогрессирует весьма медленно. Так, например, несмотря на то, что в течение последних столетий человеческие мозги разбухли в ущерб всем остальным функциям организма, люди догадались выделить из государства один только орган — цензуру, для охраны порядка своего мира, выражающегося в государственных формах. Этим способом они поставили преграду лишь на третьем пути поэта: на пути внесения гармонии в мир; казалось бы, они могли догадаться поставить преграды и на первом и на втором пути: они могли бы изыскать средства для замутнения самих источников гармонии; что их удерживает — недогадливость, робость или совесть, — неизвестно. А может быть, такие средства уже изыскиваются?

Однако дело поэта, как мы видели, совершенно несоизмеримо с порядком внешнего мира. Задачи поэта, как принято у нас говорить, общекультурные; его дело — историческое. Поэтому поэт имеет право повторить вслед за Пушкиным:

И мало горя мне, свободно ли печатъ
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.

Говоря так, Пушкин закреплял за чернью право устанавливать цензуру, ибо полагал, что число олухов не убавится.

Дело поэта вовсе не в том, чтобы достучаться непременно до всех олухов; скорее, добытая им гармония производит отбор между ними с целью добыть нечто более интересное, чем среднечеловеческое, из груди человеческого шлака. Этой цели, конечно, рано или поздно достигнет истинная гармония; никакая цензура в мире не может помешать этому основному делу поэзии.

Не будем сегодня, в день, отданный памяти Пушкина, спорить о том, верно или неверно отделял Пушкин свободу,

которую мы называем личной, от свободы, которую мы называем политической. Мы знаем, что он требовал «иной», «тайной» свободы. По-нашему, она «личная»; но для поэта это не только личная свобода:

...Никому

Отчета не давать; себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По *прихоти* своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданиями искусств и вдохновенья —
Безмолвно утопать в восторгах умиления —
Вот счастье! Вот права!..

Это сказано перед смертью. В юности Пушкин говорил о том же:

Любовь и *тайная свобода*
Внушили сердцу гимн простой.

Эта *тайная свобода*, эта *прихоть* — слово, которое потом всех громче повторил Фет («Безумной прихоти певца!»), — вовсе не личная только свобода, а гораздо большая: она тесно связана с двумя первыми делами, которых требует от поэта Аполлон. Все перечисленное в стихах Пушкина есть необходимое условие для освобождения гармонии. Позволя мешать себе в деле испытания гармонией людей — в третьем деле, Пушкин не мог позволить мешать себе в первых двух делах; и эти дела — не личные.

Между тем жизнь Пушкина, склоняясь к закату, все больше наполнялась преградами, которые ставились на его путях. Слабел Пушкин — слабела с ним вместе и культура его поры: единственной культурной эпохи в России прошлого века. Приближались роковые сороковые годы. Над смертным одром Пушкина раздавался младенческий лепет Белинского. Этот лепет казался нам совершенно противоположным, совершенно враждебным вежливому голосу графа Бенкендорфа. Он кажется нам таковым и до сих пор. Было бы слишком больно всем нам, если бы оказалось, что

это — не так. И, если это даже не совсем так, будем все-таки думать, что это совсем не так. Пока еще ведь

Тьмы низких истин нам дороже
Нас возвышающий обман.

Во второй половине века то, что слышалось в младенческом лепете Белинского, Писарев орал уже во всю глотку.

От дальнейших сопоставлений я воздержусь, ибо довести картину до ясности пока невозможно; может быть, за паутиной времени откроется совсем не то, что мелькает в моих разлетающихся мыслях, и не то, что прочно хранится в мыслях, противоположных моим; надо пережить еще какие-то события; приговор по этому делу — в руках будущего историка России.

Пушкин умер. Но «для мальчиков не умирают Позы», сказал Шиллер. И Пушкина тоже убила вовсе не пуля Дантеса. Его убило отсутствие воздуха. С ним умирала его культура.

Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит.

Это — предсмертные вздохи Пушкина, и также — вздохи культуры пушкинской поры.

На свете счастья нет, а есть покой и воля.

Покой и воля. Они необходимы поэту для освобождения гармонии. Но покой и волю тоже отнимают. Не внешний покой, а творческий. Не ребяческую волю, не свободу либеральничать, а творческую волю — тайную свободу. И поэт умирает, потому что дышать ему уже нечем; жизнь потеряла смысл.

Любознательные чиновники, которые мешали поэту испытывать гармонией сердца, навсегда сохранили за собой кличку черни. Но они мешали поэту лишь в третьем его деле. Испытание сердец поэзией Пушкина во всем ее объеме уже произведено без них.

Пускай же остерегутся от худшей клички те чиновники, которые собираются направлять поэзию по каким-то собственным руслу, посягая на ее тайную свободу и препятствуя ей выполнять ее таинственное назначение.

Мы умираем, а искусство остается. Его конечные цели нам неизвестны и не могут быть известны. Оно единственно и нераздельно.

Я хотел бы, ради забавы, провозгласить три простых истины:

Никаких особенных искусств не имеется; не следует давать имя искусства тому, что называется не так; для того чтобы создавать произведения искусства, надо уметь это делать.

В этих веселых истинах здравого смысла, перед которым мы так грешны, можно поклясться веселым именем Пушкина.

Февраль 1921

«БЕЗ БОЖЕСТВА, БЕЗ ВДОХНОВЕНЬЯ»

(Цех акмеистов)

1

Среди широкой публики очень распространено мнение, что новая русская изящная литература находится в упадке. Последнее имя, которое произносится с убеждением людьми, стоящими совершенно вне литературы, есть имя Льва Толстого. Все позднейшее — увы, даже и Чехов — по меньшей мере спорно; большая же часть писателей, о которых много говорила критика, за которыми числятся десятки лет литературной работы, просто неизвестны по имени за пределами того сравнительно узкого круга людей, который составляет «интеллигенцию». Пожалуй, нельзя сказать даже этого; есть люди, считающие себя интеллигентными и имеющие на это право, которые вовсе не знают, однако, имен многих «известных» современных писателей.

Мне возразят, что мнение большой публики так же, как слава — «дым». Но дыму без огня не бывает; я не хочу подвергать оценке факт, для меня несомненный; причин этого факта не счесть; я хочу указать лишь на одну из них, может быть, не первостепенную; но указать на нее пора.

Эта причина — разветвление потока русской литературы на мелкие рукава, все растущая специализация, в част-

ности — разлучение поэзии и прозы; оно уже предчувствовалось в сороковых годах прошлого столетия, но особенно ясно сказалось в некоторых литературных явлениях сегодняшнего дня. Как бы ни относились друг к другу поэзия и проза, можно с уверенностью сказать одно: мы часто видим, что прозаик, свысока относящийся к поэзии, мало в ней смыслящий и считающий ее «игрушкой» и «роскошью» (шестидесятническая закваска), мог бы владеть прозой лучше, чем он владеет, и обратно: поэт, относящийся свысока к «презренной прозе», как-то теряет под собой почву, мертвеет и говорит не полным голосом, даже обладая талантом. Наши прозаики — Толстой, Достоевский — не относились свысока к поэзии; наши поэты — Тютчев, Фет — не относились свысока к прозе. Нечего говорить, разумеется, о Пушкине и о Лермонтове.

Поэзия и проза, как в древней России, так и в новой, образовали единый поток, который нес на своих волнах, очень беспокойных, но очень мощных, драгоценную ношу *русской культуры*. В новейшее время этот поток обнаруживает склонность разбиваться на отдельные ручейки. Явление грозное, но, конечно, временное, как карточная система продовольствия. Поток, разбиваясь на ручейки, может потерять силу и не донести драгоценной ноши, бросив ее на разграбление хищникам, которых у нас всегда было и есть довольно.

Россия — молодая страна, и культура ее — синтетическая культура. Русскому художнику нельзя и не надо быть «специалистом». Писатель должен помнить о живописце, архитекторе, музыканте; тем более — прозаик о поэте и поэт о прозаике. Бесчисленные примеры благодетельного для культуры общения (вовсе не непременно личного) у нас налицо; самые известные — Пушкин и Глинка, Пушкин и Чайковский, Лермонтов и Рубинштейн, Гоголь и Иванов, Толстой и Фет.

Так же, как неразлучимы в России живопись, музыка, проза, поэзия, неотлучимы от них и друг от друга — философия, религия, общественность, даже — политика. Вместе они образуют единый мощный поток, который несёт на себе драгоценную ношу национальной культуры. Слово и

идея становятся краской и зданием; церковный обряд находит отголосок в музыке; Глинка и Чайковский выносят на поверхность «Руслана» и «Пиковую даму», Гоголь и Достоевский — русских старцев и К. Леонтьева, Рерих и Ремизов — родную старину. Это — признаки силы и юности; обратное — признаки усталости и одряхления. Когда начинают говорить об «искусстве для искусства», а потом скоро — о литературных родах и видах, о «чисто литературных» задачах, об особенном месте, которое занимает поэзия и т. д., и т. д., — это, может быть, иногда любопытно, но уже не питательно и не жизненно. Мы привыкли к крошечке, ботвинье и блинам, и французская травка с уксусом в виде отдельного блюда может понравиться лишь гурманам. Так и «чистая поэзия» лишь на минуту возбуждает интерес и споры среди «специалистов»; споры эти потухают так же быстро, как вспыхнули, и после них остается одна оскомина; а «большая публика», никакого участия в этом не принимающая и не обязанная принимать, а требующая только настоящих, живых художественных произведений, верхним чутьем догадывается, что в литературе не совсем благополучно; и начинает относиться к литературе новейшей совсем иначе, чем к литературе старой.

Все большее дробление на школы и направления, все большая специализация — признаки такого неблагополучия. Об одном из таких новейших «направлений», если можно его назвать направлением, я и буду говорить.

2

В журнале «Аполлон» 1913 года появились статьи Н. Гумилева и С. Городецкого о новом течении в поэзии; в обеих статьях говорилось о том, что символизм умер и на смену ему идет новое направление, которое должно явиться достойным преемником своего достойного отца.

В статье Н. Гумилева на первой же странице указано, что «родоначальник всего символизма как школы — французский символизм» и что он «выдвинул на первый план чисто литературные задачи: свободный стих, более своеоб-

разный и зыбкий слог, метафору и теорию соответствий». По-видимому, Н. Гумилев полагал, что русские тоже «выдвинули на первый план» какие-то «чисто литературные задачи», и даже склонен был отнести к этому с некоторого рода одобрением. Вообще Н. Гумилев, как говорится, «спрыгнул с печки»; он принял Москву и Петербург за Париж, совершенно и мгновенно в этом тождестве убедился и начал громко и развязно, полусветским, полупрофессорским языком разговаривать с застенчивыми русскими литераторами о их «формальных достижениях», как принято теперь выражаться; кое за что он поощрял и похлопывал их по плечу, но больше порицал. Большинство собеседников Н. Гумилева было занято мыслями совсем другого рода: в обществе чувствовалось страшное разложение, в воздухе пахло грозой, назревали какие-то большие события; потому Н. Гумилеву как-то и не возражали энергично, тем более что он совершенно никого не слушал, будучи убежден, например, в том, что русский и французский символизм имеют между собой что-то общее. Ему в голову не приходило, что никаких чисто «литературных» школ в России никогда не было, быть не могло и долго еще, надо надеяться, не будет; что Россия — страна более молодая, чем Франция, что ее литература имеет свои традиции, что она тесно связана с общественностью, с философией, с публицистикой; короче говоря, Н. Гумилев пренебрег всем тем, что для русского дважды два — четыре. В частности, он не осведомился и о том, что литературное направление, которое по случайному совпадению носило то же греческое имя «символизм», что и французское литературное направление, было неразрывно связано с вопросами религии, философии и общественности; к тому времени оно действительно «закончило круг своего развития», но по причинам отнюдь не таким, какие рисовал себе Н. Гумилев.

Причины эти заключались в том, что писатели, соединившиеся под знаком «символизма», в то время разошлись между собою во взглядах и мирозерцаниях; они были окружены толпой эпигонов, пытавшихся спустить на рынке драгоценную утварь и разменять ее на мелкую монету; с одной стороны, виднейшие деятели символизма, как В. Брю-

сов и его соратники, пытались вдвинуть философское и религиозное течение в какие-то школьные рамки (это-то и было доступно пониманию г. Гумилева); с другой — все назойливее врывается улица; словом, шел обычный русский «спор славян между собою» — «вопрос неразрешимый» для Гумилева; спор, по существу, был уже закончен, храм «символизма» опустел, сокровища его (отнюдь не «чисто литературные») бережно унесли с собой немногие; они и разошлись молчаливо и печально по своим одиноким путям.

Тут-то и появились Гумилев и Городецкий, которые «на смену» (?!) символизму принесли с собой новое направление: «акмеизм» («от слова «акме» — высшая степень чего-либо, цвет, цветущая пора») или «адамизм» («мужественно-твердый и ясный взгляд на жизнь»). Почему такой взгляд называется «адамизмом», я не совсем понимаю, но, во всяком случае, его можно приветствовать; только, к сожалению, эта единственная, по-моему, дельная мысль в статье Гумилева была заимствована им у меня; более чем за два года до статей Гумилева и Городецкого мы с Вяч. Ивановым гадали о ближайшем будущем нашей литературы на страницах того же «Аполлона»; тогда я эту мысль и высказал).

«Новое» направление Н. Гумилев характеризовал тем, что «акмеисты стремятся разбивать оковы метра пропуском слогов» (что, впрочем, в России поэты делали уже столет), «более чем когда-либо вольно переставляют ударения» (?), привыкли «к смелым поворотам мысли» (!), ищут в живой народной речи новых слов (!), обладают «светлой иронией, не подрывающей корней веры» (вот это благоразумно!), и не соглашаются «приносить в жертву символу всех прочих способов поэтического воздействия» (кому, кроме Н. Гумилева, приходило в голову видеть в символе «способ поэтического воздействия»? И как это символ — например, крест — «воздействует поэтически»? — этого объяснять я не берусь).

Что ни слово, то перл. Далее, в краткой, но достаточно сухой и скучной статье Гумилева среди каких-то сентенций и парадоксов вовсе не русского типа («Мы не решились бы

заставить атом поклониться Богу, если бы это не было в его природе», «смерть — занавес, отделяющий нас, актеров, от зрителей»; или любезное предупреждение: «Разумеется, Прекрасная Дама Теология остается на своем престоле» и т. п.) можно найти заявления вроде следующих: «Как адамисты, мы немного лесные звери» (как свежо это «немного!»); или «Непознаваемое по самому смыслу этого слова нельзя познать» («Нельзя объять необъятного», — сказал еще К. Прутков), и «Все попытки в этом направлении — целомудренны» (sic!¹).

С. Городецкий, поэт гораздо менее рассудочный и более непосредственный, чем Н. Гумилев, в области рассуждений значительно ему уступил. Прославившись незадолго до своей «адамистической» вылазки мистико-анархическим аргументом, «потому что как же иначе?» — он и в статье, следующей за статьей Гумилева, наплел невообразимой, полугоржественной, полуразухабистой чепухи, с передержками, с комичнейшими пассажами и пр. Его статья, однако, выгодно отличалась от статьи Гумилева своей забавностью: он прямо и просто, как это всегда было ему свойственно, объявил, что на свете, собственно, ничего и не было, пока не пришел «новый Адам» и не «пропел жизни и миру аллилуйя».

Так родились «акмеисты»; они взяли с собой в дорогу «Шекспира, Раблэ, Виллона и Т. Гютье» и стали печатать книжки стихов в своем «Цехе поэтов» и акмеистические рецензии в журнале «Аполлон». Надо сказать, что первые статьи акмеистов были скромны: они расшаркивались перед символизмом, указывали на то, что «футуристы, эго-футуристы и проч. — гиены, следующие за львом», и пр. Скоро, однако, кто-то из акмеистов, кажется, сам Гумилев, заметил, что никто ему не ставит преград, и написал в скобках, в виде пояснения к слову «акмеизм»: «полный расцвет физических и духовных сил». Это уже решительно никого не поразило, ибо в те времена происходили события более крупные: Игорь Северянин провозгласил, что он «гений, упоенный своей победой», а футуристы раз-

1 Так! (лат.)

били несколько графинов о головы публики первого ряда, особенно желающей быть «эпатированной»; поэтому определение акмеизма даже отстало от духа нового времени, опередив лишь прежних наивных писателей, которые самоопределились по миросозерцаниям (славянофилы, западники, реалисты, символисты); никому из них в голову не приходило говорить о своей гениальности и о своих физических силах; последние считались «частным делом» каждого, а о гениальности и одухотворенности предоставлялось судить другим.

Все эти грехи простились бы акмеистам за хорошие стихи. Но беда в том, что десяток-другой маленьких сборников, выпущенных ими перед войной, в те годы, когда буквально сотни сборников стихов валялись на книжном рынке, не блещут особыми достоинствами, за малыми исключениями. Начинаящие поэты, издававшиеся у акмеистов, печатались опрятнее многих и были внутренне литературнее, воспитаннее, приличнее иных; но ведь это — еще не похвала. Настоящим исключением среди них была одна Анна Ахматова; не знаю, считала ли она сама себя «акмеисткой»; во всяком случае, «расцвета физических и духовных сил» в ее усталой, болезненной, женской и самоуглубленной манере положительно нельзя было найти. Чуковский еще недавно определял ее поэзию как аскетическую и монастырскую по существу.

На голос Ахматовой как-то откликнулись, как откликнулись когда-то на свежий голос С. Городецкого, независимо от его «мистического анархизма», как откликнулись на голос автора «Громокипящего кубка», независимо от его «эго-футуризма», и на голос автора нескольких грубых и сильных стихотворений, независимо от битья графинов о головы публики, от желтой кофты, ругани и «футуризма». В стихах самого Гумилева было что-то холодное и иностранное, что мешало его слушать; остальные, очень разноголосые, только начинали, и ничего положительного сказать о них еще было нельзя.

Тянулась война, наступила революция; первой «школой», которая пожелала воскреснуть и дала о себе знать, был футуризм. Воскресение оказалось неудачным, несмотря на то, что футуризм на время стал официозным искусством. Жизнь взяла свое, уродливые нагромождения кубов и треугольников попросили убрать; теперь они лишь изредка и стыдливо красуются на сломанных домах; «заумные» слова сохранились лишь в названиях государственных учреждений. Несколько поэтов и художников из футуристов оказались действительно поэтами и художниками, они стали писать и рисовать как следует; нелепости забылись, а когда-то, перед войной, они останавливали и раздражали на минуту внимание; ибо русский футуризм был пророком и предтечей тех страшных карикатур и нелепостей, которые явила нам эпоха войны и революции; он отразил в своем туманном зеркале своеобразный веселый ужас, который сидит в русской душе и о котором многие «прозорливые» и очень умные люди не догадывались. В этом отношении русский футуризм бесконечно значительнее, глубже, органичнее, жизненнее, чем «акмеизм»; последний ровно ничего в себе не отразил, ибо не носил в себе никаких родимых «бурь и натисков», а был привозной «заграничной штучкой». «Новый Адам» распевал свои «аллилуиа» не слишком громко, никому не мешая, не привлекая к себе внимания и оставаясь в пределах «чисто литературных».

Казалось, в 1914 году новый Адам естественно удалился туда, откуда пришел; ибо — *inter arma Musae silent*¹. Но прошло 6 лет, и Адам появился опять. Воскресший «Цех поэтов» выпустил альманах «Дракон», в котором вся изюминка заключается в цеховом «акмеизме», ибо имена Н. Гумилева и некоторых старых и новых «цеховых» поэтов явно преобладают над именами «просто поэтов»; последние, кстати, представлены случайными и нехарактерными вещами.

¹ При громе оружия музы молчат (*лат.*).

Мне не хотелось бы подробно рецензировать альманах — это неблагоприятное занятие: пламенем «Дракон» не пышет. Общее впечатление таково, что в его чреве сидят люди, ни в чем между собою не сходные; одни из них, несомненно, даровиты, что проявлялось, впрочем, более на страницах других изданий. В «Драконе» же все изо всех сил стараются походить друг на друга; это им несколько не удается, но стесняет их движения и заглушает их голоса.

Разгадку странной натянутой позы, принятой молодыми стихотворцами, следует, мне кажется, искать в статье Гумилева под названием «Анатомия стихотворения»; статья заслуживает такого же внимания, как давняя статья в «Аполлоне»; на этот раз она написана тоном повелительным, учительским и не терпящим возражений. Даже ответственность за возможную ошибку в цитате Н. Гумилев возлагает на автора цитаты — протопопа Аввакума; ибо сам ошибиться, очевидно, не может.

Н. Гумилев вешает: «Поэтом является тот, кто учтет все законы, управляющие комплексом взятых им слов. Учитывающий только часть этих законов будет художником-прозаиком, а не учитывающий ничего, кроме идейного содержания слов и их сочетаний, будет литератором, творцом деловой прозы».

Это жутко. До сих пор мы думали совершенно иначе: что в поэте непременно должно быть что-то праздничное; что для поэта потребно вдохновение; что поэт идет «дорогою свободной, куда влечет его свободный ум», и многое другое, разное, иногда прямо противоположное, но всегда — менее скучное и менее мрачное, чем приведенное определение Н. Гумилева.

Далее говорится, что каждое стихотворение следует подвергать рассмотрению с точки зрения фонетики, стилистики, композиции и «эйдолологии». Последнее слово для меня непонятно, как название четвертого кушанья для Труффальдино в комедии Гольдони «Слуга двух господ». Но и первых трех довольно, чтобы напугать. Из дальнейших слов Н. Гумилева следует, что «действительно великие про-

изведения поэзии», как «поэмы Гомера и Божественная Комедия», «уделяют равное внимание всем четырем частям»; «крупные» поэтические направления — обыкновенно только двум; меньшие — лишь одному; один «акмеизм» выставляет основным требованием «равномерное внимание ко всем четырем отделам».

Сопоставляя старые и новые суждения Гумилева о поэзии, мы можем сделать такой вывод: поэт гораздо лучше прозаика, а тем более — литератора, ибо он умеет учитывать формальные законы, а те — не умеют; лучше же всех поэтов — акмеист; ибо он, находясь в расцвете физических и духовных сил, равномерно уделяет внимание фонетике, стилистике, композиции и «эйдолологии», что в пору только Гомеру и Данте, но не по силам даже «крупным» поэтическим направлениям.

Не знаю, как смотрит на это дело читатель; может быть, ему все равно; но мне-то — не все равно. Мне хочется крикнуть, что Данте хуже газетного хроникера, не знающего законов; что поэт вообще — Богом обделенное существо, а «стихи в большом количестве вещь невыносимая», как сказал однажды один умный литератор; что лавочку эту вообще пора закрыть, сохранив разве Демьяна Бедного и Надсона, как наиболее сносные образцы стихотворцев.

Когда отбросишь все эти горькие шутки, становится грустно; ибо Н. Гумилев и некоторые другие «акмеисты», несомненно даровитые, топят самих себя в холодном болоте бездушных теорий и всяческого формализма; они спят непробудным сном без сновидений; они не имеют и не желают иметь тени представления о русской жизни и о жизни мира вообще; в своей поэзии (а следовательно, и в себе самих) они замалчивают самое главное, единственно ценное: *душу*.

Если бы они все развязали себе руки, стали хоть на минуту корявыми, неотесанными, даже уродливыми, и оттого больше похожими на свою родную, искалеченную, сожженную смутой, развороченную разрухой страну! Да нет, не захотят и не сумеют; они хотят быть знатными иност-

ранцами, цеховыми и гильдейскими; во всяком случае говорить с каждым и о каждом из них серьезно можно будет лишь тогда, когда они оставят свои «цехи», отрекутся от формализма, проклянут все «эйдолологии» и станут самими собой.

Апрель 1921